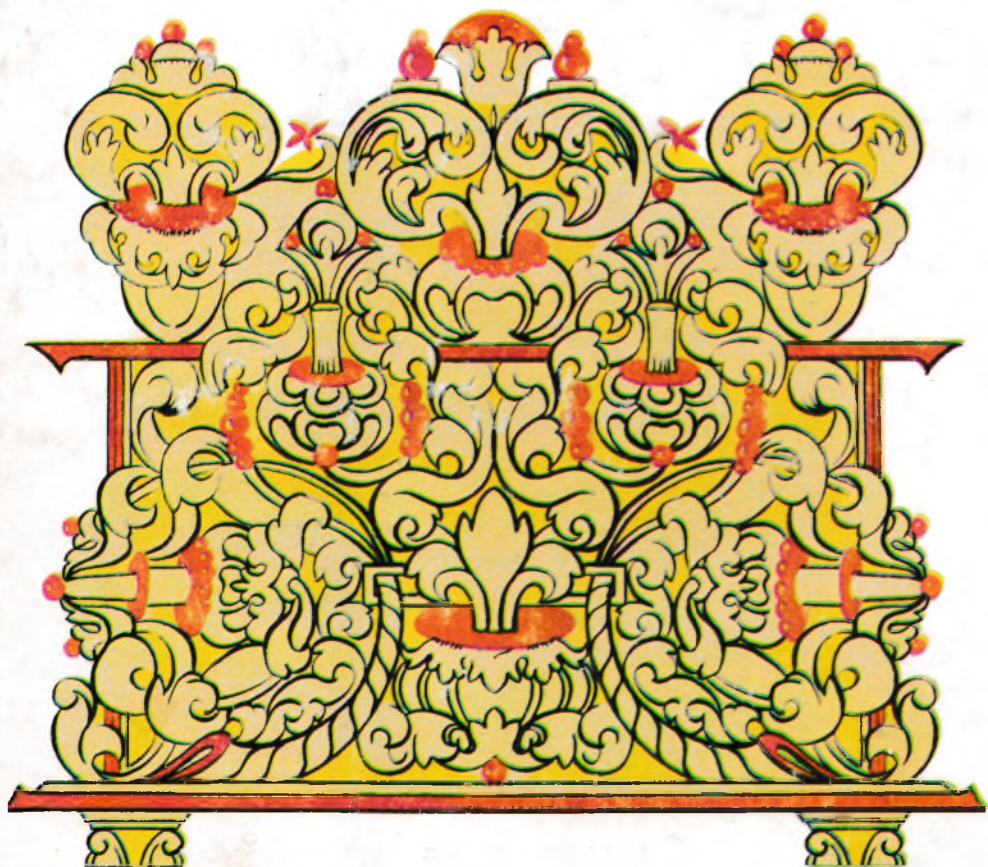

На путях из Земли Пермской в Сибирь

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Дружбы народов Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

НА ПУТЯХ ИЗ ЗЕМЛИ ПЕРМСКОЙ В СИБИРЬ

ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ
СЕВЕРНОУРАЛЬСКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА
XVII—XX вв.

Ответственный редактор:
доктор исторических наук
В. А. АЛЕКСАНДРОВ

Москва «Наука» 1989

ББК 63.5(2)
Н12

Авторы:

В. А. АЛЕКСАНДРОВ, И. В. ВЛАСОВА, И. А. КРЕМЛЕВА,
Т. А. ЛИСТОВА, Т. С. МАКАШИНА, Г. Н. ЧАГИН

Рецензенты:

кандидат исторических наук
Л. Б. ЗАСЕДАТЕЛЕВА,
кандидат исторических наук
Л. Н. ЧИЖИКОВА

И $\frac{0505000000-220}{042(02)-89}$ 265-89 доп. кат.

ISBN 5-02-009955-4

© Издательство «Наука», 1989

Введение

Настоящая книга, посвященная этнографическому описанию северно-уральского крестьянства, его формированию на протяжении XVII — начала XX вв., занятиям и хозяйственным традициям, семейному строю, семейным отношениям и некоторым важнейшим сторонам семейной обрядности (свадебной и похоронной), а также таким существенным элементам материально-хозяйственного быта, как комплекс жилых и хозяйственных построек и комплекс одежды, имеет не только узорегиональную значимость. Книга органично связана с проблемой распространения и утверждения русской народной культуры (в широком понимании этого понятия) на огромных пространствах нашей страны.

Большое и все усиливающееся с 1950-х годов внимание к русской народной культуре, проблемно особенно проявившееся с конца 1960-х годов, к настоящему времени воплотилось во множестве исследований этнографов, историков, отчасти искусствоведов. Это внимание тем более становилось необходимым в 1970-х годах в связи с поставленной задачей создания обобщающих работ по истории крестьянства народов СССР. Уже сейчас можно говорить о достигнутом успехе в исследовании народной культуры русского населения Севера и Сибири и его значимости в создании истории крестьянства. На основе обобщающего издания «Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в.» (М., 1981) была подробно охарактеризована народная материальная культура в издании «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» (Новосибирск, 1982); на основе же историко-этнографических исследований народная культура была подробно представлена и в других обобщающих изданиях — «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» (Новосибирск, 1983) и «История северного крестьянства» (Архангельск, 1984. Т. 1).

Исследователи, обращаясь к проблеме распространения и утверждения русской народной культуры в общей динамике исторического процесса, определили совокупность входящих в нее вопросов. В 1970-х годах представлялось первостепенным обратить внимание на три основных вопроса: на общность русской народной культуры на всей территории, заселенной русским народом, на его этнокультурные связи и духовный облик с учетом миграционных движений как постоянного явления в истории народов России и русского народа — прежде всего. Вопрос об общности народной культуры, разумеется, стоит в органической связи с историей этнической консолидации народа, и без познания основных элементов культуры нельзя судить о степени этой консолидации. При

этом указывалось, что у каждого, особенно крупного народа, населявшего и заселявшего обширные территории, под влиянием целого ряда обстоятельств социально-экономического, хозяйственного, демографического, этнического, экономического характера, в рамках единой национальной культуры существовали и существуют локальные областные особенности, которые в свою очередь могли находиться во взаимодействии особенно тогда, когда на осваиваемой территории переплетались традиции, приносимые переселенцами из разных областей и даже регионов. Далее, когда исследователи обращались к значению этнокультурных связей, перед ними возникал вопрос о практической обусловленности повседневного хозяйственного общения разных народов между собой; причем речь шла не только о результатах двустороннего этнокультурного процесса во всем его многообразии, но и о динамике восприятия русскими переселенцами элементов культуры своих соседей, условиях, определивших это восприятие, и степени усвоения и усовершенствования ранее чуждых, но становившихся необходимыми элементов.

В целом же так или иначе вопрос сводился к судьбам культурно-хозяйственных традиций в разных условиях производственной деятельности русского народа в процессе освоения им новых территорий и степени их адаптации в новых условиях. Само собой разумеется, что судить о судьбах народных традиций возможно, имея четкое представление о процессе заселения новой территории, его интенсивности, хозяйственных занятиях новопоселенцев и, пожалуй, самое главное, об их происхождении. Именно поэтому приобретает особое значение теоретический подход к проблеме миграционных передвижений, ранее явно недооценивавшийся. В результате исследований последних десятилетий, в современном сибиреведении установилось твердое убеждение, что основной поток русских переселенцев через Урал в Сибирь с XVII в. шел из севернорусских областей (Поморья), а позднее ее русское старожильческое население пополнялось потомками переселенцев из Поволжья, центральных, среднерусских и даже южных губерний Европейской части страны.

Проблема миграций нашла отражение и в деятельности Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. В 1984 г. в программе очередной, XX сессии симпозиума народные миграции рассматривались как постоянно действующий фактор, определявший аграрное развитие страны. В докладах, представленных на сессию, широко рассматривались миграционные движения в эпоху феодализма и капитализма на Дальнем Востоке и в Сибири, на Северном Кавказе, в Приазовьи и на Украине, в Поволжье и Башкирии. Учитывая социально-демографическую ситуацию в тех или иных регионах, исследователи дифференцированно подходили к направленности народных передвижений, выделяя этапы заселения определенной территории, передвижения внутри ее, выселения в соседние области. Тем самым конкретно определялся волнообразный характер миграций, при котором создание постоянного этнического компонента на той или иной территории и ее последующее хозяйственное освоение происходили постепенно, по мере своеобразного перелива переселенцев с территорий, на которых они задерживались иногда даже на длительный срок, но отнюдь не путем безостановочного движения с места выселения до места окончательного поселения. Имен-

но в результате подобного миграционного процесса заселялись и осваивались сибирские земли, куда переселенцы приносили не только свои традиционные культурные навыки и представления, но и опыт, приобретенный, так сказать, на промежуточных этапах переселенческого движения. При этом же в общественном сознании российского крестьянства прослеживалась общая черта, порожденная миграциями. С распространением крепостничества побеги и более массовые явления — миграции были одной из распространенных форм массового антифеодального протеста, в которой воплощалась и утопическая легенда о «вольной земле». «Пространственный аспект» крестьянских утопических представлений, воплощавшийся во вполне реальных массовых миграциях, содействовал стиранию региональных различий в общественном сознании крестьянства, формированию его общенациональных духовных представлений и чаяний¹, отражающих вполне определенные черты духовной культуры.

Этапность миграционных движений предопределяет одну из основных задач в изучении проблемы распространения и утверждения этнической культуры. Речь должна идти не только о региональных особенностях этой единой в своей сущности культуры, но и о культурных межрегиональных взаимосвязях и взаимодействиях, отражавших как различия, так и общности в ее отдельных компонентах.

Вопрос об областных взаимовлияниях массовых форм народной культуры в рамках единой этнической общности и развитии этих форм в новых специфических условиях, в которых оно происходит, имеет особое теоретическое значение, тем более учитывая уже имеющийся опыт изучения культуры русского населения Сибири. В настоящее время недостаточно ограничиваться выяснением традиций, принесенных поселенцами с места своего выхода. На их основе в результате приспособления к местным условиям складывался и функционировал устойчивый комплекс традиционных культурных элементов, отвечавший хозяйственным, экономическим, бытовым и эстетическим потребностям населения. Эта задача разрешалась в ряде сибиреведческих работ и, в частности, в монографии М. М. Громыко «Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.)» (Новосибирск, 1975 г.). Поэтому, характеризуя те или иные стороны культуры у народа, осваивавшего новые территории, важно выявить не только ее исходные формы и влияния, определившиеся на местах нового поселения, но и инновации, приобретенные на промежуточных этапах переселения.

Культурная традиция никогда не существует в застывшем виде, она вариативна и в материальной и духовной сфере приспособляется к существующей действительности хозяйственно-культурных типов. Эта приспособляемость связана с другим, не менее существенным вопросом об утверждении приносимых на новые земли культурных традиций, иначе говоря, о «механике» переноса и утверждения элементов культуры во всем их многообразии. Далеко не всегда элементы культуры, так сказать, в чистом виде укоренялись у новопоселенцев. Прекрасным примером тому может служить система земледелия, получившая широкое распространение у сибирского крестьянства. Поморским переселенцам к XVII в. было известно трехполье, но в Сибири уже первые поколения поселенцев убедились в трудности его внедрения; ввиду естественного

плодородия сибирская пашня первоначально не требовала немедленного удобрения, а при обилии в Сибири сорняков удобнее всего было бороться с ними, применяя залежную систему. Поэтому сибирский земледелец воспользовался огромными земельными запасами и повсеместно обратился к исторически более ранним экстенсивным системам земледелия (залежь и перелог), что тем не менее не повлияло на распространение и развитие местного земледелия, ставшего основой всей хозяйственной жизни Сибири. Поэтому в «механике» переноса и утверждения культурных традиций важно заметить прежде всего их целесообразность и стойкость бытования, а во-вторых, появление новшеств, которые в скором же времени сами могли стать традиционными; причем они могли отражать уже имеющийся опыт, полученный переселенцами на промежуточных этапах переселения, внедряя или видоизменяя уже имеющиеся элементы культуры и в целом содействуя развитию традиционной старожильческой культуры не только «в себе». Поэтому, исследуя взаимосвязь культуры этноса в районах его исконного обитания и осваиваемых земель, нельзя не заметить, что элементы культуры не всегда совпадали в местах выхода переселенцев и местах их нового поселения.

Наконец, говоря о вариативности культурных традиций, ни в коем случае нельзя упускать из вида этнокультурные контакты русского населения с иноязычным населением, с которым оно жило веками в повседневном общении. С расширением многонационального состава населения России в XVI—XVII вв. и поселением русских в иноэтнической среде эти контакты тем более усиливались.

На протяжении всего средневековья на Европейском Севере в результате длительного процесса этнической интеграции и консолидации сложились три крупные историко-этнографические области: севернорусского населения, с присущими ему областными особенностями, карельской и коми народностей. Эти области при всей ярко выраженной этнической специфике принадлежали к одному хозяйственно-культурному типу, основой которого было пашенное земледелие. Принадлежность к единому хозяйственно-культурному типу тем более облегчала культурное взаимодействие русских, карел и коми, что, естественно, вовсе не исключало в этом процессе особенностей культурного облика, в своей совокупности обуславливавших наличие внутри этнически единого населения этнографических групп, выделявшихся местным диалектом и особенностями духовной и материальной культуры². Такие особенности прослеживались и в районах Крайнего Севера, в прибрежной полосе арктических морей, где русские соседствовали с ненцами и саамами. Следует при этом учитывать, что степень взаимодействия севернорусского населения со своими этнически различными соседями зависела не только от необходимости хозяйственно-производственных контактов, но и от характера населения (дисперсного, территориально замкнутого или чересполосного), и от длительности соседских связей.

Приуралье, начиная с XVI в., стало перевалочным пунктом в русском колонизационном движении из Поморья в Сибирь. Уральский регион явился естественным продолжением поморских территорий и связующим звеном между севером России и Сибирью. Его социально-экономическое развитие шло в едином русле с основными территориями Поморья и

способствовало непрерывности в развитии во вновь осваиваемых сибирских пространствах. Таким образом, Приуралье понимается как часть общего северноевропейского региона, а его место в системе всего Европейского Севера определяется как район связи Севера с Сибирью³. Восточные районы Поморья — Соликамский, Чердынский, Кайгородский уезды (бывшие Пермская, часть Вятской земли) в конце XVI—XVII в. составили Приуральские уезды. В XVIII — первой половине XIX в. Приуралье выделилось в составе Пермской губ. Вятская и Пермская губернии еще более позднего времени (второй половины XIX — начала XX в.) были отнесены к районам Северного Приуралья.

Переселявшееся в Северное Приуралье с запада поморское крестьянство с XVI в. составило там основной контингент местного русского населения, культура которого приобретала специфические особенности. Затем это население, частично переходя за Урал в Сибирь, несло туда свой опыт хозяйствования и традиции культуры.

*

Этнографическое изучение Приуралья началось в XIX в. В 1804 г. вышло историко-этнографическое исследование Н. С. Попова⁴, члена Вольного Экономического общества, содержащее материалы о культуре и быте пермского населения. Уже в этой работе была рассмотрена проблема связи приуральских территорий со всем Поморьем и показано влияние культуры населения Северодвинского бассейна на культуру прикамского населения.

История Приуралья, его давние связи с северноевропейскими и сибирскими территориями привлекали внимание многих исследователей-краеведов. В течение XIX — начале XX в. вышли этнографические работы по описанию прикамских и припечорских территорий. Среди них можно отметить исследования Н. Карнаухова, В. Н. Латкина, И. Слоцова, П. Н. Крылова, В. Н. Трапезникова⁵. Заметный след в местном краеведении оставили труды служащих вотчинского управления Строгановых: управляющего их имениями Ф. А. Волегова, лесоправляющих Теплоуховых, публиковавших свои работы в пермских губернских изданиях (губернских ведомостях, сборниках Пермского земства, в известиях Статистического комитета и др.).

Политические ссыльные в Пермском крае также занимались изучением его истории и этнографии. Среди них выделяется А. Чесноков⁶, в работах которого поднимались вопросы традиционных черт в культуре местного населения.

Некоторые ученые (часть их была членами Императорского Русского Географического общества) оставили обширные исследования по исторической этнографии пермских уездов: Н. Е. Ончуков, Н. И. Белдыцкий, И. Я. Кривошеков, М. М. Чашницкий, Н. К. Чупин, И. Широкий и др.⁷ Особо следует отметить труды местного историка А. А. Дмитриева. Он разработал историю приуральских уездов XVI—XVIII вв. В его восьмитомном труде (Пермская старина. Пермь, 1889—1900. Вып. 1—8.) обобщены материалы по общей и аграрной истории края, а его наблюдения историко-географического характера сохраняют значение и до сих пор.

С конца XIX в. работали местные научные общества по изучению истории и этнографии Северного Урала: Пермская ученая архивная комиссия, Уральское общество любителей естествознания, Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края, Научно-промышленный музей в Перми, Общеобразовательный музей в Чердыни. Выходили из печати сборники Пермского земства, труды Ученой архивной комиссии, губернского Статистического комитета, Пермские губернские ведомства и другие издания. Фундаментальный труд по Пермской губернии представляет собой изданный Генеральным штабом том³, в котором даны история, география, экономика и этнография населения пермских уездов. Несмотря на многочисленные исследования, дореволюционная историография не оставила полного этнографического описания Приуралья.

Активное изучение этнографии русского населения Приуралья началось лишь с 1950-х годов. С этого времени проводились экспедиционные обследования ряда районов Прикамья, появились обобщающие этнографические труды по русской этнографии, в том числе этнографии Европейского Севера, содержащие фактический материал, важные наблюдения и выводы и по этнографии Приуралья⁹. Непосредственно этнографическому изучению Прикамья была посвящена обстоятельная работа Г. С. Масловой и Т. В. Станюкович¹⁰, в которой показано формирование материальной культуры населения пермских районов (жилища, поселений, одежды) в связи с историей их заселения и проанализированы связи с культурой населения соседних территорий. Материальная культура населения Приуралья (поселения, архитектура народного жилища) были исследованы И. В. Маковецким¹¹.

Этническая история Приуралья, его заселение, хозяйственное освоение и духовная культура населения в последнее время нашли освещение в работах историков: Н. В. Устюгова, А. А. Преображенского, П. А. Колесникова, В. А. Оборина, И. В. Поздеевой и др.¹² Изучение истории, археологии и этнографии Пермской области проводилось местными исследователями Пермского университета, педагогического института, областного краеведческого музея, публиковавших свои материалы в ряде научных изданий¹³.

В 1978—1984 гг. Институт этнографии АН СССР предпринял экспедиционные работы в Пермской области. Полевой материал, собранный в экспедициях этих лет, лег в основу настоящей монографии. Обследованием было охвачено несколько районов Пермской области, составивших «зону» самого старого русского заселения на Урале. В XV в. этот край вошел в состав Русского государства и был его форпостом на востоке. В XVI—XVIII вв. здесь формировалось русское старожильческое население, а сам край стал перевалочным пунктом в миграционном движении с Европейского Севера за Урал. Североуральское население, вбирая культурные традиции севернорусского населения, несло их при своем продвижении в сибирские территории.

Экспедиционные работы Института этнографии проводились в следующих районах Пермской области и Коми АССР, где формировалось русское старожильческое население на Северном Урале: Чердынском (сельсоветы Пянтежский, Усть-Урольский, Тулпанский, Черепановский),

Соликамском (Половодовский сельсовет), Чусовском (Копалинский сельсовет), Лысьвенском (Липовский сельсовет), Ильинском (Посадский сельсовет), Юрлинском р-не Коми-Пермяцкого автономного округа (сельсоветы Юрлинский, Юмский), Троицко-Печорском р-не Коми АССР (сельсовет Курьинский). По административному делению XIX в. это были части уездов Пермской губернии: Чердынского, Соликамского, Пермского, охватившие северное и среднее Прикамье и верхнюю Печору¹⁴. Заселение и хозяйственное освоение этих мест русскими происходило не одновременно и имело различный характер в тот или иной период. Весь хозяйственный уклад и быт населения районов приобрели не только общие севернорусские черты, но и некоторые локальные различия.

Изучение населения Прикамья и Припечорья путем полевого исследования дало материал о разных сторонах жизни крестьянства бывших пермских уездов. В основном этот материал освещает вопросы: заселение Пермского края и формирование сельского расселения, хозяйственные традиции и крестьянское землепользование Приуралья, историю крестьянской семьи, развитие крестьянского жилища и одежды, семейные обряды населения, фольклор русского крестьянства в районах Прикамья и Припечорья. Этот материал позволяет рассмотреть культуру населения изучаемых районов, выявить этноконтакты с соседним коми населением, пронаблюдать преемственность традиций и практики севернорусского населения, осваивавшего Прикамье, а затем перенесшего свою культуру за Урал, в Сибирь, где в XVII—XVIII вв. шло интенсивное освоение ее территорий преимущественно севернорусским земледельческим населением.

Характер полевых материалов, иногда фрагментарно освещающих ту или иную проблему, недостаточность материалов по отдельным периодам и районам привели к необходимости обращения к архивным источникам, восполнившим эти пробелы полевых данных.

Архивный материал, использованный в монографии,— это документы фондов центральных и местных архивов. В ЦГИА использовались фонды: ф. 1350 (Генеральное межевание), оп. 312, д. 120 (Экономические примечания) и д. 213 (Историко-географическое описание Пермской губ.); ф. 1290 (Центральный Статистический комитет), оп. 4, д. 323—325 (дела со статистическими сведениями о народонаселении Пермской губ., 1884 г.); ф. 381, оп. 46 (Департамент общих дел Министерства госимуществ) и оп. 47 (Канцелярия министра земледелия), содержащие дела об отводах земель крестьянам, описания деревенских земельных угодий; ф. 91 (Вольное Экономическое общество), оп. 2 (Ответы на программу общества со сведениями о поземельной крестьянской общине 1870-х годов); ф. 391 (Переселенческое управление), оп. 1, 2, 10 (дела о переселении крестьян на Урал и в Сибирь); ф. 880 (Абамелек-Лазаревы), оп. 1 (Ревизские сказки 80-х годов XVIII в. по именным пермских вотчинников Лазаревых, дела о поземельном устройстве заводских крестьян и уставные грамоты 1860-х годов); ф. 796 (Синод), оп. 32 (Канцелярия Синода), включающая дела о старообрядцах в Пермской губ.

В ЦГАДА использовался материал фондов: ф. 214 (Сибирский приказ), ф. 1350 (Ландратские книги и ревизские сказки), ф. 1209 (По-

местный приказ), содержащие писцовые и переписные книги XVII в., ревизские сказки XVIII в. и многочисленные крестьянские акты, из которых получены данные о населении Прикамья и Припечорья, его занятиях и народном жилище.

Аналогичный этому материал содержится в фондах рукописных отделов Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, библиотеки АН СССР в Ленинграде и Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: РО, ГБЛ, ф. 256, д. 308 (писцовые книги 1579 и 1623 гг.); РО, БАН, № 26 (Историко-географическое описание Пермской губ. 1781—1804 гг. из Строгановского собрания; писцовые книги XVII в.); РО, ГПБ, ф. 324, (1000, F—IV 620 (статистические материалы о земельном устройстве крестьян 1870—1905 гг.).

Обширный актовый материал был использован из рукописных отделов ЛОИИ (коп. 2 — актовые книги Археографической комиссии, ф. 122 — Соликамская приказная изба), Пермской областной библиотеки (материалы о быте населения), коллекций и рукописных отделов музеев: Пермского обл. краеведческого музея, Гос. Музея Этнографии, Гос. Исторического музея, районных музеев Пермской области — Чердынского, Соликамского, Березниковского, Усольского, Кунгурского (вещевой материал коллекций, рукописный материал, особенно акты, этнографические описания селений, церковные сведения (метрические книги), коллекции планов, чертежей и др.).

Большой материал с этнографическими описаниями находится в Архиве Географического общества: р. 29, оп. 1; р. 61, оп. 1; р. 7, оп. 1 с ответами на анкету РГО по различным уездам Пермской губ. (среди корреспондентов РГО — и ученые-краеведы (И. Я. Кривошеков, И. Широкий), и управляющие строгановскими имениями (Ф. А. Волегов), и местные священники, и др.).

В государственном архиве Пермской обл. использовались материалы губернских и уездных учреждений, личные фонды, фонды научных обществ. Из фондов учреждений наиболее богатые данные о населении пермских уездов, его занятиях и быте содержатся в ф. 279 (Межевая комиссия), ф. 111 (Пермская казенная палата), оп. 1, 3 (Ревизские материалы XIX в.), то же самое содержится в ф. 13 (Соликамский уездный суд), в ф. 12 (Пермский уездный суд), в ф. 6 (Верхотурский уездный суд) и др. В ф. 99 (Соликамское духовное правление), ф. 98 (Чердынское духовное правление), ф. 37 (Пермская духовная консистория) имеются данные церковного учета населения, метрические книги с записями браков, рождений, смерти. Из личных фондов ГАПО использованы: ф. 597 (А. А. Дмитриев), содержащий работы историка, различные материалы, заметки; ф. 613 (Теплоуховы) с описаниями хозяйств в имениях Строгановых, материалами по археологии и этнографии, данными о старообрядцах; ф. 672 (Волегов), откуда брались данные о земледелии, расколе, семье у владельческих крестьян; ф. 598 (П. Н. Серебренников) — материалы о браке и семье крестьян, о быте коми. В ф. 680 (Научно-Промышленный пермский музей) — данные по этнографическому описанию селений. В ф. 297 (Пермская губернская ученая архивная комиссия) — материалы Генерального межевания, статистические данные о браках.

Основной задачей монографии являлось описание традиционной культуры русского населения Северного Урала и выявление ее исторических корней, поэтому многие главы содержат материал начиная с XVI—XVII вв., когда шло интенсивное освоение североуральских территорий русским населением. Это вызвало необходимость описания заселения и этапов хозяйственного освоения районов Прикамья и Припечорья. Приведенный материал источников позволяет увидеть связи в культуре североуральского региона с народной культурой соседних регионов, взаимовлияние культур местного населения и других народов Урала, Европейского Севера и Поволжья. Кроме того, удается проследить преемственность культурных традиций, перенесенных переселенцами из Европейского Севера и Приуралья в Сибирь.

Многими стойкими этническими чертами обладает материальная и духовная культура населения. Ее своеобразие формировалось на протяжении длительного времени, под влиянием различных факторов. Этническую специфику североуральского крестьянского населения дают возможность раскрыть материалы по традиционному жилищу и одежде, специфическим видам хозяйственных занятий и многим бытовым (обрядовым) сторонам его жизни.

Основной материал глав, содержащий описание материальной и духовной культуры североуральского крестьянства, приходится на вторую половину XIX — начало XX в., хотя показывается и состояние форм народной культуры на разных этапах развития региона. Некоторые разделы монографии содержат сведения о культуре местного населения в настоящее время (особенно семья и семейные отношения, семейные обряды).

Монография написана коллективом авторов сектора этнографии русского народа Института этнографии АН СССР под руководством В. А. Александрова. Введение написано В. А. Александровым и И. В. Власовой (при участии Г. Н. Чагина); разделы «Заселение Северного Приуралья и формирование русского сельского населения», «Занятия населения и хозяйственные традиции» — И. В. Власовой; «Жилые и хозяйственные постройки» и «Одежда» — Г. Н. Чагиным; «Семья и семейные отношения» — И. В. Власовой; «Семейные обряды» — Т. С. Макашиной, И. А. Кремлевой, Т. А. Листой. Иллюстративный материал выполнен С. Н. Ивановым, С. Р. Ковалевым, В. И. Плющевым, С. А. Тартаковским, Г. Н. Чагиным, И. А. Череповым, Г. В. Шолоховой.

Заселение Северного Приуралья и формирование русского сельского населения

Освоение территории

и состав населения в XVII—XVIII вв.

Первое проникновение славян в Северное Приуралье относится к XI в. Уже в те времена, судя по летописным и археологическим данным, начались контакты пришельцев из Новгородской земли с обитавшими здесь племенами — пермью и югрой¹. В XII в. в Прикамье проникли ростово-суздальцы. Обширный край от верховьев Камы на западе до Урала на востоке, от Чусовского озера на севере до реки Чусовой на юге — летописная Пермь Великая с известным с 1451 г. центром — Чердынью² был, как и весь Европейский Север до XV в., местом соперничества новгородцев и ростово-суздальцев. В конце XV в. Пермь Великая вошла в состав Московского великого княжества. С этого времени особенноросло значение Чердыни как опорного пункта в освоении земель в Приуралье и за Уралом. Путь от Чердыни в Сибирь («Московская», «Государева» дорога) пролег с Камы на Вишеру, Ивдель, Лозьву, Тавду, Тобол, Иртыш, Обь. Особенно долго сохраняла значение дорога из чердынских мест в Верхотурье и к Пелыму, пока в 1597 г. не была открыта дорога из Соликамска на Туру («Бабиновская», или «Новая сибирская верхотурская дорога»). Вообще до XVI в. в пределах будущих Чердынского и Соликамского уездов было мало русских селений (Искор, Чердынь, Покча).

Сведения о заселении края в период утверждения власти Московского великого князя в основном письменного происхождения. Это и основание Анфаловского Городка³ московским ставленником Анфалом Никитиным (1398—1409 гг.), и заведение солеварен по реке Боровой и Усолке (начало Соликамска) посадскими людьми из Вологды Калининскими (XV в.), и поселение в Чердыни и Соликамске сосланных московскими князьями новгородцев (XV—XVI вв.), и, наконец, появление в Прикамье Строгановых (1558 г.), которые на пожалованных землях по Каме и Чусовой строили оборонительные опорные пункты, основывали городки и слободы, начали заводить солеварни, искать руду, заниматься земледелием, используя труд крестьян. В некоторых деревнях края и в настоящее время сохраняются известия о летописной чуди — древнем населении Чусовского Городка (с. Копально Чусовского района), о дорусском населении на Обве, «жившем в землянках, окруженных

валами» (д. Жердовка Ильинского р-на) и столкновении с ними новгородцев (д. Темная Чусовского района) ⁴.

Местные жители говорят о заселении края, правда, зачастую смещая временные рамки, сообщают также сведения об основании селений, помнят о приходе первопоселенцев. Пояснения о происхождении местных жителей и названий основанных ими первых поселений даются, как правило, с точки зрения ложной народной этимологии ⁵. Так, в д. Кукольное Юрлинского р-на рассказывают о поселении в 1563 г. сосланных людей и спасавшихся от голода «казанских цыган». Это были, по словам информаторов, русские люди, прозванные цыганами из-за своих перемещений. Название с. Копально объясняют тем, что первопоселенцы, меняя русло протоки Чусовой, перекопали его и основали селение на месте древнего городища с таким названием ⁶. Расположением деревни в стороне, в захолустье объясняют название д. Темной Чусовского р-на. О присланных с Вятки из Зюзида крестьянах, проигранных в карты помещиками, помнят в д. Зюзино Юрлинского р-на. Беглое население заселило Ильинский р-н, причем беглецы, по воспоминаниям старожилов, попадали сюда в разное время: при татарском нашествии или Иване Грозном. Переселенные Строгановыми в места соляных работ крестьяне будущего Пермского уезда основали, как рассказывают жители Юрлинского р-на, д. Усть-Бадья и др. Возраст селений на территории современного Половодовского сельсовета Соликамского р-на насчитывает 350 лет. По сообщениям информаторов, население здесь складывалось из беглых крестьян и рекрутов (с. Половодово, д. Рогали, д. Осокино). О приселении людей из-за Камы помнят в д. Захарово Лысьвенского р-на: некий крестьянин Захар с семьей дал название деревне — Захаровичи (Захарово). О свезенных Строгановыми крестьянах как о первых поселенцах говорят в д. Темная Чусовского р-на.

Древними, не менее 400 лет, «одного возраста с Чердынью», считаются старожилами селения в землях бывшей Перми Великой: с. Пянтег, Бондюг, д. Долды, Амбор и др. ⁷ Здесь сохранились предания о святых местах древних обитателей Пермского края ⁸. Сюда же пришли беглые и ссыльные, давшие начало русским селениям. Среди них были некие Двинаыновы (вероятно, выходцы с Двины). В с. Пянтег рассказывают известия и о нашествии татар («татарском иге»), совмещаая их с походами Ермака в Сибирь через Орел-Городок и Усолье и его борьбой с тобольскими татарами; вспоминают об оборонительных сооружениях «против племен и татар» (в д. Кондратьева Слобода и с. Пянтег) ⁹. Название же последнего ошибочно объясняют от слова «пеньки» — «деревня на пнях, д. Пеньки на вновь расчищенном месте» ¹⁰. Многие деревни в Чердынском крае получили названия от имен первых насельников ¹¹, как, например, д. Дий в Черепановском сельсовете — от имени некоего Дия, первого поселенца в этом месте ¹².

Такими же древними считаются селения и в современном Усть-Урольском сельсовете Чердынского р-на, входившем раньше в Пянтежскую волость. С XVI в. туда приходили переселенцы из-за Камы ¹³. Они заселили Камское правобережье, довольно глухое и малопроходимое, облюбованное также старообрядцами (кержаками) при их продвижении с Волги на север в XVIII в. Первые старообрядцы появились там в

XVII в., но интенсивное их расселение относится к более поздним временам¹⁴. По данным экспедиционного обследования, бывшие Юмская и Дубровская волости в Юринском р-не были населены кержаками. С XVIII в. значительный куст староверческого расселения появился в нынешнем Ильинском р-не¹⁵ во владениях Строгановых, в Камском левобережье — по Пильве (деревни Ивановская, Кубари, Ксенофонтово, Ужгинская, Лекмортовская); на Каме — в Больших и Малых Долдах, Усть-Уролке, Керчеве, несколько менее — в Пянтеге и Амборе; в Тулпанском и Черепановском сельсоветах Чердынского р-на — по Колве; в Красновишерском р-не — по Язьве и Пудьве; на Верхней Печоре — в Курьинском и Усть-Уньинском сельсоветах. На территории современного Курьинского сельсовета первая старообрядческая «пустыня» возникла близ д. Пачгино у Сафронова озера в начале XIX в. Это были пришельцы с Колвы, которые позднее обжили места у д. Волосница, а в 20-х годах XIX в. — у Курьи. Первым жителем здесь, согласно преданию, построившим дом на берегу Печоры, был некий Степан, который «не знал своего происхождения» (скорее всего, из д. Дивья около Ныроба на Колве), отчего и получил прозвище «Непомнящих». Обосновавшись в Курье, он привез сюда своих братьев Прохора и Андрона, от них пошел разветвленный род Непомнящих. Их потомки до сих пор живут в Курье и других окрестных деревнях, а кроме того, — на своей прежней «родине» — на Колве у Ныроба в Пермской обл.¹⁶ Теперешние старожилы верхнепечорских деревень помнят о своем переселении с Колвы. У них распространены пермско-колвенские фамилии: Бурмантовы, Собянины, Пашины, Езевы, Паршаковы, Чагины¹⁷. О старообрядцах известно и в деревнях Соликамского района. Это деревни Рогали, Ескино, Куницино, Казаево¹⁸. Часть кержаков приселилась в с. Осокино к уже осевшим там нестароверам. Кержаки жили в Чусовских Городках и в с. Копально Чусовского района. Кержаками по происхождению считают себе жители д. Захарово Лысьвенского р-на.

В целом экспедиционные сведения о заселении края и происхождении местного населения относятся к довольно позднему времени. Легенд и рассказов о первом населении сохранилось мало. Возможно, это связано с более поздним расселением русских на этой территории Европейского Севера, так как в местах раннего славянского заселения, начинавшегося с XII в., сохранение преданий и легенд характерно до настоящего времени¹⁹. Такое явление может быть объяснимо и тем обстоятельством, что население в изучаемых местах формировалось из элементов, не всегда оседавших на постоянное жительство, а перемещавшихся в другие места. Расположение многих районов по старой дороге, связывавшей Поморье с Сибирью, оказывало влияние на все стороны жизни, на всю сложившуюся местную народную культуру.

Разноречивые сведения местных жителей об основании селений являются отголосками сложных процессов, происходивших в Пермском крае в течение всей истории его заселения. Тем не менее они помогают наметить этапы освоения отдельных районов и воссоздать процесс формирования местного русского населения с его разнообразными и разновременными контактами с населением всего Европейского Севера и с аборигенным населением края.

Первый этап проникновения русских в камские земли относится к XI—XIV вв., когда оно совершалось эпизодически и не приобрело массового характера. Новая волна заселений началась в XVI в., когда происходило приселение крестьян из Новгородской, Вологодской, Вятской, Архангельской земель и были освоены Чердынский, часть Соликамского уезда. Пути, по которым продвигалось население в пермские земли, шли из Вологды на Вятку к Кайгородку и на Каму²⁰. По переписной книге И. Яхонтова, в 1579 г. здесь насчитывалось: в Чердынском у. — 1 город, 11 погостов, 82 деревни, 32 починка, угодий (пашни, перелог, лесу пашенного, сенокоса) 9058,5 дес.; в Соликамском у. — 23 деревни, 11 починков, 162 двора, 205 чел. м. п., угодий 1178,0 дес.²¹

Некоторую роль в освоении края в это время сыграли Пыскорский и Вознесенский монастыри.

Деятельность Строгановых с середины XVI в. привела и к насильственному приселению крестьян этими вотчинниками. Сначала Строгановы освоили места у Соликамска, а с 1568 г. в левобережье Чусовой основали Чусовую слободу (волость), центром которой стал Нижне-Чусовской городок. Они поселили здесь русских крестьян из своих сольвычегодских имений и коми-пермяков из прикамских вотчин. Строгановы получили разрешение от великого князя на строительство оборонительных пунктов — будущих слобод на местах чудских городищ и славянских городков. Ими были основаны Канкор, Кайгородок, Орел-Городок, Нижне- и Верхне-Чусовские городки²². Всего у Строгановых в пермских владениях в XVI в. было 45 селений, в них 203 крестьянских двора, 3085 дес. земли²³.

В этот период в Приуралье в результате строительства слобод и прокладывания новых путей южнее прежней «Бабиновской дороги» создавались предпосылки будущего освоения Сибири. По этому пути пошел в Сибирь Ермак.

К началу XVII в. русские заселили в Прикамье часть земель по Каме, Вишере, Колве²⁴, Чусовой, Сылве; южнее и севернее этих мест жило финно-угорское население²⁵.

В XVII в. шло дальнейшее интенсивное освоение территории будущих Чердынского, Соликамского, Пермского уездов, чему способствовало развивающееся солеварение, начало горного дела и металлургии на Урале. Беглое крестьянское население, в основном из уездов Поморья, частично крепостные крестьяне из Центра, в этот период заселяло Прикамье, осваивая места для земледелия²⁶. По переписным книгам 1678 г., в соликамских деревнях обосновались пришедшие крестьяне с Пинеги, Устюга, Ваги, Вятки²⁷. Всего в это время в Соликамском у. было 5 станов-погостов (Городищенский, Половодовский, Яйвенский, Верх-Усольский, Усть-Боровский) с 74 деревнями, 29 починками, 584 дворами, 2168 крестьянами, с прочими людьми в количестве 2432 человека²⁸. Чердынский у. в 1678 г. состоял из 23 погостов²⁹, 6 сел, 181 деревни, 44 починков, 1251 крестьянского двора с 6215 человеками³⁰.

Уже в то время из этих освоенных территорий население шло в еще безлюдные пермские места³¹ и начало переправляться за Урал в Сибирь, прежде всего по Вишере на Лозьву³².

В течение XVII в. увеличилась освоенность земель и по Чусовой, принадлежавших Строгановым. К 1624 г. у них было уже 2 городка, 1 острожок, 51 деревня, 33 починка, 4 церкви; в этих же землях расположился Успенский монастырь с 2 деревнями и 1 починком. В городках было 12 варниц, 17 лавок, 4 мельницы, 14 дворов господских, 29 церковных, 409 крестьянских, 58 посадских, людей — 920 человек. Расширяя свои владения в Прикамье (Чусовая, Сытва, Очер, Мугай, Орел, Усолжье), Строгановы к 1671 г. владели уже 6 городками, 7 слободами и селами, 71 деревней, 27 починками; в них было 38 дворов вотчинных с 338 человеками, 40 дворов церковных с 120 человеками, 1435 дворов крестьянских с 5130 человеками, 38 дворов бобыльских с 99 человеками; на 31 варнице насчитывалось 100 рабочих³³.

В результате освоения земель черносошными крестьянами и насильственных поселений Строгановыми в первой четверти XVII в., по данным переписи М. Кайсарова 1623—1624 гг., в этом районе создавались крупные очаги заселения, одним из которых было Обвенское поречье³⁴ (табл. 1).

В 70-х годах XVII в. в Поречье было (по переписи Ф. Бельского 1678—1679 г.)³⁵ 7 погостов, 118 деревень, 224 починка, 1446 дворов, 5409 человек. В то время были уже обширными связи Поречья с другими районами Перми и Европейского Севера. Заселявшие его крестьяне пришли сюда из Чердыни (497 человек), Кайгородка (207 человек), Соли Камской (157 человек), Кунгура (102 человека), Устюга Великого (98 человек), Вятки (71 человек), Соли Вычегодской (71 человек), Тотмы (62 человека), Ваги (51 человек), Яренска (45 человек)³⁶.

Таблица 1

Заселение Обвенского поречья в 1623—1624 гг.

Район	Пашенных крестьян	Беспашенных крестьян	Бобыльск	Нищих
Погосты Ильинский и Рождественский (черносошные крестьяне)	169 дворов, 289 чел.	1 двор, 1 чел.	6 дворов, 10 чел.	2 двора, 6 чел.
Слудка, Усть-Кемоль	38 дворов, 53 чел.	—	—	—
Назарово (вотчина Строгановых)				

Район	Пустых дворов	Погостов	Деревень	Починков
Погосты Ильинский и Рождественский (черносошные крестьяне)	6	2	15	6
Слудка, Усть-Кемоль, Назарово (вотчина Строгановых)	2	—	1	—

В XVIII в. освоение прикамских территорий продолжалось. Оно шло несколькими путями. Строительство казенных заводов по указу Петра I, частных заводов Строгановыми и Демидовыми привело к подселениям и приписке к ним государственных и части крепостных крестьян (посессионные крестьяне). Часть земель, бывших в пользовании крестьян, отошла к казне, часть, помимо Строгановых, пошла в раздачу другим владельцам (Голицыным, Шаховским, Всеволожским, Лазаревым, Воронцовым, Шуваловым). В это же время расширил свою деятельность и сам дом Строгановых, приобретая новые земли. Одним из очагов интенсивной строгановской колонизации снова стало в это время Иньвенско-Обвенское поречье (деревни вокруг сел Ильинского, Дмитриевского, Васильевского, Сретенского, Кривецкого, Паинского)³⁷. Несколько расширился по сравнению с XVII в. район, откуда шло сюда население: с Ваги, Устюга Великого, Тотмы, Мезени, Пинеги, Каргополя, Соли Вычегодской, Вятки, Кайгородка, Чердыни, Соли Камской, Сарапула, Уфимского уезда, Новгорода, Юрьевца Польского, Переславля и др.³⁸ Значительно усилились внутренние миграции из освоенных ранее пермских районов³⁹. В частности, освоение бассейна Колвы в Чердынском у. происходило в XVIII в. за счет внутренних миграций из ранее заселенных мест уезда (из Чердыни, Ныроба, Покчи, Искора и др.) и продолжалось в первой половине XIX в.⁴⁰ Бассейн верхней Колвы и верхней Печоры особенно привлекал старообрядцев. Нестарообрядческое население облюбовало среднюю и нижнюю Колву; оно поселилось ниже д. Гадья⁴¹. Аналогичным путем происходило и заселение бассейна р. Вишеры⁴².

Для всего Чердынского края, и Колвенского бассейна в частности, было характерно сохранение связей с соседними территориями, где еще в древности совершались контакты верхнепечорского и верхнекамского населения с предками коми-зырян⁴³. Этому способствовал древний путь из Северного Прикамья по Колве, Вышерке, оз. Чусовскому, р. Березовке на реки Волосницу и Нем (в Вычегду). С течением времени были освоены еще пути с Колвы на Унью (приток Печоры)⁴⁴, которые использовались с XVIII в. и проходими до настоящего времени. Селения колвенцев в верхнепечорских местах возникли поздно — в XIX в. Русские осваивали здесь в основном необитаемые места, севернее которых по средней и нижней Печоре жили коми-зыряне. С Колвы прокладывались дороги также в восточном направлении через Дий к Уралу и за Урал, которыми пользовалось колвенское население в XVIII—XIX вв.; там осуществлялись контакты чердынского населения с уральскими народами.

Движение населения по Колве и Печоре прослеживается по местной антропонимии и топонимии: именно по распространению фамильного состава жителей и названиям деревень можно определить пути крестьянских миграций⁴⁵. Родственные связи населения верхнепечорских деревень с пермско-колвенскими не ослабевали и в XX в.; такие же связи сохранялись между старообрядцами одних и тех же толков⁴⁶.

Этапность в заселении пермских земель аналогична той, которая позднее наблюдалась в сибирских местах; первые проникновения были незначительны и не приводили к основанию постоянных поселений; за-

тем в результате массового крестьянского продвижения происходило создание постоянного населения и постоянных селений; наконец, вторичные миграции приводили к освоению внутренних территорий.

Особое необходимо отметить заселение одного из пермских районов — Юрлинского, где сложился очаг русского заселения («русский остров») в нынешнем Коми-пермяцком автономном округе. В науке до сих пор нет точных данных о происхождении населения этого района. Район расположен в бассейне Верхней Камы по ее притоку Косе. Он представляет собой замкнутую территорию, компактно населенную русскими. По данным 1977 г., в Юрлинском р-не проживало 12 тыс. человек⁴⁷. Соседние, окружающие его со всех сторон, районы населены коми-пермяками.

Юрлинский край начал осваиваться русскими в период крестьянского заселения северных окраин Пермской земли в XVII—XVIII вв. До XVII в. в Юрле, или, как она называлась тогда, в Юмо-Лопвинском крае (Ем(Юм) Лопвинская по рекам Юм и Лопва), существовали лишь отдельные редкие коми-пермяцкие селения⁴⁸. Ко времени первых описаний этих мест — к 1681 г. — здесь появились четыре русских селения — будущие деревни Келич (Елога), Таворинская (Крысанова), Юм (Ем), Кулич⁴⁹. К 1773 г. здесь насчитывалось уже 16 селений русских, и число их росло и далее, так что в XX в. о Юрле (Юрлинской вол.) говорили как о русском крае среди коми-пермяцкого населения. К 1834 г. в Юрлинской вол. насчитывалось 40 деревень⁵⁰. Русские поселенцы здесь в XVII в. были выходцами преимущественно с Вятки, Кайгородка, Вологды и центральных областей. В составе переселенцев были беглые крестьяне, сосланные владельцами крестьяне и свободные поселенцы, искавшие «лучшие» земли. По сообщениям населения с. Юрла, впервые там появились беглые люди из Вятской губ.⁵¹, которые поселились среди коми-пермяков. В начале XVIII в. к ним присоединились бежавшие от помещиков крестьяне из других губерний⁵². Название же самого села объяснялось местными жителями от пермяцкого гидронима *Юрла*: *юр* — голова, *лашер* — река. Название местности вдоль реки, протекавшей через с. Юрла — *Юрлаш*, сохранилось и в XIX в.⁵³ По современным данным, это название происходит от *юр* — «возвышенность» (в архангельских говорах русского языка) и суффикса *ла* из карельского и вепсского языков⁵⁴.

О первых поселенцах — выходцах из Вятской губ., помнят и в других юрлинских деревнях. Начало д. Зюздино дал некий «Зюздяк», переселившийся из бывшего Глазовского у., где жили так называвшиеся зюздинские пермяки⁵⁵. Из Кайгородка Вятской губ. пришли первые насельники в с. Юм и поселились на р. Юм, где до сих пор сохраняется название *Кайгородский брод*. Кайгородского происхождения и первопоселенцы в д. Лопва, давшие начало местным старожильческим фамилиям, известным по документам XVIII — начала XIX в.⁵⁶ Часть деревень в Юрлинском крае основана переселенцами из Пермского у. (Усть-Бадья и др.), которых сюда водворили Строгановы для обеспечения соляных промыслов рабочей силой.

В XVIII в. в крае появились старообрядцы. Это были раскольники-стрельцы, которые после подавления в 1698 г. их бунта Петром I жили

в Очере, Сэпыче, Лысьве. В 1725 г. старообрядческие скиты бывших стрельцов были раскрыты, и они начали проникать в другие пермские районы, в том числе и в Юрлу⁵⁷. Постепенно к ним присоединились и бежавшие с Волги кержаки, а после 1797 г. раскол в Юрлинской вол. поддерживался скитскими проповедниками австрийского толка (Белокриницкий приход)⁵⁸. Часть старообрядцев осела в необжитых местах, часть присоединилась к осевшему православному русскому населению. С этого времени начались контакты и в какой-то степени смешения между разными по вере группами русских и продолжались взаимодействия русских и коми; отмечалось обращение в раскол некоторых православных коми-пермяков⁵⁹.

Сходные процессы, характерные для этнической истории юрлинского населения, происходили и в других районах Перми, где русские расселялись среди финно-угорского населения. Но нигде не образовалось такого изолированного компактного очага («русского острова») среди иноязычного населения, как в Юрлинском р-не. Например, на Вишере, где до прихода русских жили коми и манси, видимо, шла ассимиляция финно-угорского населения русскими и обрусение нерусских народов, так как сейчас вишерцы считают себя русскими и говорят по-русски⁶⁰. Дореволюционная историография считала юрлинцев и их происхождение загадкой для науки, что объяснялось просто их неизученностью.

Результаты освоения территорий Прикамья были определены к концу XVIII в. при проведении Генерального межевания. В Чердынском у. к тому времени было более всего русских селений, ибо русское проникновение сюда, в земли бывшей Перми Великой, началось ранее, чем на другие территории. В Соликамском у. освоению земель способствовали солеразработки, деятельность Строгановых и Пыскорского монастыря. Этот уезд был наиболее плотно заселен, так что в его пределах оставалось мало неосвоенных земель. В Пермском у. наиболее освоены были земли по Чусовой (бывшие Чусовские городки), которые стали владениями Строгановых. Неосвоенную территорию уездов составляли преимущественно леса, особенно в Чердынском у. Там же было больше, чем в других уездах, и неудобных для земледелия мест. Сельскохозяйственные угодья занимали более пространств в земледельческом Соликамском (пашни) и Пермском (пашни и луга) уездах⁶¹.

Во всех трех уездах к концу XVIII в., когда основное заселение Перми заканчивалось, было 280 селений (11 751 душа). Местное население освоило к этому времени 32 280 дес. пашни, но в целом по губернии была освоена лишь незначительная часть наиболее удобной земли — пашня составляла 8,4% всех площадей, покосы — 6%⁶². *Состав населения.* Летописная пермь являлась прямым предком коми, через которую новгородцы узнали югру — предка манси, хантов. В IX—XV вв. пермь в Верхнем Прикамье занимала районы у оз. Чусового, северо-восточное и восточное левобережье Камы и ее притоков, в том числе Вишеру, Язьву, места по р. Чусовой; на западе она встречалась на территории Афанасьевского р-на теперешней Кировской обл. Область обитания древней перми была шире, чем современных коми-пермяков. С течением времени с заселением Прикамья русскими и проникновением манси и татар ареал ее расселения сокращался⁶³.

Русские, начавшие в XVI—XVII вв. интенсивно заселять Прикамье, встретились здесь с коми-пермяцким и ханты-мансийским населением. В пределах изучаемых пермских районов финно-угорское население до прихода русских расселялось следующим образом. В северном Прикамье (Чердынский у.) находился один из древних очагов коми-пермяцкого расселения. Здесь во времена Родановской культуры жили две (из семи) племенные группы коми — чердынско-язвинская и верхнекамская⁶⁴. В XVI—XVII вв. происходило перемещение коми-пермяков в юго-западном и восточном направлениях. Так, значительная часть их по Вишере и Каме переселилась в Отхожий стан Чердынского у.: на реки Косу, Иньву, Обву, Язвву (последние образовали группу язвинских коми). Иньвенско-косинские коми, а также коми с верховьев Камы и приселенные из Зюздинской вол. бывшего Кайгородского у. коми-пермяки образовали основную народность в теперешнем Коми-Пермяцком автономном округе⁶⁵.

В соседстве с коми по Вишере во все периоды русского освоения края проживали манси⁶⁶. Даже в XX в. мансийское население еще жило в Усть-Улсе⁶⁷.

В местных преданиях до сих пор сохраняются упоминания о нерусском населении в Северном Прикамье: *чучканы* — дорусское население (как его называют в преданиях), к северу от русских — вогулы (манси), на Печоре — коми-зыряне. Русские крестьяне на Колве, заселяя необжитые места, встретились с коми-зырянами и манси. Последние отмечались здесь в конце XVIII в. при Генеральном межевании: они жили около Ныроба и занимались лесными промыслами. По данным VIII ревизии (1830-е годы), в Чердынском у. по Колве было 60 ясашных вогул, по X ревизии (1850-е годы) — 71 вогул⁶⁸.

В западной части уезда находился основной очаг коми-пермяцкого расселения (теперешний автономный округ). Там в XVII в. обитали также и манси, по-видимому, осколки их бывшей племенной группы — косвинские вогулы (с. Вогулята, Вогульский Остров)⁶⁹. Печорские коми-зыряне оставались севернее Мамыля. На верхнюю Печору они приходили с Ижмы по торговым и другим делам, связанным с их занятиями. В начале XX в. в деревнях Усть-Унье и Бердыше (современный Усть-Уньинский сельсовет) жили вогулы, но в основном и они появлялись здесь из-за Урала так же, как и зыряне, по торговым и обменным делам⁷⁰.

Территория Соликамского у. была менее освоена коми-пермяками. Русские, расселяясь здесь, часто занимали пустые места. В XVI в. на Верхней Каме жили как крещенные пермяки, так и язычники-пермяки и вогулы. Обвенское поречье (В XVII в. Чердынский у., позднее Соликамский) до прихода русских было освоено коми. Ономастические данные говорят, что в состав местной топонимии вошли имена языческих божеств и имена глав патриархальных семей коми: Сюзи, Гили. Прослеживается там и угорская топонимия и антропонимия. Обвенские вогулы (остяки) — угорское население жило по р. Мулянке. Об этом можно судить по именам их божеств (остяцкие Амбал, Бебек) и фамилиям местных жителей (Кыласов, Юрганов и др. — угорского происхождения; «...многие языки и рек с Печоры и Сылвы, и с Обвы и с Тул-

вы князи их...») ⁷¹. С XVI в. это население встретилось с русскими, которые стали основывать свои селения рядом с селениями коми.

Еще южнее — по Чусовой жило также финно-угорское население. В 1558 г. Строгановы начали поселять там своих крестьян. Коренное население, а среди них *чусовские вогулы* ⁷², частью покинули эти места, частью были ассимилированы русскими. Еще позднее Строгановы поселяли здесь людей из своих русских сольвычегодских имений, а также коми-пермяков из западных камских вотчин.

Взаимодействие финно-угорского и русского населения в пределах пермских территорий подтверждается местной топонимией и антропонимией. По преданиям, названия селений в бывшей Пянтежской вол. (Чердынский у.) — Пянтег, Амбор произошло от имен древних пермяцких божеств, которым местные сплавщики леса поклонялись и молились еще и в XIX в. ⁷³ В с. Вильгорт Чердынского у. долгое время сохранялись названия: Русская сторона — по правой стороне родника, где селились пришлые русские, и Пермская — по левой стороне, где оставалось местное пермяцкое население ⁷⁴. Названия других деревень в уезде — д. Зёлва (*зев*, *зел* — тугой, упрямый, по другим данным — *дзель* — ягненок) ⁷⁵, села Шакшер (*шак-тишак* — гриб, *шэр* — среди, *шор* — ручей), Тягъяшер (*таг* — хмель, гора (тюрк.), Пашиб (*паш* — рыболовная снасть, *ыб* — поле) ⁷⁶, Лекмортово (*лиак* — раствор, *морт* — человек, или: *лэк* — злой) ⁷⁷, Мошево (*мошь* — пчела) ⁷⁸ — пермяцкого происхождения. Распространенная фамилия русских жителей в бывшей Пянтежской вол. — Чепуштановы (Цыпуштановы) сходна с фамилиями, встречающимися у иньвенских пермяков (бывший Соликамский у.) ⁷⁹. Фамилия Зебзины (на Вильве в Мошевской вол.) у русских и коми происходит от пермяцкого *зеп* — карман, *зы* — оса ⁸⁰. Пермская фамилия Гилевы встречается в русских деревнях (бывш. Мошевская вол.) ⁸¹. Многочисленны топонимы, оканчивающиеся на *кар* (с коми языка — город, городище): д. Сикыскор на Обве, городище Ошкар у Орла-городка на Каме, Искор на Колве, с. Пыскор севернее г. Усолья и т. д. ⁸²; с окончанием на *горт* (изба, дом, деревня): Вильгорт, Камгорт; на *дын* (устье): Чердын, Гляден (населенное место) ⁸³. Фамилии Отинов (коми-пермяцкий этноним — «удмурт»), Крымов (Крымбай, Крымкай) — от *карым* (ров, вал), Баталов, Баяндин — от *Батгал*, *Баяндай* (тюркские имена) встречаются в русских и коми деревнях ⁸⁴. Сочетание *кы* (Кычев, Кыштым, Кыласов, Кызел) ⁸⁵ в русских именах под влиянием коми-пермяцкого языка встречается не только в топонимии и в антропонимии, но и вообще в языках русского, манси и коми населения. Такие взаимопроникновения, свидетельствующие об этническом смешении, совершались во все периоды контактов этих народов ⁸⁶.

Местные русские говоры формировались в период основного заселения территории в XVI—XVIII вв. С точки зрения диалектологии язык русских Перми относится к группе вологодско-вятских говоров, но имеет черты новгородских, архангельских говоров. В них есть местное своеобразие, связанное с влиянием финно-угорских языков. Так, в русских говорах по Чусовой, где финно-угорское население вступало в хозяйственные и брачные связи с русскими начиная с XVI в., отмечается иноязычный элемент — «соканье» («с» вместо «ц»), которого в русских го-

ворах Европейского Севера нет⁸⁷. Подобное явление («соканье») отмечено и у русских в Сибири⁸⁸. Другое явление, связанное с проникновением финского субстрата — произношение «ч» вместо «ш»⁸⁹. Есть и прямые заимствования слов из финно-угорских языков: *мёрда* (рыболовная снасть), *курья*, *кулига*, *морощка*, *ботать*, *торкать* и пр.⁹⁰ Говоры бывшей Чердынской земли, особенно на верхней Вишере, несут следы скрещения русского языка с языком манси⁹¹. В говорах Верхне-Камья (бывший Кайгородский у.), в целом общих с вятскими, наблюдается как влияние пермяцкого языка, например, незнающего «х» (вместо него «к») ⁹², так и свои особенности: на севере — смягченное «к», на юге — «а» вместо «о» в безударном положении и др.⁹³

В пограничных районах расселения народов совершались и обратные заимствования из русского языка в язык коми или манси. Это явление началось в период интенсивной русской колонизации Прикамья в XVI—XVII вв.⁹⁴ и происходило на всем протяжении их совместной истории. По мнению диалектологов, наиболее сильными эти проникновения были в XIX в., когда коми стали двуязычными⁹⁵.

В целом язык русских Перми — это севернорусские говоры со старым окающим произношением. Поскольку пермские земли осваивало в основном севернорусское земледельческое население, то местная лексика, связанная с обозначением земельных участков, угодий, земледелия вообще, имеет в основном общерусскую основу (*паленина*, *гарь*, *росчисть*, *новина*), в ряде случаев — диалектологическую основу, возникшую при формировании говоров Урала (*чищенина*, *бсека*, *забька*, *суземки*)⁹⁶. Среди таких слов нет иноязычных⁹⁷.

Данные других наук, в частности антропологии, также подтверждают сложность этнического состава населения районов Пермской области и контакты на этой территории русских и финно-угров⁹⁸. Предшественники русских в Прикамье имели значительные монголоидные признаки. По крайней мере у современных пермских финно-угров монголоидная примесь более отчетлива, чем у северноприбалтийских финнов⁹⁹. Древнепермяцкое население Родановских городищ (XI—XIV вв.) в свой состав включило наряду с восточнобалтийскими, депигментированными элементами темную монголоидную примесь¹⁰⁰. Этот древний антропологический тип (по терминологии некоторых исследователей — сублапаноидный) сохранился «в чистоте» у зюдинских коми-пермяков (Кировская обл.). Восточнее, у пермяков на Иньве, Косе (где живет и русское юрлинское население) доля светлых европеоидов больше¹⁰¹.

Современными антропологическими исследованиями доказано, что русское население ряда районов Перми различается по некоторым признакам; в частности, русские Соликамска — не «низкорослые пермяки», а имеют рост выше среднего, мезокефалию, лица узкие, волосы русые, мягкие, прямые и волнистые и т. д.¹⁰², т. е. сохраняют северноевропейский тип, вариантом которого на Европейском Севере является беломорский тип. Жители же районов на юго-запад от Перми имеют более признаков монголоидности: большие скулы, умеренную брахицефалию, депигментацию (восточноевропейский тип)¹⁰³.

В своеобразном пермском районе — в Юрлинском, о котором говорилось выше, сложилось население, считающее себя русским. Дореволю-

ционные исследования относят его к обрусевшим пермякам¹⁰⁴. В антропологическом отношении население Юрлы специально не изучалось, но при описании типов коми антропологи указывали на смешения коми и русских в пределах Юрлы и Юма¹⁰⁵. Среди коми в районах, соседних с Юрлой, много светлопигментированных, но с плоскими лицами и приплюснутыми носами¹⁰⁶, что, вероятно, характерно и для населения Юрлинского р-на. Но считать юрлинцев обрусевшими пермяками малообоснованно. Судя по историческим, диалектологическим и некоторым антропологическим данным, основу этой группы населения составили русские, которые заселяли в Юмо-Лопвинском крае необжитые коми места. В течение последующих двух столетий происходили контакты их с коми на этой территории, подселения последних, смешения коми с основным здесь русским населением¹⁰⁷. Причины образования этого «русского ареала» в Юрлинском районе могли быть разнообразны. Юрлинский край был довольно глухим местом и находился в стороне от основных путей, которые связывали Пермь с Поморьем и Центром, а позднее с Сибирью, особенно в сравнении с другими местами бывшей Перми Великой — Чердынским краем, к которому в XVII—XVIII вв. административно принадлежала и Юрла. Расселявшиеся здесь русские были намного малочисленнее местных коми и стремились на первых порах к изолированному расселению, занимая необжитые места. Это русское заселение происходило в XVII—XVIII вв., когда коми сформировались как народ и процессы их оттеснения или ассимиляции не имели места. В дальнейшем совершались контакты русских и коми и даже происходили некоторые этносмешения, что, правда, не нарушало компактного очагового расселения русских. Такой изолированности в свою очередь способствовало проникновение в их среду старообрядцев. Затем происходило сильное проникновение всего русского к окружающим коми, что усугублялось и принятием некоторыми коми не только русского языка (стали двуязычны), но и старообрядчества¹⁰⁸.

Проведенные в 1980-х годах антропологические обследования русских в Юрлинском р-не¹⁰⁹ показали, что юрлинцы действительно близки к коми-пермякам Коми-Пермяцкого автономного округа и манси Чердынского р-на. Как и коми, местные русские являются представителями вятско-камского антропологического типа. Но вместе с тем этническая история мужской и женской групп этого населения была разной. Женские группы «демонстрируют большие межгрупповые различия, чем мужские». Мужская часть юрлинцев сложилась из двух компонентов: русских и коми-пермяков; есть в них и примесь манси. Женская же часть населения сложилась главным образом из коми-пермяцкого компонента, со временем обрусевшего¹¹⁰. По-видимому, здесь в начальный период заселения был значительный приток русских мужчин, которые женились на коми-пермячках¹¹¹.

В целом русское пермское население, по современным данным, принадлежит к вятско-камскому типу в составе русских антропологических комплексов, сложившемуся в результате взаимодействия разных компонентов: новгородских славян, переселенцев из разных областей Русского государства и местных финских групп, имевших сходство с уральским расовым типом¹¹². Близкие к нему территориально финские группы,

в том числе коми-пермяки, имеют больше, чем у русских, признаки монголоидности, причем ветлужско-камские финские группы сходны по облику с нижеобскими, угорскими группами (ханты, манси), т. е. с так называемым уральским расовым типом¹¹³. Эта «уральская раса» в этногенезе русских всей вологодско-вятской зоны сыграла определенную роль¹¹⁴. Но русские Пермь, кроме сходства с уральским типом, имеют общее и с другими типами севернорусской зоны, в частности с ильменским¹¹⁵. В результате исторического развития население пермских районов хотя и приобрело отличительные особенности, но в основном сохранило «физический тип, нравы и обычаи своих предков», вышедших из Вологодской, Архангельской и других севернорусских губерний¹¹⁶.

Таким образом, в изучаемых районах сложилось преимущественно русское население¹¹⁷. Коми-пермяки и особенно манси во многих районах (восток Чердынского, северо-запад Соликамского, восток Пермского уездов)¹¹⁸ были ко второй половине XIX в. значительно ассимилированы русскими; манси к тому же — частично оттеснены за Урал, к Выхотурию.

Коми-зырянское население оставалось на северо-западе Чердынского уезда, по границе с Вологодской губ. (теперь — с Коми АССР).

Этнический состав населения изучаемых районов после первой половины XIX в. не менялся. Переселенческое движение, особенно в Сибирь, не приводило к заметному изменению состава местного населения в этническом отношении.

Как уже отмечалось, по вероисповеданию русские Прикамья делились на приверженцев официального православия и раскольников. «Вера разная, а бог один», — говорят об этом разделении в деревнях бывшего Соликамского уезда. Местное старообрядчество принадлежало к разным толкам. В Юме и Юрле были раскольники-австрийцы, поповцы Белокриницкого прихода, имевшие, как и все поповцы, своих священников, назначавшихся в духовной сфере, а поэтому привлекавших беглых и отставных попов. По Каме и Пильве поселились беспоповцы («часовенные»), имевшие вместо священников «наставников», которые совершали все обряды в молельных домах. Места их поселений: Цыдва, Кольчуг, Верх-Язвинское, Янидорское, Урольское, Бондюг, Зельвы, Могильники, Гайны, Юмский край¹¹⁹. Молельня — «собор» этих староверов находилась в д. Могильники, где в начале XX в. службу правили кержацкие попы-братья Яков и Иван Баяндины¹²⁰. Значителен староверческий беспоповский элемент был по Обве у Строгановых в селах Ильинском, Лобановском, Гаревом, Слудском и др.¹²¹

В 40—50-х годах XIX в. раскольники на Урале насильно привлекали к единению с господствующей церковью и причисляли к «единоверию»¹²². Строились специальные единоверческие церкви (в селах Ильинском, Дмитриевском Обвенского поречья). В Дмитриевской вол. Обвенско-Чермозского округа к 1895 г., по официальным данным, числилось «единоверцев» 313 мужчин и 481 женщина¹²³.

Многочисленные раскольничьи скиты в XVIII в. появились в Северном Прикамье по рекам Колве и верхней Печоре¹²⁴. Здесь распространились разнообразные беспоповские толки. Первоначально это были

раскольники даниловско-поморского согласия¹²⁵. В конце XIX в. в их «учениях» известны различные толки, названные по именам их «толкователей» (учителей): так называемая Костина вера (в д. Дий) и ряд других «страннических» толкований (им приходилось «странничать» — скитаться) — в каждой деревне свое от имени своего проповедника¹²⁶. Страннические скиты с Колвы распространились севернее, на Печору и Унью. Так, у курьинских старообрядцев на верхней Печоре в начале XX в. появился наставник Глеб (Глебова вера), который поселился в «пустыне», в 6 км от Курьи¹²⁷. Разновидность сторонников — «красноверы» появилась в Усть-Уролке и окружающих деревнях¹²⁸. Эту «веру» в конце XIX в. занес туда проповедник — некий Ефим из строгановского с. Ильинского на Обве; также точно другой уроженец Ильинского Еварест Евдокимович — «скрытник», имевший огромную библиотеку и помощников-учеников, распространял свое «учение» в начале XX в. на Колве и Верхней Печоре. Евареста до сих пор помнит старообрядчество в деревнях теперешних Тулпанского и Черепановского сельсоветов¹²⁹. «Учение» скрытников на территории современного Курьинского сельсовета проповедовал некий Гаврила Иванович Пашин из колвенской д. Ньюзим, который основал свою «резиденцию» в 10 км от Курьи. К нему с Колвы постепенно присоединились единоверцы, селившиеся с семьями в курьинских деревнях¹³⁰. Близ д. Пачгино, у Сафронова озера также основал «пустыню» некий старец Сафрон, где приверженцы его «учения» скрывались от остального населения. Особенно много скрытников появилось в соседней с этими деревнями Усть-Унье и ближайших к ней деревнях¹³¹. Старообрядчество на верхней Печоре распространилось широко, приверженцев же официального православия было гораздо меньше. К тому же отдаленность церквей не располагала к расселению здесь православного населения. Ближайшие церкви находились в соседней Якше или на Колве в с. Тулпан, в 70 км от Курьи, где был и волостной центр курьинских деревень. В Тулпане церковь считалась единоверческой, ее могли посещать старообрядцы, но старались это делать как можно реже¹³².

Особенно сильным раскол (беспоповского толка) был у заводских рабочих и крестьян в частных заводах¹³³ и у населения, связанного с торговой деятельностью. Земледельческий «слой» был затронут расколом в меньшей степени. По мнению служителей приходов, чьи описания-летописи составлялись для Пермской епархии, «религиозно-нравственная жизнь» местных старообрядцев не отличалась от жизни православных. В отношении же друг к другу «старообрядцы в отличие от православных живут миролюбиво, редко доводят свои дела до суда, трудолюбивы». Они «не мешаются своим крестом с православными» (т. е. не молятся вместе). Их иконы стоят «в кути» — на полке перед устьем печки, а у «мирских» — в переднем углу, но разницы в иконах нет никакой. «Детей своих кержаки отдают в приходские школы», но «кержачество под влиянием мирских пошатнулось»¹³⁴.

В ранний же период освоения земель бывшей Перми Великой многоверческая среда крестьянского населения, выработавшая свои устои и традиции, нередко влияла на многие стороны жизни, создавая местную специфику быта и всей народной культуры.

Таблица 2

Состав крестьян по ревизиям XVIII в.

Уезд	Число крестьян (душ муж. пола)							
	государствен- ных		дворцовых		монастыр- ских		помещичьих	
	Ревизия							
	IV	V	IV	V	IV	V	IV	V
Пермский	480	910	483	—	369	647	22 972	35 618
Соликамский	3 380	—	—	—	1468	3123	22 477	32 209
Чердынский	17 116	7877	—	—	135	328	—	413

Таблица 3

Землевладение в уездах Пермской губ.

Уезд	Виды землевладения и количество земли (в дес.)					
	У гос. крестьян	У казны	У церк- вей и мо- насты- рей	У частных владельцев	У казен- ных за- водов	У яса- чных вогул
Пермский	1 850	—	—	1 302 990	1617	—
Соликамский	97 752	28 420	335	2 005 142	4282	—
Чердынский	416 149	4 558 184	17	313 431	—	959

Сельское население пермских районов принадлежало к разным категориям крестьянства. В Чердынском уезде (волости Юрлинская, Пянтежская, Усть-Урольская, Тулпанская) в XVIII в. население было включено в состав государственных крестьян. Его основу составили черносошные крестьяне — выходцы из уездов Поморья, где также развилось государственное землевладение. По Нижней Каме в Пермском уезде сельское население также входило в категорию государственных крестьян, но оно формировалось из выходцев не только Поморья, но и центральных областей.

В крае были обширны владения крупных земельных вотчинников Строгановых. В XVI в. эти сольвычегодские солепромышленники получили от Ивана IV земли по Каме и Чусовой (Соликамск, Лысьва), освоили их и распространили свое влияние на территории Пермского, Соликамского, Чердынского уездов (Усолъе, Соликамск, Чусовая, Иньва, Коса, Обва).

Значительным строгановское владение было на Обве с центром в с. Ильинском. Первоначальное русское население этого района представляло собой черносошных крестьян, к XVIII в. они стали принадлежать Строгановым, во второй половине XVIII в. — Абамелек-Лазаревым¹³⁵.

В XVIII в. с развитием горного дела и строительством заводов на

Урале появились посессионные крестьяне, приписанные к заводам казны; на частных заводах работали, кроме них, и крепостные крестьяне. Ревизии населения второй половины XVIII в. зафиксировали следующий состав сельского населения пермских уездов (IV ревизия 1782 г., V ревизия 1795 г.)¹³⁶ (табл. 2).

Таким образом, в Чердынском уезде основную массу крестьян составляли государственные крестьяне; в Пермском и Соликамском — помещичьи. В этих данных не выделены крестьяне, приписанные к заводам. Такие крестьяне были и в Чердынском уезде (районы Бондюжской вол., Кушмангорта, Лекмортова и др.)¹³⁷.

В целом в крае значительные земельные площади оставались за государством, но еще большие принадлежали помещикам и заводовладельцам. Статистика землевладения по материалам Генерального межевания (80-е годы XVIII в.) подтверждает данные ревизий того времени о составе населения¹³⁸ (табл. 3).

Сельское расселение и состав населения в XIX — первой четверти XX в.

Освоение Прикамья в течение XIX в. осуществлялось в основном за счет внутренних миграций увеличивающегося населения¹³⁹. Приток извне в это время уже не наблюдался. Более того, происходил отлив населения за Урал, особенно усилившийся в конце XIX — начале XX в. Некоторая доля таких переселений приходилась на Пермский, Соликамский и Чердынский уезды¹⁴⁰. Но внутренние переселения в это время были незначительны¹⁴¹, да и резерв неосвоенных, удобных в хозяйственном отношении земель, уже исчезал. Освоенность земель к середине XIX в. выражалась следующими цифрами. Государственное землевладение составляло 15 111 310 дес. (т. е. немного менее половины всего

Таблица 4

Освоение уездов Пермской губ.

Уезд	Хозяйственные угодья у государственных крестьян (в дес.)					
	усадебьы	пашни	выгоны	сенокосы	леса	неудобные земл.
Пермский	211	4 450	1 146	4 915	4 861	816
Соликамский	861	42 621	3 329	18 479	86 378	5 059
Чердынский	1675	83 385	10 832	45 751	134 780	18 517

На каждую тысячу десятин пространства хозяйственных угодий (дес.):

Пермский	12,83	270,56	69,68	248,84	295,62	52,47
Соликамский	5,50	271,96	21,24	117,91	551,11	32,28
Чердынский	4,73	234,93	30,52	128,90	548,79	52,17

пространства губернии); помещичьи земли во всей губернии насчитывали 3 040 435 дес., земли удела — 117 804 дес.¹⁴² В изучаемых уездах распределение освоенных в хозяйственном отношении пространств выглядело следующим образом¹⁴³ (табл. 4 и 5).

Таким образом, в уездах, особенно в Соликамском и Чердынском, оставалось много лесов и неудобных земель, которые занимали более половины пространства. Освоенные участки были заняты преимущественно под пашни и сенокосы.

Помещичье землевладение было наиболее развито в Пермском и Соликамском уездах¹⁴⁵. в Чердынском уезде оно незначительно. Участки, занимаемые под господские угодья — пашни, сенокосы, выгоны, были невелики; основное богатство заключалось в лесах. Лесов много во всех трех уездах. О степени освоенности земель в уездах можно судить и по плотности населения: на 1 кв. версту приходилось в Пермском уезде — 7,5 чел, в Соликамском — 6,8, в Чердынском — 1,2¹⁴⁶. В наименее обжитом Чердынском уезде к 80-м годам XIX в. освоенные пространства занимали небольшие площади: 2% территории находилось под угодьями, 6 — неудобными землями и 92% — под лесами¹⁴⁷. Казенных земель в уезде в 1898 г. насчитывалось 5 488 723 дес.¹⁴⁸ Такая освоенность зе-

Таблица 5

Помещичье землевладение¹⁴⁴

Уезд	Хозяйственные угодья — господская земля (дес.)				
	пашни	сенокосы	выгоны	леса	неудобные земли
Пермский	1387	2107	—	349 807	21 688
Соликамский	455	3562	615	1 023 157	30 919
Чердынский	—	27	41	41 394	1 147

На каждую 1 тыс. дес. пространства хозяйственных угодий (дес.):

Пермский	3,70	5,62	—	392,84	74,84
Соликамский	0,43	3,37	0,58	966,42	29,20
Чердынский	—	0,67	0,96	971,46	26,91

Уезд	Хозяйственные угодья у помещичьих крестьян (дес.)			
	усадьбы	пашни	сенокосы	прочие
Пермский	2929	114 872	70 777	32 921
Соликамский	2781	149 733	65 613	440 038
Чердынский	44	614	500	—

На каждую 1 тыс. дес. хозяйственных угодий (дес.):

Пермский	13,22	518,61	319,55	142,62
Соликамский	10,61	571,14	250,72	167,98
Чердынский	38,00	530,22	431,78	—

мель сохранялась до конца XIX в., и в заселении территорий почти ничего не менялось до начала XX в.¹⁴⁹

Лишь в столыпинское время возникло некоторое количество новых селений — хуторов и отрубов, но здесь их в сравнении с другими европейскими губерниями было в четыре—пять раз меньше¹⁵⁰. Хуторскому расселению в Пермской губ. препятствовало то, что неосвоенными оставались в основном неудобные для земледелия и по качеству и по расположению земли. Всего в губернии на хутора и отруба вышло 4% крестьянских хозяйств¹⁵¹.

Заселение и историческое развитие пермских районов в течение веков привели к формированию сельского расселения, характер и черты которого выявляются по современным полевым материалам. Данные экспедиционного обследования Приуралья помогают воссоздать его начиная с конца XIX в. Особенно четко этот процесс прослеживается при анализе характера сельских поселений.

На территории Соликамского, Пермского, Чердынского уездов распространился преимущественно речной тип заселения, характерный для всего Европейского Севера. Большинство селений располагалось по берегам рек¹⁵²: на высоком берегу — *верхотине*, на *горе* (д. Лопва, Мыс в Юрлинском р-не, села Пянтег в Чердынском, Архангельское в Соликамском¹⁵³, Курья и Усть-Унья в Троице-Печорском районах)¹⁵⁴, в их устье (деревни Усть-Уролка и Усть-Унья), в речном заливе (д. Мурты), близко от реки (с. Копально)¹⁵⁵. Особое значение в хозяйственной жизни селений имели реки Чусовая, Кама, Вишера, Печора.

Заселению многих районов Приуралья способствовали, помимо речных путей, прокладывавшиеся сухопутные дороги. На верхней же Печоре связь между селениями осуществлялась исключительно по рекам, а между печорскими и камскими притоками — по волокам (*визирам*). Грунтовых дорог здесь нет и сейчас. Летом реки остаются основными путями сообщения. Зимой через них и вдоль берегов прокладывается санный путь. Отсутствие хорошего дорожного сообщения вело к изолированности местного населения.

По берегам крупных рек заселение приобрело черты типичного речного типа. Так, с. Пянтег на Каме расположено на высоком берегу, разделенном протоками Камы на два *холма*, на которых находятся старая и новая части села; похожее расположение имеет и другая деревня современного Пянтежского сельсовета — д. Амбор на Каме, а на правобережье Камы — с. Шакшер¹⁵⁶, д. Ворцева¹⁵⁷; вдоль высокого берега Чусовой вытянуто с. Копально Чусовского р-на и ряд других деревень современного Копалинского сельсовета.

Прибрежно-речное заселение имеют деревни по р. Колве. Они, как правило, занимают высокий берег реки. За домами, выше по холмам, лежат полоски полей, за ними — лес, а по берегу Колвы — луга¹⁵⁸. Чем ближе к Уралу (в деревнях современного Черепановского сельсовета), тем чаще селения, располагаясь по Колве, окружены с одной стороны горами, с другой — болотами. Поэтому земель для пашни тут совсем мало. Реки в Колвенском бассейне долго оставались основными артериями, по ним население шло на Печору и за Урал. Эти пути с Колвы, начиная от Ныбора, вели на Вишерку, Чусовское озеро, на Еловку, Волос-

пицу и Унью в Печорский бассейн ¹⁵⁹. В некоторых других местах северного Прикамья реки дали названия самим деревням: Лопва, Усть-Уролка, Юм, Кукольная и др. Прибрежно-речное заселение отличается и деревни по Вишеру, верхней Печоре ¹⁶⁰.

В местах, где сухопутные дороги приобрели значение довольно рано, развилось притрактово-речное заселение (например, с. Нырб на р. Нырбке (притоке Колвы), через которое прошел тракт от Чердыни на Печору) ¹⁶¹. Уже к середине XIX в. в Приуралье отмечалось значительное расселение по дорогам ¹⁶². Такой тип заселения распространился, например, в Обвенском поречье. Деревни там располагались по трактам, проложенным вдоль Обвы (теперь по берегу Камского моря). Они занимали высокие холмы, прорезанные речками и ручьями. В крупных селениях каждая улица находится на отдельном холме и связывается с остальными проулками (д. Комариха, д. Жердовка в Посадском сельсовете). По-

Таблица 6

Типы заселения в Пермской губ.

Уезд и тип заселения	Селений с числом жителей				
	до 100 чел.	101—500 чел.	501—1 тыс. чел.	более 1 тыс.	Всего
<i>Пермский:</i>					
при реках	964	259	4	13	1240 (74,4%)
при озерах	29	13	1	—	43 (2,58%)
прочих	339	44	—	—	383 (22,98%)
всего в уезде:	1332 (79,95%)	316 (18,9%)	5 (0,3%)	13 (0,78%)	1666 (100%)
<i>Соликамский:</i>					
при реках	1594	245	4	8	1851 (84,05%)
прочих	294	57	—	—	351 (15,94%)
всего в уезде:	1888 (85,74%)	302 (13,71%)	4 (0,18%)	8 (0,36%)	2202 (100%)
<i>Чердынский:</i>					
при реках	134	148	7	2	291 (62,58%)
при озерах	3	5	—	—	8 (1,72%)
прочих	86	80	—	—	166 (35,69%)
всего в уезде	223 (47,95%)	233 (50,1%)	7 (1,5%)	2 (0,43%)	465 (100%)

Типы заселения

Слева — прибрежное (д. Курья Троицко-Печорского р-на);
справа — притрактовое (с. Юм Юринского р-на); водораздельное (д. Захарово Лысьвенского р-на)

сколько удобные для земледелия места имелись по берегам рек, то там в основном и возникали селения. Но очаговость таких удобных участков вела к неравномерному заселению районов даже в пределах каждого уезда. Особенно это проявлялось в Чердынском уезде, где наличие отдельных массивов удобной земли привело к разбросанному заселению мелкими деревнями на востоке; в западной же части все заселение сосредоточилось на небольшом, но компактном пространстве удобных земель¹⁶³.

Несмотря на обилие рек жители Чердынского, Соликамского и Пермского уездов основывали также селения при ключах, колодцах, ибо нередко речные берега заболачивались; кроме того, многие реки мелководны, летом пересыхают. Некоторые ключи считались «святыми» (*Крѹты рѹбники* в Пянтеге), там молились и лечились от болезней. Встречалось и водораздельное заселение, правда, не часто: в местах, где прокладывались пути за Урал и на Печору, и в наиболее освоенных местах — в стороне от основных поселений и трактов (на Обве).

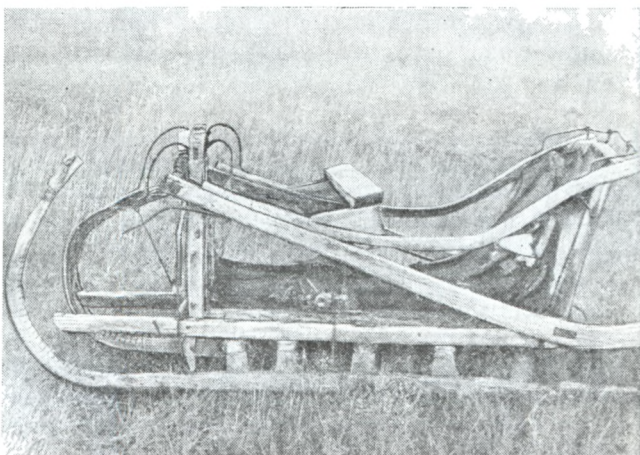
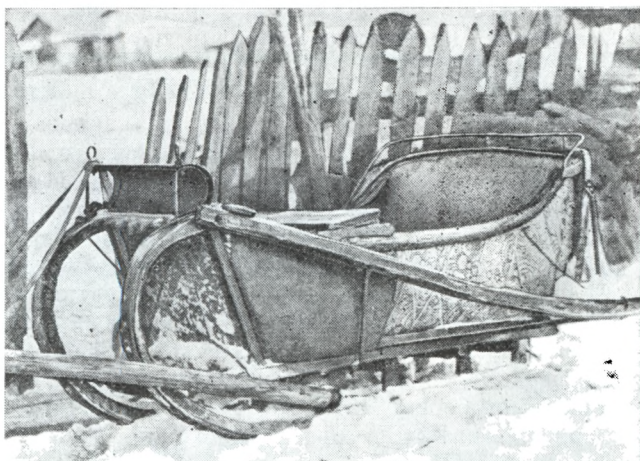
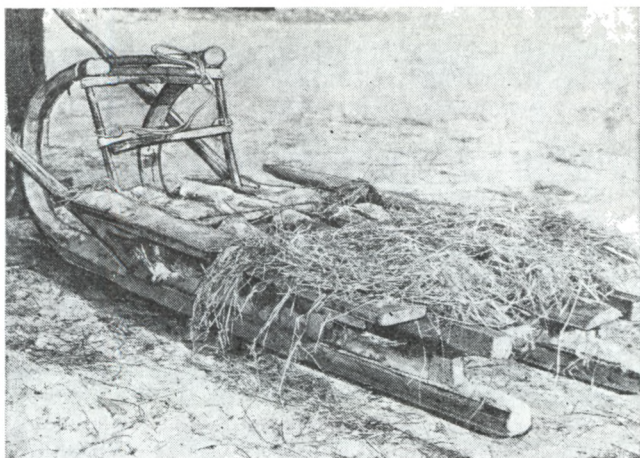
К середине XIX в. основные типы заселения в Прикамье сложились, и почти ничего не изменялось в местном заселении. В изучаемых уездах типы заселения распределялись следующим образом¹⁶⁴ (табл. 6).

Дороги и транспорт

Слева — тропы
(к д. Орловка
Чердынского р-на);
санные пути
(по р. Колве);
справа —
виды транспорта:
дровни;
кошевка;
сани
(с. Юм Юрлинского р-на)

Таким образом, во всех уездах преобладало расположение селений у речных берегов. Остальные типы заселения составляют наибольший процент в Чердынском у., по-видимому, за счет заселения при дорогах, несколько менее — в Пермском у. (притрактовое и водораздельное заселение). Приозерный тип заселения в уездах почти не развился. Надо заметить также, что при водораздельном заселении основывались преимущественно малонаселенные деревни. Крупные сельские поселения, хотя и немногочисленные, располагаются у рек и озер.

По своей социально-экономической разновидности рассматриваемые селения относились в прошлом к двум основным типам: деревням и селам.

Местные села, как и вообще села Европейского Севера, — крупные селения, центры волостей и церковных приходов¹⁶⁵ (Юм и Юрла на Косе; Пянтег, Бондюг на верхней Каме; Копально на Чусовой; Тулпан на Колве и др.). Церковные приходы в селах образовались в XVIII в.: в Юрле в 1781 г., в Пянтеге в 1768 г., в Бондюге в 1760 г. Во многих деревнях строились часовни: в Юрлинской вол. — в Зюздине, Березове, Крысанове и Лопве (перестроена в церковь в 1798 г.), в Бондюжской вол., в Муртах, в Пянтежской волости в Усть-Уролке и Амборе (перестроена в церковь) и др. Кроме часовен и церквей для «мирских» (православного населения), в некоторых селах и деревнях существовали церкви, часовни и молельни старообрядцев: единоверческая церковь в с. Ильинском на Обве; старообрядческая церковь в Усть-Уролке и д. Подкино Дубровской вол. в Чердынском у.; в д. Ескино Половодовской вол. в Соликамском у.; в д. Захарово на Лысьве в Пермском у. и др.

Села, кроме своих функций административных и религиозных центров, выполняли функции торговых центров. В них обязательным было устройство базаров и ярмарок. Так, базары по средам и ярмарки в престольные дни — на Богородицу и Крещение — бывали в Юрле. Базары у церкви на берегу Камы и ярмарки (*слёт*) на богомолье (*собор*) 14—17 сентября и Петров пост происходили в с. Бондюг. На Ильин день торговали в с. Пянтег, а на ярмарку в Прокопьев день ездили в Чердынь со всех пянтежских деревень. В Усть-Уролке торговали в престольные дни — на Покров и Петров день. Три раза в год устраивалась ярмарка в с. Искор на Колве.

Для базаров и лавок в селениях отводились специальные места. В д. Зюздино Юрлинской вол. в «Одисеньев день» в мае и Михайлов в ноябре возле часовни при въезде в деревню строили торговые *шалаши*. Лавки и магазины у старой церкви на берегу Камы были построены в с. Пянтег, а в Усть-Уролке — возле часовни. В с. Юм торговые заведения находились также возле церкви на площади и по главной улице — Большой дороге (тракту на Чердынь), где торговали в престольные дни — Рождество, Троицу и на Казанскую. Базары на площади возле церкви постоянно действовали в с. Копально на Чусовой. У соликамских крестьян существовали места для торговли в с. Половодово и Городище. Крупным торговым центром было с. Ильинское на Обве, где происходила торговля в марте на Благовещение, Ильинская ярмарка на Ильин день и Никольская в декабре.

На базары и ярмарки в селах обычно приходили крестьяне даже из соседних волостей. Так, юрлинские и юмские базары посещали крестьяне Строгановых из с. Ильинского и Усоля, а также вятские крестьяне. В с. Юм приезжал торговать из Кувы купец Керкин. Сами юрлинцы ходили на базары к коми-пермякам в Кудымкар и Белоево и на ярмарки в Пермь. Пянтежские и урольские крестьяне и население Колвы, кроме своих базаров, пользовались ярмарками в Чердынн. Соседние с колвинцами остяки (ханты) с Урала и зыряне (коми) с Печоры приходили на базары в колвинские деревни. Они привозили *юнты* и *совики* (обувь и дохи из оленьей шкуры) в обмен на продукты сельского хозяйства и лошадей ¹⁶⁶.

Наряду с торговыми строениями в крупных селах были сооружения административного, хозяйственного и общественного значения: волостные правления, амбары (хлебный в Амборе, соляной в Пянтеге), склады, мельницы, кабаки, приходские школы, земские фельдшерские пункты, приюты для детей, богадельни для престарелых и одиноких, больницы и различные мастерские ¹⁶⁷. Таковыми были села в местах с государственным землевладением.

В Припечорье возникли крупные деревни, которые представляли собой нечто среднее между селом и деревней (Курья, Усть-Унья). Они не являлись в прошлом волостным, религиозным и даже торговым центром. Волость находилась в 70 км в Тулпане Чердынского у., куда относились верхнепечорские деревни. Религиозным центром они не могли стать ввиду распространения многих религиозных «учений» и совершенней религиозных обрядов жившими здесь старообрядцами и скрытниками не в церквях, а в своих домах-молебельях. Представителем же волости здесь был лишь староста, собиравший налоги и подати (местное крестьянство входило в разряд государственных крестьян) ¹⁶⁸. Волость не имела в Курье даже своего служебного помещения. На собрания здесь не собирались, они происходили в Тулпане ¹⁶⁹. Ярмарки и базары посещали либо в Тулпане, либо в соседней Якше (богатой купеческой пристани, перевалочном пункте между Камой и Печорой), либо в г. Чердынн ¹⁷⁰. Приходские же школы были организованы в курьинских деревнях еще в XIX в.

Для пермских мест характерны и села — центры помещичьих имений, центры вотчинных управлений и заводских владений. Таким было с. Ильинское, принадлежавшее Строгановым. В XIX в. в нем находились горнозаводское и земледельческое управление графов, «господские заведения», волостное правление, три кожевенных и овчинных завода, три маслобойни, пять салотопен и мыловарен, два пátочных завода, канатное заведение, пять синилен, полотняная фабрика, три винных склада, конюшня, семь кузниц, столярная, мельница, госпиталь, богадельня, двухклассная школа для мальчиков, начальная школа для девочек ¹⁷¹. Похожим на Ильинское, но менее крупным, было и с. Посад-Дмитриевское, вначале принадлежавшее Строгановым, а затем перешедшее к Абамелек-Лазаревым.

В местах строгановских вотчин встречались и сельца — несколько меньшие по населенности, чем села (в Ильинском округе в 1848 г. было три сельца — Евгиинское, Челвинское, Гаревское) ¹⁷².

Старые сооружения в деревнях

Дом зажиточного
крестьянина
в с. Копально
Чусовского р-на;
кулацкий дом
в с. Юм;
дом учителей
приходской школы
в с. Юм

Старые сооружения в деревнях

Церковь
в с. Пянтег
Чердынского р-на;
дом управляющего
имениями Строгановых
в с. Ильинском;
дом лесоторговца
в с. Пянтег

Села — центры округов-волостей объединяли вокруг себя, как и на всем Севере, деревни. В некоторых деревнях имелись строения общественного, административного, хозяйственного значения (магазины, склады, общественные амбары, правления сельских обществ и т. п.); такие деревни до некоторой степени выполняли функции сел.

Пермские деревни имели отличительную особенность. Они не были малодворными селениями, какими оставались в течение веков деревни других северных уездов. Возникнув первоначально как селение в 1—2 двора, эти деревни быстро разрастались. На памяти местного населения они были уже деревнями, в которых в отдельные периоды насчитывалось не менее 20—30 дворов, а в некоторых — до 70—100 дворов (Лопва, Амбор, Усть-Уролка и др.). Уже в начале своего существования эти деревни насчитывали: Амбор—11 дворов в 1579 г., 19— в XVII в., 34 — в 1886 г.; Большие Долды — 27 дворов в XVII в., 53 — в 1791 г., 68 — в 1886 г.; Лопва — 45 дворов в 1884 г., 66 — в 1909 г.; Усть-Уролка — 13 дворов в 1623 г., 45 в 1884 г., 79 — в 1909 г., Ворцева — 65 дворов в 1907 г.¹⁷³ Но даже самые крупные деревни были меньше сел: так, в с. Вильгорт уже в 1572 г. было 82 двора, в 1624 г. — 127; в с. Бондюг в XVIII в. было более 50 дворов и 147 душ муж. пола, в с. Искор — более 100 дворов и 599 жителей (к середине XIX в.), в с. Ильинском в XIX в. — 278 дворов и 2170 жителей¹⁷⁴.

Относительная многодворность пермских деревень может быть объяснима рядом обстоятельств. Во-первых, расположением многих из них на трактах, связывающих Пермь со всем Поморьем и с Сибирью, расположением на путях, ведущих в Печорский бассейн, на Вятку и в Поволжье¹⁷⁵. По этим дорогам шло население, осваивающее новые земли, и значительная его часть оседала в пермских местах. Во-вторых, развитием с XVII в. солепромышленности¹⁷⁶ и горного дела, созданием на Урале заводов¹⁷⁷, что также притягивало население, не только местное, но и пришлое.

Кроме сел и деревень, существовали в прошлом и другие типы селений. Починочный тип в целом был мало распространен даже в начальный период заселения. Исклучение составляет район Обвенского поречья, где починки росли, особенно в XVIII в., во время крестьянского заселения края¹⁷⁸. Вероятно, первоначальные починки в пермских землях быстро превращались в деревни. К тому же заселение некоторых районов происходило в XVIII в., когда пришельцы несли сюда давно устоявшиеся традиции — опыт жизни в деревнях, объединенных в сельские общины. Заселение пермских земель происходило, когда широко развилось на всем Севере трехпольное земледелие, тогда как образование отдельных починков и заимок было характерно при господстве переложного или подсечного земледелия. К тому ж заимки как тип селения, по полевым наблюдениям, не были распространены, что свидетельствовало о быстром освоении земель и появлении деревень как основных типов поселений. Починочное заселение еще встречалось на верхней Каме, где осваивались незаселенные места (в середине XVIII в. там известны починки Усть-Каиб, Глубоковский, Кривцы, Ворьев и др.¹⁷⁹). В XIX—начале XX в. в лесных северо-западных местах Прикамья также возникали починки. Эта особенность лесного севера была вызвана «условиями

местности и потребностью в достижении удобств в пользовании общественными землями»¹⁸⁰. Именно существование небольших площадей, годных для сельского хозяйства, приводило к созданию небольших селений с «удобным пользованием общими землями»¹⁸¹.

В древности в изучаемых районах существовали и другие типы селений, исчезнувшие при интенсивной русской колонизации земель. В местах чудских городищ и родовых крепостей возникали *кары* (городки) — селения князьков у предков коми¹⁸². Новгородцы, проникнув в бассейны северных рек, также строили свои *городки* (крепости) на месте чудских селений (упомянутый выше Анфалов Городок). После новгородского времени городки (опорные пункты-крепости) строились в пермских землях по приказу московского князя Строгановыми (Канкор, Кергедан, Нижне- и Верхне-Чусовской городки и др.). Кроме городков, Строгановым и местным монастырям разрешалось еще строить слободы — тоже укрепленные пункты, которые со временем превратились в обычные деревни, иногда с некоторыми функциями сел (центры округов, религиозные центры)¹⁸³.

Существовали на этой территории и такие старые типы селений, как погосты в значении центра волости. Так, в XVIII в. погостами считались некоторые будущие села на верхней Каме¹⁸⁴. В таком виде погосты существовали на всем Европейском Севере, особенно в начальный период заселения земель. Эту функцию они сохраняли в местах новгородской колонизации даже и в XIX в.¹⁸⁵ Погосты как центры волостей к концу освоения территорий передали свои функции селам. В рассматриваемый период хозяйственного освоения за погостами оставалась только одна функция — религиозных центров, где находились церкви и кладбища.

В начале русского проникновения в пермские земли, особенно на Обве, возникали посады. Они со временем превращались в села, о чем сохранились следы в топонимии: одно из названий села Дмитриевского — с. Посад, по имени которого называется и современный Посадский сельсовет.

В конце XIX — начале XX в. существовали и характерные для того времени типы селений — выселки и хутора, особенно в западной части бывшего Чердынского у., а также на севере Соликамского. Так, из д. Зюзино (Юрлинская вол.) в конце XIX в. выселилось несколько дворов и освоило незанятое место — хутора Одина, Микитята, Мельничата. В стороне от д. Рогали (Половодовская вол.) за логом был хутор Хромичата (теперь один из концов деревни). Сначала в нем было три двора, которые заняли землю за логом, так как в деревне ее не хватало. Такой же выселок существовал и в д. Темной и назывался *Зарёкой* (бывшая Копалинская вол.). Выселок *Между речки* в двух верстах от с. Шакшер появился в 90-х годах XIX в. в Анисимовской вол. Чердынского у.¹⁸⁶ О наличии выселок свидетельствует и топонимия того времени. Появились названия селений типа: *выселок из Мелехина, однодворок Мелехин*; повторяющиеся названия: д. Дьяволова и д. Дьяволова Сальников; д. Лобанова, д. Лобанова Шмани и д. Лобанова Миронов; д. Зула Пестерева и д. Зула Букреева и т. п.¹⁸⁷ (Юрлинская вол.). Названные хутора и деревни с повторяющимися названиями были типичными выселками, так как располагались близко от деревень, из которых они выселились и

Таблица 7

Типы селений в Пермской губ.

Типы поселений	Число селений в уездах			Типы поселения	Число селений в уездах		
	Пермском	Соликамском	Чердынском		Пермском	Соликамском	Чердынском
Город	1	2	1	Поселок	1	—	—
Слобода	—	4	—	Хутор	1	—	—
Село	29	40	34	Однодворок	29	88	—
Деревня	1386	1604	409	Завод	10	11	3
Выселок	6	15	17	Сельцо	—	1	—
Починок	204	438	2	Мельница	—	1	—
					1667	2204	466

пользовались общедеревенской землей. Но встречались и хутора — селения, располагавшиеся довольно далеко от деревень (например, хутор Шомаш от д. Ескино Половодовской вол.) с собственным землепользованием. Правда, основой названного хутора также был выселок на отъезжих полях с целью «приблизиться к полям» и только со временем он стал самостоятельным селением-хутором. Типичное хуторское расселение развивалось в пермских волостях в столыпинские времена, но оно существовало в ограниченном масштабе. Заметный рост хуторов отмечался лишь в отдельных местах Чердынского у. у с. Шакшер (бывшая Анисимовская волость), у д. Митрофановой за Уролкой, где их число к 1911—1912 гг. росло после издания закона о землеустройстве. Некоторые хутора были основаны выселявшимися из деревень раскольниками¹⁸⁸.

Кроме сельских поселений, в пермских уездах были селения, жители которых не занимались сельским хозяйством. Это были пристани и заводские поселки, куда приходило на работы сельское население. Пристани были центрами, где совершались торговые операции, через них осуществлялась переброска грузов и товаров в разных направлениях. Типичной пристанью была Якша, возникшая еще в 1770 г. и обслуживавшая Печорский волок (путь из Чердыни на Печору). К концу XIX — началу XX в. Якша представляла собой селение, где было 6 крестьянских дворов, 4 купеческих, около 100 амбаров по берегам реки, церковь. Обслуживали пристань рабочие — русские и зыряне, приходившие сюда из чердынских и печорских селений¹⁸⁹.

Заводское население жило в поселках. В таких поселках находились управления, административные, общественные сооружения, церкви или часовни, дома заводских жителей, похожие на крестьянское жилище¹⁹⁰.

Все разнообразие сельских и других поселений в пермских уездах во второй половине XIX в. можно свести к следующим типам¹⁹¹ (табл. 7).

По этим данным видно, что в целом в уездах освоение земель закончилось и сформировалось расселение, характер которого сохранялся и в более позднее время. К концу XIX в. еще шло некоторое земледельческое освоение свободных земель путем создания выселков, хуторов и однодворок. Этот процесс шел заметнее всего в Чердынском у., особенно по Кол-

ве, наиболее поздно осваивавшейся. Там появлялись выселки в Тулпанской и других волостях (Орловка, Аныль, Шанежная и др.), некоторые из них постепенно переросли в деревни или слились с другими деревнями. В меньшей степени такое освоение было в районах, где находились владельческие селения, например, по Обве. Появление выселок там тормозилось владельцами (в более раннее время Строгановыми, затем Лазаревыми), а самостоятельное крестьянское освоение во второй половине XIX в. не имело места.

В среднем сельские поселения к середине XIX в. насчитывали 14,5 двора с 91,7 человека; размеры сельского двора в пермских уездах в среднем были равны 6,3 человека на двор¹⁹². Для районов Европейского Севера это достаточно крупные поселения.

Такой состав сельских поселений просуществовал в изучаемых районах до Октябрьской революции. В 1918 г. в связи с земельной реформой, когда крестьянам был разрешен свободный выбор формы хозяйства, здесь, как и вообще в бывших уездах Севера, появились новые хуторские хозяйства¹⁹³. Некоторые крестьяне выходили из общины, полученные «от отцов паи забирали из деревень» и устраивались на хуторах. Такие хутора появились в юрлинских деревнях Лопве, Носковой, Титовой, Юме, Кукольной, в соликамских — Осокино и Рогали, в деревнях бывшей Пятежской вол. — Козырыб, Стафина Кулига, Гиршер и др. Характерно, что эти хутора возникали на бывших заимках и пожнях крестьян. На самом севере изучаемой территории, в глухих и далеких от крупных дорог и центров местах, хуторское расселение было нежизнеспособным. «Хутора некому было обслуживать, — объясняли крестьяне бывшей Бондюжской вол., — да они все равно сбивались на одно дело» (общее с деревней землепользование). К тому же земледелие там заметно уступало охоте и рыбной ловле. За редким исключением хутора, как и выселки, просуществовали до времени коллективизации¹⁹⁴, когда началось их объединение или сселение в деревни.

В послевоенное время с конца 1940—1950-х годов разрослись в Прикамье и Припечорье такие типы поселений, как поселки лесных и горных рабочих; в северных районах Прикамья они составили до трети всех поселений¹⁹⁵. В Верхне-Печорском бассейне, в 7 км от Курьи возник в 1950-х годах поселок Речной. Сначала он принадлежал отделению северного пароходства, потом был преобразован в леспромхозный поселок. Это — крупное поселение в 72 двора с жителями — рабочими леспромхоза. Типичным современным селением на верхней Печоре является центр сельсовета Курья. В таких селениях имеются хозяйственные сооружения совхоза (фермы), общественно-культурные и медицинские строения (клуб, библиотека, фельдшерско-акушерский пункт, школа), магазин, детский сад, отделение связи. До революции там насчитывалось всего 12 дворов, сейчас 53. Другие деревни сельсовета удалены от Курьи на 30 км, поэтому в них также есть детские сады, школы, акушерские пункты, магазины.

Некоторая специфика сельских поселений Прикамья и Припечорья выявляется при рассмотрении их планировок. Большинство сел и деревень в изучаемых местах имеют уличную форму. Уличный план селений развился здесь довольно рано, так как через селения или вблизи них

Новые сооружения в деревнях

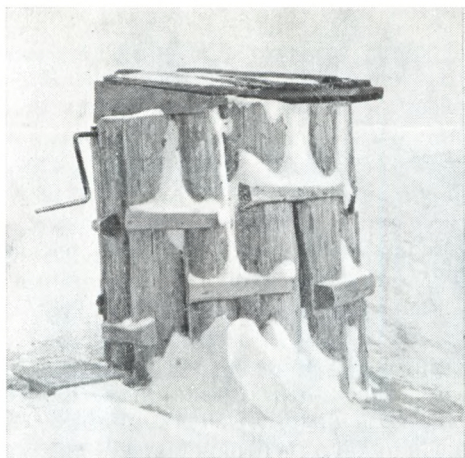
Вверху —
сельсовет в с. Юм;
внизу —
жилой дом
в с. Копально

Водоснабжение в деревнях

Вверху —
колодец
в д. Жердовка
Ильинского р-на
и колодец в д. Курья
Троицко-Печорского
р-на;
в центре —
колодец в д. Зюзино
Юрлинского р-на;
внизу —
прорубь в реке Лелим
в д. Курья

прокладывались дороги. Такие планировки многих селений выявляются по картографическим данным различных межеваний, проводимых в первой половине XIX в. в уездах Пермской губ.¹⁹⁶ Так, деревни Демидова, Зула, Лобанова, Сюроль, Дьяволова, Сеполь в бывшей Юрлинской вол., с. Чигироб, деревни Кулакова, Пеняхина, Тюлина, Яшина и другие бывшей Мошевской вол. Чердынского у. имеют уличную форму, сориентированную на реку. При уличных планировках, по выражению местных жителей, «дома ставят супротив друг друга»¹⁹⁷, т. е. дома в порядках с каждой стороны улицы «смотрят» друг на друга. В Анисимовской вол. Чердынского у. с. Серегово к 80-м годам XIX в. уже имело несколько улиц: Нижняя — самая старая улица, Верхняя — куда селились выделившиеся из семей жители со старой улицы, Новая — вдоль тракта¹⁹⁸. Как правило, уличные деревни имеют по одной — три улицы (Зюзино, Лопва, Мурты, Пянтег, Амбор, Юм, Черепаново, Тулпан), реже больше (Усть-Уролка). Они соединяются проулками, которые в крупных селе-

ниях застраиваются. Это придает отдельным формам селений черты квартального плана (Мурты, новая часть Пянтега, Юм и др.). Часто улицы в деревнях называются по расположению их к реке: *Нижняя, Верхняя, Средняя, Заречная (За логом)*. Улицы, расположенные вдоль берега реки и имеющие вид одного порядка, называются *Односторонками* (Пянтег, Амбор, Усть-Уролка).

Уличные формы селений, когда дороги и тракты, проложенные вдоль реки, дали основные черты плана, особенно характерны для Обвенского поречья. Все деревни по Обве имеют уличную форму, села приобретают квартальный план (с. Ильинское, Дмитриевское). Крупные селения по Колье также приобрели уличную планировку (частично с. Тулпан, д. Черепаново).

В XIX в., как вспоминают информаторы, улицы в деревнях назывались по именам и прозвищам жителей: *Васькины, Никишины, Пьяный Хутор, Валтай* в с. Пянтег; *Шанежки, Ременные, Бызи* («упрямые») в с. Юм и т. д. В д. Усть-Уролке в названиях улиц отражена история деревни, и можно найти свидетельства о составе населения: *Хуторянская* улица, куда в 1939—1940 гг. свезли дома с хуторов; *Табашная* улица, где жило «мирское» (в отличие от староверов) население; *Богатая* улица — самая центральная, населенная «справными» хозяевами, на ней находились волостное правление, часовня, лавки и магазины ¹⁹⁹.

Преобладание уличных деревень роднит этот край с центральными районами, ибо в северных местах был распространен в прошлом другой вид деревень — вытянутых по берегам рек. Традиция же создания деревень по дорогам была занесена различными переселенцами, в том числе и пермскими, в Сибирь, где с освоением земель распространялись при трактовые селения.

По происхождению уличная форма селений не является первоначальной. Ей предшествовали в изучаемых районах деревни так называемого беспорядочного плана ²⁰⁰. «Жили, как на ферме, грудой», — объясняют в д. Лопва. «Село стояло в куче, жили не планоно, строились возле церкви», — вспоминают в с. Пянтег. Беспорядочный план в селе сравнивают: «Как камница в бане сложена». В 70-х годах XIX в. с. Вильгорт Чердынского у. на Колье еще было не распланировано. По воспоминаниям одного из жителей, дома строились в беспорядке: «Улицы кривые и узкие, и дом подле дом были построены густо... На восточном сугорке от верхнего моста на роднике ...» сходились «все дороги и узкие проулки, где густо были построены целый десяток домов без всякого направления» ²⁰¹. Аналогичный вид имела д. Нижняя Ворцева Бондюжской вол. этого же уезда: «Она стояла разбросанно и беспорядочно на берегу Камы, с востока на запад и с горы на Каму. Два ряда домов, в которых нет правильности в расположении, много закоулков, переулков» ²⁰². В деревнях Юрлинской, Юмской и Усть-Зулинской волостей «постройки жилищ производились без всяких планов, как попало. Улиц и проулков более правильной формы не имелось». Отмечалась скученность построек: «Выделившиеся сыновья нередко селились на участках отцов» ²⁰³. Но «не каждый участок заселялся хаотически кучами построек, что зависело от того, насколько развился род предка... Иногда разделившимся давали землю в концах деревни, план деревни тогда менялся: центр де-

ревни имел скученное население, а по окраинам — вид отдельных хуторов»²⁰⁴.

Следы «кучевого» плана сохраняются в деревнях до настоящего времени, особенно в мелких деревнях и выселках. Они прежде всего прослеживаются в различной ориентировке фасадов домов на улицах. Многие дома «повернуты на юг, часть «смотрят» на реку, независимо от того, с какой стороны она протекает. «Разбивка» по плану происходила в некоторых местах на глазах теперешних жителей: в д. Амбор дома стали «поворачивать по линии», а раньше их ставили «по солнцу». «Смешано» (без плана) жили и в Усть-Урлке. Там и сейчас дома на улицах ориентированы в разные стороны, в большинстве случаев на юг²⁰⁵. «Дворы врознь», — так объясняют прежний беспорядочный план в деревнях Мошевской вол.²⁰⁶ Деревни «без плана» сохранились и сейчас в местах вдали от дорог в Обвенском поречье (деревни Семехи, Говорухи, Глушкова и другие в Посадском сельсовете); иногда форму «без плана» («как попало») сохраняют отдельные части и в крупных деревнях. Беспорядочная планировка, по рассказам жителей, была первоначальной во многих из них (д. Жердовка, Егорова и др.). Разбросанность строений без порядка отмечалась в селениях по Колве²⁰⁷. Отсутствие «правильных» улиц наблюдалось в деревнях по Вишере²⁰⁸. В лучшем случае выстраивалась улица, как, например, в д. Пудьва (центре раскольниковьего мира бывших Чердынского и Соликамского уездов), где среди 16 изб стояла молешня²⁰⁹. В то время, когда д. Курья, на верхней Печоре, только появилась, первые дома были поставлены в ней без порядка, затем возник ряд домов вдоль реки — Односторонка, от него пошли проулки к застраивавшемуся второму ряду изб²¹⁰. Беспорядочность планировок пермских селений отмечалась и в ответах на программу ВЭО для собирания сведений о сельской поземельной общине в 1879 г.²¹¹

Характерный для Европейского Севера, особенно для мест новгородского заселения (Заонежье, Онега, Северная Двина)²¹², классический рядовой план деревень, при котором вдоль берегов рек вытягиваются один или несколько параллельных рядов изб, «смотрящих» на реку, распространился в некоторых районах Прикамья. И в прикамских местах он встречается в местах раннего проникновения новгородцев или переселений из районов Европейского Севера, где была новгородская традиция. Селения такого плана есть на Чусовой в Копалинском сельсовете (с. Копально, д. Борисово и др.)²¹³. Черты классического рядового плана имеют и деревни по Каме на территории Пянтежского сельсовета. Следы рядовой формы сохраняют улицы в с. Пянтег: одна из улиц сзади села на горе имеет ряд домов, «повернутых» на реку. Похож на этот и план д. Амбор. Такая форма селений объяснима расположением пянтежских деревень на Каме, которая сохранила значение судоходной и сплавной реки до настоящего времени. Есть деревни рядового плана по Яйве. Многие деревни по Колве также сохранили северный рядовой план (деревни Нюзим, Орловка, частично Тулпан в Тулпанском сельсовете, деревни Сусай, Талова, Дий в Черепановском сельсовете): дома в них располагаются рядами вдоль высокого берега реки и повернуты фасадами на реку. Чаще всего план таких селений — неправильный ряд. Сусай имеет расположение домов, несколько напоминающее террасы. Дома

Планировки селений

Слева — рядовая (д. Комариха Ильинского р-на);

справа — уличная (д. Кукольное Юрлинского р-на); беспорядочная (часть д. Талова Чердынского р-на)

стоят не строго по линии, а отдельными выступами в каждом верхнем ряду над нижним, ориентируются в разные стороны, но в большинстве случаев — на реку. Дий имеет один ряд домов, за которым начинается подъем в гору; второй ряд, на самом берегу, не явно выражен²¹⁴. Сельские поселения в Курьинском сельсовете сохраняют традиционные северные планировки. Сама Курья имеет два ряда домов, вытянутых вдоль Лелима — притока Печоры и повернутых фасадами на реку; сзади домов находятся луговые угодья и леса. Противоположный берег Лелима занят лесом, через который идет дорога в другие деревни сельсовета²¹⁵. В Обвенском поречье рядовую форму в ее классическом виде сохранили частично лишь отдельные деревни, причем не река определяла в них форму, а отсутствие места для уличной застройки (части деревень Комариха, Жердовка, Шорохи в Посадском сельсовете). В таких селениях сочетаются разные виды плана: уличный и рядовой, уличный и беспорядочный и т. п.

Разнообразие планов в крупных деревнях явилось результатом их слияния из мелких деревень: по Обве — д. Жердовка из Средней, Нижней, Верхней и Малой Жердовки; д. Комариха из нескольких снесенных

деревень, в результате чего в ней возник *Новый поселок* — центр теперешней деревни, где находятся магазины, почта, школа, клуб и многоквартирные жилые дома. Сочетание двух видов плана (кругового и уличного) осталось еще в одной обвенской деревне Посадского сельсовета — Егоровой: две улицы деревни образовывали прежде круг; в то же время сохранялась ориентировка домов фасадами в разные стороны, как в деревнях без плана. Из слияния нескольких селений возникли и многорядные планировки некоторых деревень по Каме: в бывшей Бондюжской вол. в д. Ворцовой, образовавшейся из трех деревень Нижней, Средней, Верхней; в с. Копально на Чусовой, образовавшейся из двух деревень²¹⁶; по Колве в Тулпанском сельсовете д. Нюзим состоит из трех деревень (Нижней, Средней, Верхней), в Черепановском сельсовете — д. Черепаново из Верхней, Нижней деревень и д. Паршаковой; с. Тулпан имеет смешанную планировку: параллельно главной улице на горе расположены еще три ряда домов, повернутых фасадами на эту улицу вдоль берега Колвы, а удаленный конец улицы «уходит» в лес и имеет название *Шанхай*²¹⁷. Из двух слившихся деревень — Верх-Власовой и Карповой — возникло с. Архангельское Соликамского у.²¹⁸

Деревни рядового плана почти не распространились в правобережье верхней Камы. Даже в XIX в. в Юрлинской вол., например, рядовое расположение домов по берегу реки сохранили лишь д. Дьяволово и некоторые мелкие выселки²¹⁹. В северном Прикамье рядовые и беспорядочные деревни, существовавшие в XVII—XIX вв.²²⁰, затем перестраивались в уличные.

В целом почти повсеместно в Прикамье отмечается уличная форма селений, иногда с сохранением беспорядочного расположения улиц; рядовые же формы по берегам рек очень редки²²¹. На Печоре последний вид плана встречается чаще.

Все рассмотренные деревни, и уличного, и рядового плана, не имеют ярко выраженного центра, площади и т. п. Исключение составляют крупные селения — центры районов или сельсоветов (Юрла, Половодово, Пянтег, Юм, Тулпан, Ильинское, Дмитриевское). В обычных деревнях небольшие центры существовали в редких случаях. Так, в д. Кукольное бывшей Юрлинской вол. рядом с правлением сельского общества со стороны въезда в деревню из волостного центра была небольшая площадь. В д. Махнутино бывшей Чусовской вол. на площади стояла часовня и лавки, а другим «центром» деревни было место гуляния (*полянка*) возле покотины на лугах. В деревнях по Колве в бывшей Тулпанской вол. центр имело только с. Тулпан, где на Центральной улице, идущей вдоль тракта и берега Колвы, были административные и торговые сооружения, склады на берегу реки, небольшая площадь вокруг церкви, возле дома священника.

В деревнях выделялись дома зажиточных крестьян, их лавки, магазины. В деревнях Зюздино и Кукольное Юрлинского р-на имелись больших размеров кулацкие дома, занятые теперь под школы. Купцам принадлежали лавки и магазины в центре и на главной улице сел Пянтег, Юрле, Юме. В некоторых деревнях находились мельницы и кузницы (Кукольное, Жердовка и др.), заводы — кожевенные, масляные, дегтярные (Рогали и др.). Теперь на месте этих строений располагаются обществен-

вые, административные или хозяйственные строения: правления, школы, медпункты, клубы, детские сады, магазины и т. д.

Планировки некоторых селений частично менялись по разным причинам. Так, юрлинская д. Зюздино была перестроена в начале XX в. по уличному плану; в результате переселений жителей из соседних деревень увеличилось число улиц в д. Осокино, в с. Половово Полововского сельсовета, в с. Копально по р. Чусовой и др. Изменило свое первоначальное место с. Копально. С места древнего городища оно было перенесено на берег Чусовой.

Миграции населения, осуществлявшиеся в разное время также меняли облик селений. В начале XX в. пришли на Печору переселенцы с Вятки. Они работали там на Лукьяновском заводе, построенном одним нижегородским купцом-раскольников. После ликвидации завода они поселились в д. Сурья, в 7 км от д. Дий, а затем в первые же десятилетия XX в. расселились в колвенских деревнях и по Вишере²²².

В других местах происходило обратное явление — убыль населения и исчезновение дворов во многих деревнях. Из пермских деревень переселялись в Екатеринбургский уезд²²³. Переселения в Сибирь из пермских мест усилились в конце XIX — начале XX в.²²⁴ Особенно была заметна убыль при уходе жителей в города, на промышленные предприятия в 30-е годы XX в. (деревни Кукольное, Рогали, Дий, Вильгорт и др.)²²⁵.

В настоящее время селения, возникшие в различные периоды заселения Прикамья в XVII—XIX вв., сохраняют преимущественно уличные формы. Часть селений — строящиеся новые поселки (лесные, горные и т. п.) — приобретает квартальные планировки²²⁶.

По типу расселения — взаимному расположению селений относительно друг друга — местные районы приближаются к средней полосе. Здесь почти отсутствует характерное для многих мест Русского Севера так называемое гнездовое расселение²²⁷. Возможно, оно отсутствовало и в прошлом. По крайней мере, на соседних территориях — на водоразделе волжских и двинских рек — оно тоже наблюдается редко²²⁸. Гнездовое расселение было связано с существованием и расселением древних патронимий²²⁹. Заселение же прикамских районов по сравнению с другими районами Севера происходило поздно, когда уже о древних патронимиях говорить не приходится. Селения в Пермском крае формировались соседскими территориальными общинами, в результате чего создавалось расселение, типичное для волостей-округов. Встречающиеся патронимические наименования отдельных мест, а чаще всего селений или улиц и т. п., имеют только патронимическую форму, сохранившуюся у русских с былых времен, но ничего общего не имеют с самими патронимиями²³⁰. Такие названия, а в пермских местах, как и везде на северо-востоке Поморья, они имеют форму, оканчивающуюся на *-ата*, *-ята* (*Тарасята*, *Давыдята*), реже — на *-ичи*, *-ицы* (*Хромичи*), принадлежали первопоселенцам; иногда первопоселенцев было несколько в одном месте и в одно время, и необязательно они были главами рода, семьи. Одно из названий старообрядческой д. Захарово (Лысьвенский р-он) имеет патронимическую форму — *Захаровичи*. Так называли себя первопоселенцы, пришедшие сюда из-за Камы с неким Захаром. Такие топонимы возник-

ли здесь не при древнем расселении гнездами, а связаны с традицией населения бывших уездов Поморья давать вновь возникающим селениям имя в патронимической форме. Подтверждением этому служат названия хуторов, возникших в поздний период освоения земель в крае — в конце XIX — начале XX в. (хутора *Микитята*, *Мельничата* из д. Зюздино бывшей Юрлинской вол., хутор *Хромичата* из д. Рогали Половотовской вол. и др.).

В местном расселении сохраняются черты, характерные для более позднего периода, нежели время гнездового патронимического расселения. Такие черты можно усмотреть в существовании «концов» в деревнях, в расселении в них групп родственных семей, в обилии и до настоящего времени однофамильцев в деревнях²³¹. Так, в д. Кукольное Юрлинского р-на сохраняются родственные фамилии еще первых поселенцев — Овчинниковых, Мазейных, Ташкеновых. Большая часть населения д. Зюздино — Ведерниковы. Считаются родственными в прошлом многие фамилии в д. Темной Чусовского р-на. Но в названии двух концов чусовского с. Копально — *Заручей*, *Степановка* — не осталось следов расселения бывших родственных групп. В д. Рогали Соликамского р-на в отдельный конец превратился бывший выселок Хромичата, который образовали три родственные двора. Это название конца сохраняется до сих пор. О существовании концов в деревнях, где жили родственные семьи, вспоминают в юрлинской д. Лопва: прежние родственные семьи Штейниковы, Чеклецовы, Бартовы, Верхоланцевы населяли отдельные места в деревне, но постепенно стали жить «вперемежку». По прозвищам таких родственных семей в д. Мурты бывшей Бондюжской вол. назывались концы: *«Серята»*, *«Белята»*, *«Заозерные тараканы»*. Родственники, по прозвищу *Володята*, дали название основанного ими выселка из д. Зюздино — *Володятские Поляны*. В с. Пянтег Чердынского р-на в далеком прошлом родственниками считались жители Селянины (Васькины), а теперь они, как рассказывают в селе, — «далекая природа» и расселены по всему селу. Отдельные места в соседней с этим селом д. Амбор заселяли когда-то старожилы Чистяковы, Мещановы, Ильиних, Черных. В д. Усть-Уролка также отмечаются следы прежнего расселения родственников Зарубиных и особенно Сандраковых, Якутовых; в д. Мосята — Боровских; Чашины населяли когда-то юмскую д. Чужью, затем они расселились в других юмских деревнях. В Троицко-Печорском р-не в д. Курья род первопоселенцев Непомнящих занял несколько домов в центре деревни, и сейчас рядом находятся три избы потомков этой семьи. Имена первых поселенцев остались в названии другой курынской деревни — Пачгино, и теперь здесь отмечается «обилие» этой старой фамилии.

В Ильинском р-не во всех деревнях наблюдается много родственных семей, которые сейчас живут не обособленно в отдельных местах селений, а вперемешку: в д. Жердовка только одна часть ее сохранила название от прозвища родственников — *Тарасята*, другие части деревни заселили Ульяновы (первопоселенцы), к ним присоединились Катаевы, Тепугины, Поносовы (последние дали начало торговому дому в с. Ильинском). В д. Комариха однофамильцы Сажины, Павленины (от первых насельников) заселили отдельные концы. Имена первых пришельцев дали названия деревням Ермаки, Еремичи, Говоруха. Среди местных старых фа-

милий много таких, которые впоследствии распространились в сибирских селениях: Боровских, Усатых, Смирных, Ильиных, Черных.

Расселение в деревнях по Колве происходило также путем основания однофамильных семей. Некоторые деревни сохранили «резиденции» только какой-либо одной фамилии: Пашины в Ньюземе, Собянины в Тиминской и Дне. Имена первых поселенцев здесь также оставались в топонимии: Евстрокина (бывшее название д. Черепановой).

Особняком выделяется расселение д. Орловка Тулпанского сельсовета. Деревня имеет два ряда домов по берегу Колвы. Один из них — старый ряд, а котором жили первые семьи, обосновавшиеся здесь. Второй ряд домов заселили отделившиеся сыновья и братья первых жителей. Такое расселение родственников в деревне сохранилось до сих пор.

Вообще география фамилий в колвенских деревнях, как нигде в Пермском крае, отражает этапы освоения территорий. Оседлавшие землепроходцы из Чердыни оставляли на берегах Колвы следы в местной топонимии и антропонимии. Фамилии жителей деревень, заселявшихся поздно, произошли от названий селений более раннего происхождения.

Нередко в настоящее время в деревнях наблюдается обилие родственных фамилий, считающих свое происхождение от общих предков. Причем прослеживаются не только родственные фамилии среди жителей русских деревень, но и в соседних коми-деревнях: фамилия Москалевых в д. Москали бывшей Бондюжской вол. и коми фамилия Москалевых в юрливских деревнях — одного происхождения. По документам XVIII в. в чердынских деревнях фамилия Худиевы встречается у коми в д. Фофановой и у русских в д. Ленмортове, фамилия Ужеговы — в русской д. Гремячинской и коми д. Зюлева²³².

Рассмотренное выше развитие сельского расселения в XIX — первой четверти XX в. характеризовалось не только изменениями в поселениях; небольшие перемены произошли в составе жителей бывших уездов Пермского края.

По данным V, VI, VIII, X ревизий²³³ в первой половине XIX в. в целом по всем трем уездам преобладали помещичьи крестьяне. Эту группу составляли крестьяне Строгановых и других владельцев имений, частных фабрик и заводов. Состав населения в это время еще отличался пестротой. Его основные категории включали много мельчайших групп, положение которых в социальном отношении было неодинаковым.

В составе населения отдельных уездов были некоторые различия. К середине XIX в. в Чердынском у. преобладала категория государственных крестьян — 60 100 человек обоего пола, или 9/10 всего населения уезда; помещичьи крестьяне насчитывали 1 238 человек, ясачные вогулы — 124 человека, другие люди — 11 человек. В Соликамском у., наоборот, преобладало сословие крепостных (76%), а государственные крестьяне составляли 15% всего населения²³⁴. Поскольку состав жителей внутри каждого из уездов был довольно однообразен, то среди населения в пределах каждого уезда «не наблюдалось больших различий в материальном отношении, занятиях, образе жизни»²³⁵.

Крестьяне округов, принадлежавших Строгановым, составляли, во-первых, земледельческое население (в Пермском у. в Ильинской вол. «селах Ильинском, Богородском, Сретенском, Кривецком, Васильевском,

Слудском, сельцах Евгинском, Челвинском, Гаревском — 81 640 душ, в Чусовских городках, деревнях Бабенки, Харенки, Усть-Серебрянка, Возелова — 14 617 душ); во-вторых, были приписными к Добрянскому заводу («добрянских, дивьянских, висимских, пермских, усть-гаревских деревень — 2178 душ, а вместе с мастеровыми и служителями заводов — 17 910 душ») ²³⁶. В 40-х годах XIX в. в верхнекосвинских селениях Ростеском, Верх-Косвинском, Кыр, Молчан крестьяне принадлежали Лазаревым и Строгановым ²³⁷.

У Абамелек-Лазаревых крестьяне так же, как и у Строгановых, состояли из земледельцев и заводских. Это население с XVIII в. находилось в уездах: Соликамском (в Чермозском, Кизеловском заводах; в Усольском и Ленвенском соляных промыслах), в Пермском (Полазнинском заводе), Оханском (в Хохловском заводе); в Чердынском (в Кишконоговском, Лекмортовском, Зюлевском, Давыдовском сельских обществах) ²³⁸.

К 1861 г. в пермских местах насчитывалось 68 помещиков, 9 из которых были, кроме того, и заводчиками. Эти последние сосредоточили в своих руках 98,1% всех помещичьих земель. Крестьяне — и государственные, и помещичьи (преимущественно заводские) имели довольно низкие земельные наделы: по $1\frac{1}{3}$ — $2\frac{1}{3}$ дес., лишь изредко встречались по 4—7 дес. ²³⁹

После уничтожения крепостного права, к концу XIX в. состав сельского населения стал более однородный. Различий в положении бывших государственных и владельческих крестьян не стало, за исключением того, что нормы наделов у них были разные: у бывших государственных крестьян на ревизскую душу 6,1 дес., у бывших владельческих — 2,7 ²⁴⁰.

После реформы, к 1878 г. 26,4% земельных площадей в пермских районах оставались в руках частных владельцев, крестьянская наделная земля составляла 18,4% площадей, государственное и удельное землевладение — 55,2% ²⁴¹. К началу XX в. все освоенные в Пермской губ. земли разделялись по видам следующим образом: казне принадлежало 40% земель, частным владельцам — 30,9, в наделном владении у крестьян — 29,1% ²⁴².

Социально-экономическое развитие края с начала XX в. почти не изменило состава населения. Хуторское расселение начала века, мало развившееся в пермских районах, привело к появлению незначительного числа крестьян-хуторян, а преобладающей массой оставались крестьяне-общинники.

После 1917 г., несмотря на проведение земельной реформы, появление коллективных хозяйств, основную массу крестьян составляло население деревенских общин, просуществовавших вплоть до коллективизации в 30-х годах. В среде уральского крестьянства развивалась социальная дифференциация, свойственная всей русской деревне того времени (зажиточное, среднее и беднейшее крестьянство). В пермских селениях «достаточным» хозяином считался тот, у кого было не менее пяти—шести коров ²⁴³. Таких хозяев, например, в юрлинской д. Зюзино было 5 (деревня примерно в 30 дворов), в д. Кукольное — несколько более. В соликамской д. Рогали несколько человек имело свои «заводы» — масляные, дегтярные, кожевенные. На заводах работали также местные крестьяне.

В деревнях практиковали наем работников, хотя и сохранялся давний севернорусский обычай складничества: несколько хозяйств совместно сеяли и жали, а затем делили урожай *суслонами*, а измолоченный хлеб — *жадулями* (д. Зюздино). Существовала и обычная поденщина, когда за денежную плату нанимались жать или косить. Наем мог быть и более длительным — в течение года, когда нанятый *встрож* (на срок) работник жил у хозяина и выполнял все сельскохозяйственные работы, получая за это плату.

В чердынской д. Мурты считалось, что богатыми становились те семьи, у которых были большие земельные наделы. Последние образовывались у отдельных семей благодаря обычаю захвата земель при первоначальном освоении края. Основная же масса крестьян и в этой деревне не отличалась особым «богатством» и имела по 1 лошади, 1 корове, редко по 2—3. В юрлинском с. Юм богатеи имели по 5 коров, до 30 овец, по 2 лошади, у некоторых в залежи было до 100 га земли. Такие хозяева нанимали работников на сезон, на год и платили по 25 коп. в день.

Крестьяне припечорских деревень считались обеспеченными скотом. В 1899 г. они держали в среднем на душу по 3 лошади, 4 коровы, 9 овец²⁴⁴. У чувовских крестьян обеспеченность скотом была еще выше: в с. Копально некоторые имели до 5 лошадей, 5—7 коров, у большинства же — по 2—3 лошади, 3—4 коровы, 5 овец²⁴⁵.

Пянтежские крестьяне считали, «что богатство давалось тем, кто был поворотливее и лучше вел свое хозяйство». У таких крестьян было в хозяйстве по 3—5 голов скота, по 2—3 лошади, они пользовались наемными работниками, платя им деньгами или частью урожая. Но своего хлеба часто в селе не хватало и приходилось покупать его у чердынских купцов. У соседних же крестьян в Усть-Уролке, особенно у старообрядцев, недостатка в хлебе не было, они обеспечивали себя всеми «достаточными средствами». Зажиточность старообрядцев отмечал в начале XX в. и Н. Ончуков²⁴⁶. Большую предприимчивость староверов в сравнении с православным миром подметил И. Я. Кривошеков²⁴⁷: многие ремесла, земледелие и баржестроение давали немалые средства к жизни местным старообрядцам. Вероятно, этому способствовали и жизненные устои староверов, и их более ограниченные контакты с окружающим населением по сравнению с остальными жителями уездов. Все необходимое получать в своем хозяйстве считалось «правильным» в старообрядческой среде. Один из старообрядцев — баржестроитель М. Сандраков — имел обширные земельные владения, нанимал людей на сельскохозяйственные и судостроительные работы²⁴⁸.

Среди старообрядческого населения постепенно выделялась торговая прослойка, особенно в строгановском с. Ильинском, где такие крестьяне вели торговлю скотом не только в пределах села, но и многих пермских и соседних с другими губерниями уездах. В с. Ильинском появились купеческие фамилии из крестьян-старообрядцев: Поносовы, Рукавишниковы, Серебренниковы, Беклемишевы, потомки которых до сих пор живут там. Эти торговые дома занимались хлебной торговлей в крае, имели свои пароходы, на которых отправляли товары и зерно по Каме²⁴⁹.

В конце XIX — начале XX в. среди населения уездов появилась еще одна социальная мелкобуржуазная прослойка — всякого рода скупщики и

перекупщики²⁵⁰. Скупщики скота развернули деятельность в Ильинском округе и юрлинских деревнях (д. Кукольное), перекупщики хлеба — в д. Келич и на Печоре (арендатор Бессонов)²⁵¹. Скупщики пушнины держали в своих руках крестьян-промысловиков в колвенских и пещорских деревнях²⁵², арендаторы-скупщики вербовали крестьян в районах с рыболовным промыслом²⁵³. Лесопромышленники и лесообъездчики эксплуатировали население на лесных работах²⁵⁴.

В первые десятилетия XX в. в пермских земледельческих районах широко распространились арендные отношения. Аренда земли у неимущих, отдававших землю богатым крестьянам в обработку на два—три года, существовала в деревнях Зюздино и Кукольное. В соликамских д. Рогали и с. Половодове богатые крестьяне сдавали землю в аренду нуждающимся, за что брали денежную плату. Приходские священники в соликамских деревнях отдавали землю в кортём (аренду) своим же прихожанам²⁵⁵. В местной аренде можно было подметить черты некоторых отношений более ранних времен, в частности, половнических отношений. Так, в с. Вильгорт Чердынского у. в 1914 г. был заключен арендный договор на пользование усадьбой одного хозяина у другого, причем земля должна была «разрабатываться на гряды из половины»²⁵⁶.

С проведением земельной реформы в 1918 г. и свободным выбором крестьянами удобной им формы хозяйства, наряду с общинными деревенскими хозяйствами, появились коллективные хозяйства. В таких сельскохозяйственных объединениях крестьянство вырабатывало новые принципы труда и быта. Но эта часть сельского населения была немногочисленной по сравнению с основной массой крестьянского населения, по-прежнему остававшегося хозяйствовать по принципу общинного землепользования. Коренные изменения в составе сельского населения произошли лишь с проведением коллективизации сельского хозяйства в 30-х годах, когда в пермских районах, как и везде в стране, создавались колхозы с их новыми принципами землепользования и обобществленного сельскохозяйственного производства.

В составе пермского населения в этническом отношении в XIX — начале XX в. особых перемен не происходило. Этнический состав населения со времени окончания хозяйственного освоения края оставался постоянным, хотя через пермские места на протяжении нескольких веков осуществлялось переселенческое движение в Сибирь. Но эти перемещения не приводили к заметному изменению этнического состава местного населения, поскольку перемещалось преимущественно русское население.

Представители других национальностей в XIX—XX вв. составляли здесь небольшое число. В основном это соседние коми-пермяки. Часть их попала в русские деревни (Пянтежский, Усть-Урольский, Юмский, Юрлинский сельсоветы) в результате переселений в конце XIX в.²⁵⁷ К 1928 г. в русском Юрлинском р-не Коми-Пермяцкого округа (бывшего Чердынского у.) проживало 97,3% русских и 2,5% коми-пермяков²⁵⁸. Во всем Чердынском у. в конце XIX в. население в этническом отношении распределялось: 64 656 русских, других народов — 11 254 человека. Русские занимали всю восточную часть уезда, кроме Верх-Язвинской вол., населенной пермяками и манси²⁵⁹, и часть запада уезда, где также жили коми-пермяки и немного коми-зырян²⁶⁰.

Нерусское население попадало в пермские районы и в результате ссылки.

Так, в Чердынском у. в 80-х годах XIX в. появились сосланные украинцы²⁶¹. Много ссыльных перемещено в Прикамье во время коллективизации в 30-е годы XX в. Сюда были сосланы раскулаченные из разных районов страны, преимущественно украинцы и белорусы. Во время организации колхозов в деревни по р. Чусовой к русским было приселено много татар из-под Кунгура (бывшие конобеевские татары), а в последнее время — из Чусовского завода.

После войны 1941–1945 гг. в прикамские районы были переселены немцы из Поволжья, татары и другие народы. В настоящее время некоторые приселения иноэтнического характера происходят в результате притока рабочей силы на работы в колхозы и на лесозаготовительные пункты (Усть-Урольский, Тулпанский, Черепановский сельсоветы Чердынского р-на). В Тропцко-Печорский р-н Коми АССР с началом нефтедобычи стало прибывать население из различных районов страны — РСФСР и других республик. Часть приезжих оседала здесь, вступала в браки с местным населением. Результатом этого явились смешанные украинско-русские, белорусско-русские, молдавско-русские семьи. Состав жителей леспромхозного поселка Речного в Курьинском сельсовете в результате внешних приселений намного отличается от его состава в остальных селениях сельсовета. Если в курьинских деревнях преобладают старожилы, по происхождению связанные с пермско-колвэнцами, то в Речном наиболее представлен приезжий «элемент» из различных областей страны. Часть этого населения имела временное пребывание, другая осела еще с 1950-х годов. Среди приезжих — выходцы из соседних областей Севера: Вологодской, Архангельской, Пермской, Кировской, из разных районов Коми АССР, есть приселившиеся из поволжских автономных республик чуваша, татары; в последние годы появилось немало украинцев (в том числе из Закарпатья), немного белорусов.

Таким образом, в процессе исторического развития районов Прикамья здесь сложилось население, состоявшее из разных категорий крестьян (государственные, помещичьи, монастырские, заводские), с различной хозяйственной деятельностью. Эти категории крестьян просуществовали до второй половины XIX в. Этнически сельское население изучаемых пермских районов было более однородно — преимущественно русское, различающееся в прошлом по религиозным представлениям («мирские» и «кержаки»). Формирование населения было связано с процессом освоения территорий русскими преимущественно из северных, менее — из центральных губерний, что в свою очередь влияло на все стороны жизни и быта местного населения, хотя, как увидим ниже, при некоторых локальных особенностях в материальной и духовной культуре в целом народная культура сохраняла севернорусский тип²⁶².

Особенности в сельском расселении Северного Приуралья. В заселении и формировании сельского населения изучаемых районов наблюдается своеобразие. Расселение здесь носит черты, общие для расселения Европейского Севера: прибрежное или притрактовое расположение деревень в местах, пригодных для занятия сельским хозяйством или промыслами

Таблица 8

Населенность уездов Пермской губ.

Поселения	Средняя населенность в уездах (душ обоого пола)		
	Пермском	Соликамском	Чердынском
Горные заводы	2037	2538	—
Села	137	429	391
Деревни	67	165	93

и тяготевших к селам — центрам волостей-общин; типичные для Севера типы селений — деревни и села и т. д. Наличие в крае в прошлом разных форм землевладения отражало различия в составе крестьянства и разные формы освоения земель. Так, в местах, где существовало вотчинное землевладение Строгановых, исключалось широкое крестьянское освоение территорий, возникновение починкового или займочного расселения и образования выселок, что было характерно для районов с государственным землевладением. Освоение края вотчинниками на ранних этапах сказалось в создании таких типов селений, как слободы (слобода Слудка), городков (Чусовские городки), в расположении в пределах некоторых селений контор и иных сооружений, характерных для административно-вотчинного управления (села Ильинское, Дмитриевское).

В другом районе Прикамья — по Колве, а также в Верхнепечорском бассейне, где, как и в большинстве других, существовало государственное землевладение и где расселение в основном носило черты, общие с расселением на других территориях Севера, существовали свои отличительные особенности, прежде всего редкое заселение мест, малопригодных для земледелия, и создание промысловых поселений. Этому же способствовало и сильное старообрядческое продвижение по Колве и верхней Печоре. В результате создавалось редкое очаговое заселение глухих мест. Таким же очаговым расселением отличались и места в более освоенных районах, нежели Колва, где также поселялись старообрядцы. В стороне от дорог, в лесах староверы выбирали места для своих деревень и скитов (например, в Лысьвенском р-не — деревни Захарово, Лезгино и др.).

Отличительной местной особенностью по сравнению с другими районами Поморья можно считать раннее приобретение деревнями в Прикамье черт притрактовых селений в силу выполнения ими функций перевалочных пунктов на сибирском пути. Это привело в свою очередь к давнему и широкому распространению уличных форм селений и к заметной многолюдности прикамских деревень. Черты притрактового расположения крупных селений, объединенных в сельские волости-общины, перенесли пермские переселенцы при своем продвижении в Сибирь.

Селения с разным составом населения различались по размерам. Наиболее населенными были заводы, нежели земледельческие села и деревни. В середине XIX в. средняя населенность поселений была следующая: в горных заводах насчитывалось в среднем 2 999 душ обоого пола, в селах — 665, в деревнях — 182 ²⁶³ (табл. 8).

Заводы были намного населеннее остальных селений. Села Пермского у. по размерам уступают таковым в Соликамском у., где образованию более крупных сел способствовало и более раннее заселение территории, и развитие там соляных промыслов, и горного дела, а также давняя роль соликамских селений как перевалочных пунктов в Сибирь еще по старым сибирским дорогам. Села в Чердынском у. также крупнее, нежели в Пермском, что было связано с редким заселением чердынских территорий и концентрацией населения в немногочисленных селениях.

Отличительные черты селений, связанные с определенным составом населения, иногда выявляются при рассмотрении планировочных форм селений. Вообще планировки селений возникали здесь, как и везде, с учетом рельефа местности и применительно к условиям хозяйственной деятельности населения. В местах с государственным землевладением деревни строились по общему плану — уличному или рядовому, какие характерны для всего Европейского Севера с государственным землевладением. В местах с вотчинным землевладением села и деревни приняли несколько иной облик. В селениях, где размещалась вотчинная администрация, отводились специальные места под особняки, парки, водоемы (с. Ильинское). Здесь же создавалась и особая часть села — торговая — с базарами и складами. Заводские поселки строились помещиками-заводчиками по определенным планам: обычно у заводов находился естественный водоем (озеро) или сооружался пруд, а дома ставились по упорядоченному плану линейного типа.

Этнические особенности в расселении проявлялись незначительно. Поселения соседних нерусских народов приобрели такой же облик, как и русские села и деревни. В конце XIX в. у коми-пермяков отмечались деревни с уличным планом, хотя в основном деревни имели беспорядочную форму²⁶⁴. Часть коми жила в бывших вотчинах Строгановых в соседстве с изучаемыми Обвенским поречьем и Юрлинским р-ном — по Иньве, Косе. Там селения коми не отличались от русских селений с вотчинным землевладением. У чердынских вогул к началу XX в. появились деревни — *паулы* с оседлым населением, похожие на деревни русских крестьян Чердынского у. Но, кроме них, у вогул в местах охотничьих промыслов сохранились кочевья с жилищами — *юртами*, *чумами*²⁶⁵. В русских поселениях появились черты, присущие коми-селениям. Так, на верхней Печоре иногда ставили дома не вдоль общей уличной линии, а под углом к улице или в глубине усадьбы (так строят коми). Хозяйственная деятельность коми и русских, живших в соседстве, была одинаковой: в земледельческих районах — земледелие, в промысловых — охота и рыболовство; одинаковыми были и несельскохозяйственные занятия тех и других — лесоразработки, лесосплавы, работы на соляных промыслах и горных заводах. Поэтому этнические различия в культуре местных народов иногда сглаживались и, в частности, мало проявились в сельском расселении. Такое же явление происходило везде на Европейском Севере, где русские и другие народы жили в тесном соседстве и контакте и в одинаковых хозяйственных и социально-экономических условиях.

В целом русские Пермского края являются носителями общерусской народной культуры в ее северном варианте, хотя и составляют своеобразную этническую группу.

занятия населения и хозяйственные традиции

Хозяйственное районирование Северного Приуралья и различия в занятиях населения

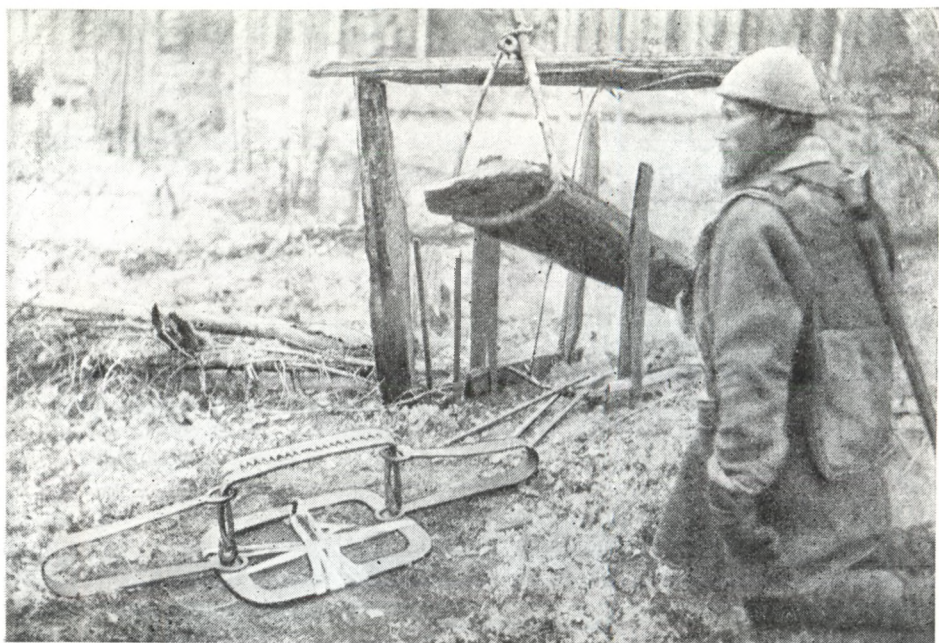
По естественно-природным условиям Прикамье неоднородно, поэтому в пермских районах сложились разные хозяйственные зоны. Западная часть бывшей Пермской губ. от ее границы с Вяткой до западных склонов Урала представляет собой холмистую местность, пересеченную долинами рек. Почвы здесь глинистые, суглинистые, супесчаные, известковые («беляк»), неплодородные, не позволяющие заниматься земледелием. Здесь по берегам Камы и ее правобережным притокам (в Чердынском, Соликамском, Пермском уездах) издавна развилось хлебопашество¹.

На северо-востоке губернии довольно суровый климат, и в некоторых местах земледелие не могло развиваться (в бывшем Соликамском у. в Верх-Яйвенской и Чермозской волостях, на крайнем северо-востоке Чердынского у.², в местах с болотистыми и тундровыми почвами, на каменистых почвах близ Уральского хребта)³.

В целом хлебопашество в северной части Пермской губ., куда относятся изучаемые Чердынский, Соликамский, Пермский уезды, «ненадежно» из-за природных условий районов, но именно оно явилось основным занятием населения. На западе и юге Чердынского у. и в Соликамском, кроме Иньвы, оно развилось в «низшей степени», южнее, в Пермском у., — «более или менее удовлетворительно»⁴. На крайнем севере и северо-востоке земледелие в крестьянских хозяйствах заметно уступало другим занятиям — промыслам, подсобным работам, отходу и т. д.

Таким образом, с точки зрения хозяйственного районирования в изучаемых пермских районах выделяются две зоны: земледельческая (запад, юг) и промысловая (север, северо-восток), в которой наряду с земледелием население занималось работами на лесозаготовках и лесосплавах, на соляных промыслах, в рудниках и горных заводах (последние — особенно на востоке губернии), на судостроительстве, уходило в извоз, в бурлаки, а на крайнем севере и северо-востоке занималось преимущественно охотой и рыболовством⁵.

Все виды занятий населения — земледелие, горное дело, соляные и другие промыслы были в тесной зависимости друг от друга и в своем развитии «поддерживали друг друга»⁶. В изучаемых уездах эти занятия распределялись следующим образом. В охоте (пушном промысле) в

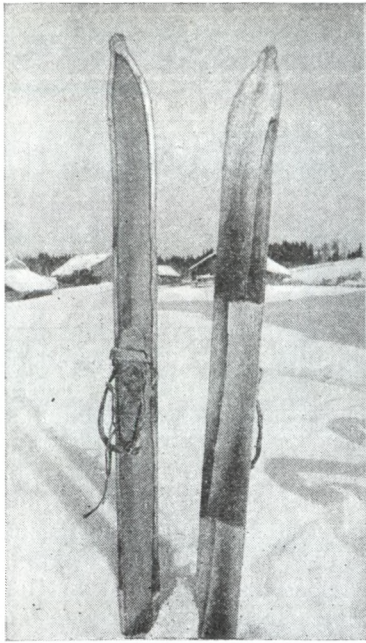
Охота

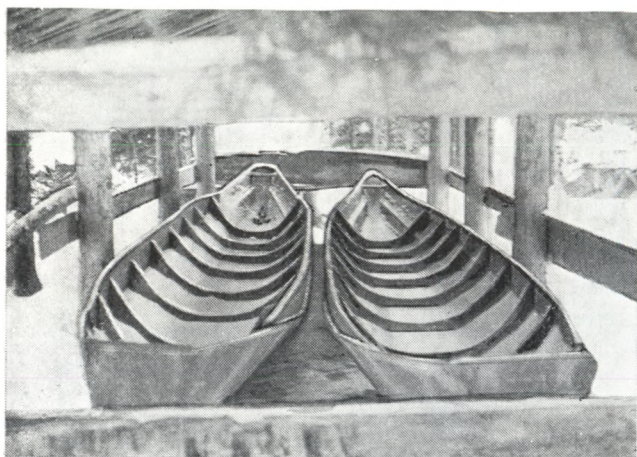
Слева — охотничьи приспособления: западня («слопец») и капкан (1900 г., ЧМ № 1644/13); справа — снаряжение: сверху — лыжи для зимней охоты (д. Дий Чердынского р-на) и полное снаряжение охотника (начало XX в., ЦГАЛИ, ф. 1356, оп. 1, д. 138, л. 1); внизу — охотничьи костюмы из д. Курья Троицко-Печорского р-на и из д. Черепаново Чердынского р-на

середине XIX в. было занято в Соликамском и Чердынском уездах 3 476 охотников, а в Пермском у. — только 60. Охота производилась как в одиночку, так и артелями, в которых создавался специфический быт артельщиков⁷. Это население занималось также изготовлением различных снастей и охотничьего транспорта (саней, нарт)⁸.

Рыболовный промысел был более всего развит в Чердынском у. В нем было занято 443 человека, в Соликамском же у. — только 35, в Пермском — 395 человек⁹. Население по Колве и Печоре, кроме того, было занято изготовлением приспособлений и средств для рыбной ловли — сетей, самоловов, морд, устройством езов, бережников¹⁰.

Работы на фабриках, заводах, в рудниках были наиболее развиты в Соликамском и Пермском уездах (углеобжиг и заготовка дров, плавка металла, добыча руды, вывоз готовой продукции на баржах и «штитках»¹¹. В Чердынском же у. в 80-х годах XIX в. было две-три лесопилки и мельницы¹². Всевозможные фабричные заведения принадлежали казне, дворянам, купцам, мещанам, в редких случаях — рабочим и крестьянам. К середине XIX в. таких предприятий насчитывалось: в Пермском у. — 212, Соликамском — 238, Чердынском — 14¹³.

Лодки для рыбной ловли
(д. Курья)

Горные заводы и рудники находились в руках казны и частных владельцев. В Пермском у. казне принадлежали Юговские, Мотовилиха, Артинские заводы. У частных владельцев в Соликамском у. были Чермоз, Пожва (бывшие строгановские, в XIX в. — Лазаревых и Всеволожских). Всеволожским принадлежал и Всеволодоблагодатский завод на Вильве (Александровский). У Голицыных на Нытве были Нытвенский и на Вижае Архангело-Пашийский заводы. У Строгановых в Пермском у. оставались Билимбайский, Добрянский, Кувинский, Кыновский, Павловский заводы¹⁴. В Соликамском у. у Строгановых были также серебряные рудники¹⁵.

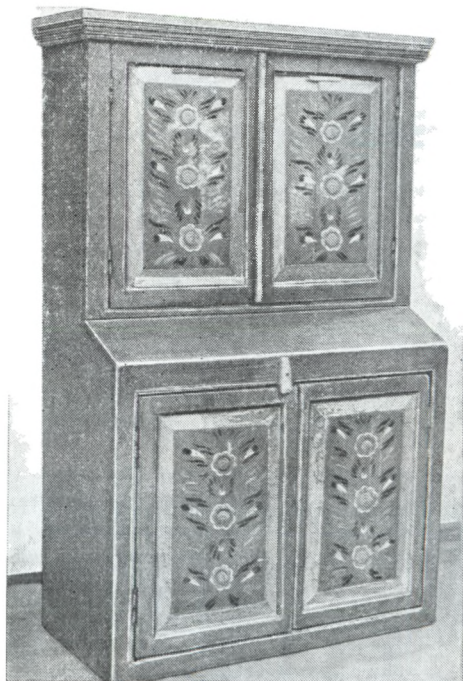
Соляные промыслы были развиты в Соликамском у. В древности добыча соли была известна и пермякам. Они были первыми ее добытчиками по Усолке и Вишере, а также у с. Цыдва и городищ в Чердынском у.¹⁶ В XV в. посадские люди из Вологды Калинниковы начали солеработки на р. Боровой, затем на Усолке, положив начало Соликамску¹⁷. В XVI в. сюда переселились из Сольвычегодска Строгановы, которые и развивали солепромышленность в Усолке и Соликамске¹⁸. В XVI в. Строгановы вели солеработки и по Чусовой (с 1568 г. — в Нижне-Чусовском Городке, с 1616 г. в Верхне-Чусовском). Эти промыслы существовали 200 лет¹⁹.

Начиная с XVI в. солеварение стало доминирующим в хозяйственной жизни Пермского края. В XVII в. его обслуживали 4 тыс. рабочих людей, в основном чердынцы, соликамцы, вологжане и вятчи²⁰. В XVIII в. с возникновением горного дела и основанием уральских заводов значение солеварения несколько снизилось (хотя и насчитывалось 200 варниц)²¹, но оно по-прежнему оставалось главным в экономике края. От уровня развития солеварения зависело благосостояние жителей Чердынского и Соликамского уездов, так как сельское хозяйство этих районов из-за скудности почв и суровости климата не давало прожиточного минимума. Население чердынских деревень уже с XVI в. заготавливало и сплавляло топливо для солеварен²², строило суда (баржи) для

перевозки соли. Соликамские и чердынские жители работали на соляных предприятиях: весной грузили соль, ремонтировали варницы, затем сплавляли соль на судах (особенно строгановские крестьяне около Орла-Городка, Слудки, Тамана²³, а также государственные крестьяне Городища, Верх-Усолки, Усть-Борового, Половодова, Булатова)²⁴.

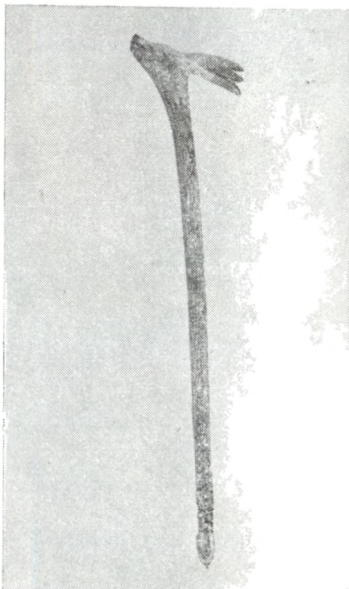
Таким образом, неземледельческие занятия в различных хозяйственных зонах были разные: на севере (весь Чердынский, север Соликамского уездов) при небольшой степени развития земледелия население занималось заготовкой и сплавом леса, перевозкой грузов по рекам и дорогам, работой на заводах (особенно соликамцы), судостроением, охотой, рыболовством, домашними ремеслами и промыслами (плотничье, кузнечное, столярное дело, изготовление мебели и домашней утвари). Население остальных районов Соликамского и в Пермском уезде, кроме земледелия, ходило в извоз и на лесные промыслы, работало на железных, медеплавильных и чугунных заводах, на золотых приисках.

Особенности хозяйственной деятельности северноуральского крестьянства начали определяться еще во времена, когда шло заселение Урала. Хозяйственная традиция русского крестьянства формировалась здесь под воздействием условий географического, социально-экономического, несколько менее — этнического характера и долго сохраняла различия,

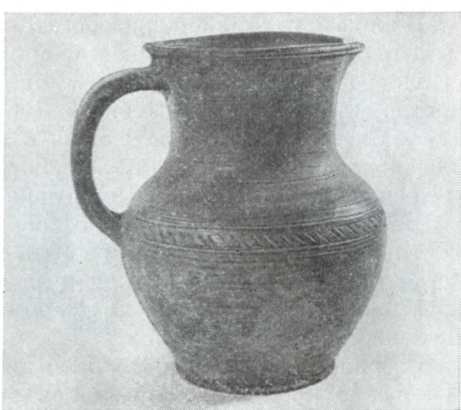
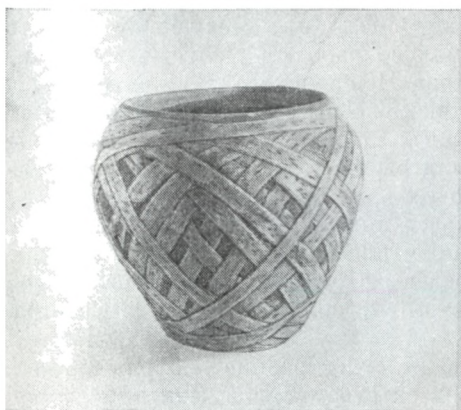
Мебель

Шкаф-поставец XIX в. из д. Филиппево Соликамского у.; стулья и табурет начала XX в. работы мастера Панкрата Федоровича Сыкулева из с. Посад (Дмитриевское) Ильинского р-на

Деревянные изделия

Слева — чаша-ладья (ЧМ, без №); бочонок (ЧМ, без №); дуга (с. Юм);
справа — ступа с пестиком (д. Дий); посох (д. Черепаново)

Плетеные, берестяные и гончарные изделия

Слева — буряк из д. Шумки (ПОКМ, № 286); глиняная корчага, оплетенная берестой (ЧМ, без №);

справа — плетенка для ношения сосуда на спине (ЧМ, без №); кувшин (ЧМ, без №)

обусловленные ими. К концу XIX в. социально-экономическое и правовое положение крестьян изменилось, так как после реформы 1861 г. исчезла крепостная зависимость населения, становилось временно обязанным государству бывшее казенное крестьянство. Но хозяйство и занятия крестьян всех бывших категорий остались прежними. Уральское население после реформы не получило необходимого количества земли, а поэтому снова было вынуждено обращаться к прежним несельскохозяйственным работам и промыслам и уходить в промышленность. Устойчивость занятий привела к их традиционности. Хозяйственная традиция долгое время жила в крестьянской среде; даже современное население помнит и рассказывает о крестьянских занятиях, просуществовавших до кардинальных экономических изменений уже в советское время.

Степень участия в различных хозяйственных занятиях бывших государственных, помещичьих, заводских крестьян в Прикамье была разная, да и сами занятия этих категорий сельского населения несколько различались.

Наиболее разнообразными они были у бывших государственных крестьян. Хотя основным занятием их в большинстве районов оставалось земледелие, кроме промысловой зоны на севере и северо-востоке ²⁵ (припечорские, приколвенские деревни), различные промыслы занимали немалое место в их хозяйстве.

Повсеместны были всевозможные работы, связанные с лесом ²⁶. На лесоразработки и сплав леса по Каме до Усожья, Перми, Соликамска ходили крестьяне юрлинских (Кукольное, Бадья, Лопва) и прикамских деревень (Пянтег, Долды, Бондюг) ²⁷ бывшего Чердынского у., крестьяне Половодовской вол. (д. Рогали, с. Осокино) Соликамского у. Сплав леса был особенно развит по р. Чусовой до низовьев Камы. На этих работах были заняты крестьяне чусовских деревень Пермского у.

В некоторых районах у богатеев в конце XIX — начале XX в. были свои лесопильные заводы, куда нанимались работать местные крестьяне (Половодово Соликамского у., Вильгорт Чердынского) ²⁸. Почти повсеместно крестьяне Чердынского и Соликамского уездов заготавливали топливо для соликамских солеварен и горных заводов ²⁹. Углежогги, занимавшиеся жжением угля для заводов, были распространенной «профессией» среди крестьян, особенно Чердынского у.

На лесные работы бывшие государственные крестьяне нанимались к местным лесозаготовителям и лесопромышленникам ³⁰. Были случаи, когда на лесосплавы уходили и за пределы своей губернии; в частности, крестьяне Пятежской вол. Чердынского у. сплавляли лес в Вологодской и Вятской губерниях ³¹.

Со сплавными работами были связаны судостроение и бурлачество ³². Чусовские крестьяне занимались строительством судов (*шитиков, полубарок, каюков*) для перевозки грузов и леса. Строили суда и крестьяне чердынских деревень: Пянтега, Амбора, Долдов, Мошева, Усть-Уролки, Покчи, Вильгорта, Искора и др. ³³ Здесь в Лимеже и Анисимове уже в XVII в. строили соляные и хлебные *лоди* ³⁴. На верхней Печоре ижемские купцы-коми нанимали крестьян в Курье для строительства судов; в заливе Лелима у Курьи находились их судостроительные верфи ³⁵. Баржестроение было связано с отходом и наймом к судовладельцам-купцам. Создавались среди крестьян артели судостроителей ³⁶.

Наиболее ранним и распространенным видом отхода, как и судостроение, было бурлачество. Уже в XVII в. соликамские солевары ежегодно отправляли караваны судов — соляных *лодей* от Соли Камской до Нижнего Новгорода ³⁷. Крестьяне верхнекамских деревень (Пятежская вол.) бурлачили — «таскали по Волге пароходы», принадлежавшие чердынским купцам Надымовым ³⁸. Крестьяне из Вильгорта «зарабатывали лямкой» по Волге до Сарапула ³⁹. Усть-Урольские крестьяне уходили на баржи матросами. Крестьяне Тулпанской вол. бурлачили по Печоре до Пустозерска ⁴⁰. Бурлачество крестьян чердынских деревень существовало до первых десятилетий XX в. ⁴¹ Бурлачество на Чусовой было связано с наймом крестьян Пермского у. для сплава горнозаводских караванов.

В первой половине XIX в. на эти работы ходили крестьяне-недоимщики, и занимались таким наймом волостные правления и вербовщики заводских контор⁴². Иногда крестьяне выбирали из своей среды *охотников*, которые отправлялись в заводы для заключения контрактов. Были случаи найма крестьян на эти работы и по печатным объявлениям⁴³.

С отходом были связаны и работы бывших государственных крестьян на казенных рудниках и заводах, в солеварнях⁴⁴. Юрлинские крестьяне (д. Зюздина, Ниж. Саранина) работали на чугунолитейном заводе в Куве. Крестьяне д. Кукольное, кроме Кувы, ходили на работы в Нижнетагильские заводы. Население Юрлы и Лопвы возило руду к уральским заводам. Добычей строительного камня и извести занимались крестьяне Колвы⁴⁵. Некоторые из них ходили работать на завод купца Лукьянова (на тракте от Чердыни в Печору, в 30 км от верхней Колвы), добывали железную руду, «мыли» золото⁴⁶. Соликамские крестьяне работали на солеварнях и золотых приисках в Кытлыме (д. Рогали, с. Осокино и др.).

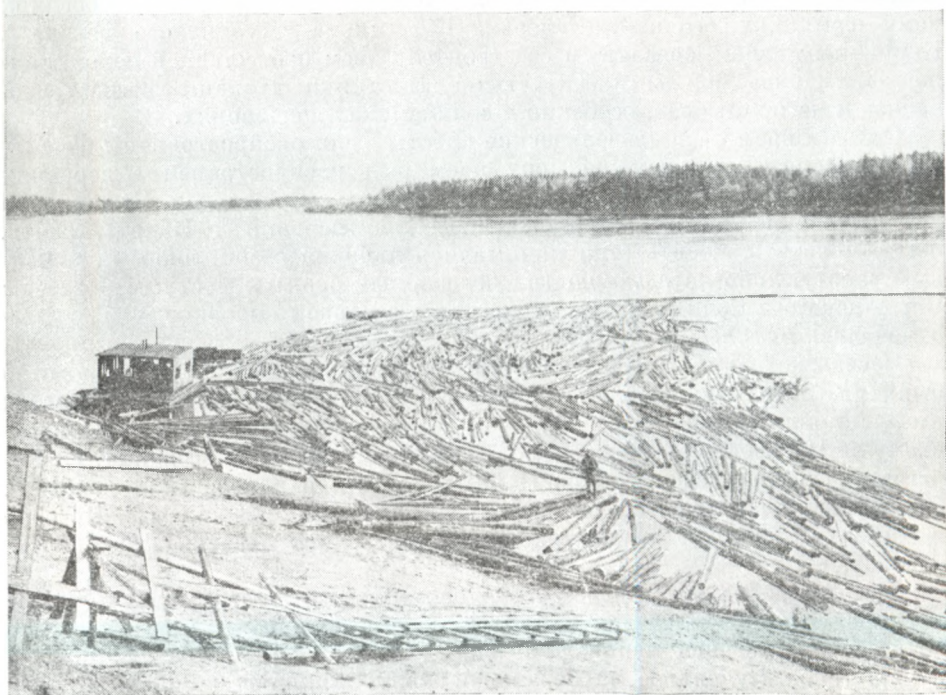
Кроме непосредственной работы на фабриках и заводах, бывшие государственные крестьяне Соликамского, Чердынского и Пермского уездов обеспечивали заводы и солепромышленность продуктами сельского хозяйства и промыслов (охоты, рыболовства).

Во многих деревнях были также распространены занятия, частично связанные с отходом, в основном, плотничье дело. Уже в XVII в. плотники из Соли Камской уходили в Верхотурье для постройки судов, на которых развозился казенный хлеб по сибирским городам⁴⁷. Артели плотников строили дома в своих и соседних волостях Чердынского у.⁴⁸ В юрлинские деревни нередко приходили плотничьи артели из соседних коми-пермяцких селений: Белоева, Кудымкара, Кувинского завода⁴⁹. Кирпичным делом, связанным со строительством изб, кладкой печей, также занимались чердынские крестьяне. Плотники, кузнецы всегда требовались и на промыслах, особенно в соликамских солеварнях.

Отход и наем на сельскохозяйственные работы были распространены в меньшей степени. В жатвенную пору наем был распространен в деревнях Соликамского у. (д. Рогали и др.). Крестьяне с. Юрла и д. Зюздина во время уборки урожая уходили в соседние деревни⁵⁰. Пахать, сеять, жать, молотить, косить сено нанимались либо на сезон, либо на поденную работу, либо на *срочную* (на договорный срок) к местным богатым Чердынского и Соликамского уездов. Еще в первой половине XVII в. там отмечались *наемные пашники*⁵¹.

Несельскохозяйственные занятия крестьян — охота и рыболовство были развиты лишь в промысловых районах, в сельскохозяйственных местах ими занимались мало. В Чердынском у. рыбачили крестьяне по Кривоскому и Чусовскому озерам⁵², по Каме⁵³, охотилось население с. Серегова и других селений близ Чердыни⁵⁴. В верхнепечерских деревнях был развит сбор кедровых орехов, которые сбывались купцам⁵⁵. Но сбор лесного хмеля, столь распространенный в соседних деревнях, не практиковался.

Бывшие государственные крестьяне повсеместно занимались торговлей продуктами земледелия или охотничье-рыболовных промыслов. Так, юрлинские крестьяне торговали рыбой в Кудымкаре и Юрле (из д. Зюздино). Из д. Кукольное на базары в Юрлу везли овощи и брагу. Зюз-

Торговые, строительные и лесные занятия крестьян

*Слева — торговля на базаре в г. Кунгуре; лесосплав («запань») на Каме;
справа — плотник из Чердынского у., начало XX в. (ПОКМ, № НВ — 226/5)*

динцы продавали в Кудымкаре лапти и бороны своего изготовления. Торговали юрлинские крестьяне и хлебом в Кайгородке Вятской губ. и Кажимском заводе Вологодской губ.⁵⁶ Крестьяне из Лопвы продавали хлеб и рыбу в Вологде и Вятке, а скот и лошадей — коми-пермякам в Кувинском заводе и Кудымкаре. Пушнину крестьяне чердынских деревень сдавали скупщикам (Лопва, Бондюг). Крестьяне с. Серегова возили в Чердынь на продажу сено. Торговые связи существовали у крестьян верхнеколвинских деревень (Дий, Талово) с населением манси за Уралом и коми-зырянами на Печоре⁵⁷.

Соликамские крестьяне возили на продажу в город мясо и масло (с. Осокино и др.). Некоторые бывшие строгановские крестьяне Соликамского у. торговали хлебом на ярмарках в с. Усольском, Ильинском, в Поже (завод Всеволожских), Дедюхине (соляной промысел) и в селениях других губерний (в вятском Кайгородке, в вологодском Устюге)⁵⁸. Чусовские крестьяне торговали в Чусовом на заводе. Печорское население вело торговые дела по продаже рыбы с чердынскими купцами, ездило на ярмарки в Якшинскую пристань и Троицко-Печорск, где закупало хлеб⁵⁹.

Вообще торговые связи пермского крестьянства были обширны — от многих губерний Европейской России до Сибири. На Урале и в Зауралье они торговали в Ирбите, Екатеринбурге, Шадринске, Кунгуре и Перми⁶⁰. Крестьяне Чердыни и с. Покча были связаны торговыми интересами с населением Архангельска, Вологды, Вятки, Нижнего Новгорода. Туда они возили хлеб, рыбу, камень. Строительные материалы и мелкие изделия из дерева, а также готовые срубы и суда продавались мастерами на местных рынках⁶¹. Уже в 30-х годах XVIII в. была значительна роль скупщиков, знавших местную рыночную конъюнктуру⁶².

В пермских уездах постоянно действовали ярмарки и торжки. В середине XIX в. в Пермском уезде были 31 ярмарка и 1 торжок, в Соликамском, соответственно, 38 и 1, в Чердынском — 32 ярмарки⁶³. Через пермские ярмарки проходили не только свои, но и сибирские товары в Европу, в том числе привозимые — китайские.

С XVIII в. развивались здесь извоз и ямщина. В силу расположения селений на пути из Европейского Севера в Сибирь пермское черносомное население уже тогда доставляло хлеб служилым сибирским людям и обслуживало Верхотурский волок — «держало гоньбу» на перевале через Урал⁶⁴. Позже извозом занимались крестьяне всех уездов. Так, крестьяне юрлинских деревень (Зюзино, Юм, Лопва) и верхнекамских деревень (Пянтежская вол.) во второй половине XIX — начале XX в. переправляли обозы с товарами чердынских купцов Алиных в Чердынь, Усолье, Пермь. Пянтежские крестьяне и в 1920-е годы, кроме того, возили почту и товары потребительского общества в соседние волости (Анисимовскую, Шакшерскую). В селе была и ямская станция: пятеро крестьян держали выездных лошадей, на которых ездили от Кудымкара до Чердыни. Подводы с товарами возили крестьяне и других пянтежских деревень — Амбора, Усть-Уролки. Усть-урольцы с обозами ходили в Чердынский и Соликамский уезды. Среди чердынских крестьян извоз развивался преимущественно в волостях Покчинской, Анисимовской, Ныробской, Вильгортской, Губдорской — близких к Чердыни и трактам. Отсюда крестьяне возили обозы от Чердыни до Якши на Печоре, от

Чердыни до Ирбита⁶⁵. Этим делом занимались в конце XIX — начале XX в. главным образом зажиточные крестьяне⁶⁶. Через волоки, ведущие из пермских земель на Печору, чердынские крестьяне везли товары купцов Алиных. Обозы с грузами направлялись с печорской Якши на колвенскую д. Петрецово (волоки около 60 км). На этом же пути земство устроило *кордоны* — станции в лесах⁶⁷. Бывшие государственные крестьяне промысловой зоны в верховьях Колвы, в отличие от крестьян земледельческой зоны, мало занимались извозом и ямщиной, поскольку их деревни находились далеко от больших дорог. Очень редко они переправлялись по Колве до Чердыни и уже там нанимались к чердынским купцам возить их товары в Печору.

Отхожие промыслы у пермских крестьян особенно распространились в столыпинское время. В 1880—1887 гг. из Чердынского у. в отход ушло 10 076 безземельных крестьян, из Соликамского — 48 584, а с 1909 по 1913 гг. из первого — 4 328, из второго — 71 705⁶⁸.

Распространение несельскохозяйственных занятий у бывших государственных крестьян объяснялось не только зональными хозяйственными возможностями края, но и малоземельем, тяжестью казенных и мирских повинностей, в некоторых местах — засильем зажиточных крестьян.

Занятия бывших владельческих и горнозаводских крестьян отличались меньшим разнообразием, нежели бывших государственных. В земледельческих районах эти крестьяне в основном занимались сельскохозяйственными работами⁶⁹. В заводских поселках их основным занятием оставалась работа на заводах⁷⁰. Крестьяне, приписанные и к частным, и к казенным заводам, были слишком отвлечены от земледелия заводскими работами. У этого населения развились своеобразные занятия. Так, у крестьян, приписанных к Пыскорскому медеплавильному заводу, еще в XVII в. начали развиваться подряд и торговые операции. Заключались договоры («порядные записи») по поставке руды, леса, пеньки, строительных материалов, сельскохозяйственных продуктов, на постройку обжигательных печей и судов. В некоторых случаях подрядчики и их родственники освобождались от обязательных заводских работ. Среди них было немало крестьян Чердынского и Соликамского уездов⁷¹.

На соляных промыслах, принадлежавших Строгановым, работали крестьяне их имений, добывая соль, строя суда для перевозки соли⁷². В некоторых местах по Иньве и Косе Строгановы основывали селения и переселяли туда крестьян из своих имений, чтобы обеспечить соляные промыслы рабочей силой. Крестьяне таких деревень в основном были заняты на добыче соли.

В земледельческих имениях Строгановых в Ильинском округе крестьяне, кроме сельского хозяйства, занимались лесными промыслами, ходили в извоз, торговали, плотничали; у них развились и домашние промыслы (выделывание кож и др.), в с. Ильинском были сапожники, портные, штукатуры и каменщики⁷³. Немалое время у этих крестьян даже и в дореволюционный период отнимали различные господские работы: они отбывали «господскую посылку» и на пашнях, и на рудниках⁷⁴. В самом Ильинском, кроме того, работали на маслостоловом, кожевенном, салотопленном, мыловаренном заводах, на полотняной фабрике, на мельнице и в кузнице. Многих девушек из крестьянских семей брали к графам в

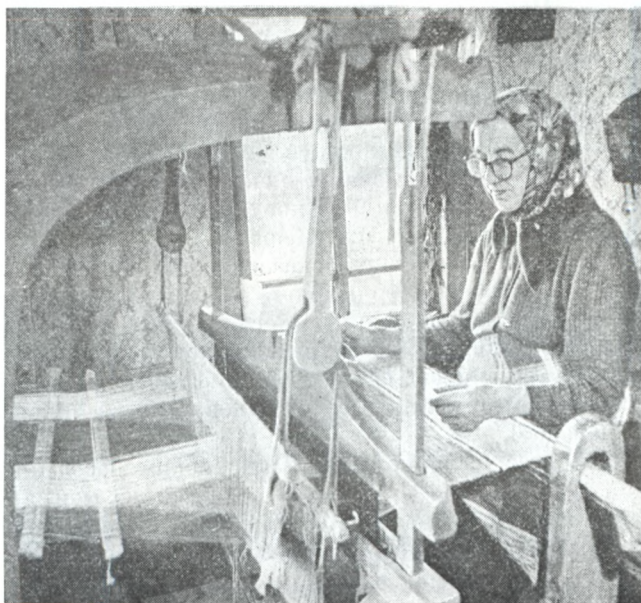
услужение. Крестьяне строгановских и лазаревских имений (по Обве) работали на соляных промыслах и заводах владельцев и обеспечивали продуктами сельского хозяйства эти заведения, строили суда для заводов; им поручали возить грузы и исполнять ямские обязанности (от с. Посад к лазаревскому заводу в Чермозе)⁷⁵. До 1861 г. на сплавных работах частных и посессионных заводов, хотя и участвовали крепостные Демидовых, Строгановых и пр., все же преобладал вольнонаемный труд государственных крестьян⁷⁶.

Крестьяне Строгановых в северных районах (по верхней Косе), где земледелие развивалось слабо, были заняты охотой, рыболовством, сбором кедровых орехов, устройством *путиков* и *ловушек*. Они выполняли различные господские работы — ездили в извоз до Печоры и в Ирбит, где продавали господские товары и сено⁷⁷.

Некоторая специфика в занятиях населения наблюдалась в староверческой среде. Занятия в старообрядческих деревнях с государственным землевладением и таковых же в помещичьих и заводских имениях различались. Старообрядчеством были наиболее охвачены имения, нежели районы с государственным землевладением, поэтому подавляющая часть населения частных заводов была старообрядцами, в основном занимавшимися заводскими работами.

В земледельческих помещичьих имениях среди населения старообрядцев было также немалое число. Как и остальное население этих имений, оно занималось в основном сельским хозяйством — земледелием или скотоводством (последнее особенно в Обвенском поречье). Но старообрядцы имений сумели развить обширную торговую деятельность, так что во второй половине XIX — начале XX в. из них выросло много купеческих семей, известных не только в Пермском крае, но и за его пределами. Так, у старообрядцев с. Ильинского сконцентрировалась торговля скотом, хлебом. Известные купеческие фамилии в этом селе — Поносовы, Рукавишниковы, Серебренниковы, Беклемишевы — выходцы из крестьян-старообрядцев. Многие из них имели собственные пароходы для перевозки товаров на ярмарки и торжки. Торговали они в Перми и Чердыни, на Вятке; были связаны с известными в России чердынскими купцами Алиными⁷⁸.

Старообрядческое население в селениях государственных крестьян хотя и было представлено менее, чем в помещичьих и заводских имениях, но по своим занятиям выделялось. В земледельческих районах оно, как и «мирское» население, занималось земледелием или животноводством, и приемы хозяйствования у тех и других не различались. Но хозяйства старообрядцев были более организованными, крепкими, жизнеспособными, и некоторые из них достигали уровня товарного производства, как, например, крестьяне-старообрядцы Дмитриевского Посада (в Обвенском поречье), у которых развилось торговое животноводство⁷⁹. Государственные крестьяне-старообрядцы мало прибегали к отхожим занятиям. Ограничение контактов с другим по вере населением, жизненные устои староверов, считавших, что надо создавать свое крепкое и самостоятельное хозяйство, препятствовали их уходу из деревень и занятиям на стороне. Особенно они избегали заводских работ, а также не ходили в извоз (колвенские крестьяне)⁸⁰. Лишь одно из занятий, связанное с отходом

Прядение и ткачество

Пряха за работой

(с. Юм);

прялки

(ПОКМ, № 71 и 10473);

работа на «кроснах» —

ткацком стане

(д. Рогали

Соликамского р-на)

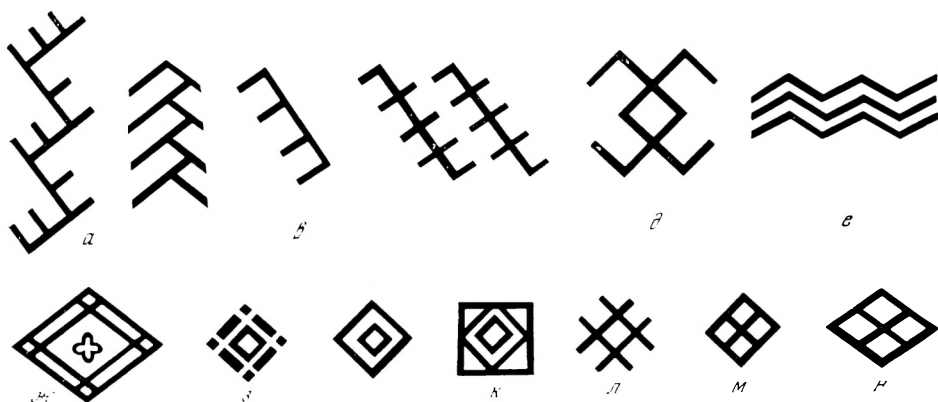
и отлучками из дома, развилось у старообрядцев Чердынского уезда — баржестроение. Центром его стала старообрядческая д. Усть-Уролка, где оно развивалось уже в XVII в.⁸¹ К началу XX в. там выросли купеческие фамилии из местных крестьян — разветвленный род Сандраковых. В 1900-х годах один из них, Михаил Амосович, нанимал строить суда крестьян из Пянтега, Орла-городка, Курьи на Каме, Долдов и других камских деревень. Усть-урольские старообрядцы жили «крепко» благодаря хорошо развитому хозяйству, ремеслам и баржестроению⁸².

В первые десятилетия XX в. в промысловых районах, где земледелие было развито очень слабо, среди старообрядцев появилось новое течение — пустынноничество. Крестьяне — приверженцы этого течения занялись освоением неплодородных земель. Старообрядцы печорских, уньинских, колвенских деревень, уходя в «пустыни», ища спасения «от второго пришествия», нарушали свой устав, ибо их уход объяснялся более материальными причинами, нежели поисками «спасения души». Вблизи деревень, где они жили, не было удобных земель, и они, удаляясь «в пустыни» и приискивая места для угодий, развивали земледелие в этом суровом климате⁸³. В целом же старообрядчество промысловой зоны занималось, как и «мирское» население, охотой и рыболовством.

В изучаемых пермских уездах в соседстве проживали русские, коми-пермяки, коми-зыряне и манси. В результате контактов между ними культура этих народов пронизывалась общими чертами. Эти народы в одинаковых хозяйственных и природных условиях имели начиная с XVI в. одну историческую судьбу. Особенно это касалось русских и коми, поэтому, в частности, хозяйственные занятия этих народов очень сходны: земледелие — в сельскохозяйственных районах, охота и рыболовство — в промысловых, работы на заводах, занятия, связанные с лесом⁸⁴. Часть коми-пермяков входила в округа с государственным землевладением (Чердынский у.), часть — с помещичьим (у Строгановых — по Иньве, Косе). Там занятия коми и русских были одинаковыми с занятиями русских государственных или помещичьих крестьян. Однотипными были и домашние ремесла и промыслы: гончарство, прядение, ткачество и т. п. Одинаковыми были орудия труда и техника этих работ. Отмечается заимствование некоторых черт в орнаменте тканья, вышивок и т. п., в форме глиняной посуды, в изготовлении предметов утвари, мебели русскими у коми и наоборот⁸⁵.

То же самое можно сказать и об общем в занятиях русских и коми-зырян на севере Чердынского у. (в припечорских деревнях), где в основном развивались занятия, связанные с лесом, охота, рыболовство⁸⁶. У коми-зырян в местах рыболовного промысла создавались общины, наподобие земледельческих общин русских крестьян. Такие коллективы имели общественный невод, улов рыбы делился по душам или по паям в неводе⁸⁷.

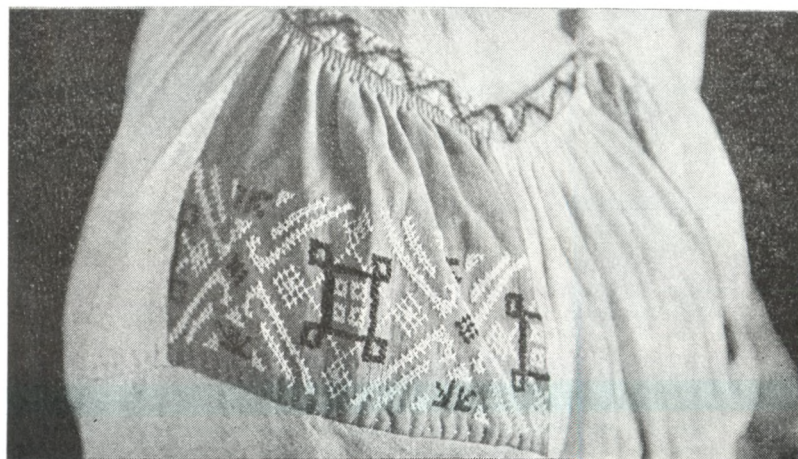
Многое было перенято мансийским населением от русских и русскими от них при контактах и соседстве, когда заселялся северо-восток бывшего Чердынского у. Русские застали здесь в XVIII в. вогулов, занимавшихся оленеводством, кочевавших со своими стадами⁸⁸. Но часть вогулов осела на землях по Вишере и занялась здесь в малопригодной для сельского хозяйства зоне преимущественно охотой и рыболовством,

Вязание

Вверху — вязанные изделия: охотничьи чулки из деревень по Верхней Колве; варежки («исподки») из д. Нюзим Чердынского р-на;

внизу — орнамент вязанных изделий Северного Прикамья и Верхней Печоры: а, б — «елочка»; в — «пила»; г — «гребешки»; д — «рога»; е — «радуга»; ж, з — «сорочья лапа»; и — «мусник» (мучник); к — «мусник в ящике»; л — «мусник рогатый»; м, н — «мятлик»

Вышивание

Слева сверху и в центре — вышивки женских рубаш из д. Зюздино Юрлинского р-на; слева внизу — вышивка на плечевых вставках женской рубашки из с. Юм; справа — вышивка мужской рубашки из д. Зюздино и вышивка полотенца из д. Темная Чусовского р-на

как и соседнее русское население⁸⁹. Эти занятия русских и вогулов оказались также сходными в приемах, средствах охоты и рыболовства; одинакова у них и специальная охотничья одежда.

Охотой и рыболовством вогулы занимались наряду с оленеводством и до прихода русских. Здесь, в Чердынском крае, в XVIII в. за ними числились лесные угодья, а пашенных земель они не имели, поскольку не знали земледелия⁹⁰. Звероловство оставалось основным занятием чердынских вогул и в середине XIX в.⁹¹ Осевшие по Вишере вогулы, в значительной части ассимилированные русскими, в начале XX в. стали заниматься, как и местные русские крестьяне, углежжением, работами на чугуноплавильных заводах, сплавом продукции заводов по рекам на судах — *шитиках*⁹².

Земледелие на Северном Урале

Условия для развития земледелия. Сельскохозяйственные угодья. С точки зрения хозяйственного районирования Прикамья бывшие Чердынский, Соликамский и северная часть Пермского уезда представляли собой местность — неблагоприятными и малоблагоприятными для земледелия условиями — суровым климатом, высокой степенью облесенности, тяжелыми и бедными почвами. «Грунт к хлебородию посредственно способен», — говорилось еще в описаниях условий для сельского хозяйства в «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию по Прикамью⁹³.

Условия для земледелия в уездах были неодинаковы, и прежде всего, разнообразными были почвы. В местах, близких к Уральскому хребту —

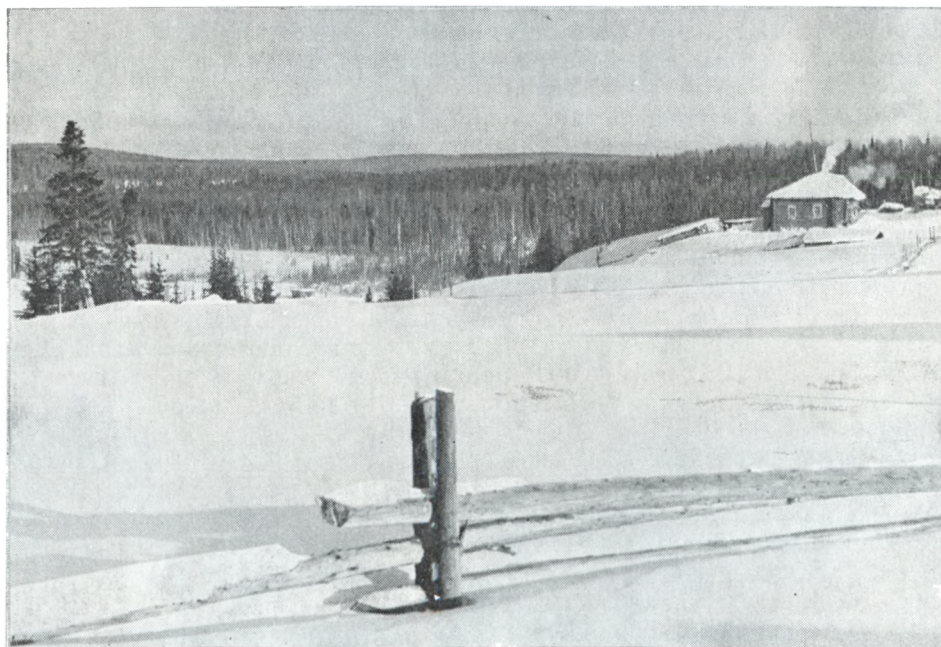
каменистые, в большинстве мест Чердынского, частично в Соликамском уезде — болотистые и тундровые («подморины», «тундрищи», «сыровники»), а также подзолистые, суглинки, супеси, известковые («белик»). В Пермском у. почвы — и каменистые, и глинистые, и песчаные⁹⁴. В этом уезде только в низовьях Камы — более или менее плодородные земли, поэтому и места были самыми сельскохозяйственными⁹⁵. В целом почвы считались неплодородными, плохими — «доброй земли нет»⁹⁶. Условия для сельского хозяйства в Прикамье особенно не отличались от условий на всем Европейском Севере. Несмотря на это хлебопашеством занималось большинство населения изучаемых уездов, кроме самых северных и северо-восточных районов. Слабо земледелие развивалось и в горнозаводских округах, поскольку их население было занято на заводских работах. Земледелие в заводах было «источником существования» только «у лучших крестьян», остальные крестьяне жили в основном за счет заработной платы на заводах⁹⁷.

Уже в XVI в. введенные в сельскохозяйственный оборот земли находились в местах, ранее всего заселенных русскими: по средней и верхней Каме, по Колве близ Чердыни (Чердынский и Соликамский уезды), во владениях Строгановых по Чусовой, Сылве, Косе, в Орле-городке. К первой четверти XVII в. в Соликамском и Чердынском уездах было освоено 40 582,5 дес. земель⁹⁸. По данным Генерального межевания, площади освоенных под земледелие земель в 80-м году XVIII в. увеличились во всех уездах и составили: в Пермском у. — 5502 дес., в Соликамском — 26 237 дес., в Черданском — 129 919, всего 161 658 дес.⁹⁹

В течение XIX в. шло дальнейшее увеличение площадей угодий. По сообщениям Уральского общества любителей естествознания, к концу XIX в. в уездах пашни занимали значительные площади: в Чердынском — 84 000 дес., в Соликамском — 203 251 дес., в Пермском — 185 949 дес.¹⁰⁰ Производство сельскохозяйственных продуктов в целом по Уралу осуществлялось преимущественно в хозяйствах бывших государственных крестьян и в гораздо большем количестве, чем для удовлетворения собственных нужд¹⁰¹. В горнозаводских имениях и в крестьянских хозяйствах промысловой зоны (север и северо-восток) их получали меньше необходимого количества¹⁰².

Распределение сельскохозяйственных угодий в сельскохозяйственных районах и хозяйствах государственных крестьян и в помещичьих имениях было разное. В местах с государственным землевладением основную часть земельных массивов составляли пахотные угодья. Так было в западных районах Чердынского у. (Юрлинская, Пянтежская вол.), в Соликамском у. (Половодовская вол.), в ряде мест Пермского у. (по р. Чусовой). У заводских крестьян сельскохозяйственные угодья состояли в основном из покосов¹⁰³.

В помещичьих же имениях и в горнозаводских дачах основным богатством были леса. Собственно барская запашка занимала небольшие площади, а крестьянские пашни здесь также были невелики. Так, в имении Всеволожских (часть Пермского, Соликамского уездов) в первой половине XIX в. только 4,57% всех земель находилось под пашнями и сенокосами, причем в северной части их имения (Всеволодоблагодатская, Губахинская и другие дачи) под пашней было 0,60% территории; по Каме

Способы огораживания
Усадеб; полей (д. Черепаново)

(Пожа, Чусовские городки), где земледелие более развивалось — 1,3—6,6%; но в приобвенских местах, самых плодородных и развитых в земледельческом отношении, — 84,2%¹⁰⁴.

Расположение сельскохозяйственных угодий в пермских районах по отношению к селениям было таким же, как и в большинстве районов Европейского Севера. Пашни, как правило, располагались близко от деревень (например, в 2—3 км в пянтежских деревнях, в 3—4 км в юрлинских). Ближние к селениям поля назывались *домашними* (д. Кукольное), *удворными* (с. Серегово, д. Усть-Уролка, деревни по Вишере)¹⁰⁵. Существовали и дальние поля, так как близ деревень земли не хватало (в 5 км от с. Юм — *полянки*, в 7 км от д. Лопва — *поля Штейниковых*, в 8 км — в Амборе, в 10 км — *на отставке* поля Усть-Уролки и только в д. Кукольное у богача Ефима Савватейча дальше — в 15 км). Наличие ближних, дальних и отъезжих полей — черта, характерная для крестьянского землепользования северных уездов. То же самое отмечалось и в Сибири, куда поморские переселенцы переносили свой опыт хозяйствования.

Отъезжих полей в местах с государственным землевладением можно было иметь практически сколько угодно. Уже в начальный период освоения территорий в конце XVI—XVII вв. существовали *наезжие пашни*: «...пашут наездом 4 пустоши да полянка, да селище на оброке да пол пустоши, что прежде пахали наездом...»¹⁰⁶; «...пашут половники ее наездом...»¹⁰⁷. Запреты, ограничивавшие использование свободных земель, не принадлежавших общинам, не останавливали крестьян. В местах помещичьего землевладения таких возможностей у крестьян не было. Вотчинники не разрешали им осваивать земли, поэтому дальние и отъезжие поля в имениях были крайне редки.

Сенокосные угодья располагались по низким местам (Юрлинская волость), по логам и рекам (в юрлинских деревнях Кукольное, Лопва, с. Юм, в деревнях Половодовской вол. — Осокине, Половодове, в приколвенских деревнях), по речным островам (в пянтежских деревнях), в лесах (в причусовских деревнях, по Колве и Вишере)¹⁰⁸ и везде возле пашен — *подполицы*¹⁰⁹ (*меж полъ* — в XVII в.)¹¹⁰. Там, где было недостаточно ближних к деревням сенокосов, существовали и отъезжие. В верховьях Камы такие сенокосы были в деревнях Пянтежской вол. (Пянтег, Амбор, Усть-Уролка)¹¹¹, в волостях, близких к Чердыни — Анисимовской (д. Вотцкова), при Кривом озере и по Вишере¹¹². На сенокосах, удаленных от деревень на 10—15 км, в период кошения устраивали «станы»¹¹³.

В редко заселенных местностях, особенно по речным берегам, разрабатывалось большое количество сенокосов. Богаты лугами были деревни в верховьях малозаселенной Колвы и верхней Печоры¹¹⁴. Лучшие луга находились по Каме, Обве, Чусовой¹¹⁵. К середине XIX в. большая часть лугов в этих поречьях была у государственных крестьян.

В местах с государственным землевладением сенокосные угодья так же, как и пашни, расширялись путем лесных расчисток. Сенокосы-росчисти (*пожни*, как их называют везде на Европейском Севере) существовали у государственных крестьян бывшего Чердынского у. (по Колве, Вишере, в волостях близ Чердыни)¹¹⁶. В юрлинской д. Кукольное у каж-

дого двора были пожни. Чистили лес для сенокосов вдоль рек в деревнях Половодовской вол. (д. Рогали), заводили покосы в лесах в с. Осокино, так как сена с ближних покосов не хватало. *Кулижки* (лесные сенокосы) имелись в чусовских деревнях (д. Темная)¹¹⁷. В верхнепечорских деревнях не было необходимости в лесных сенокосах, ибо приречные луга обеспечивали сеном¹¹⁸.

Характерна топонимия пашенных и сенокосных угодий в Прикамье¹¹⁹. В ней отражена история освоения земель, этапы их введения в сельскохозяйственный оборот. Часть пашен называлась по месту расположения: *Юмское* (по реке в Кукольной), *Малая Заречка* (Пянтег), *Подгорное* (Амбор), *Могильники* (у кладбища), по рекам — *Верх-Козыра* (Амбор); *Нижний Конец*, *Шомаш*, *Добрянка* (Лопва); *Родники* (Осокино); *На осинниках*, *Гора Шолом* (д. Темная); *На Верхней деревеньке*, *На Нижней* (с. Серегово). Большинство же таких топонимов антропонимического происхождения — от имен или прозвищ их владельцев: *Володятские поляны* (Зюздино); *поле Воронина*, *Федьки Васькина*, *Шабаршина Даниловское* (Кукольное); *Матюшино*, *Петровский Позолотиха* (д. Рогали); *Иваново поле*, *Хабарово поле* (с. Осокино); *Катеринина Гора* (Лопва); *Михальский мыс* (Пянтег); *Олинские поля* (Амбор); *поля Ивана Федоровича*, *Нифана Максимовича* (д. Дий) и т. п.

Сенокосные угодья так же, как и пашни, назывались либо по месту: *Домашний Лог* (вблизи деревни), *Крутова Дорога*, *Куколка* (по реке), *Верхотина* — в д. Кукульное; *Осинник*, *Нижние* (по реке) — д. Темная; *Остров*, *при Верхе* (д. Усть-Уролка); *в Верхних лугах* (с. Пянтег); *Черты Доры* (д. Амбор); *Салман*, *Уштыгарты*, *Черепанка* (по рекам) — д. Усть-Уролка; *Ручей* (д. Лопва); *Луг*, *Присада* (у деревни), *Остров*, *Белая Курья*, (залив) *Озерок* (д. Дий); либо по имени владельца: *Ханатин Лог* (д. Кукульное); *Перемкина*, *Липова* (д. Рогали); *Ларнинско*, *Каракульский Лог* (д. Лопва); *Егоркова пожня*, *Давыдкова*, *Никитина Кулига* (д. Дий) и др. В д. Темной были покосы с названиями *Гари* и *Пальники*, вероятно, в местах, где земли разрабатывались подсекой.

К первоначальным названиям угодий — по месту их расположения (где?) — постепенно, с ростом населения и освоением земель, прибавлялись названия, отражающие принадлежность (чья?); иначе было невозможно отличить многочисленные поля и покосы отдельных крестьянских дворов в местах, пригодных для сельского хозяйства, которыми пользовались крестьянские общины. Так этапность в освоении территорий отражалась в топонимии. Это было общим явлением в процессе освоения земель.

Пастбищные места в деревнях были двух видов: скот пасли в лесу и около деревень на специальном выпасе. Неогороженные лесные покосы существовали в юрлинских и верхнекамских деревнях, в местах у Соликамска и по Чусовой, в верхнепечорских деревнях. Огораживались, как правило, поля или покосы, чтобы на них не заходил скот. Специальные выгоны для скота устраивались в деревнях в разных местах: в соликамской д. Рогали было выделено под загон место в 3–4 км от деревни у реки возле огороженных полей; по речному берегу в 1 км от села пасли скот в с. Осокино; кроме того, в селе был выпас по вырубкам. Скот пасли и на месте жатвы («чтобы скот землю отаптывал и оставлял

навоз» — д. Лопва); после покосов на лугах пасся скот в Пянтеге, Усть-Уролке, Курье; в д. Мурты по живну не пасли, так как его сразу же засевали. На парах, на жниве и на лугах пасся скот в приобвенских деревнях, но основные выпасы и там были в лесах. Пастбища вдоль берегов, «когда уберут сено», устраивали в приколвенских деревнях, выпасы там были в логах¹²⁰.

Существование поскотин либо огороженных от выпасов полей — черта, общая для крестьянских хозяйств всего Европейского Севера. Подобные способы выпаса скота существовали и в Сибири.

Лесные угодья занимали в уездах огромные пространства. Они разделялись на собственно лесные, где можно было охотиться и пользоваться древесиной, и на леса, которые использовались под угодья. Под последними имеется в виду так называемый лес пашенный (пригодный под пашни) и лес непашенный (под сенокосы и выгоны). В 80-х годах XVIII в. в уже освоенных пермских уездах лесные угодья занимали: в Пермском у. — 76 дес. (1,5% от общего числа угодий), в Соликамском — 15 986 дес. (61,0%), в Чердынском — 87 586 дес. (66,8%), всего 103 648 дес. (64,12% от числа угодий во всей губернии)¹²¹. В Чердынском у. лесов было больше, чем во всех уездах губернии, и в целом в уезде площадь лесов превышала площадь остальных сельскохозяйственных угодий, за исключением земледельческих районов на западе и юге уезда. Пермский у. был менее всех богат лесами, это был в основном сельскохозяйственный район (особенно по Каме, Обве, Чусовой), за исключением горнозаводских дач. Площадь лесов в этих уездах оставалась большой и в XIX в. К середине века соотношение лесов с общим пространством в губернии выражалось как 1 : 1,3; в Чердынском у. — 1 : 1,06, в Соликамском — 1 : 1,28, в Пермском — 1 : 1,19¹²². Правда, уже местами было заметно истребление лесов, особенно во владениях частных заводчиков. В казенных заводах лесное дело находилось в управлении лесничих и было более упорядочено. Из вотчинников лишь Строгановы придавали значение использованию лесных богатств, и у них велось правильное лесное хозяйство благодаря их знаменитым лесничим — семье Теплоуховых, обучавшихся в Германии и Петербурге¹²³.

В промысловой зоне основными хозяйственными угодьями крестьян были лесные угодья, где они охотились. Охотничьи угодья располагались как в ближних, так и в дальних лесах (за 20—30 верст от деревень). Артельная охота была мало распространена. В самых северо-восточных районах Чердынского у. каждому охотнику были определены *путики*, где он охотился, ставил свои капканы и силки и строил временное охотничье жилье — *чамью* (избушку с амбарами для хранения запасов продовольствия и пушнины). Охотились преимущественно зимой, поэтому нужда в таком жилище была особенная. У некоторых чердынских крестьян угодья располагались за несколько десятков верст от деревень: у колвенских охотников — близ Чусовского озера, около Уральских гор и за горами, где охотники встречались с соседними народами — коми-зырянами и манси. В верхнепечорских деревнях охотничьи угодья находились близко от деревень (не далее 10 км), поэтому там в лесах не строили избушек, не устраивали *станов* и угодья не распределялись между охотниками¹²⁴.

Таким образом, природные условия в каждой зоне определяли занятия крестьян.

Системы земледелия и особенности земледелия в Северном Приуралье. Развитие земледелия и земледельческих традиций севернорусского крестьянства наиболее всего выявляется при рассмотрении практики хозяйственного использования угодий, и прежде всего пашен. Здесь, как и на всем Европейском Севере, господствовала трехпольная система земледелия. При заселении пермских районов начиная с XVI в. она получила там широкое распространение¹²⁵. Пашни в трех полях повсеместно отмечены писцовой книгой 1579 г. В чердынских волостях они занимали большую часть сельскохозяйственных угодий (от 31 до 38%) за исключением «вогульских» территорий по Вишере, где земледелие развивалось слабо. В Соликамском у. трехпольные пашни лишь не на много уступали по площади сенокосным угодьям (27 и 34%). Южнее, по Чусовой, Сылве, где находились строгановские владения, трехпольные поля составляли половину всех сельскохозяйственных угодий, а по Яйве и в Орле-городке они уступали сенокосам; в целом же во всех владениях Строгановых площадь трехпольных полей составила 40,29% и превосходила площадь сенокосов (35,68%). По описаниям Чердынского и Соликамского уездов, в первой четверти XVII в. на долю трехпольных пахотных земель приходилось 20 874 дес. (51,4% всех угодий), остальные пахотные угодья занимали 9231 дес. (22,7%)¹²⁶.

Для развития трехполья нужно было разработать достаточное количество как пашен, так и сенокосов, ибо для ведения трехпольных хозяйств необходимо развитое скотоводство, позволявшее иметь тягловую рабочую силу и навозное удобрение. В XVII—XVIII вв. в Прикамье площадь пашен превышала площадь сенокосных угодий. По писцовой книге 1623 г., суммарные данные по уездам показали превышение площадей пахотных полей над остальными угодьями в Чердынском у. (42%), примерное равенство площадей тех и других в Соликамском у. (31 и 28%), значительное превышение размеров сенокосных угодий над остальными южнее, лишь во владениях Строгановых.

Материалы Генерального межевания свидетельствуют о давно установившемся трехполье в земледельческих районах. Это выявляется по ряду признаков, характеризующих трехполье: по севообороту, по характеру обработки полей, набору сельскохозяйственных культур, и по наличию трех полей — озимого, ярового, пара и применению удобрения на полях¹²⁷.

Описания уездов в XIX в. говорят о дальнейшем повсеместном распространении трехполья¹²⁸. Во всем Прикамье трехполье оставалось господствующей системой и в конце XIX и в первой четверти XX в. Структура посевных площадей в этот период почти не отличалась от таковой в предшествующее время¹²⁹: то же разделение полей на перемены, те же высеваемые культуры, что и ранее, но, по-видимому, местами уже сказывалось истощение земли, ибо прибегали к более частому удобрению, нежели в предшествующее время. Местами *удворные* пашни «называли ежегодно» (Обва, причердынские волости)¹³⁰, иногда для удобрения применяли торф (Юрлинская вол.), известь (печорские волости)¹³¹. Удобрение полей было настолько необходимо, что в ряде слу-

чаев вывозили навоз и на дальние поля (юрлинские и верхнекамские деревни)¹³².

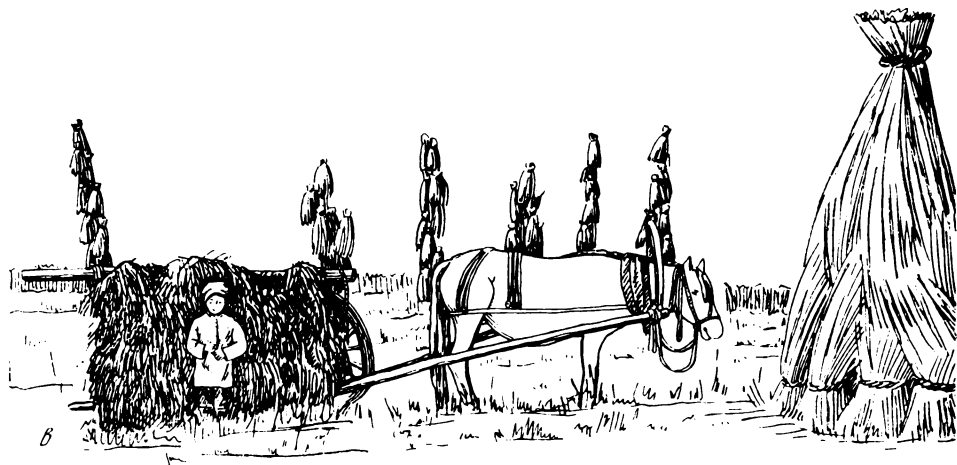
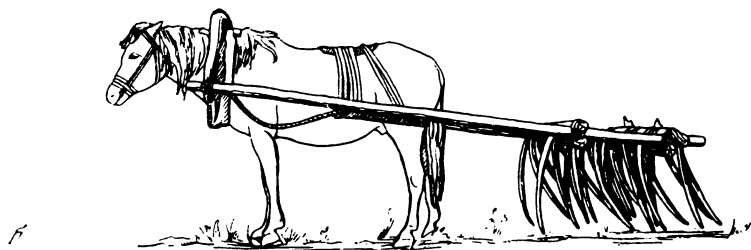
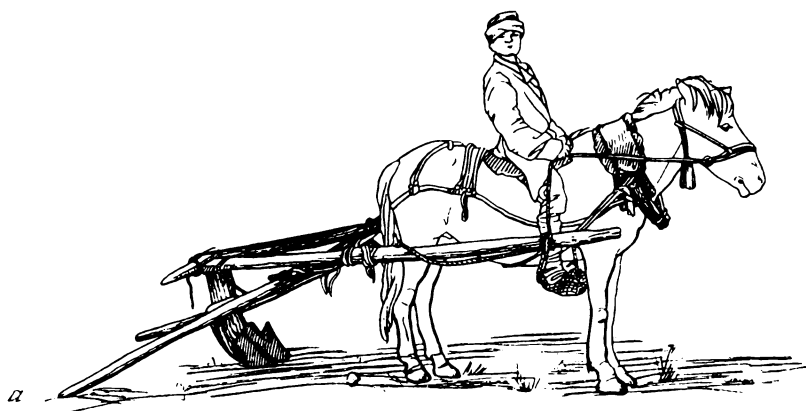
Озимые поля обрабатывали по два—три раза после посева яри и перед сенокосом: для овса — по одному разу, ячменя, ярицы и пшеницы — два—три раза. Из технических культур по-прежнему выращивали лен в яровых полях, коноплю в удворных, редко — табак¹³³. Огородничеством занимались только для домашних нужд, а в северных местах его почти не было. Из овощей разводили лук, редьку, капусту, *калигу* (брюкву), морковь; картофель начали выращивать с 80-х годов XIX в., но мало¹³⁴. Разведением же хмеля занимались везде. Он шел для приготовления заквасок и напитков — пива, браги. В XIX в. яровыми культурами еще местами оставались репа, турнепс (Половодовская вол.)¹³⁵, немного гороху (Юрлинская вол., чусовские деревни). К середине XIX в. культуры в уездах в географическом отношении распределялись так: овес и рожь — в западных районах, ячмень — в северных, пшеница — в восточных¹³⁶.

В XIX в. сельскохозяйственные орудия оставались традиционными: соха с двумя ральниками и отвалом, бороны деревянные, редко — железные, сабаны, серпы (*черны*), косы-литовки (до XIX в. — горбуши)¹³⁷, деревянные молотила.

В ответах на программу ВЭО для собирания сведений о поземельной общине 1879 г. указано, что у пермских крестьян «отступлений от общего трехполья нет». Для их трехполья характерно: через год после ярового хлеба — пар на год, затем озимая рожь, третий год — рожь или ячмень, затем пар; новые места используют три—четыре года и начинают парить¹³⁸. В описаниях волостными старшинами некоторых уездов в конце XIX в. приводятся данные о соотношении угодий, которые свидетельствуют о том, что освоенность земель и разработанность угодий и к концу века позволяли почти везде вести трехпольное хозяйство¹³⁹, даже в местах с бывшим вотчинным землевладением, где сенокосных и лесных угодий у крестьян было меньше, чем у бывших казенных крестьян. Это же подтверждается и показаниями анкет ВЭО о состоянии крестьянских хозяйств в 1906 г.¹⁴⁰

В начале XX в. соотношение земель удобных и неудобных и различных угодий в изучаемых пермских уездах не претерпело изменений¹⁴¹. По-прежнему больше неосвоенных пространств оставалось в Чердынском у., там же было больше и неудобных земель. Земледелие велось на ближних *удворных полях*, и поэтому преимущественно было распространено трехполье; в северных районах был значителен перелог¹⁴².

До 30-х годов XX в. трехполье как господствующая система в прикамских районах просуществовало без особых изменений: сохранились общие порядки и севообороты для каждого хозяина в переменах, до 90 % пахотных земель было занято под теми же традиционными культурами¹⁴³, старыми были и орудия (сохи, бороны, серпы, сабаны, молотила; сеялки были только у богатых)¹⁴⁴. В промысловых районах (по Колве, Вишере, Печоре) редкое трехполье было своеобразным. Крестьянские пашни располагались вблизи деревень, часто на «горах», удобрялись навозом через год, иногда торфом¹⁴⁵, на них высевались рожь, ячмень; пшеница здесь не росла; из технических культур коноплю и лен выра-

Земледелие

а — выезд на пашню с сохой (Чердынский у., начало XX в.); б — борона-суковатка для обработки подсеки (Чердынский у., начало XX в.); в — сушка и вывоз снопов (Чердынский у., 1912 г.) (ПОКМ, № 6572/15—2—1)

щивали до 30—40-х годов XX в., причем и на приусадебных участках колхозников. Овощеводством почти не занимались.

Кроме трехполья, в изучаемых районах существовали и другие системы земледелия, точнее, сохранялись их элементы, поскольку все хозяйство было подчинено трехполью. Как и на всем Севере, сохранялся перелог, когда земля после неоднократного ее использования забрасывалась на отдых и разрабатывались новые участки. По описаниям Чердынского и Соликамского уездов в 1579 г., перелог составляли 15,9% от всех земель в первом, 8,7 — во втором¹⁴⁶. Значительными они были по Сылве и Чусовой, в Орле-городке у Строгановых (от 8 до 13%). В первой четверти XVII в. перелог существовали наряду с присельными трехпольными пашнями. Такие земли в уездах составляли 22,7% площади всех земель, трехпольные же поля — 51,4%¹⁴⁷. Соотношение перелогов с другими видами угодий почти не изменилось к 1623 г. По-прежнему они более применялись во владениях Строгановых в южных волостях изучаемой территории.

Как видно, уже в то время перелог был дополнительной системой, применяемой при выпашанности полей. Часть переложных земель учитывалась источниками XVII в. в лесных угодьях (лес пашенный); это были земли, заросшие лесом, и в любой момент они могли быть использованы под пашни. Леса пашенные занимали значительные пространства во всех уездах и в XVI и в XVII вв. Наибольшие возможности для использования пашенных лесов имелись у Строгановых (Чусовая, Косьва, Сытва, Орел-городок). В северных чердынских волостях, хотя леса и занимали самые большие площади в уезде, пригодных в них площадей для использования под пашни и другие угодья числилось меньше (особенно в XVII в.), чем во владениях Строгановых.

В XVIII в. переложные земли в Прикамье по-прежнему сохранялись. В материалах Генерального межевания отмечается, что к перелогам особенно прибегали в северных пермских уездах¹⁴⁸. Так, в Соликамском у. под перелогам были места с глинистыми и песчаными почвами, где хлеб выращивался на протяжении 7 лет, но с применением удобрения (в отличие от переложной системы, не предполагавшей удобрения), затем земли оставляли *впусте* на 10 лет (чаще всего под выгон), после чего такая земля поступала исключительно в паровую обработку с применением навоза. Это — пример сочетания перелогов с трехпольным земледелием, когда перелог выступал не как самостоятельная система, а подчиненная трехполью. В еще более северном Чердынском у. перелог существовали на дальних полях, когда после 1—2 высевов наступал отдых на 10—12 лет.

Перелог XVII—XVIII вв. в Прикамье, как и в других районах Европейского Севера, представляли собой оставленные на отдых трехпольные пашни или истощенные лесные подсеки (лядины, лесной перелог); перелогам могли быть и дальние поля. Это не была собственно переложная система земледелия и не была основная система (за исключением мест на самом севере), так как перелог применялись в сочетании с трехпольем и были необходимы для обновления полей, используемых под трехпольный севооборот. Восстанавливая структуру почвы, такой перелог был важным элементом в трехпольном хозяйстве¹⁴⁹, необходимым

средством охраны природных почвенных возможностей, особенно когда путем паренья земли уже нельзя было достичь результата.

Но в Прикамье, как и вообще на Европейском Севере, существовали и перелогі несколько иного происхождения. По мнению П. А. Колесникова, при заселении Севера можно было сразу вводить трехполье, используя для этого пригодные земли в речных долинах, где и шло первоначальное освоение. В таких условиях перелогі появлялись не на первом этапе освоения территорий, а уже при внедрявшемся трехполье; поэтому перелог и не мог развиться в самостоятельную, а тем более в основную систему земледелия. Об этом свидетельствует и тот факт, что переложные участки, за редким исключением, превосходили по площади паровые поля¹⁵⁰. Уже в XVII в. и в Прикамье перелогі намного уступали трехпольным землям. Лишь на севере в приколвнских, вишерских и печорских местах, где были большие пространства неудобных и лесных массивов, к перелогам прибегали чаще, чем к трехполью. Кроме того, в это время перелогі могли быть не обязательно агротехническим приемом; они появлялись в то или иное время как явление социально-экономического порядка, главным образом из-за разорения крестьянских хозяйств, чему способствовала экономическая ситуация на Европейском Севере с конца XVII—XVIII вв.¹⁵¹ Такой перелог был просто выпавшей из обработки землей.

Разновидностью прикамского перелога были *шутёмы*, *шутьмы* — своеобразный северный лядинный перелог, когда в расчищенном лесном месте — на *делянках* — разрабатывалось поле, которое засевалось до пяти раз, а затем забрасывалось в залежь. Такие поля, как и перелогі вообще, не удобрялись, на них преимущественно сеяли рожь, которая росла «прямо между пнями»¹⁵². Шутёмы были известны в приобвенских местах¹⁵³, на севере, по верхней Каме¹⁵⁴. Как первоначальный способ земледелия лядинный перелог отмечался почти везде в деревнях на северо-востоке и севере¹⁵⁵, в Чердынском и Соликамском уездах и сохранялся местами и в XIX — начале XX в.¹⁵⁶ Такой перелог был необходим, так как в этих местах одним «паром землю не поправишь»¹⁵⁷. В некоторых же местах Соликамского у., судя, например, по плану полей д. Пластовки Козьмодемьянской вол. (1879 г.), шутёмам отводилось меньшая площадь, нежели парам¹⁵⁸.

Иногда в перелогі оставляли землю не надолго, а переходили к ее паренью и удобрению¹⁵⁹, ибо особенно дальнотельных полей в Прикамье не было. Оставленные в залежи шутёмы использовали под сенокос или под выгон, а спустя некоторое время, примерно через десять лет, снова пахали и засекали: через год — рожью, через два года — овсом, на белых и глинистых почвах — через три—пять лет. В большинстве случаев шутёмы начинали пахать, когда земля задернела, трава переставала родиться и все покрывалось мхом, волосником и заячьей лапкой. В таких условиях шутёмы беднели травами, зарастали березняком. Использование шутём под выпас вредно сказывалось на произрастании трав, потому что происходило утаптывание почвы скотом¹⁶⁰.

Хозяйствование пермских крестьян в перелогах-шутёмах не отличалось упорядоченностью. В таких землях, особенно когда они были на *отставке*, хозяйство вели, «кто как пожелает», применяя удобный для себя

севооборот¹⁶¹. Это — типичное хозяйствование на залежах, особенно на дальних землях. Такая же черта выявляется при рассмотрении хозяйств сибирских крестьян на широко распространенных там залежных землях.

Долгое существование шутёмного хозяйства на Урале (до первых десятилетий XX в.) имело свои отрицательные стороны, так как за неимением особенно дальних земель это приводило уже со второй половины XIX в. к истреблению присельных лесов¹⁶².

Исконной и наиболее древней системой земледелия на Севере считалась подсечно-огневая. При развитом трехполье она сохранялась так же, как и перелог, как дополнение к трехполью. Подсека местами просуществовала до начала XX в.¹⁶³ В пермских деревнях при недостатке земли крестьяне разрабатывали участки в лесу подсечно-огневым способом. Такие разработки существовали в юрлинской д. Зюздино (*Володятьские поляны*), в верхнекамской д. Амборе (*Афонины и Егорьевские поля*), новоросчисты встречались и в Юмо-Лопвинском крае¹⁶⁴. *Подсеки (подчики)* — так по-пермски назывались лесные росчисты или расчищенные земли из-под перелогов. На подсеках сначала рубили лес, затем либо выжигали его (*гари*), либо давали сгнить пням, а потом в первый год только боронили почву, в последующие пахали, засевая либо рожью, либо овсом. Хорошо рос на подсеках и лен. Поле в подсеке не удобрялось, пока земля давала хороший урожай.

В переписях населения XVII в. подсеки специально не указывались, ибо их трудно было учесть за дальностью расстояний от деревень. Но частично они учитывались при описаниях угодий в лесах (*под лесом пашенным*). Подсеками оказывались и однолетние роспаши в лесах, не обложенные тяглом; и новоросчистные пашни в трехполье (*припашу*), выходящие из льготы; позже — захватные росчисты в казенных лесах, разрабатываемые тайно. Часть гарей могла оказаться в отъезжих пашнях, которые, за редким исключением, учитывались. В XVIII в. эти угодья учитывались в общем количестве пашни и лесов в уездах. Правда, материалы Генерального межевания по Прикамью отметили подсеки наряду с другими видами пашни. Известное по Каме удобрение полей под озимь навозом после выжига стерни — свидетельство наличия элементов подсечного земледелия. Такой же прием существовал и в крестьянских хозяйствах Сибири.

Подсека, как и перелог, не была единственной или основной системой земледелия в большинстве районов Северного Урала. Она сочеталась с разными видами хозяйства. Но ее сохранение обуславливалось тем, что было мало земель в ближних полях, особенно мало лугов, потому что при трехполье некоторые луга и пашни запускались под пар; кроме того, по истощении земель их оставляли зарастать травой, лесом, а новое место можно было найти, как правило, лишь в лесу. Разрабатывать лесной участок приходилось путем подсеки.

Как самостоятельная система земледелия подсека долгое время сохранялась лишь на севере Прикамья в Чердынском у.¹⁶⁵ По истощении трехпольных пашен, заброшенных в залежь, здесь обязательно переходили к новоросчистям, где применяли следующий севооборот: четыре—шесть лет сеяли рожь, а в присельном паровом поле, взамен новины, ежегодно или через год — овес; озимые и яровые поля использовались по

трехпольному севообороту¹⁶⁶. Так своеобразно сочетались пар, перелог и подсечные хозяйства.

Своеобразной подсека была и в приколвенских и припечорских деревнях, где земледелие давало скудные результаты. Там в суровых климатических условиях и на бедных болотистых и каменистых почвах крестьяне могли заводить пашни в *парме* на *пбдсеках*. Но каждая подсека служила там лишь год, обрабатывалась сохранявшимися с древности орудиями — *сабанчиком* и *куштаном* (мотыгой), засеивалась рожью или репой. Зброшенная через год подсека шла под выгны для скота¹⁶⁷ или ее превращали в паровое поле, удобряемое навозом, на котором чередовали культуры: «снимут два ячменя, затем орют, парят, потом сеют рожь, затем навозят, опять сеют два ячменя, и снова — рожь, навоз, пар»¹⁶⁸. Навозили поля не каждую весну, только каждый раз после *жити*. Пар обрабатывали по два раза, яровые — один, озимые — два.

Подсечное хозяйство в северо-западных районах Чердынского у., к которому могли прибегать лишь государственные крестьяне, было также своеобразно. Эти хозяйства не были упорядочены. На *гарях* хозяйствовали «кто как пожелает» и применяли севообороты по усмотрению¹⁶⁹.

В целом в Прикамье с XVI—XVII вв. господствовало трехполье. Переложные и подсечные хозяйства наряду с трехпольем просуществовали до конца XIX — начала XX в., особенно в северных районах, где были значительные лесные пространства, малоплодородные почвы и суровый климат. Трехполье в северных местах было своеобразным, ибо оно сочеталось с элементами перелога или подсеки. Таким образом, применение той или иной системы земледелия и местные особенности в земледелии были связаны с природными и почвенно-климатическими условиями районов. Социальные моменты в какой-то степени также действовали на развитие определенных систем земледелия. Так, в местах с помещичьим землевладением (в приобвенских, в причусовских местах) почти не развивались перелог и подсека. Владельцы имений неохотно позволяли крестьянам заводить новоросчисти в лесах. В большинстве имений лесные массивы предназначались для горнозаводских хозяйств и были почти недоступны для использования их под земледелие. Так было в имениях Всеволожских и иньвенско-обвенских деревнях Строгановых (Пермский и Соликамский уезды).

Залежные земли, правда, наличествовали в некоторых имениях: у Всеволожских шутёмы существовали и во второй половине XIX в., так как низкое качество почв в ряде мест, плохое удобрение полей, существование дальних пашен приводили к забрасыванию земель в залежь¹⁷⁰.

Отличительной особенностью некоторых хозяйств в имениях было и большее развитие скотоводства по сравнению с хозяйствами крестьян в местах с государственным землевладением. Этим особенно отличались хозяйства по Обве у Строгановых, позднее — у Абамелек-Лазаревых¹⁷¹, в некоторых местах у Всеволожских¹⁷², поэтому в таких имениях была возможность получения большего количества навозного удобрения, необходимого при трехполье.

В собственно господских запашках преобладали трехпольные хозяйства, и структура посевных площадей была близкой к крестьянским трехпольным пашням¹⁷³. Но некоторые вотчинники стали прибегать к

более совершенным системам земледелия. С 20-х годов XIX в. у Всеволожских впервые в Прикамье стали переходить к травопольной системе. Кроме того, в барских хозяйствах стали применять машины и новые орудия — «аглицкие» плуги, косы-литовки и т. п.¹⁷⁴

Травополье пытались вводить и крестьяне по Обве, в имениях Строгановых и Лазаревых. Чермозское заводское правление в 60-х годах XIX в. предлагало вводить посевы трав: «...бывшую господскую пашню обсеменить туземными травами», а «при неудовлетворительном результате запустить под лес»¹⁷⁵. Затем в начале XX в. губернский агроном пробовал внедрить там посевы трав, но только на запольных крестьянских участках, так как земли в этих местах было уже мало, да и нельзя было нарушать основной трехпольный севооборот на полях. Эта попытка не имела успеха¹⁷⁶. В 1920-е годы травополье стали внедрять на полях чусовских деревень (Нижнее Калино и др.)¹⁷⁷.

Зажиточные крестьяне западных районов Чердынского у. (Юрлинская вол.) пытались в 90-х годах XIX в. и в начале XX в. заводить посевы клевера, но основу их хозяйства по-прежнему составляло трехполье¹⁷⁸. В 1928 г. в Юрлинском р-не посевы клевера составляли только 2,1%, тогда как овес — 42,8, озимая рожь — 42,7, лен — 3%¹⁷⁹.

У бывших государственных крестьян в конце XIX — начале XX в. новая система земледелия не получила развития. К ней прибегали лишь некоторые старообрядцы, хозяйства которых отличались крепостью и организованностью. Старообрядцы верхнекамских районов (села Долды, Шапшер, Большой Пашиб)¹⁸⁰, Усть-Уролки¹⁸¹, причердынских волостей (в Вильгортской — д. Лекмортово)¹⁸² сеяли клевер. В целом же у северноруральских крестьян травополье и в конце XIX и в начале XX в. не получило развития¹⁸³. В районах с заводским населением земледелию отводилось небольшое место; в заводы шел избыточный хлеб из других уездов. Но там, где земледелием занимались, вели трехпольные хозяйства с удобрением и чередовали пар с залежью¹⁸⁴.

Этнические моменты в развитии земледелия в Прикамье выявляются менее отчетливо, чем различия, связанные с локальными природными и социально-экономическими условиями. Земледелие мотыжного типа, судя по археологическим данным, существовало в Прикамье и до прихода славян в X—XIII вв.¹⁸⁵, а земледелие коми-пермяков до XV в. имело относительно высокий уровень развития¹⁸⁶. Коми-пермяки вели подсечное либо переложное земледелие; при подсеке употребляли железные топоры, бороны-суковатки, мотыги-куштаны. Они сеяли озимую рожь, яровые — ячмень, овес, реже — пшеницу, полбу, а также горох и коноплю. Паровое хозяйство было преимущественно двупольным. На старопахотных землях применялись рала и орудия плужного типа, однозубые сохи.

С приходом русских и развитием здесь русского земледелия у коми происходили изменения в сельском хозяйстве. Прежде всего, постепенно стали переходить к трехполью с межами и полосами на полях, к регулированному удобрению¹⁸⁷. При сохранявшихся старых орудиях — куштанах, суковатках, горбушах¹⁸⁸ появились русские двузубые сохи с сошниками и деревянными отвалами для паровых полей и новые лесорубные топоры для подсек. Распространились, как и у русских, косы-литовки, цецы вместо деревянных молотил, овины для сушки снопов¹⁸⁹.

Сельскохозяйственные же культуры остались прежние: озимая рожь, яровые — рожь, овес, ячмень, немного пшеницы, конопля, лен. При русском заселении стало развиваться и огородничество. Несмотря на нововведения, у коми очень долго сохранялись старые сельскохозяйственные орудия. И в XIX в. пользовались косами-горбушами, сохами с двумя ральниками, боронами-суковатками¹⁹⁰. Долгое время коми не отказывались от гарей (*пальников*), но этому способствовали и почвенно-климатические условия¹⁹¹. В свою очередь в русском земледелии можно заметить заимствования у местных коми. Это архаические орудия (куштань), элементы архаических систем земледелия, применявшиеся у коми-пермяков (перелог, подсеки), своеобразное местное сельскохозяйственное орудие — *курашимка*: пахотное орудие, сочетавшее в себе элементы русской сохи и сабана, распространенного у пермских и поволжских народов, и пригодное для местных уральских почв¹⁹².

В XVI—XVII вв. уже не наблюдалось особых различий в сельском хозяйстве у коми и русских. Сходные природные условия и развитие в едином социально-экономическом русле привели к одинаковым способам хозяйствования. Земледелие североуральских крестьян — и русских, и коми, в целом мало отличалось от земледелия всего Европейского Севера. Некоторые приемы земледелия (переложного, например) и сельскохозяйственные орудия, близкие к уральским (*соха с брылой* — асимметричными сопниками), появились в XVII—XVIII вв. у сибиряков.

Другое, соседнее с русскими, население Прикамья — манси почти не занималось сельским хозяйством, поэтому взаимовлияния русских и манси в развитии земледелия не усматриваются. В XVIII в. жившие в Чердынском у. Ныробской вол. и по Вишере манси не имели пахотных угодий и сенокосов. Они занимались пушным промыслом¹⁹³. Позднее манси перешли к оседлой жизни и стали заниматься, как и русские, сельским хозяйством, в основном скотоводством. Манси по-прежнему оставались преимущественно охотниками и рыболовами.

Таким образом, земледельческие занятия в Северном Прикамье развивались исключительно в районах, пригодных к хлебопашеству (кроме севера и северо-востока), и были в основном такими же, как у крестьян всей севернорусской зоны. Локальные особенности проявлялись благодаря особым природным условиям (шутёмное хозяйство севера, одногодичные подсеки в промысловой зоне, сочетание распространяющегося трехполья с элементами подсеки и перелога). Некоторое влияние на географию местных систем земледелия оказало существование разного характера землевладения в крае, что влияло на способы хозяйственного освоения земель. В местах с помещичьим землевладением перелог применялись мало, и подсечное хозяйство не развивалось ввиду исключительной важности местных лесов для горнозаводского дела. Этнические особенности в земледелии имели место на первых порах хозяйственного освоения территории Северного Урала. Хозяйство и русских, и коми существовало в одинаковых природных и социальных условиях, что обусловило в целом одинаковое направление и характер его развития. Конфессиональные различия имели место в редких случаях (более рациональная система земледелия у старообрядцев) и были связаны преимущественно с уровнем развития тех или иных крестьянских хозяйств.

Жилые и хозяйственные постройки

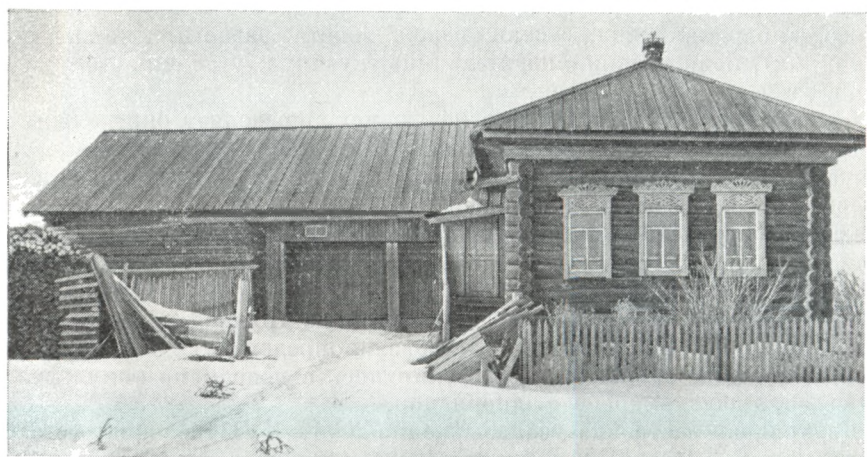
Крестьянская усадьба конца XVI—начала XIX в.

Типы жилых и хозяйственных построек. Переселявшееся в Прикамье севернорусское черносошное крестьянство и посадское население в конце XVI—начале XVII в. на вновь осваиваемых землях сразу же возводило целые жилые и хозяйственные комплексы (по-севернорусскому — *дворы-хоромы*). В Северном Прикамье старожилы до сих пор называют свои дома *хоромами*. Их строили не только сами хозяева с помощью соседей. В XVIII в. в Прикамье работало немало артелей плотников из разных мест Поморья. Например, известно, что «плотнишную работу» в Соликамском и Чердынском уездах выполняли «устюжане» и «двиняне», избы и амбары рубили «работные люди» из деревни Княжне и с реки Ваги Вологодского уезда¹.

Усадьбы русского населения состояли из различных по назначению и размерам жилых и хозяйственных построек. В документах XVII в. встречается свыше 40 названий отдельных помещений, их частей или элементов: изба, горница, клеть, сени, подсенье, предместье, предизбье, мост, пристен, подклет, голбец, вежа, повалуша, чулан, крыльцо, рундук, двор, хлев, сарай, стая, поветь, сенник (сенница, сенничешка), конюшня, погреб, амбар, житница, сусеки, верей, ворота, заборы, а также гумно (гуменник), овин, мякинница, мельница, кузница, угольник, денник, поварня, баня, мыльня, колодец.

Большинство документов того же времени позволяет определить планировку многих русских усадеб. Начиная с конца XVI в. повсеместно в Прикамье самым распространенным типом было трехкамерное жилище, которое соответствовало классическому севернорусскому варианту «изба да клеть, а промеж ими сени». По использованным источникам можно реконструировать 175 усадеб конца XVI—первой половины XVIII в. Из них 154 были трехкамерные, а остальные двухкамерные варианты — изба и сени. При знакомстве с описаниями не трудно заметить, что выявленным типам жилища соответствовала определенная застройка всей усадьбы. Трехкамерное жилище соединялось с двором по типу двухрядной связи, а двухкамерное — однорядной.

Двухрядная застройка усадьбы конца XVI—XVII в. чаще всего описывается так: «Против тех горниц сени и клеть с перерубом, а у се-

Типы усадеб

Слева — однорядная застройка конца XIX в. (с. Копально Чусовского р-на); двухрядная застройка начала XX в. (д. Жердовка Ильинского р-на); глаголеобразная застройка (д. Комариха Ильинского р-на);

справа — покоеобразная застройка с трехкамерным домом (д. Егорово Ильинского р-на); покоеобразная застройка с домом-пятистенком (д. Комариха)

ней ...лестницы на ряжах крытые», а позади их вторым порядком «конюшня, на конюшне сеник»², «хормное строение изба с сенми и с клетью, а возле них позади вплотную двор»³, «изба с сенцы и с клетью из заплоти... и со всем дворовым построением позади вдоль них»⁴, «изба на змостье, а против избы по левую сторону клеть, а возле одного двор в огороде»⁵, «дом деревянный в одной связи изба, сени, напротив одного клеть, а вдоль них позади двор»⁶, «в линию ... изба с сенми и клеть..., против всех оных сзади двор»⁷, «изба ... при ней сени ... при

них в линию клеть и под ней погреб ...позади клетки и избы двор в огороде»⁸. Существенно, что двухрядная связь в документах конца XVIII — первой половины XIX в. отмечается как «самая старинная»⁹. Таким образом можно считать, что «один порядок» — это жилище, а другой — хозяйственный двор.

Для реконструкции однорядного типа застройки усадеб в письменных источниках имеются такие сведения: «А во дворе хоромов изба на змостье, да против избы сенник на подклете»¹⁰, «а во дворе хором изба на подклете, а под избыю погреб, а против избы сенник на хлеву, да под сенником же анбарец»¹¹, «во дворе изба на змостье, против избы сенник с подклетом, да хлев мшоной»¹², «против избы сени и сенник»¹³, «против избы сенцы да скотский хлев ветхой»¹⁴. Приведенные материалы свидетельствуют, что хозяйственные постройки являлись продолжением жилой избы. Такие типичные северные усадьбы, признанные этнографами и архитекторами за один из ранних типов на Европейском Севере, в Северном Прикамье зарегистрированы источниками только первой половины XVII в. Поэтому есть основания предположить, что усадьбы с однорядной связью при наличии двухкамерного жилища больше были распространены на раннем этапе русского освоения.

Письменные сведения позволяют признать также, что усадьбы с двухрядной связью и наличием в них трехкамерного жилища являются в Северном Прикамье органичным развитием предыдущего варианта. С расширением хозяйственной деятельности заселявшего Прикамье населения увеличилось число построек на дворе, что в свою очередь способствовало типологическому развитию усадьбы. В этом отношении очень выразительна закладная 1645 г. с описанием крестьянской усадьбы в погосте Усть-Боровая Соликамского у.: «А во дворе хоромов изба на змостье новая трех сажен печатная, да против избы через сени сенник с подклетом, в подклете погреб, да подле избу новая синиша, а под синишею хлев теплой... новой»¹⁵. Нетрудно определить, что здесь мы имеем дело с перестроенной усадьбой, имевшей первоначально однорядную застройку — изба поставлена новая, а двухэтажная хозяйственная постройка — сенник с погребом — оставалась прежней (первоначально тут вполне мог быть и хлев, так как постройка названа сенником). Возле них вторым порядком выстроен новый двухъярусный двор. В дальнейшем, как увидим, сенник с погребом или хлевом заменялся хозяйственной клетью, и в целом вся жилая часть приобретала уже трехчастную структуру.

Внутри поселения крестьянские усадьбы размещались в зависимости от многих факторов: природной среды, назначения и масштабов хозяйственной деятельности, родственных отношений; влияли также и установившиеся традиции планировки поселения на более ранних этапах его формирования.

До конца XIX в. в Прикамье и на верхней Печоре господствовали поселения свободной (беспорядочной) и рядовой формы. В первом случае дома чаще обращались фасадами на солнечную сторону, во втором — к реке. Эта закономерность неоднократно прослеживается в описаниях усадеб XVII—XVIII вв.¹⁶

Усадьбы с однорядной застройкой в Прикамье и на верхней Печоре размещались по тому же принципу, что и на Европейском Севере. На

улицу выходила только жилая изба, за ней под единой двускатной крышей шли сени, а потом хозяйственный двор. Крыльцо пристраивалось по боковой стороне.

Усадьба со слитной двухрядной застройкой в отличие от усадеб Европейского Севера ставилась не перпендикулярно, а вдоль улицы. В них трехкамерное жилище выходило на улицу длинной стороной. В этом случае вход в сени был с улицы, а во двор — сзади, в огороде. Если на Европейском Севере такая постройка оставалась единичной¹⁷, то в Прикамье и на верхней Печоре она являлась господствующей не только в поселениях с беспорядочной и рядовой застройкой, но и в поздней уличной.

В документах XVII в. немало встречается сведений как о наличии отдельных построек в крестьянских усадьбах, так и об их размерах. Трехкамерная связь достигала в длину 14—20 м, в ширину 6—7 м. Двор имел еще более внушительные размеры. Его длина обычно равнялась жилищу, а ширина достигала 14—22 м¹⁸.

Место перед избой называлось *улицей*, *выездом*, а за двором — *задво-рием*. «За избой с сенцы и с клетью, и со всем дворовым строением» находился огород, в котором выращивали овощи и коноплю. Здесь же могли быть баня, колодец, амбары-житницы. Нередко их выносили и за пределы усадьбы: «Против избы под горою житница», «за огородным местом житница и баня», «продал двор свой с посторонним строением амбар, погреб»¹⁹.

Огороды возле усадеб при наличии подворно-наследственной формы землепользования не имели постоянных размеров, они занимали самую плодородную землю²⁰. Упорядоченность в размерах достигалась по мере введения уравнительно-передельного землепользования. В местах вотчинного землевладения (Строгановых и их наследников) это вводилось раньше и не только на *удворных*, но и на окольных землях.

Крестьянские усадьбы огораживались изгородями разных видов: за-плотом, жердями и тонкими колыями (огородный тын)²¹.

Вне усадьбы находился комплекс сельскохозяйственных построек, особенно овины, гуменники, мякинницы и мельницы. Без этих построек не могло обходиться крестьянское хозяйство. Овины и гумна всегда располагались на полях вблизи поселения: «Во дворовом поле на тех поло-сах гумно своё и з гуменником и с овином», «досталась земля поле за гумном»²². В овинах сушили снопы, на гумне молотили. Гуменником назывались особые огороженные места, где хранили необмолоченные сно-пы и солому. Мякинницы предназначались для хранения отходов. Еще более точные сведения имеются о мукомольных мельницах. В XVI—XIX вв. в Прикамье и на верхней Печоре преобладали водяные мельни-цы — мутовки. По имеющимся данным за 1579 г., их можно насчитать свыше 50²³. По мере роста населения и освоения новых территорий потребность в таких мельницах возрастала. Так, уже в 1623 г. в Чер-дынском у. насчитывалось 75 мутовок и 33 колотовки; по 12 мельниц имелось в Соликамском у. и в вотчинах Строгановых²⁴.

Мутовчатые мельницы имели до трех поставов и часто на паях при-надлежали нескольким владельцам. Подробные описания мельниц на речках Усолке и Зырянке в Соликамском у. (1635 и 1697 гг.)²⁵ дают

возможность не только представить их внутреннее устройство, но и отметить полное сходство с такими же на всем Европейском Севере и в Сибири²⁶. Колотовками в Прикамье называли мельницы-толчей, в которых дробили зерно на крупу.

Наряду с мутовками стали появляться колесные водяные мельницы. На севере Прикамья они внедрялись медленно. Так, в 1804 г. в Чердынском у. из 231 мельницы колесных было только 26²⁷. Напротив, в южном Кунгурском у., где к началу XVIII в. сложился крупный центр товарного мукомольного производства, в 1701 г. существовало 102 мельницы, из которых 60 было одно-, двух- и трехколесных, 12 колотовок и 30 мутовок²⁸. Владельцами колесных мельниц, как правило, оставались представители зажиточной верхушки сельского населения.

Итак, в крестьянских усадьбах были очень разные по назначению постройки. Об этом, в частности, можно судить и по купчей 1634 г. одного крестьянина погоста Городище Соликамского у.: «Подписал ... половину мельницы ... и во дворе, и в хоромех, и что под двором земли половина, а во дворе хоромов изба наземная, две клетки и с подклетью, и с погребом, и с банею, и с заплотом, и с вороты, и с сараем, и с огородом с капустником, и с конопляником, и с пашенною землею с тремя переменами, и с огородами, что около тех поль огорожены жердями, и с овином, и с гуменником, со всеми покосы тое деревни по обе стороны Усолки реки»²⁹.

Строительная техника. Жилые и хозяйственные постройки возводили чаще всего из ели. Сосна употреблялась реже и преимущественно в южных районах Прикамья. Так, в описанных в Кунгурском у. 25 усадьбах XVII в. 14 изб было «елёвых» и 11 «сосновых»³⁰. Крестьянам хорошо были известны свойства строительного материала. В Северном Прикамье и на верхней Печоре на нижние два — три венца, на стойки под углы и на столбы употребляли лиственницу, а иногда и кедр.

Для возведения усадьбы требовалось большое количество леса. Так, для строительства избы и клетки крестьянин деревни Амбор Чердынского у. в 1730 г. считал необходимым: «...бревеннику полтораста бревен да нутряного лесу в избную поделку сколько понадобится... и тесу двадцать дерев и шестидесяти бревен»³¹. В д. Керчево этого же уезда взамен сгоревших восьми домов почти все крестьяне просили в 1809 г. выделить одинаковое количество материала: «Потребно на избу, клетки, заплоты и прочие надобности бревен еловых трехсаженных в отрубе 5 с половиной вершков 115, на крышу тесу пятасаженного 120 тесниц»³².

Возведение срубов избы и клетки осуществлялось в два приема. Сначала сруб рубили, просушивали, затем ставили на фундамент и пазы прокладывали мхом. Были случаи, когда сруб готовили в лесу. Например, в документе 1730 г. говорилось о продаже крестьянином д. Чертенковой Соликамского у. «новопостроенного в лесу пятнадцати рядов сруба для избы»³³.

По всему Прикамью и верхней Печоре жилые избы рубили из цельных бревен самым распространенным в древнерусском строительстве способом — *в обло*, т. е. в угол с выступающим наружу концом³⁴. Такие избы называются *облыми*³⁵. Есть основания утверждать, что в ранний

период не только чаша, но и паз вынимались плотниками по верху бревна. Во время этнографического изучения д. Верхнее Ворцево Чердынского р-на было обнаружено, что у клетки конца XVIII в. и жилой избы первой половины XIX в. паз вырезан не снизу, как принято повсеместно в поздних постройках Прикамья, а сверху. Аналогичное расположение паза установлено и на жилой постройке XVII в. в г. Соликамске. Об этом же приеме сообщали многие старожилы. По мнению этнографов и архитекторов, он является более архаичным³⁶.

Широко использовалась в строительстве и столбовая конструкция. Ее применяли при сооружении сеней, клетки, а больше всего хозяйственных построек. Рубка *в заплот* сочеталась с рубкой *в обло*. Знали крестьяне и способы соединения бревен *в ладью* и *в замки*, но, судя по известным документам, они применялись ограниченно и лишь при сооружении дворов, амбаров и погребов³⁷.

Главным строительным инструментом оставался топор. Он имел несколько разновидностей, которые предназначались для разного вида работ³⁸. Наряду с ним применялись пазники, стружи, коловороты, тесла. Пила у крестьян получила распространение только с начала XIX в.

Конструктивные особенности. В XVII — начале XIX в. у русских крестьян Прикамья и верхней Печоры в усадьбах с однорядной и двухрядной застройкой жилым помещением являлась изба, почти квадратная в плане и размером 6—7 м. В описаниях постоянно сообщается один и тот же размер: «Изба трех сажен печатных»³⁹. «Трехсаженные еловые бревна» неоднократно упоминаются при возведении новых изб на протяжении XVII—XIX в.⁴⁰

В документах XVII в. называются три вида крестьянских изб: *на взмостье* (*на змостье*), *на подклете*, *поземная* (или *наземная*). Суровые природно-климатические условия заставляли плотников приподнимать жилую избу над землей. Из всех известных описаний усадеб только в 14 избы были *поземные*, т. е. в них пол располагался почти на земле. Такие избы встречались исключительно в южной части Соликамского и в Кунгурском уездах. Во всех остальных случаях пол приподнимался, и между ним и землей образовывалось высокое помещение — подклет, которое использовалось в хозяйственных целях. Этот конструктивный прием в источниках начала XVII в. назывался *подклетом*, *взмостьем* или *змостьем*. Высокие избы, «до трех сажен печатных», в Прикамье преобладали⁴¹. Это подтверждается и изобразительными материалами. Так, во время тяжбы Г. Д. Строганова с «гостями» Филатьевыми и Шустовыми по поводу Ленвенских соляных промыслов в 1696 г. были составлены три карты, представленные в Новгородский приказ. В них имеются рисунки построек всех населенных пунктов, расположенных по берегам Камы и ее притокам от устья р. Боровой до устья р. Яйвы. В большинстве случаев дома выглядят очень высокими, с двускатными крышами⁴².

В трехкамерном жилище в одной связи с избой через сени (иногда они названы сенцами, предызьбем, мостом) находилась клеть, которая чаще всего была двухэтажной («Да против избы клеть на погребе», «перед избою сенцы и клеть на подклете», «против избы две клетки с пере-

рубом, а жить ему в большей клетке с погребом», «перед избой клеть о двух жирах») ⁴³. Клетки имели сложную конструкцию. Их разделяли не только на два этажа, но и на две половины. В верхних помещениях, в которые можно было войти из сеней, хранили домашние вещи, продукты, а в летнее время спали. В нижнем этаже клетки обычно оборудовали погреб, хранили хозяйственный инвентарь.

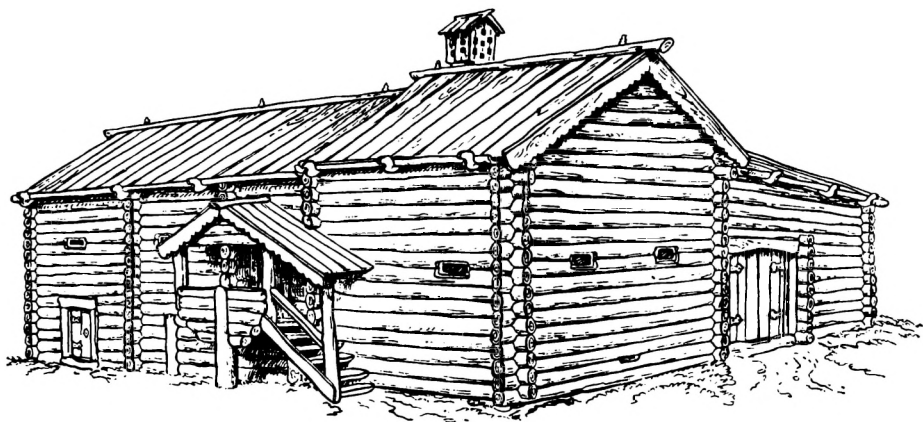
Клеть являлась обязательной принадлежностью трехкамерного жилища на Европейском Севере. Но там устройство ее было несколько иным, чем в североуральском регионе. Врубленными посередине стенами она разделялась на две половины. В этом случае в середине помещения проходили дополнительные сени, из которых двери вели в обе половины клетки и в хозяйственный двор, являющийся продолжением жилища. В описаниях жилых построек Прикамья конца XVI—XVII вв. эта деталь нигде не зафиксирована. По-видимому, там необходимо иметь сени в клетях отпадала потому, что двор всегда ставился сбоку вторым порядком, параллельно жилищу. В этом случае во двор проходили через обычные сени, которые всегда выделялись между избой и клетью.

Жилая изба строилась по правую сторону от крыльца и сеней, а клеть по левую. Аналогичную закономерность отмечали исследователи в усадьбах XVIII в. в Архангельской губ. ⁴⁴ Такое же расположение имели все 12 сохранившихся усадеб конца XVIII — первой половины XIX в., обнаруженных в 1967—1975 гг. на территории Чердынского р-на в процессе его полевого изучения. В Прикамье этот принцип имеет, очевидно, давние традиции, так как при описании жилищ первой половины XVII в. неоднократно встречается выражение «против избы по левую сторону клеть» ⁴⁵.

Трехкамерное жилище преобладало в Прикамье не только у крестьян. Начиная с конца XVI в. аналогичные постройки имело посадское население Соликамска, Чердыни, Кунгура, а также слобод и городков Строгановской вотчины ⁴⁶. Из описаний Зырянских соляных промыслов (1697 г.), городов Кунгура (1704 г.), Чердыни и Соликамска (1707 г.) ⁴⁷ видно, что трехкамерная планировка была использована при возведении приказных, земских, таможенных и воеводских изб, причем не только деревянных, но и каменных. Например, каменные сводчатые палаты Соликамской приказной избы 1688 г., позднее приспособленной под дом воеводы, объединены коридором, выполняющим роль сеней. По этой же схеме, только с большим числом помещений были выстроены каменные строгановские дома в Новом Усолье и Нижне-Чусовском городке в конце XVII — первой четверти XVIII в. ⁴⁸

Трехкамерными являлись постройки и жилого и оборонного назначения. Об этом, например, прямо указано в описании Очерского острожка 1686 г.: «А на дворе строенья горница на подклете с сенями и с повалышею... да ружья в повалыше 17 пищалей и мушкетов, и турок, и карабинов, 3 пищали затинных, пороху четверти с три, 21 топор, 27 пик» ⁴⁹. Кстати, этот документ убедительно подтверждает вывод А. А. Шенникова о боевом назначении повалуши ⁵⁰.

Подобная планировка была и у жилых помещений XVII в., принадлежавших владельцам соляных варниц и различным приказчикам Стро-

Типы жилища

Вверху — трехкамерное — изба—сени—клеть конца XVIII в. (д. Москали Чердынского р-на, реконструкция); *внизу* — трехкамерное — изба—сени—изба конца XIX — начала XX в. в д. Белоусово Чердынского у. (ЧМ, № 1644/32);

гановской вотчины в Орле-городке, Новом Усолье, Верхне-Чусовских и Нижне-Чусовских городках, Верхних и Нижних Муллах, Очерском и Сергинском острожках⁵¹. От крестьянского жилища они отличались наличием горницы, которую сооружали взамен избы. У состоятельных владельцев горницы были *двойными, с перерубами* и всегда на подклетах. В остальном жилище было сходное с крестьянским, так как в описаниях XVII в. везде сказано: «Против горниц сени с клетью» или «горница с сенями и клетью»⁵². В первой половине XVIII в. клеть все чаще стала заменяться второй жилой избой. Так у солепромышленников Тур-

чаниновых в XVIII в. продавались на посаде в Кунгуре «свои дворы со строениями: изба черная, против избы горница, меж избою и горницей сени»⁵³. Таким же выглядело их жилище в трех усадьбах, находящихся в с. Красном⁵⁴. В этом отношении очень показательным является оценочный акт 1800 г., в котором изложены условия продажи трех мещанских домов в Соликамске, построенных в 1743, 1746 и 1781–1782 гг.⁵⁵ Из описания видно, что дома имели трехчастную структуру с горницей на месте клетки.

В сельской местности горницы взамен клетки появляются только в конце XVIII в., причем также сначала у зажиточного населения и в поселениях, близких к уездным городам, слободам и солеваренным центрам⁵⁶. Зажиточные люди увеличивали жилище и за счет боковых пристроек — *пристенов*⁵⁷. Так, в Оханском у. в 1830 г. из 86 усадеб крестьян 62 были в виде изба + сени + клеть, а 24 избы имели *пристены*⁵⁸.

Таким образом, по архивным источникам, в Прикамье с конца XVI в.

Типы жилища (окончание)

Слева —

пятистенник из двух изб
и сеней сбоку дома,
начало XX в.

(д. Усть-Уролка
Чердынского р-на);

шестистенник
из д. Темная

Чусовского р-на;
справа —

высотность дома:

дом на высоком
подклете (д. Темная);

двухэтажная изба
(с. Ильинское)

трехкамерное жилище было преобладающим, причем как в сельской местности, так и в городской. Этот вывод, относящийся к целому ранее в этом отношении совершенно неизученному региону, подтверждает мнение ряда исследователей о широком распространении трехкамерной связи в жилище XV—XVIII вв. в северных и центральных районах Европейской России и в Сибири⁵⁹.

Обязательной принадлежностью крестьянских усадеб были хозяйственные двухэтажные дворы. «Сенник на хлеве», «хлев с сенником», «стая с сenniцею» — вот самые распространенные формулировки в документах XVII—XVIII вв., описывающих дворы крестьянских усадеб. Внизу в теплых хлевах и стаях держали скот, на повети, сено и хозяйственный инвентарь. Число дворовых построек не являлось одинаковым. У зажиточных крестьян здесь стояли дополнительно погреба, клетки, конюшни, а иногда и постройки специального назначения. Например, в д. Корнино Чердынского у. в 1623 г. на одной усадьбе были «вс

дворе хоромов изба кожевная да сарай, да два хлева, да клеть житница»⁶⁰, а в д. Средняя Попова Соликамского у. возле дома стояли «двор для рогатого скота, в нем три хлева..., черная рабочая изба..., изба скотная с сенями... двор конюшенной... против небольшой денник»⁶¹. По послевым наблюдениям, большое разнообразие в застройке усадеб наблюдалось у зажиточных крестьян погоста Цидва Чердынского у., погостов Городище, Верх-Усолка, Половодово Соликамского у., занимавшихся различными ростовщическими операциями.

В описаниях построек Прикамья XVII—XVIII вв. встречаются сведения и о других конструктивных приемах, характерных для севернорусского строительства. Избы, клетки и хозяйственные постройки имели двускатные крыши самцовой конструкции. Они покрывались «тесом со скатами в желобья», «на два ската со скальем и драницами», или «на два ската тесом и драньем в желобья». У такой «безгвоздевой» крыши треугольные фронтоны набирались из бревен и скреплялись между собой деревянными шипами. По склонам фронтонов в углубления укладывали продольные слегги, на которых крепились так называемые *курицы* — еловые стволы с корневищами, обработанными в виде птичьих и конских голов. В их изгибах крепились вырезанные из цельного бревна *желобья*, в которые и упирались нижние концы кровли. Верхние концы тесин по *князьковому* бревну закрывались охлупным бревном. Встречалось и более упрощенное завершение крыши, когда вместо охлупного бревна скаты скрепляли двумя продольными жердями. В этом случае жерди закреплялись по фронтонам доской — *огнивом* или же их просто привязывали к выступающим продольным слегам. Такой способ чаще применялся на хозяйственных постройках.

Архивные материалы дают представление не только о кровельном материале, но и о способе его приготовления. *Скальем* называли снятую, сколотую большими пластами бересту. Иногда ее сшивали, и она считалась *шитой скалой*. Поверх бересты укладывали драницу, или дрань, которую получали из расколотых бревен. Путем обработки драницы выделяли *топорный тес*. О всех этих способах очень ярко говорится в одном документе: «Вытесать десять дерев тесу, а выдрать двести драниц»⁶². Драницу обрабатывали топором так, что на одной стороне во всю длину получалось углубление — желоб, по которому и стекала вода. Этот же желоб позволял наиболее плотно уложить тесины *в зубец* — одним слоем тесины лежали желобом вверх, а другим вниз. Такой способ покрытия упоминается при одном описании построек конца XVI — начала XVII в.⁶³

Самцовые крыши имели большие свесы и массивные фронтоны. На их возведение требовалось материала не меньше, чем на сруб. В документе начала XIX в. сообщается, что на кровлю жилища уходило «тесу пятисаженного 120 тесниц»⁶⁴. Это же сообщение позволяет предполагать бытование крыш с крутыми склонами. Они известны не только у русских, но и у многих народов лесной полосы Европы и Сибири.

Нередко в документах XVII в. упоминаются и *повалы*. Они образовывались за счет выпуска за пределы стены верхних продольных бревен сруба. Повалы придавали прочность всей кровле и одновременно служили своеобразным конструктивным приемом для плавного перехода от бревенчатого сруба к тесовой крыше.

Устройство балкона на фронтоне крестьянских изб — явление очень редкое и в целом нехарактерное для Прикамья и верхней Печоры. Известно о существовании одной избы с балконом в д. Воцково Чердынского у., построенной в самом начале XIX в. В исторических описаниях подобный факт упоминается всего лишь один раз: в с. Серегове Чердынского у. балкон отмечен у избы конца XVIII в.⁶⁵

Обязательной принадлежностью жилой избы было крыльцо. Документы XVII — начала XVIII в. отмечают разнообразные конструктивные приемы крылец: «У сеней лестницы на ряжах крытые», «у передних дверей крыльцо на столбах забранное из досок с лестницею вдоль стены», «крылечко с лестницею забранное в столбики из досок, крытое тесом», «лестница в тетивах»⁶⁶.

У жилых изб с высоким подклетом известны крыльца четырех типов: прирубом, на ряжах, на столбах и висячее. Все они признаются древнейшими и типичными для севернорусского жилища.

Техника возведения крылец прирубом оставалась аналогичной технике строительства жилых и хозяйственных построек; бревна в венцы соединялись *в обло* с остатком. Сруб крыльца ставился на землю вдоль избы и закрывал целиком вход в сени. Лестница примыкала к стене, вместе с площадкой-рундуком она покрывалась общей крышей. Такая конструкция надежно защищала избу от ветра, снега и дождей. Крыльцо на ряжах — срубных основаниях тоже стояло вдоль стены. Верхний рундук и ступени чаще закрывались по сторонам досками, а сверху двускатной крышей. У висячих крылец рундук держался на двух выступающих из сеней балках, а ступени врезались в наклонные тетивы-брусья. Столбовые крыльца возводились по-разному: на четырех, трех, двух и даже одном столбах.

Как бы ни были многообразны крыльца, они всегда сохраняли такую типичную севернорусскую черту, как расположение лестницы вдоль стены жилой избы, а не клетки. Сообщение о том, что «...крыльцо на столбах с лестницею и нижним рундуком», позволяет выявить еще одну особенность, присущую севернорусскому домостроительству. Крыльца имели и по два рундука — вверх у выхода в сени и вниз на земле. В таком случае крыша крыльца состояла не из двух, а из трех скатов. Один скат закрывал половину верхнего рундука, второй (самый длинный) — другую сторону и лестницу, а третий — нижний рундук. Такие приемы усиливали выразительность всей усадьбы.

По сохранившимся документам можно судить и о наиболее старых приемах сооружения, и типах дверей, ворот и окон. Двери у теплых помещений всегда были однополые, их составляли из двух—трех толстых досок и скрепляли двумя шпунтами — брусьями. Этот прием крепления дверей и ворот неоднократно подчеркивается в описаниях: «Двери в деревянных пятах», «ворота большие одинакие досчаные в деревянной пяте»⁶⁷. Двери не только у хозяйственных построек, а и у жилой избы крепились при помощи выступов, которые вставлялись в выемки порога и верхнего косяка, а при его отсутствии в бревно сруба. Для лучшего вращения под нижний выступ — *пята* подкладывали позвонок животного. Для устройства больших ворот использовали ствол дерева с корневищем, отходящим под прямым углом. У зажиточного населения уже в XVII в.

использовались железные петли, крюки, а также *висячие снисьные и нутряные полишные замки* ⁶⁸.

Окна различались на волоковые, колодные и косячатые. Их разнообразие особенно прослеживается в домах зажиточного населения и в поселениях с солеваренным производством. У богатых жителей уже в начале XVII в. появляются *красные, косячатые* окна со слюдяными *окончинами*, а в первой половине XVIII в. и со стеклом. Слюда была покупной, ее привозили из Архангельска через Великий Устюг. В поселениях, близких к посадкам и солеваренным центрам, переход от волоковых окон к колодным наблюдался прежде всего. Сначала их прорубали в горницах. Оконные колоды были массивными, а сам проем прорубался не более чем в 6×4 или 5×3 четверти ⁶⁹. Дом с подобными окнами, выстроенный в 1710 г., сохраняется до наших дней в Соликамске (ул. Набережная, 102).

Волоковые окна всегда имели небольшие размеры, их вырезали по толщине одного венца сруба или между двумя венцами и закрывали задвигающимися глухими ставнями — *обоконьями*, рамами с *брюшиной* или с *холстом*.

Первоначально оконная обвязка — косяки, видимо, вырезались чрезвычайно толстыми, поэтому ранние источники их называют только *колодными*, а поздние — уже *косячатыми* или *красными*. Известно, что на первых порах не все колодные окна имели «окончины», которые закрывались ставнями.

Такие же этапы развития окон в избах наблюдались повсеместно у русского населения Европейского Севера и Сибири.

В подклетах жилых изб и некоторых хозяйственных постройках вырезались щелевые окна. Они служили одновременно для вентиляции и освещения помещения. Такие окна могли быть наиболее распространенными в древнем жилище.

Многочисленные описания жилищ второй половины XVIII — начала XIX в. показывают, что у одной избы могли быть разные окна. Так, курная изба в д. Средняя Попова Соликамского у. имела «одно окно колодное, пять волоковых без окончин» ⁷⁰. Разными были и *окончины* косячатых окон: из стекла, слюды и даже из *брюшины* ⁷¹.

К сожалению, источники очень скупо характеризуют внутреннее устройство жилища. Но фрагментарные сведения позволяют предположить, что внутренняя планировка жилой избы Прикамья и верхней Печоры, как и ее конструктивные приемы, оставалась севернорусской. В описаниях отмечаются тесовые полы и бревенчатые потолки, *битая глиняная* или *хрящевая* печь в деревянном кожухе при входе в угол, полати над дверями, тесовые лавки, иконницы в переднем углу ⁷². Описание жилища в госте Цидва Чердынского у. 1678 г. свидетельствует и о внутреннем ходе из избы в подклет: «В избе ходит Андреева дочь и лизет в голбец» ⁷³.

Иным выглядело убранство горниц. В них появлялись кирпичные печи с трубой, не бревенчатые, а тесовые потолки, изживались полати и волоковые окна.

Таким образом, фактический материал всесторонне показывает бытование севернорусских строительных традиций в Прикамье и на верхней

Печоре, занесенных при активном заселении северноруральского региона из Европейского Севера, а также динамику развития этих традиций на более позднем этапе.

Традиции и инновации

в жилых и хозяйственных постройках середины XIX — начала XX в.

Типы жилых и хозяйственных построек. Описания жилых и хозяйственных построек середины XIX — начала XX в. позволяют проследить их эволюцию в целом, их отдельных элементов, имевших отличительные признаки в зависимости от природных факторов, хозяйственной направленности двора и социальной принадлежности владельцев.

В этот период у крестьян Прикамья и верхней Печоры основу усадьбы по-прежнему составляло трехкамерное жилище. Начавшаяся с конца XVIII в. в среде зажиточных крестьян замена клетки горницей происходила к середине XIX в. в жилище всех слоев сельского населения. В большинстве случаев крестьяне вместо клетки возводили не горницы, а обычные избы с русской печью и традиционной внутренней планировкой.

С 1870—1880-х годов появление в трехкамерном жилище второго жилого помещения стало массовым явлением в крае. Этому способствовало развитие капиталистических отношений и начавшийся распад неразделенных семей. Например, в Чердынском у. по восьмой ревизской переписи 1834 г., 45% семей состояло из 7—12 человек, а в начале XX в. более половины всех семей насчитывало 5—6 человек. Кроме того, в 1834 г. около 50% семей имело в составе более чем три поколения, а в начале XX в. такие семьи, за исключением глубинных селений, являлись редкостью⁷⁴.

Процесс утверждения трехкамерного жилища с двумя жилыми избами наглядно иллюстрируют материалы по пригородному с. Серегово Чердынского у. за 1866—1880 гг.⁷⁵ В описании села, тщательно выполненном местным жителем, дается характеристика всех 77 жилых домов. Из них 9 домов автор называет «самым старинным типом» — изба курная с сениями и клетью, 38 (самые распространенные) — изба белая (т. е. печь была с трубой), сени и «клеть чистая с печью» (вторая жилая изба). В остальных случаях обе избы оставались еще курными. Этот пример подтверждается сведениями по Чердынскому у. Подворная перепись 1884—1885 гг. отметила, что из 12 080 крестьянских усадеб в 4 144 домохозяева имели по две жилые избы⁷⁶.

В ходе полевых исследований 1965—1983 гг. были собраны сведения о 1 940 усадьбах, находящихся в разных районах Северного Прикамья и верхней Печоры. Из них видно, что в этом регионе в конце XIX — начале XX в. по-прежнему господствовали усадьбы с двухрядной застройкой. Преобладающим в это время стало и трехкамерное жилище с двумя избами. Жилых комплексов более раннего варианта, когда составной

частью была холодная клеть, к концу XIX в. оставалось очень мало. Они сохранялись только в отдаленных местах изучаемого региона⁷⁵. Усадеб с однорядной связью двора и дома было так же мало, как и в XVII—XVIII вв., а в некоторых местах их вовсе не существовало.

Данные современных похозяйственных книг в свою очередь подтверждают типичность усадеб и жилых помещений. Так, в Касибском и Пегушинском сельсоветах Соликамского р-на из книг получены сведения о 994 усадьбах, построенных в 1880—1920-х годах. Почти во всех наблюдалась двухрядная связь двора с трехкамерным жилищем, объединяющим две жилые избы. Внесенные в книги сведения о годах возведения построек позволяют видеть, что разница в строительстве жилых изб одной усадьбы колебалась от 10 до 30 лет. Заменяли их по очереди, по мере непригодности к использованию.

Во второй половине XIX в. избы-связи преобладали также в заводских поселках Прикамья и не исчезли в городах⁷⁶. Рабочие заводов происходили из крестьян, и их жилище, как и многое другое в быту, было общим с крестьянским.

Таким образом, разнообразные сведения показывают и сам процесс, и время полного утверждения в северном Прикамье и на верхней Печоре жилища типа изба—сени—изба. Прекратилось строительство такого жилища только в 1930-е годы, когда резко изменился социально-экономический уклад деревни.

В усадьбах с двухрядной застройкой трехкамерное жилище по-прежнему размещалось вдоль улицы. Поставить торцом к улице такой дом можно было только при улично-квартальной планировке селений. Южнее рассматриваемой нами территории, в Оханском, Осинском, Красноуфимском уездах Пермской губ. аналогичная трехкамерная связь еще в середине XIX в. ставилась только торцом к улице⁷⁹. В этом варианте за жилой избой шли сени, а потом клеть, к которым с одной стороны пристраивали хозяйственный двор, а с другой — ограду с амбарами, погребями, навесами. Такие усадьбы имели уже трехрядную застройку. Генетически они восходят не к севернорусскому, а среднерусскому варианту, широко известному в среднем Поволжье. Появление их на южных землях Пермской губ. обусловлено тем, что эта территория заселялась не с севера, а преимущественно из Поволжья и с Вятки.

В усадьбах с двухрядной застройкой, где обе жилые избы с сенями обращались на улицу, во второй половине XIX — начале XX в. происходили и другие преобразования. Во-первых, всеобщим явлением стало появление белых изб взамен черных (курных). Например, по подворной переписи Чердынского у. 1884—1885 гг. можно насчитать немного черных изб (15% от всего жилого фонда)⁸⁰, а в Кунгурском и Пермском уездах они являлись единичными уже в середине XIX в.⁸¹ Окончательно черные избы исчезли в 1930-е годы. Во-вторых, начиная с 1880-х годов в ряде мест Прикамья, где сильнее проявлялось развитие товарно-денежных отношений, в усадьбах выстраивался дополнительный хозяйственный двор сбоку от жилой избы, как в усадьбах южных уездов Пермской губ. Усадьбы приобретали в плане иной вид, так называемый покоеобразный. Новый хозяйственный двор повсеместно назывался оградой. На противоположной стороне ограды параллельно жилищу ставили

амбары, погреба, а задняя ее часть, примыкавшая к скотному двору, закрывалась навесом. Место под навесом называлось загонем. Здесь хранили хозяйственный инвентарь, сено, дрова, транспортные средства, в летнее время держали скот. Под навесом могли оборудовать и бревенчатый *взвоз* на поветь двора, если его невозможно было устроить с других сторон. К этому приему часто прибегали в поселениях с улично-квартальной планировкой⁸².

Во второй половине XIX в. на усадьбах крестьян стали возводиться *зимовки*. При наличии ограды их ставили фасадом в улицу. В целях экономии топлива в зимовку переходили жить на весь зимний период всей семьей. По полевым наблюдениям можно отметить, что больше всего зимовок строили в Соликамском у.

Зимовка возводилась без подклета, состояла из жилого помещения и сеней, закрывалась двускатной крышей, имела большие косячатые окна со стеклом. Размер зимовки зависел от состава семьи и ее хозяйства. Бывали зимовки не меньше основной жилой избы (деревни Седалы, Ефремы, Лызиб Соликамского р-на). Внутренняя обстановка соответствовала обычной жилой избе. В ней была русская печь, лавки, полати. Массовое исчезновение зимовок началось в 1930-е годы.

Со стороны улицы между домом и наружной постройкой на ограде (ею чаще всего был амбар или зимовка) сооружали широкие проездные ворота, а оставшееся в этом ряду место забирали заплотом. Этот прием также отражен в источниках конца XVII — начала XVIII в.: «У ограды ворота с заплотом», «по сторонам ворот заплот»⁸³. Преобладали ворота двустворчатые, с массивной двускатной крышей, оформленные плоскорельефной, а на позднем этапе объемной, накладной и сквозной резьбой. Состоятельные хозяева закрывали плотным заплотом все свободные от построек наружные стены ограды, настилали внутри пол и сверху возводили крышу⁸⁴.

Покоеобразная застройка, совмещенная с трехкамерным жилищем, как и двухрядная слитная застройка, являлась достоянием состоятельных владельцев, особенно тех, кто занимался ремеслом, мелкой торговлей, извозом, сдавал постройки под постоялые дворы. Больше всего она получила распространение в поселениях Северного Прикамья, расположенных по трактам и по крупным рекам, а также во всех волостных центрах.

Одновременно с покоеобразной застройкой в 1880—1890-е годы состоятельные хозяева вместо трехкамерного жилища начинали возводить пятистенки. Его отсутствие даже в южных районах Прикамья подчеркивалось еще в документах и публикациях 1840—1850 гг.

Полевые наблюдения позволяют считать, что в начале XX в. пятистенки в Прикамье составляли уже свыше 20% от общего жилого фонда. Наличие в каком-либо поселении хотя бы двух—трех таких домов свидетельствует о далеко зашедшем социальном расслоении крестьян. По сравнению с прежним жилищем пятистенок требовал немалых дополнительных расходов, так как у него крыша всегда была стропильной, четырехскатной, на гвоздях, а стены иногда обшивались тесом. Были в Прикамье села, где пятистенок стал даже преобладающим. Например, в крупных селах Чердынского у. Вильгорт и Покча трехкамерных изб ко второму

десятилетию XX в. не осталось совсем⁸⁵. В то же время надо заметить, что пятистенки в разных хозяйствах в Прикамье не выглядели одинаковым. По размерам, высоте и наружной отделке можно было судить об экономических возможностях владельцев.

Пятистенки обычно состояли из разных по размерам двух жилых изб, которые разделялись стеной, срубленной одновременно с другими. Общие размеры пятистенка были в пределах от 8 до 9 м. Сзади изб, параллельно фасадной стороне шли общие сени. В более зажиточных хозяйствах холодные сени переделывали в теплое помещение и за счет этого получали четыре жилых комнаты. Но такие круглые (или крестовые) дома в сельской местности были большой редкостью.

Как наиболее развитая форма жилища пятистенки начал распространяться во второй половине XIX в. во многих других регионах страны — на севере и в средней полосе Европейской России, в Зауралье, Сибири и на Алтае⁸⁶. В Прикамье пятистенки и покоеобразный двор явились результатом как социального расслоения сельского населения, так и установившихся тесных экономических и культурных связей с Поволжьем и Вятской землей. Появление пятистенка хронологически совпадает с массовым приходом в Прикамье вятских плотников⁸⁷, а также со временем постоянных оживленных связей города и деревни.

Таким образом, схему эволюции усадеб русских крестьян Прикамья и верхней Печоры можно представить следующим образом. На протяжении конца XVI — начала XX в. здесь было последовательно распространено четыре типа усадеб: одноуровневая связь с двухкамерным жилым домом, двухрядная слитная связь трехкамерного жилища с двухъярусным двором, покоеобразная застройка с трехкамерным жилищем (совмещенный вариант двухрядной связи и покоеобразного двора-ограды), покоеобразная застройка с домом-пятистенком. В условиях сложившегося хозяйственного уклада и местной природно-климатической среды с давних пор наиболее распространенным оказался второй тип усадеб, в которых трехкамерное жилище варианта изба+сени+клеть (позднее вторая изба или горница) размещалась перед двором вдоль улицы.

Строительная техника и конструктивные элементы. О строительной технике и конструктивных приемах крестьянских построек XIX — начала XX в. документы и полевые материалы дают большее представление, чем по предыдущему периоду.

Срубное жилище крестьяне возводили в прежних севернорусских традициях. Жилые избы ставили на деревянные стойки-столбы, реже на камни. Число венцов, как правило, было нечетным, в северных районах по 15—17, в более южных — от 13 до 15⁸⁸. В отличие от жилых изб для клетей подбирали бревна тоньше, но избы с клетью оставались равными по высоте, и их закрывали «одною на два ската тесовую крышей»⁸⁹ не только на севере Прикамья, но и южнее — в бассейне р. Чусовой.

По-разному встраивались в трехкамерной связи сени. Они образовывались за счет длинных выпусков продольных бревен жилой избы, или же боковые стены собирались из отдельных бревен и закреплялись в пазах столбов, приставленных к углам срубов.

Для прочного закрепления связевого жилища оба сруба по верхним наружным сторонам сеней соединялись бревном, так называемой *братчиной*. Концы бревен врезались в выступы срубов и закреплялись клиньями. При неравномерной осадке обоих срубов клинья подбивали. Этот конструктивный прием известен до настоящего времени в Усольском районе.

Замена клетки второй жилой избой вызвала существенные преобразования в жилище. В том случае, если клеть была с перерубом, приходилось ее разбирать и ставить новый сруб. Легче было приспособить под жилое помещение клеть без переруба. В ней прорубали широкие окна, настилали потолок, если он отсутствовал, ставили печь, встраивали лавки, полати. В том случае, когда жилую избу оборудовали из верхнего этажа клетки, нижний этаж в качестве погребка уже никогда не использовался. В нем хранили обычно хозяйственный инвентарь и домашнее имущество. Новый погреб ставили в стороне от усадьбы или же иногда оборудовали его под полом в сенях.

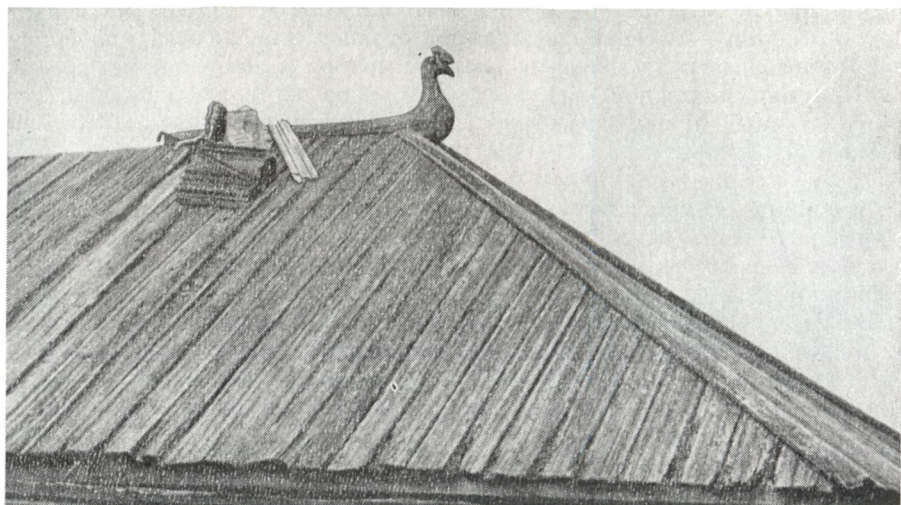
В прежнем варианте, когда погреб находился под клетью, в него всегда заходили через дверь, устроенную в стене по фасаду. В позднем жилище Северного Прикамья и верхней Печоры независимо от того, была ли непосредственно сама клеть преобразована в жилую избу или же на ее месте ставили совершенно новый сруб, дверь по фасадной стороне продолжала сохраняться. Поэтому на позднем этапе в трехкамерном жилище обе избы могли иметь и одинаковое устройство подклета (в обоих вход из избы), и разное (в одной — из избы, в другой — с улицы). В глубинных местах Северного Прикамья и верхней Печоры подклет с входной дверью по фасаду сохраняется до сих пор и считается очень удобным помещением. При наличии наружной двери между подклетом и жилым помещением почти всегда делали двойной пол. Устройство его приходилось часто наблюдать в постройках Северного Прикамья.

Зональные различия высоты подклетов наметились еще, по данным письменных источников, на раннем этапе заселения русскими севернорусского региона. Полевые исследования показали устойчивость этих особенностей и в жилище позднего времени. В Чердынском и Троицко-Печорском районах пол настилали чаще всего на 5—8 венце от земли, в Соликамском и Усольском — на 4—5, а в южном Чусовском — на 3—4.

При изучении жилища важно знать и способы настилки пола и потолков. По их конструктивным особенностям можно судить о некотором устройстве всего жилого помещения. Пол настился *взакрой* из толстых плах, которые концами закреплялись в пазах между венцами сруба. По середине пола для прочности подводили поперечное бревно.

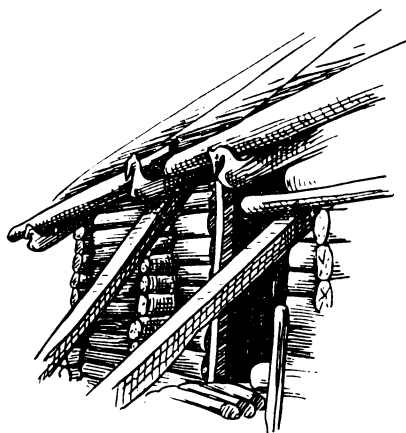
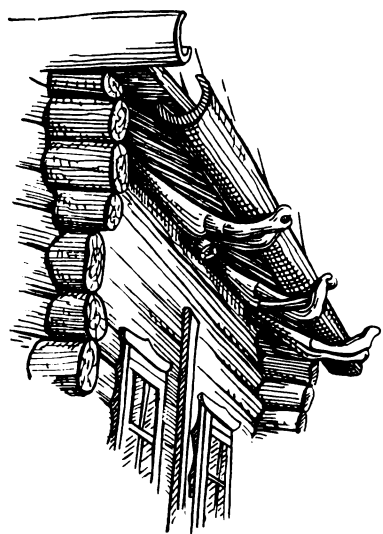
Потолок в жилище укреплялся на предпоследних (*череповых*) венцах сруба. Самым старым типом является бревенчатый потолок. Он оставался преобладающим до второй половины XIX в. С появлением продольной пилы потолок стали делать из полубревен, а затем и полностью из пиленых плах.

Достаточно полно можно представить конструкцию потолков по полевым материалам. В жилище конца XIX — начала XX в. повсеместно преобладали потолки из тесаных полубревен и пиленых плах (около 90%). Первые из них в большом количестве сохраняются в Северном Прикамье

и на верхней Печоре, так как лесопиление здесь в начале XX в. развивалось в ограниченных размерах. Кроме того, в позднем жилище сохраняется и самый ранний тип потолка — бревенчатый. На него шли еловые бревна, их тщательно очищали от коры и заглаживали инструментом. Потолки из круглых бревен дольше всего использовались в отдаленных местах Соликамского и Усольского районов. Непременной принадлежностью потолков является матица. У бревенчатого потолка она всегда была круглой.

Половицы и потолочины всегда укладывались в одном направлении — от входной двери к противоположной стене. Матицу подводили по середине параллельно входной двери. Такие строительные приемы являются

Отдельные конструкции построек

Слева сверху — охлупень в виде птицы на трехскатной крыше;
слева снизу — подзор крыши с плоской пропиленной резьбой (д. Загизжа Усольского р-на, начало XX в.) и повал-кронштейн крыши (середина XIX в.) в с. Демино Чердынского р-на;
справа — виды «куриц», поддерживающих желоба-поточники и кровли

традиционными и имеют широкое распространение в районах Европейского Севера, Сибири и Алтая⁹⁰.

В середине XIX в. в Прикамье и на верхней Печоре повсеместно преобладали самцовые крыши. К концу века и они перестраиваются, хотя элементы безвозводной конструкции до сих пор сохраняются не только в хозяйственных, но и в жилых постройках. На самцах, слегах и желобах крепились двускатная крыша *конем*. На каждой стороне крыши было по две—три *курицы*, которые выступали из отверстий верхних продольных бревен сруба. Охлупное бревно большим нижним пазом или двумя боковыми пазами прочно скрепляло верхний стык скатов. Концам охлупней и куриц придавалась причудливая форма разнообразных птиц и животных.

В этих изображениях видны отголоски древних языческих представлений народа о природе и окружающем мире. Опыт, мастерство и фантазия местных строителей превращали дерево на крыше в поэтический образ. Древность происхождения этих мотивов подтверждается многими археологическими и фольклорными материалами⁹¹.

Полевые материалы с достаточной полнотой раскрывают конструктивные особенности крыш построек конца XIX — начала XX в. На смену самцовым крышам пришли стропильные двускатные, четырехскатные, реже трехскатные. Четырехскатные, или шатровые крыши, в основном, возводили на пятистенках. В трехкамерной связи стропильная крыша сначала появлялась над горницей или над новой жилой избой, поставленной взамен клетки, а впоследствии, при перестройках, и на старой. При тщательном изучении построек можно выявить начальные приемы возведения стропильной крыши: на старых строениях стропила возводились еще на продольных верхних венцах сруба, а на новых — на специальных поперечных балках. Последний вариант явился более совершенным, поэтому он получил широкое развитие. У стропильных крыш фронтоны и низ свесов (подволока) обшивались досками, а выступающие концы слег по фронтому — причелинами. В домах зажиточных хозяев подзоры и причелины имели разное оформление.

В результате полевой работы установлено, что архаическая кровля дольше держалась в северных поселениях в бассейне Вишеры, Колвы и Печоры, а также в некоторых глухих местах Соликамского р-на. В начале XX в. повсеместно кровельным материалом стал уже не тесаный, а пиленный тес. Покрытие железом крестьянских изб было чрезвычайно редким явлением даже в более развитом в экономическом отношении Соликамском у.⁹²

У многих жилых изб конца XIX — начала XX в. продолжали сохраняться повалы-кронштейны. Их скругленная форма нередко украшалась резьбой. На повалах проставлялась и дата возведения постройки.

Документальные, литературные и полевые материалы позволяют рассмотреть и порядок расположения оконных проемов у жилых изб второй половины XIX — начала XX в. В черных избах по фасаду и с боку прорубалось по два или три окна, а в клетки — по одному. С распространением белых изб для окон стали использовать стекла, что отразилось на расположении окон. В том случае, если на стене имелось три окна, среднее прорубалось шире, в него вставляли косяки и неподвижную раму. При наличии двух окон в первую очередь расширяли то, которое находилось ближе к переднему углу. Нередко был и такой прием: между двумя небольшими окнами появлялось большое третье. Некоторые архивные источники отмечают, что такой порядок начал появляться уже в постройках XVIII в. Например, в Соликамском у. описана «изба с одним колодным и двумя волоковыми окошками»⁹³. В Чердынском у., по описанию 1880-х годов, «каждая изба имела с двух сторон по два окна вышиною с аршин с четвертью, а длиною около аршина, или одно большое и по сторонам два окна меньших, величиною в 8 вершков вышины и около $\frac{3}{4}$ аршина ширины»⁹⁴.

В новых постройках рубежа XIX—XX вв. повсеместно устраивались только большие косячатые окна, причем в трехкамерной связи у каждой

избы было по два окна на фасадной и боковой стороне. В пятистенке по фасаду было от 3 до 5 окон; в домах на севере их число всегда оставалось нечетным, так как размеры обеих изб не совпадали. Рамы предпочитались шестизвенные.

Под влиянием городской культуры появились и наличники стандартизированных форм, в первую очередь в крупных селах и деревнях по торговым трактам. Наличники наиболее старых форм представляли собой деревянную обкладку окон из гладких досок с прямым карнизом. Украшение на них имелось только на карнизной доске. Способом древней трехгранно-выемчатой резьбы наносился узор в виде солнечной розетки, полной или частями. Иногда порезки состояли из тонких волнообразных линий. Такие наличники больше всего встречаются в русских районах Европейского Севера.

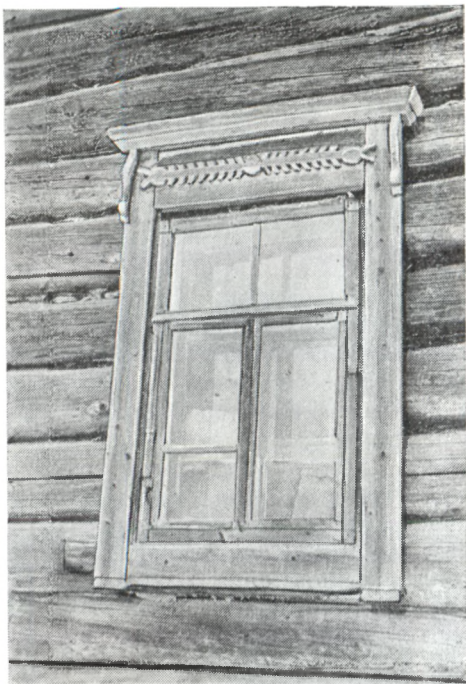
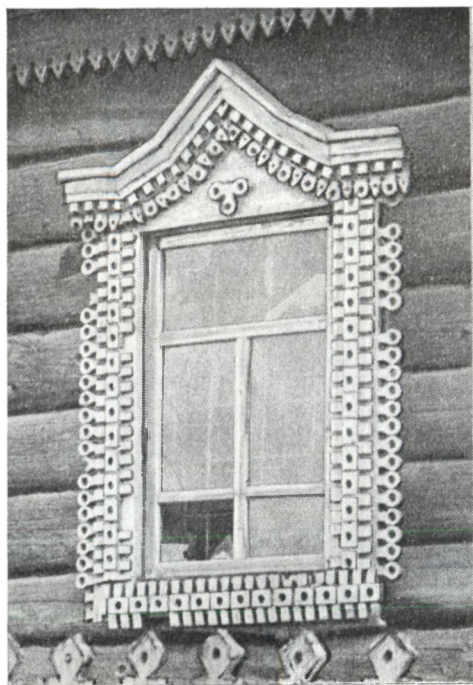
На более позднем этапе, особенно в начале XX в., орнаментальное украшение наличников приобретает усложненную форму. Появляются накладные узоры (круг, полукружие, четверть круга, косые решетки-елочки, резные квадраты и треугольники), глухие дырочки, неглубокие желобки, резные кисти на концах боковых досок. Фронтоны наличников приобретают прямоугольную, треугольную или трапециевидную форму с крупным карнизом, закрепленным на кронштейнах. На верхней Колве и Печоре обнаружено немалое число наличников с накладной резьбой в виде буквы «Ж». По воспоминаниям старожилов известно, что ее выполняли мастера, пришедшие с Камы. Эта резьба вызывает интерес потому, что она напоминает самый распространенный «жучковый» орнамент в декоре многочисленных памятников каменного зодчества Прикамья.

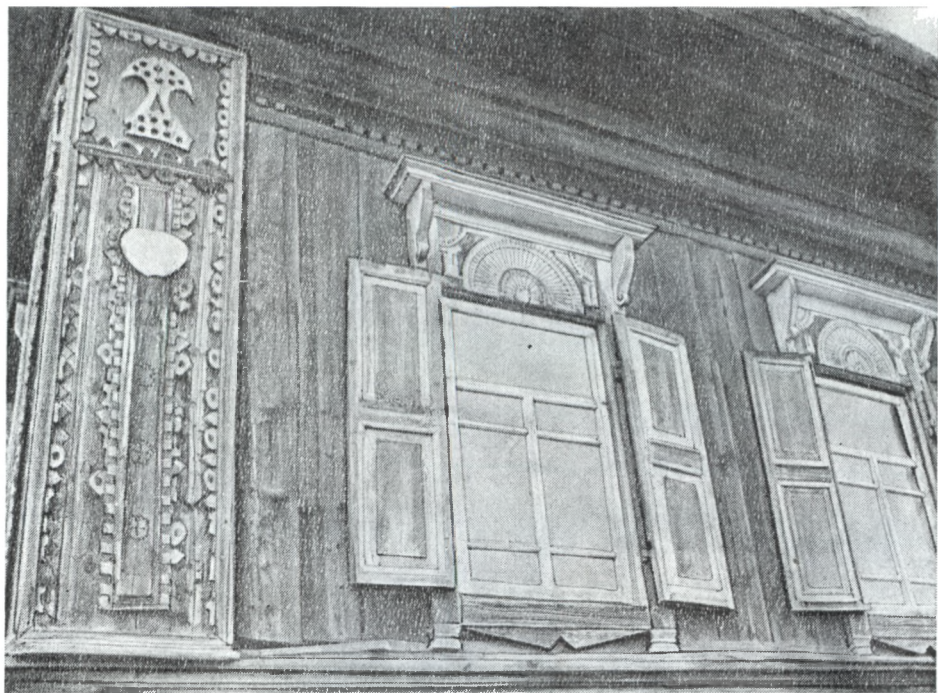
В начале XX в. получает широкое распространение сквозная пропиленная резьба, которая сходна с декором жилища среднего Поволжья. В украшениях наличников этого времени сказалось влияние разных «модернистских» направлений городской культуры. Прежнее художественное единство наличников, обусловленное исторически сложившимися архитектурными канонами, заменялось многими эклектическими формами. На избах начала XX в. можно увидеть изображения коней, рогов баранов, быков, переплетение стеблей и листьев, веерообразные лучи.

Украшение наличников росписью зафиксировано полевыми обследованиями только в Северном Прикамье. Расписные мотивы включали не только цветы, но и птиц местных пород (тетерева, рябчики, лебеди).

В усадьбах с покоеобразным двором вход в жилище устраивался из ограды. Аналогичный вариант наблюдался и у трехкамерного жилища в поселениях по р. Чусовой. В обоих случаях между двором и жилыми избами на месте заднего моста оборудовали сени, к которым и пристраивали из ограды крыльцо. Прежде существовавшие сени в трехкамерной связи не превращались в отапливаемое жилое помещение, а использовались в хозяйственных целях. В Северном Прикамье и на верхней Печоре этот вариант почти неизвестен. Здесь по-прежнему крыльцо находилось по фасаду с улицы, даже в том случае, если рядом ставилась ограда.

У жилых построек конца XIX — начала XX в. повсеместно преобладали крыльца на *ряжах*. Такие крыльца в Прикамье и на верхней Печоре чрезвычайно многообразны по ширине и длине, по высотности, конфигурации крыш, подзорам и балясинам. Все меньше оставалось крылец при-

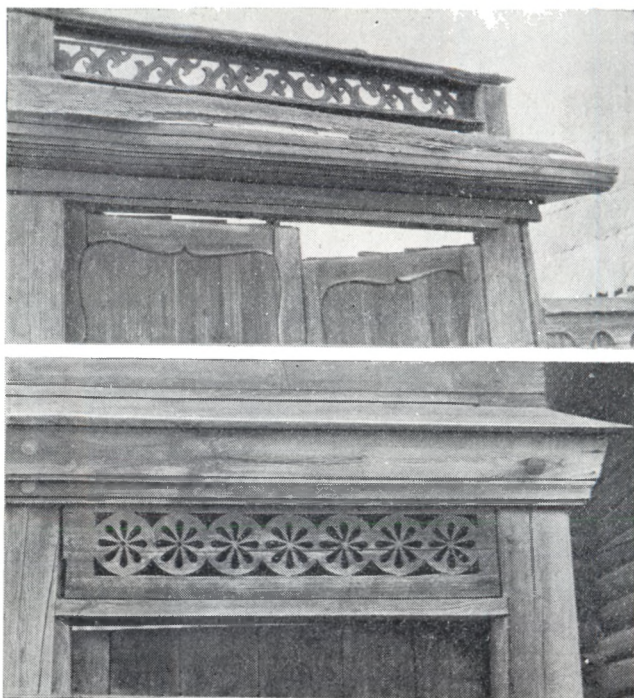
Украшения наличников

Слева сверху — сквозная резьба (д. Осокино Соликамского р-на) и накладная резьба (д. Тулпан Чердынского р-на); *слева внизу* — «жучковый» орнамент (д. Усть-Унья Троицко-Печорского р-на) и роспись на наличниках (д. Тулпан); *справа* — трехгранно-выемчатая резьба (д. Темная Чусовского р-на)

рубом и на столбах. Во время экспедиционной работы нередко можно было услышать от старожилов, что «так строили наши старики». Поздние крыльца прирубом были меньших размеров и бревна соединялись не только в *обло*, но и в *лапу*. Самое большое число крылец прирубом сохранилось в деревнях Ворцовского сельсовета Чердынского р-на и Симского сельсовета Соликамского р-на.

Интересны полевые наблюдения о столбовой конструкции крылец. В конце XIX — начале XX в. их строили преимущественно на четырех столбах. В редких случаях одностолбные крыльца, построенные в XIX — начале XX в., сохраняются поныне в Чердынском р-не.

Большое внимание мастера уделяли оформлению верхней части крыльца. У столбовых крылец рундук не только прикрывался досками, вставленными в пазы столбов, но и целиком бывал срубным из полубревен. Сохранение сруба только в верхней части при отсутствии глухого основания исходит, по-видимому, от более старого типа крыльца прирубом. Привлекательный вид таким крыльцам придавали и резные полуовальные подзоры, которые известны были в разных местах Прикамья. Описывая жилище в Верхне-Чусовских городах в 1848 г., П. Первушин

Украшения усадебных ворот

Слева —
сквозная
плоская резьба
с растительным мотивом
начала XX в.
(с. Вильгорт
Чердынского р-на);
сквозные розетки
начала XX в.
(с. Вильгорт);
справа —
накладная резьба —
с. Ильинское;
с. Копально

счел необходимым отметить, что «на крыльце подле стенок устраиваются беседки, так что у некоторых оно представляет вид балкона, где хозяин проводит минуты отдыха»⁹⁵.

По-прежнему у большинства крылец сохраняется севернорусская традиция размещения лестницы вдоль стены избы. Наибольшее число таких крылец обследовано нами в Касибском сельсовете Соликамского р-на. В деревнях Лызиб, Сорвино, Седалы они являются украшением не одной усадьбы, а всех улиц. Здесь же сосредоточено самое большое число высячих крылец на выпусках.

Известны в Прикамье и жилые избы без крылец. Эта традиция — очевидно, давняя, так как сведения о них имеются в источниках XVII в.⁹⁶ Полевые исследования больше всего выявили их в северной части Чердынского р-на, в Троицко-Печорском, Соликамском и Красновишерском районах. При отсутствии крыльца входная дверь прорубалась в стене сеней над первым нижним венцом от земли. В этом случае лестница устанавливалась внутри сеней.

В высоких жилых избах при отсутствии крыльца сени всегда были двухэтажными. Выделялось подсенье, в котором хранили разнообразные предметы хозяйственного обихода. В дальнем конце подсенья встраивалась лестница на второй этаж. В низких избах лестница размещалась прямо перед дверью. Вход во двор находился на втором этаже сеней; нижний оставался глухим, в редких случаях в нем устраивали выход во двор и переносили дверь с улицы, которая вела в подклет.

Типы крылец

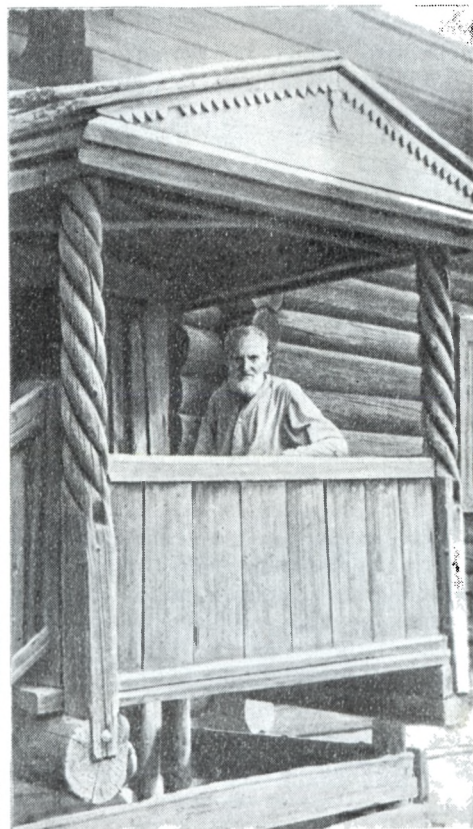
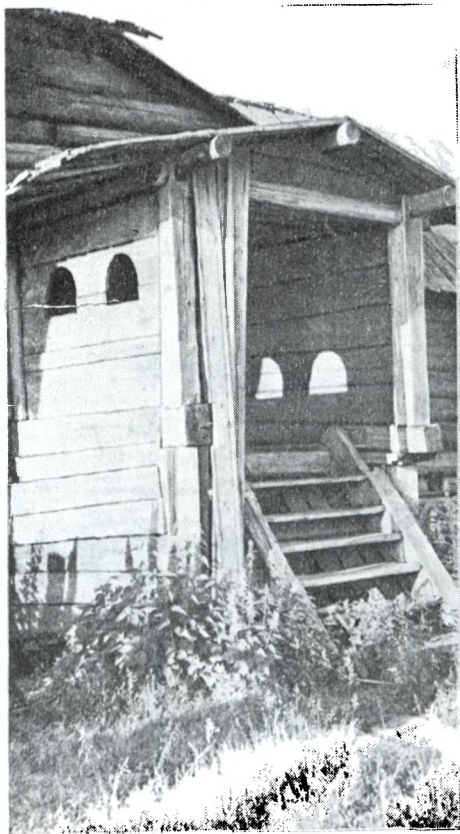
Слева — на «ряжах» (с. Андреево Соликамского р-на, начало XX в.); на «выпусках» и столбах (конец XIX в., ПОКМ, № 729); *справа вверху* — на столбах, со стенками из полубревен (д. Сим Соликамского р-на, конец XIX в.); висячее, на «выпусках» (д. Дубы Соликамского р-на, начало XX в.); *справа внизу* — глухое, на столбах, с арочными оконцами (с. Чигироб Соликамского р-на, XX в.); висячее, с витыми колонками-баласинами (д. Седалы Соликамского р-на)

В сенях, как правило, отсутствовал потолок, его могли построить только состоятельные хозяева. У большинства крестьян в углу сеней находился чулан, в котором хранили одежду, продукты, разные домашние вещи. Чуланы стали выделять тогда, когда в трехкамерном жилище уже отсутствовала хозяйственная клеть.

Хозяйственные дворы, которые являлись непременной принадлежностью крестьянской усадьбы, не подвергались существенным изменениям на протяжении длительного времени. В соответствии с общепринятыми правилами севернорусского строительства они и в начале XX в. были двухэтажными и вплотную примыкали к жилищу. Различия больше всего выражались в размерах. При наличии развитого хозяйства они были массивные, равные длине всей жилой связи. При ограниченном хозяйстве дворы ставили уже сбоку жилища, и в плане усадьба приобретала Т-образную или Г-образную форму.

В дальней части двора всегда находились хлева и стаи для скота, а над ними — поветь, где хранили сено, хозяйственный инвентарь, лари с мукой. Тут же выполняли разные хозяйственные работы. По *взвозу* на поветь завозили на лошадях сено, муку и другие необходимые вещи.

Свободное пространство между хлевами и избами отводилось под холодный двор. Сюда выводили скот для кормления и на прогулку, здесь хранили инвентарь, накапливали навоз, выполняли хозяйственные рабо-

ты. В углу нередко оборудовали ручную мельницу с каменными большими жерновами. На противоположных сторонах, ближе к жилищу устраивали широкие ворота, через которые заводили скот, вывозили навоз. Если возле жилища находилась ограда, то с холодным двором она соединялась одними воротами.

Крыши жилых изб и дворов всегда были отдельными. Длинные и пологие скаты покрывались скальем, драницей и тесом. Следует отметить, что в постройках до начала XX в. верхний стык скатов располагался параллельно князьку жилых изб, а в более поздних — перпендикулярно. Аналогичные изменения у двора наблюдались и в других регионах⁹⁷.

В сооружении двора по-прежнему применялась срубная и заплотная техника. Для прочного удержания бревен в широких фронтонах и стенах на всю высоту двора устанавливались массивные столбы с двусторонними пазами, в которые заводились концы бревен. В некоторых местах Соликамского р-на вместо цельного столба вставляли короткое бревно с пазами только по середине одного фронтона. Теплые хлева и наружные углы повети всегда были срубными. В частности, все эти приемы отмечены в одном архивном источнике начала XIX в.: «Двор для рогатого скота, на концах рубка в углы, в середине забран в столбы заплотом»⁹⁸.

Столбы под князьковое бревно подводились и внутри дворового помещения. Приходилось наблюдать архаические детали столбов (сучья на верхних концах для более удобного закрепления князькового бревна).

Обычно дворы имели повети, но не у всех сохранялся такой обязательный элемент прошлого, как бревенчатый взвоз. Отсутствие его наиболее ярко выражено в южных районах Прикамья.

Интерьер крестьянского жилища. Хорошо известно, что этническая специфика жилища стойко отражается во внутренней планировке: в расположении печи, переднего угла, полатей и мебели. Из четырех типов внутреннего плана, характерных для жилища восточных славян, в Прикамье и на верхней Печоре господствующим был северно-среднерусский, известный на Европейском Севере и во многих районах верхнего и среднего Поволжья⁹⁹. Конструктивные приемы, свойственные этому типу, не менялись в течение длительного времени.

Всем избам Прикамья и верхней Печоры свойственно разделение на четыре функциональные зоны: передний угол, куть, подпорожье или дверной угол и угол печной. Эта терминология известна в документах первой половины XIX в.¹⁰⁰ и сохраняется до наших дней.

Справа или слева от входной двери находилась русская печь, которая занимала почти четверть жилого помещения. Устьем она всегда обращалась к стене, противоположной входу. Пространство от нее до передней стены предназначалось для кухни. Называлось оно двояко: *куть* или *седеда*. Печь в крестьянской избе всегда складывалась из глины. Глинобитными были и трубы, но в конце XIX в. их все чаще стали делать из кирпича, а кое-где и из железа. Печь ставили на деревянное подпечье и с боков закрепляли рамами из толстых брусьев. Как и на всем Европейском Севере, печной оклад в Прикамье и на Печоре называли опечком.

Над входной дверью от печи до боковой стены размещались широкие полаты, на которых спали и отдыхали. Место под полатами являлось

Конструкции хозяйственных дворов

Вверху —

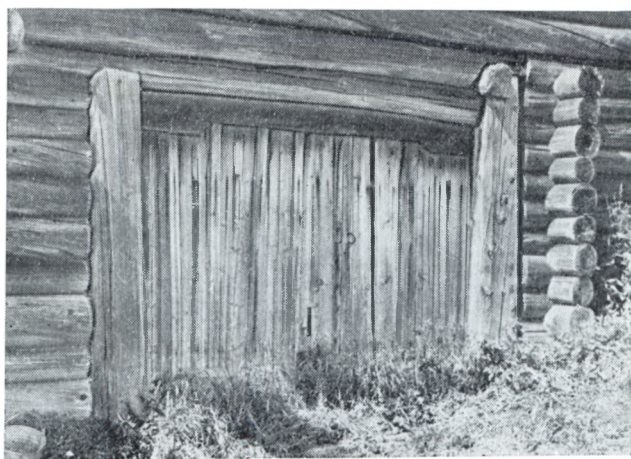
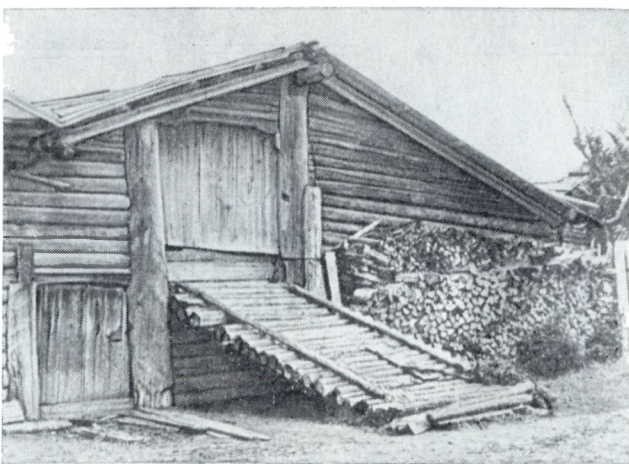
бревно с пазами
в боковом фронтоне
(начало XX в., д. Белкино
Соликамского р-на);

в центре —

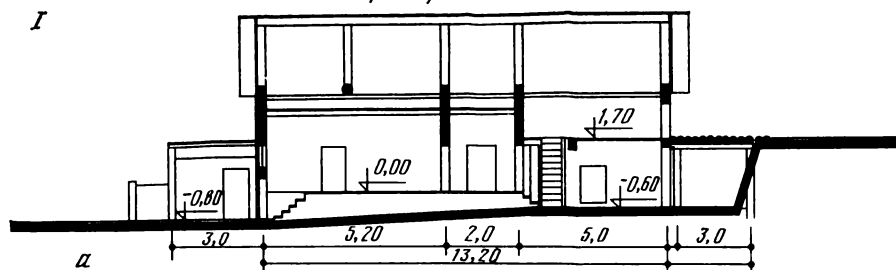
«взвоз» на поветь
(д. Андреево
Соликамского р-на);

внизу —

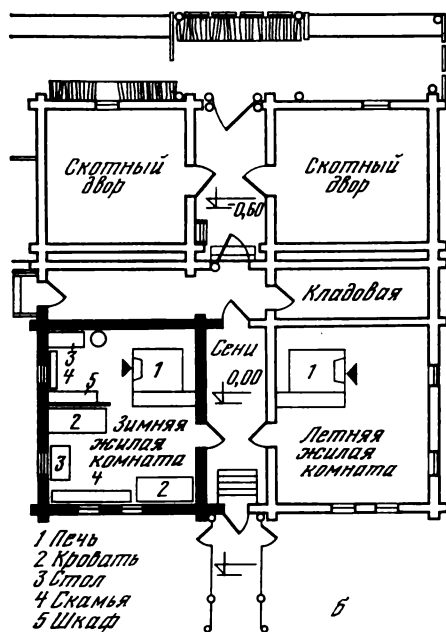
ворота в хлев с улицы
(д. Сим
Соликамского р-на,
начало XX в.)

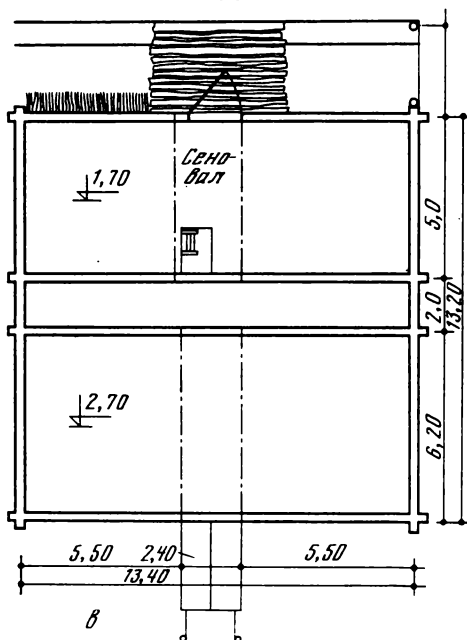
Разрез продольный

План на ур. земли

План на отм. 270

Планы усадеб и изб

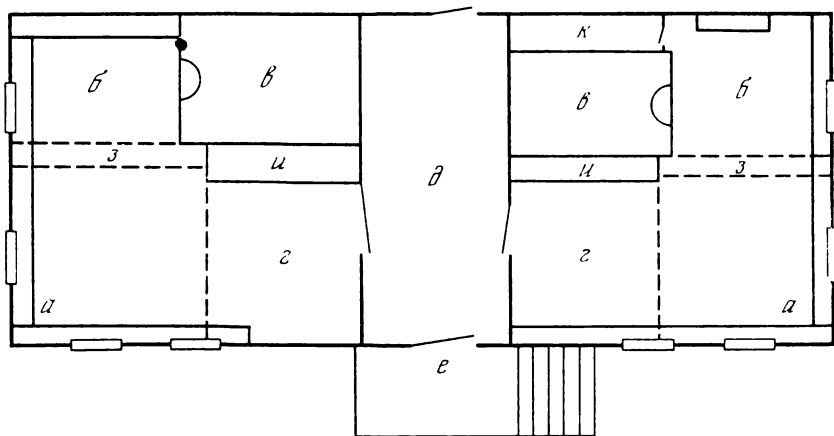
I — изба—сени—изба — двухэтажный двор (д. Дий Чердынского р-на): а — продольный разрез усадьбы; б — план избы и двора на уровне земли (1 — печь; 2 — кровать; 3 — стол; 4 — скамья; 5 — шкаф); в — план верхнего этажа двора;

II — трехкамерное жилище начала XX в.;

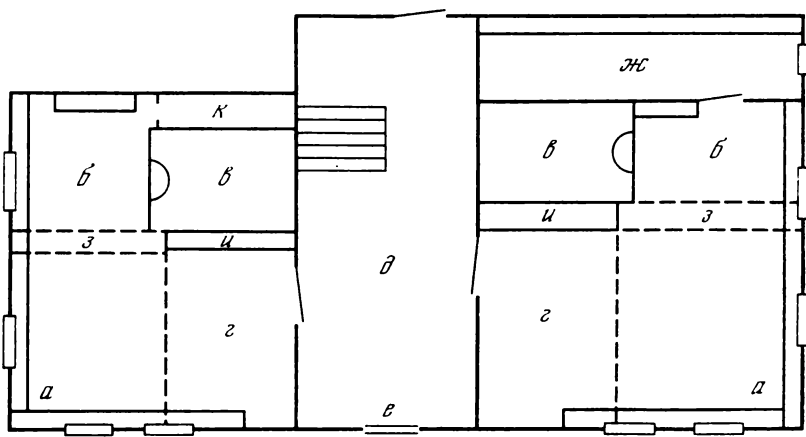
III — трехкамерное жилище XIX в.;

IV — пятистенок начала XX в. (а — передний угол; б — кухня; в — печь; г — подполотный угол; д — сени; е — вход в сени; ж — «шомнуша»; з — полка («грядка»); и — «западня»; к — вход в голбец (подклет))

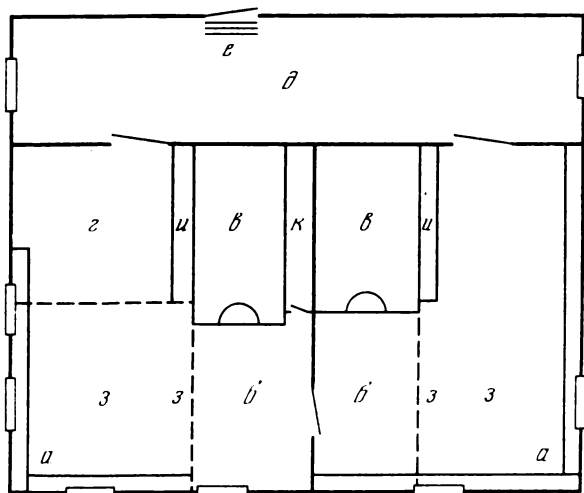
II

III

IV

своеобразной прихожей, рабочим местом хозяина. Здесь, как обычно, висел рукомойник с лоханью, зимой стояли кадки с мякинами и запаренным сеном.

Четвертый угол, находящийся по диагонали от печи, являлся чистым, парадным и поэтому назывался передним, красным. Здесь находился обеденный стол и божница. Такое разделение жилища было возведено в узаконенную народную традицию и, несмотря на изменения в интерьере, прочно сохранялось и до настоящего времени.

Для удаления дыма в черных избах в стене над печкой чуть ниже потолка прорубалось небольшое окно, к которому со стороны сеней пристраивалась дощатая труба — дымница, выходившая через крышу наружу. В некоторых случаях устанавливали круглую деревянную трубу. Так, в с. Янидор Чердынского у. в конце XIX в. сохранялось 12 черных изб, у которых удаление дыма шло «через дуплистое дерево»¹⁰¹. Аналогичные сведения о дымоволоке приводятся в этнографическом разделе «Хозяйственного описания Пермской губернии» Н. С. Попова за 1804 г.¹⁰², в ряде публикаций второй половины XIX — начала XX в.¹⁰³, встречались они и во время полевой работы 1960—1980-х годов.

Ориентация печи, стенной дымоволок и наличие полатей являются существенными показателями как для характеристики этнического своеобразия жилища, так и для выяснения некоторых вопросов, связанных с формированием русского населения северноуральского региона.

По мнению многих исследователей, дымоудаление через стену было присуще только русским черным избам Европейского Севера¹⁰⁴. У проживавшего в этом же регионе финно-угорского населения (карел, вепсов, коми, удмуртов) этнографы отмечают иной, потолочный дымоволок¹⁰⁵.

Не меньший интерес для нашего исследования представляют и другие отмеченные признаки жилища. Исследования историков и этнографов показали, что севернорусская этнографическая зона формировалась в XII—XVII вв.¹⁰⁶ Заселение этой территории Европейского Севера, как известно, осуществлялось двумя потоками: новгородским (им были охвачены северо-западные области и нижнее течение Северной Двины) и низовским, или Ростово-Суздальским (он охватил Сухону и верхнюю Двину — юго-восток Русского Севера). Известно также, что за земли на Севере развертывалась тяжелая борьба между Новгородом, Ростовом, Суздалем, а позднее и Москвой¹⁰⁷. Привлекая этнографические, письменные, антропологические, диалектологические и фольклорные материалы, исследователи отмечают, что каждой территории, охваченной тем или иным миграционным потоком, присуще определенное своеобразие¹⁰⁸. Различия по этим зонам прослеживаются и в интерьере жилища. Для русских районов Заонежья, Северного Поморья, а также для территорий, где проживают карелы, типичным является ориентация печи устьем к боковой стене избы, отсутствие полатей и расположение стола у фронтонной стены. К востоку от Онежского озера и р. Онеги распространены избы с иной планировкой: печь обращена устьем к противоположной от входа стене, передний угол находится по диагонали от нее и обязательно устроены полати. Зональные особенности жилища были связаны с двумя потоками русского заселения Европейского Севера.

**Лесная дорога
к селениям**

**Водный путь
по р. Чусовой**

Деревенская улица

Крестьянская усадьба

Поля

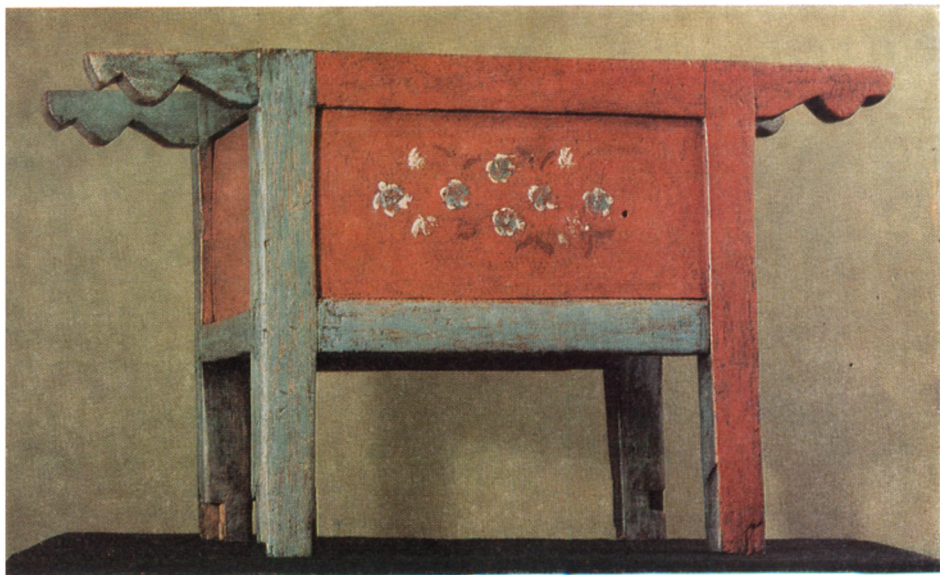
Луга

**Жбан с росписью начала XX в.
С. Калинино Кунгурского р-на**

**Глиняная корчага
из д. Зюздино Юрлинского р-на**

**Расписное подстолье конца XIX — начала XX в.
д. Андреево Соликамского р-на**

Залавок с домашней утварью начала XX в.
из д. Ратегово Красновишерского р-на

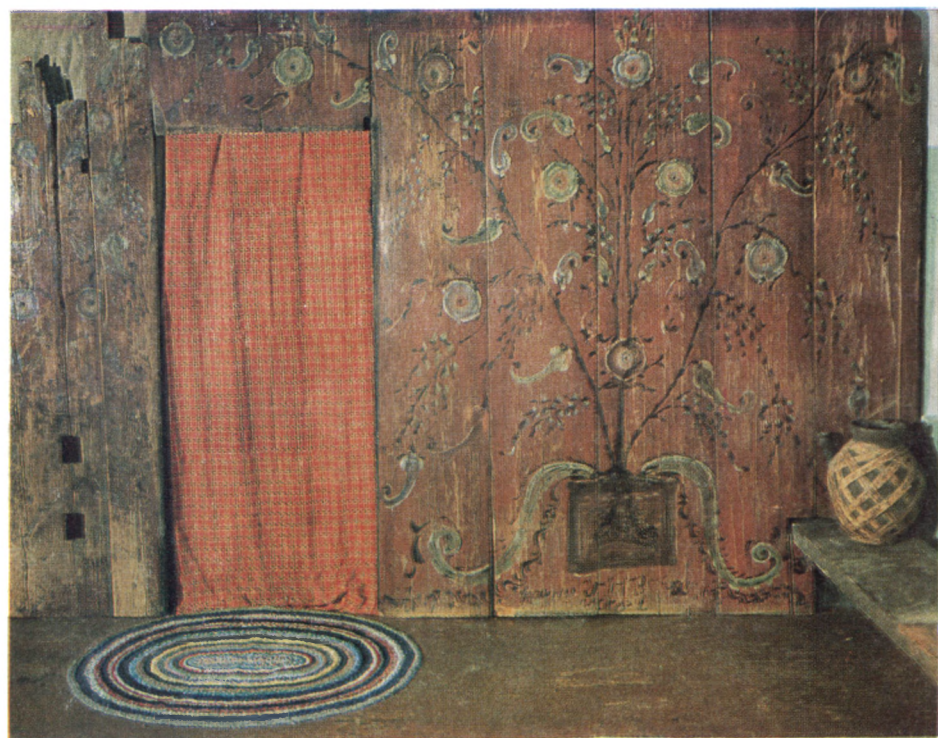
**Роспись
на дверях голбца
из д. Оралово
Красновишерского р-на.
1893 г.**

**Роспись
на дверной заборке
из д. Малая Вильва
Соликамского р-на.
1909 г.**

**Фрагмент росписи
на подшесточной
доске печи
из д. Ратегово
Красновишерского р-на.
1909 г.**

**Роспись
на заборке избы
из д. Чузево
Усольского р-на
начала XX в.**

Повседневный костюм из д. Осипки Юрлинского р-на

Повседневный костюм из д. Усть-Уролка Чердынского р-на

Праздничный костюм из с. Юм Юрлинского р-на

**Костюм жителей подгорных деревень — «парочка»
(светлая — свадебная, темная — повседневная)**

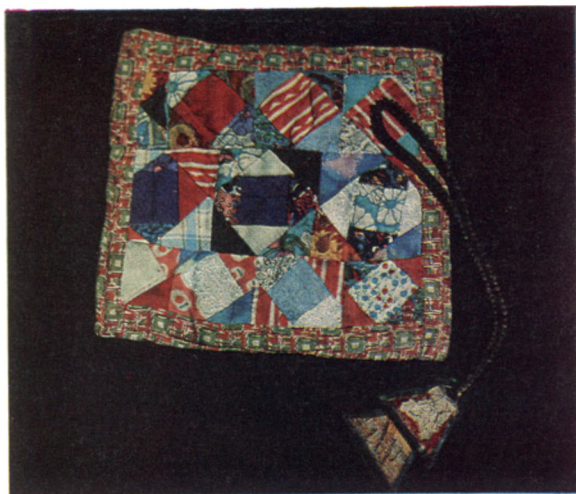

**Брачные венцы
XVIII в.
Чердынский уезд**

**Модельный костюм
из д. Усть-Уролка
Чердынского р-на**

Модельный коврик
и лёстовка
д. Усть-Уролка
Чердынского р-на

На молитве

**Вышивка
рубахи**

**Вышивка
на фартуке**

**Тканые пояса
из деревень
по Каме**

Дуга начала XX в. из д. Комино Усольского р-на

Дуга начала XX в. Соликамский р-п

Поэтому, судя по внутренней планировке русского крестьянского жилища и типам усадебных комплексов, следует признать территорию Северного Прикамья и верховья Печоры частью севернорусской этнографической зоны. Особенности интерьера свидетельствуют о важном обстоятельстве истории заселения Прикамья, а именно о преобладании там восточного, низовского миграционного потока переселенцев. Но переселение «низовцев» в Северное Прикамье было не прямым, а вторичным или даже третичным этапом, так как первоначально они заселяли Северодвинский бассейн, а оттуда в XVI—XVII вв. переселялись в севернорусские земли.

Севернорусские черты мы находим не только в планировке жилища, но и во многих конструктивных приемах интерьера, его художественном оформлении. Остановимся на характеристике наиболее существенных.

В первоначальном варианте спуск в подклет — *голбец* размещался возле печи со стороны входной двери. В этом случае вдоль всей печи шириною до метра пристраивался дощатый шкаф, который вровень с печью закрывался досками. С торца этого шкафа-пристройки, возле шестка печи была дверь, через которую по лестнице ходили в голбец. Вся эта пристройка называлась тоже голбцом. Она являлась неотъемлемой принадлежностью черных изб. Пристроенный к печи шкаф-голбец хотя и закрывал целиком всю ее боковую стенку, но на обогрев избы не влиял.

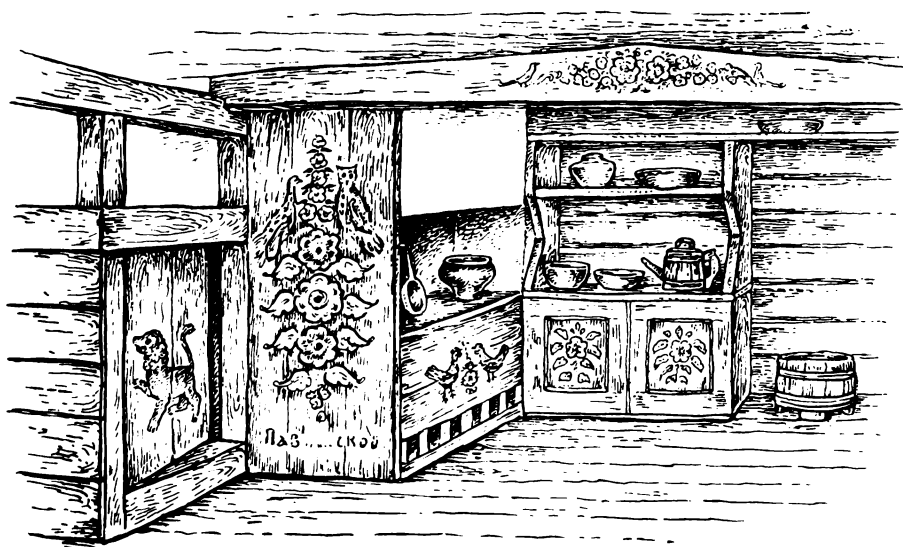
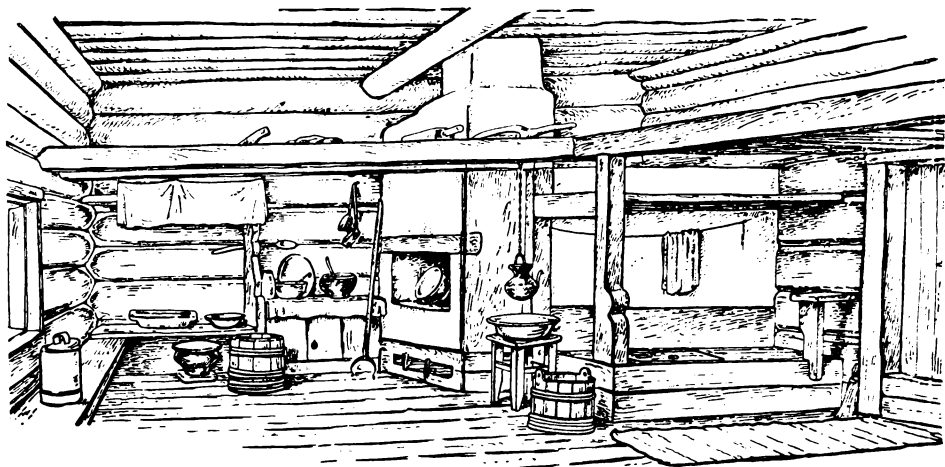
Наличие в черных избах выше описанного устройства спуска в подклет-голбец подтверждается полевыми наблюдениями. Многие старожилы еще помнили такое устройство и в устной форме «восстанавливали» прежний вид своих изб. Этот конструктивный прием интерьера сохранился в избах Соликамского и Чердынского районов, построенных в XIX в.

При замене черных изб на белые существенным образом изменялось устройство спуска. Как и в других районах Европейского Севера, шкаф-голбец убирался, и на его место также во всю длину печи пристраивался деревянный короб высотой 30—40 см от пола, в одной половине которого встраивалась задвижная крышка. Крышку легко убирали и спускались в голбец-подклет. Такой короб повсеместно называется *западней*. Над ним на уровне высоты печи встраивали широкую лавку-помост, которую называли верхним голбцем. На западне и верхнем голбце спали. Все эти преобразования не только в крестьянском, но и в заводском жилище прослеживаются по письменным источникам середины XIX в.¹⁰⁹

В позднем жилище эта часть интерьера подверглась еще одному изменению. Печь выдвигалась из угла, и вход в голбец-подклет переносился в запечье, в угол. Но несмотря на это место первоначального спуска со стороны входной двери, где стояла уже обычная неподвижная лавка, называлось по-старому западней.

Оба последние варианта оставались преобладающими в жилище конца XIX — начала XX в., причем вход в голбец за печкой чаще встречался в поселениях на оживленных дорогах, по берегам крупных рек и возле городов. Таким образом, наблюдается связь между этапами развития жилища и такой важнейшей частью интерьера, как устройство спуска в голбец-подклет.

В куты вдоль стен стояли лавки, а вверху были приделаны полки для посуды. Повсеместно вдоль стены у печи находился залавок. В ходе по-

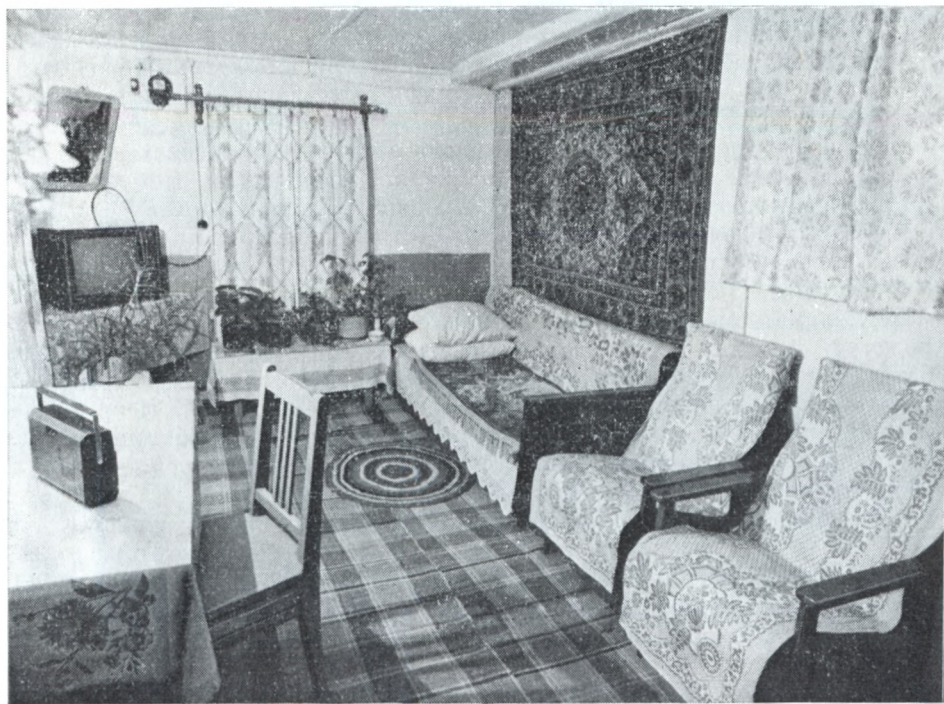

Интерьеры крестьянских изб

Вверху — кухня («куть») конца XIX в. (д. Нижняя Ворцева Чердынского у.);
внизу — часть избы; роспись на «грядках» и припечных досках (д. Дуброво Соликамского у.
1907 г.);

Современные интерьеры

Кухня (д. Курья); комната (д. Курья)

левой работы выявлено бытование двух типов залавков. В первом варианте, который считается более ранним, залавок размещался прямо на лавке. На боковых стенках, вдолбленных в лавку, устанавливалась широкая доска, и пространство между ней и лавкой в 30—40 см с внешней стороны закрывалось цельной доской, вращающейся на деревянных шпихах. Такие залавки преобладали не только в Северном Прикамье, но и в бассейне р. Чусовой¹¹⁰. Второй вариант залавка более поздний. Он имел вид низкого шкафчика с дверцами, в некоторых вариантах с открытым верхом.

Полевые исследования показали, что залавки раннего варианта дольше сохранялись в Урольском, Вильвенском и Верх-Яйвинском сельсоветах Соликамского р-на. Поздний вид залавка получил повсеместное распространение. Его можно встретить и в нынешних избах. Старожилы называют его старинным словом *судня*.

Как в конструктивном, так и в чисто художественном отношении важное значение придавалось внешнему переднему углу русской печи — *конику*. Обычно на нем крепился полатный брус с *грядкой*. Для прочного закрепления этих деталей от припечной доски-коники до наружного угла западни встраивался стамик; в раннем варианте, до начала XX в., — это брусчатая рама, а в более позднем — сплошная заборка в две—три доски. В избах начала XX в. на месте стамика находился небольшой шкафчик для кухонной посуды.

От печного угла к противоположной стене, как бы отделяя куть от чистой стороны избы, в горизонтальном положении под потолком размещалась кухонная полка. В современном жилище Соликамского р-на сохраняются ее архаические формы: два бруса, установленные параллельно друг другу на расстоянии около 50 см. В конце XIX в. в новых избах появляются *грядки* из досок, у которых боковые стенки обращены к переднему углу. Ранний вариант грядок оставался преобладающим в Прикамье еще в середине XIX в.¹¹¹

В чистом переднем углу избы вдоль стен стояли массивные, до 50—60 см шириной лавки. Боковая лавка предназначалась для хозяина и гостей, а передняя для хозяйки. Выше окон на одном уровне с грядками и полатами вдоль стен шли *полицы* — тоже обязательная принадлежность крестьянских изб. В каждой избе находилось одинаковое число лавок и полиц — по две тех и других. Это подтверждается как полевыми материалами, так и документами начала XVIII в. («Потребно в избную поделку ... на лавки и полицы четыре плахи»¹¹².) Во всех жилых избах стены между лавками и полицами вытесывались, углы скруглялись. Выше полиц и ниже лавок бревна оставались круглыми. Непременной принадлежностью этого почетного угла жилища были обеденный стол, божница и передвижная скамья. В переднем углу не только ели, принимали гостей, но и совершали многие семейные обряды.

До конца XIX в. у русского населения Прикамья и верхней Печоры были известны общераспространенные на всем Европейском Севере резные обеденные столы. В музейных коллекциях сохранилось несколько таких столов из Чердынского и Соликамского районов. Кое-где подобными столами пользуются до сих пор. Подстолье таких столов собиралось из массивных ножек, соединенных почти лежащими на полу проногами.

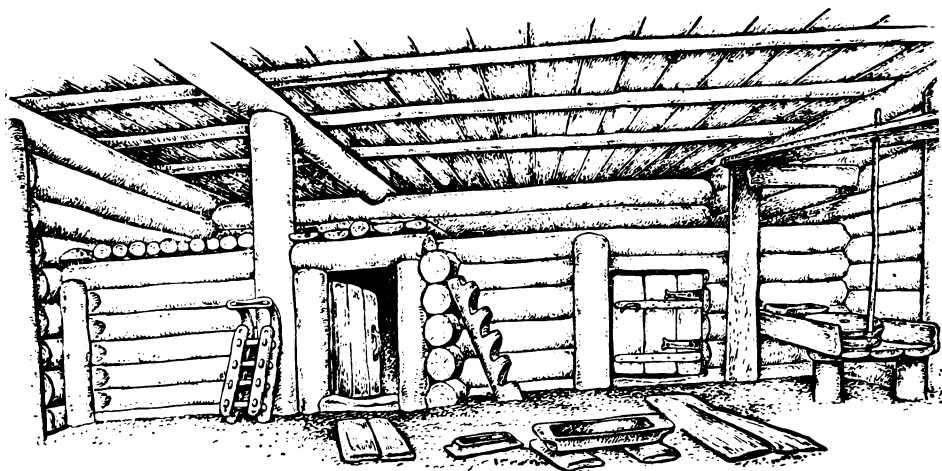
Верхняя часть его со всех сторон наглухо закрывалась резными досками. Поэтому подстолье превращалось в своеобразный стол-ларь, где хранили обеденную посуду. Сверху подстолье закреплялось продольными брусками с длинными выступами, которым почти всегда придавались стилизованная форма конских голов. Столешница вырезалась из цельной доски и в ряде случаев украшалась расписной солнечной розеткой. Столы подобной конструкции имели небольшие размеры: подстолье шириною около 50 см, длиною 70—80 см, а высотой не более 70 см, столешница по ширине была равна подстолью, а длина ее доходила до 1,5 м. Эти столы напоминают наиболее ранний тип столов-лавок с закрытым ящиком-ларем, который исследователями признается самым архаичным на Европейском Севере¹¹³.

Во второй половине XIX в. все чаще в крестьянском жилище куть (середка) отделялась от переднего угла не занавеской, а деревянной перегородкой. Полевое изучение жилища конца XIX — начала XX в. показало, что этот новый элемент в интерьере стал преобладающим в экономически развитых селах и деревнях и в местах проживания старообрядческого населения. Иногда в перегородку встраивали шкаф. По конструкции большинство этих шкафов относится к древнейшим поставным. У шкафов позднего времени верхняя часть была застекленной.

Многие изменения в интерьере жилища происходили, как мы видим, в связи с исчезновением черных изб. Но этот процесс шел неравномерно. Черные избы приспособливались под белые и использовались как жилые еще в начале XX в. Поэтому смена некоторых традиционных элементов в интерьере затянулась на длительное время. Об этом с достаточной полнотой свидетельствует фактический материал, собранный при полевых экспедициях за последние годы.

Описывая внутреннее убранство крестьянской избы, следует остановиться и на такой ее архаической детали, как *шомнуша*. Во время полевой работы в деревнях Гунино Усольского р-на и Демино Чердынского р-на были обнаружены избы середины XIX в., в которых за печкой и кутьей выделялось дополнительное помещение. В одном случае оно отделялось бревенчатой капитальной стеной, в другом — дощатой перегородкой. Длина помещения равнялась длине избы, а ширина оставалась небольшой: в Демино — около двух метров, а в Гунино — всего метр. Вход в шомнушу в обеих деревнях был из кути.

В д. Гунино шомнуша выделяется более архаическими чертами. В ней отсутствовала печь, потолок, как и в избе, оставался бревенчатым, стены внизу были тесаными, а сверху — круглыми, для освещения в пазу бревна прорублено небольшое оконце, на полу стояли лавки, а вдоль стен прикреплены полки. Здесь хранили посуду, продукты, домашние вещи. Помещение считалось дополнительной комнатой хозяйки. Очень важно, что в д. Гунино оно называлось не только клетушкой, а старинным севернорусским словом шомнуша. По мнению большинства исследователей, шомнуша являлась принадлежностью черных изб¹¹⁴. В отличие от основной избы она являлась чистым помещением. Насколько шомнуши оставались обязательной принадлежностью крестьянских изб Северного Прикамья, трудно судить из-за ограниченности полевого и архивного материала.

Интерьер хозяйственного двора конца XIX в. (д. Нижняя Ворцева Чердынского у.)

На смену связевому жилищу, как уже отмечали, пришел пятистенок. В связи с этим в жилище этого типа на первых порах создавался интерьер прежнего вида, традиционный, с русской печью в углу, лавками, полатами, грядками и полицами. Если же избу отводили под горницу, тогда в ней вместо русской печи ставили печь-голландку и убирали полаты и полки, а неподвижные лавки заменяли стульями и крашеными скамейками с решетчатыми спинками. В поселениях по р. Чусовой горницы в конце XIX в. уже оклеивались обоями или штукатурились¹¹⁵. В том случае, когда горница возникала не в пятистенке, а в трехкамерной связи, она оставалась с русской печью и разделялась на две половины: собственно горницу с новой обстановкой и *казенку* перед печью. Казенка напоминала обычную куть¹¹⁶. Интерьер быстрее всего менялся в избах у зажиточных крестьян.

Описание интерьера будет далеко не полным без анализа его декора, особенно искусства свободной кистевой росписи. Расписывались и раскрашивались не только отдельные детали интерьера. Мастера создавали целые художественные композиции. Введение росписи в интерьер жилища было тесно связано с его архитектурой. Она наносилась на самые важные, видные и наиболее освещенные предметы. Это подчеркивало габариты помещения и усиливало его конструктивные элементы. По полевым наблюдениям, распространение домовых росписей относится к 1880-м годам. Хронологически их появление совпадало с появлением белых изб. Очевидно, в черных избах не было необходимости украшать интерьер кистевой росписью.

За последние два десятилетия многочисленными экспедициями выявлено самое большое число домовых росписей в Чердынском, Соликамском, Усольском и Красновишерском районах¹¹⁷. В интерьерах декорировали преимущественно припечные и подшесточные доски, залавки, шкафы, грядки-полки, полатные брусья, перегородки, обеденные столы, божницы.

Наиболее старая роспись обнаружена в Жулановском и Верх-Яйвинском сельсоветах Соликамского р-на. Она относится к середине XIX в. В ней преобладают различные композиции цветов, «древо жизни», мало птиц и совсем отсутствуют звери. Вторым крупным районом сосредоточения домовых росписей является территория между городами Чердынью и Соликамском. Расписные интерьеры создавались здесь на протяжении 1880—1910 гг. В деревнях Ратегово, Дуброво, Кузнецово на припечных досках сохранились фрагменты автографов 1905—1909 гг., которые были оставлены вятскими красильщиками Иваном Павловым и Яковом Залещиковым. Работы этих же мастеров обнаружены на верхней Печоре. Некоторые местные жители еще помнят, что вятские мастера приходили в составе артелей плотников. Наряду с цветочными композициями мастера создавали эффектные рисунки птиц, зверей, животных, людей, а также сцены из народной жизни — охота, торговля, танцы, игры.

Росписи в домах оставались не только красивым узором. Для человека, окруженного суровой северной природой и занятого тяжелым трудом, в росписи был заложен определенный магический смысл. Цветы оставались символом счастья, жизненного благополучия, птицы и кони сравнивались с солнцем — источником жизни, по особому выделялся очаг-печь, а на потолке нередко можно было увидеть солнечную розетку.

Росписи в интерьерах изб Прикамья и верхней Печоры по своим художественным особенностям близки архангельским, вологодским, костромским и вятским¹¹⁸. В них выделяются и архаические черты, свойственные всей севернорусской зоне. Кроме того, в них прослеживается связь с предшествующим местным искусством, в частности, с росписью печных изразцов, деревянной скульптурой, рукописными книжными миниатюрами.

Постройки производственного назначения. Основными постройками, связанными с сельскохозяйственным производством, были овины, гумна, мельницы и амбары. Как и ранее, овины и гумна находились на полях вблизи поселения. Они были рассчитаны на несколько хозяйств. В XIX — начале XX в. в Прикамье и на Печоре преобладали наземные, или верховые, овины и только вблизи городов и заводских поселков появились ямные, земляные. Овин состоял из двух срубов, поставленных один над другим. В каждом было по десять венцов, соединенных *в обло* с остатком. По середине нижнего сруба прямо на земле выкладывалась каменка-очаг. Войти сюда можно было через небольшую дверь, которая одновременно выполняла роль поддувала, так как через нее постоянно поступал свежий воздух. Между срубами настилали бревенчатый пол, его называли подовином. Нижний сруб с одной стороны был шире верхнего. На выступающей стороне нижнего сруба устраивалось отверстие — лазух для прохода горячего воздуха в верхнее помещение. В верхнем срубе, собственно овине, над полом на высоте до метра устраивали колосники — жерди, между которыми оставалось свободное пространство. На них клали снопы вниз колосьями, если зерно предназначалось для муки, и вверх, если зерно шло на посев. В верхней части овина, чуть выше пола прорубалось небольшое окно, через которое закладывали и выбирали («садили») высохшие снопы. Сверху овин закрывался только од-

ной двускатной крышей, что в значительной степени облегчало выход дыма. В Чердынском у. в конце XIX в. сохранялись овины и более старой конструкции. В них отсутствовал пазух и горячий воздух проходил напрямую¹¹⁹. Земляной, или ямный, овин отличался от описанного только тем, что в нем нижний сруб с каменкой был опущен в землю. Верховые овины подобной конструкции оставались самыми распространенными на Европейском Севере¹²⁰.

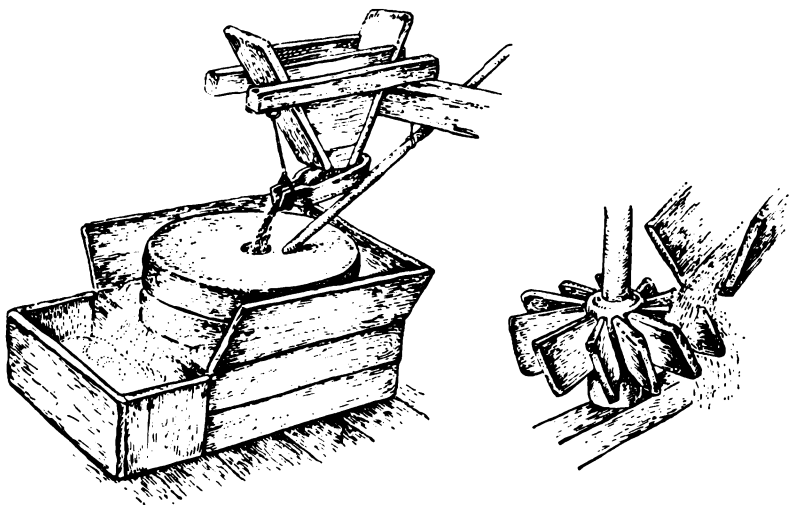
Гумно по-прежнему находилось рядом с овином. Стены его чаще имели не срубную конструкцию, а заплотную из полубревен. Крыши были легкие, покрывались драницей, а иногда жердями и соломой. Внутри гумна землю засыпали глиной, плотно утрамбовывали и поливали водой. На этом месте, которое называлось *долонью*, моготили вручную в зимнее время.

В середине XIX — начале XX в. в Прикамье и на верхней Печоре продолжали бытовать водяные мельницы двух типов — мутовки и колесные.

В Северном Прикамье по-прежнему господствовали мельницы-мутовки. Так, в Чердынском у. в 1880-е годы из 692 мельниц только 66 было колесных¹²¹. В труднодоступных местах Северного Прикамья и Печоры мутовками пользовались еще в 1950-е годы.

Производительность мутовок оставалась невысокой, при максимальном потоке воды на ней можно было смолоть за год не более 200 пудов зерна¹²². Несмотря на это мельницы мутовки обладали рядом существенных преимуществ. Возвести мутовку было под силу двум-трем крестьянским хозяйствам; эти мельницы отличались малыми габаритами, сравнительно простым устройством, дешевизной затраченного материала, причем их можно было оставить на рабочем ходу без присмотра.

В зависимости от мощности потока воды в мутовке сооружали от одного до трех поставов. Они ставились над руслом речки с быстрым течением, и поэтому отсутствовала потребность в создании большого пруда. В срубе, сложенном из бревен или полубревен *в обло с остатком*, поставы занимали половину внутреннего помещения. Основа их — бревно-стояк (*веретено*) укреплялось в вертикальном положении. Нижний конец его находился под полом в воде. Водный поток, направляемый по желобу к лопастям бревна, приводил его в движение. Именно такой конструктивный прием и дал название всей мельнице. По форме и действию бревно-стояк напоминало мутовку, которую крестьяне вырезали из ствола сосны с сучьями и использовали для размешивания пищи, сбивания масла. Верхняя часть бревна выступала над полом, где на специальной широкой лавке устанавливалось два каменных жернова. Нижний был неподвижным, а верхний закреплялся на конце бревна и постоянно вращался. Над жерновами висел большой дощатый короб — *житник* с зерном. Под коробом на кожаных ремнях подвешивалось небольшое долбленое корыто, в него падало зерно, а затем через отверстие равномерной струйкой сыпалось в сквозное отверстие верхнего жернова и размалывалось. Для равномерного поступления зерна рядом с корытом укреплялась в свободном наклонном положении палка, ее нижний конец лежал на верхнем жернове. От вращения жернова палка приходила в движение и встряхивала корыто.

Мельницы-мутовки

Слева — внутреннее устройство мельницы (д. Москали Чердынского р-на);
справа — стояк мельницы с лопастями (д. Русиново Чердынского р-на)

На внутренних рабочих сторонах обоих жерновов вырубались насечки. Для мелкого помола их делали неглубокими и частыми, для крупного — редкими. Мука ссыпалась в ларь, встроенный рядом с жерновом. Для остановки мельницы перед лопастями в желоб, по которому стекала вода, вставляли деревянную заслонку.

Колесные мельницы строились в первую очередь в многодворных поселениях и в местах с развитым земледелием. В Чердынском и Соликамском уездах крестьяне строили преимущественно колесные *пошвенные* (почвенные) мельницы, которые, как и мутовки, не требовали устройства пруда. На них смалывали за сезон по 300—500 пудов зерна ¹²³.

Самыми производительными являлись наливные колесные мельницы. Они всегда имели плотину. Вода из пруда попадала на лопасти колеса сверху. На таких мельницах в Чердынском у. в с. Искор, деревнях Лекмортово, Оралово размалывали в год от 3 до 5 тысяч пудов зерна ¹²⁴. Наливные мельницы были многопоставными, в них совмещали мукомольные жернова с толчеей (*одергушей*). Они получили самое большое распространение в местах с товарным мукомольным производством в Кунгурском и Пермском уездах. На колесных наливных мельницах можно было намолачивать в год более 10 тысяч пудов муки.

Зерно и муку хранили в амбарах, которые в Прикамье и на верхней Печоре всегда были срубными. В северной части Чердынского у., по Вишере, Колве и Печоре до сих пор сохраняются амбары на столбах. Столбы в средней части по всей окружности затесывались на конус с упором в прямой угол, что надежно преграждало путь грызунам. Выступающий сверху дверей фронто́н и небольшой помост из двух—трех плах на нижних венцах сруба создавали удобства при пользовании такими

Амбары и бани

I — амбары:

**а — из полубрзвен
на столбах**

(д. Курья);

б — с перерубом

(с. Пянтег);

в — на погребе

(д. Низовая

Соликамского р-на);

**г — из цельных бревен
на столбах**

(д. Дий, начало XX в.);

II — бани:

а — новая баня;

б — баня по-черному

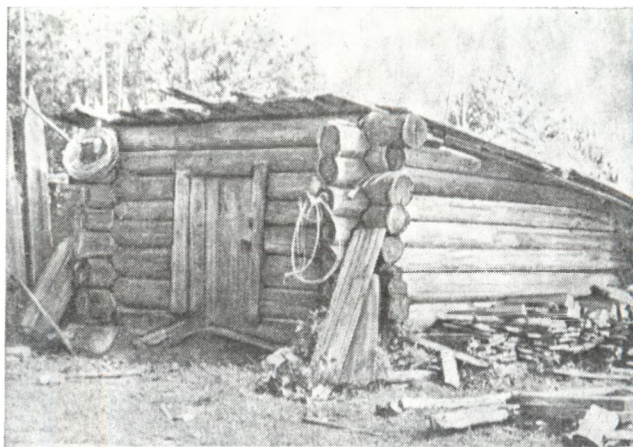
II

α

б

Погреб

Вверху —
в д. Дубы
Соликамского р-на,
начало XX в.;
внизу —
в д. Роголи
Соликамского р-на

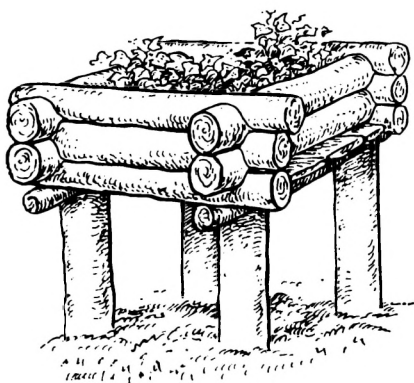

амбарами. По сведениям старожилов, в прошлом в Северном Прикамье и на верхней Печоре подобные амбары были более распространены.

В документах XVII—XVIII вв. часто встречается выражение «амбар на погреб». Оно указывает, что две постройки совмещались в одну. Во время полевых исследований были обследованы не только обычные погреба, но и такие, у которых сруб переходил в амбар. Сельские плотники учли, что внизу помещение всегда будет сырым, и поэтому очень часто сруб амбара делали шире, чем у погреба. Благодаря таким конструктивным приемам амбар быстрее просушивался.

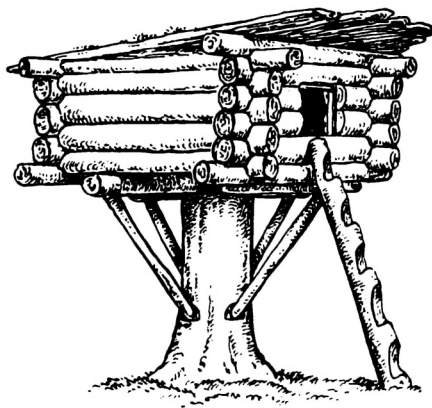
В конце XIX в. в зажиточных хозяйствах стали появляться двойные амбары. Чаще их ставили в ограде покоеобразной усадьбы. Фасадной стороной с дверями и выступающим свесом крыши они всегда обращались к жилой избе.

Постройками производственного назначения являлись и кузницы. По устройству они не отличались от тех, что были известны и в других

Рассады начала XX в.

Слева — в д. Сорвино Соликамского р-на;
справа — в д. Пальники Чердынского р-на

«Чамья» в охотничьем станове на Вишере (конец XIX в.)

регионах страны. Рядом с кузницей могли находиться еще *угольники* — небольшие бревенчатые срубы с крышей, предназначенные для хранения угля, некоторых заготовок и инструмента.

Непременной принадлежностью крестьянской усадьбы была и такая хозяйственная постройка, как *рассады*. Небольшой сруб в три—четыре венца возводили на бревенчатой клетке обычно возле двора, с солнечной стороны. Внутри сруба насыпали удобренную землю. Здесь выращивали рассаду, которую затем пересаживали в огород.

Охотничье-промысловые постройки. В лесной таежной зоне Северного Урала население издавна занималось охотой и рыболовством. Этот промысел был ведущим у русских крестьян в бассейне Вишеры, Колвы, по Печоре, на верхней Яйве.

Охотились не только возле своего поселения, а целыми артелями за 50—100 км от жилья.

Во время осеннего и зимнего лесования (так на Урале называли охотничий промысел) артель из 3—7, а иногда из 12 человек проживала на заранее оборудованном становье. Место для становья выбирали у реки, возле *путиков* — охотничьих маршрутов.

Главной постройкой становья являлась избушка в пять—семь венцов, размером 4×4 метра, высотой не более 2 м, утепленная мхом, с бревенчатым потолком. Крыша имела два ската, которые в середине фронтонов упирались на бревенчатые клетки. Она закрывалась скальем и драпками.

Внутри избушки устраивали очаг-печь из глины, дым выходил через небольшое окно в стене, пол отсутствовал. Вдоль стен стояли нары, на которых спали.

От избушки начинались охотничьи путики, короткие, рассчитанные на дневной переход, и длинные, на два—три дня. У вишерских охотников, которым, по словам очевидцев, «всякий истый охотник и позавидует, и удивится, и пожелает подражать, но не сможет»¹²⁵, было принято ставить небольшие избушки и на путиках. По устройству они выглядели еще проще тех, которые имелись на постоянных становьях. В целях сохранения тепла они были так низки, что внутри их невозможно было стоять. Окно отсутствовало, дверь была не более 60—70 см, и поэтому через нее приходилось не входить, а вползать¹²⁶. Обогревались избушки глинобитным очагом, дым выходил в дверь. Такие избушки представляли собой образец самой примитивной жилой постройки.

Обязательной постройкой охотничьего становья являлись кладовые лабазы. Называли их «чамьями». Сруб в три—четыре венца размером не более 2×3 м устанавливали на одном или четырех столбах высотой до 3 м. Сверху сруб плотно закрывали крышей на один скат. В чамье хранили шкуры убитых зверей, мясо, часть продуктов. Складывали все через отверстие в полу, к которому поднимались по приставной лестнице. Благодаря таким чамьям охотники сберегали на протяжении охотничьего сезона свою добычу.

Был известен и более примитивный лабаз. На очищенный от коры высокий пенёк насаживали крестовину из расколотых плах. На ней оборудовали открытую площадку, на которую складывали шкуры, мясо и закрывали берестой.

Лесные избушки строили не только охотники, но и рыбаки. Рыбачьи избушки отличались от охотничьих только тем, что в некоторых местах их возводили на высоких столбах в целях безопасности во время весеннего половодья. В связи с тем, что в последние годы резко изменился характер охоты и рыболовства, лесные избушки почти не сохранились.

*

При исследовании жилых и хозяйственных построек Прикамья и верхней Печоры выявляются основные этапы формирования русского старожильческого населения Урала и особенности его быта и хозяйственной деятельности.

Интенсивное заселение в XVI—XVIII вв. изучаемого региона черносошными крестьянами и посадскими людьми Европейского Севера обус-

ловило преобладание севернорусских традиций. Об этом свидетельствует строительная техника, многочисленные конструктивные приемы, господство трехкамерного жилища (изба + сени + клеть), избы на высоком подклете, крытый двухъярусный двор со взвозом, внутренняя планировка избы и двора, двускатные самцовые крыши со скульптурными украшениями, высокое крыльцо с лестницей вдоль стены, устройство и назначение построек, связанных с сельскохозяйственным производством и охотничье-промысловой деятельностью, а также названия построек, их отдельных частей и способов возведения. Севернорусские приемы в строительстве получили развитие и у нерусских народов Урала — коми, манси.

Заметные изменения в русских крестьянских усадьбах Прикамья и верхней Печоры начинаются с середины XIX в. В трехкамерной связи клеть заменялась вторым жилым помещением, вносились изменения в интерьер жилища в связи с заменой черных изб на белые, самцовые крыши заменялись стропильными, кроме усадеб с двухрядной застройкой распространяются покоеобразные застройки с оградой и домопятистенком и др. Под воздействием новых социально-экономических отношений эти изменения в первую очередь коснулись зажиточных хозяев.

Некоторые поздние черты жилых и хозяйственных построек явились следствием хозяйственно-культурных связей Прикамья со средним Поволжьем и Вятской землей (покоеобразная застройка, пятистенки, стропильные крыши, украшения наличников, подзоров, карнизов, роспись в интерьере и др.).

Русское крестьянство Прикамья и верхней Печоры уже на ранних этапах заселения точно чувствовало местную экологическую специфику и проявляло гибкость в приспособлении своих севернорусских традиций. В первую очередь это выразилось в постановке трехкамерного связевого жилища вдоль проезжей улицы, в отсутствии дополнительных сеней в клетях, в типах и конструкции хозяйственных построек, а также в сохранении трехкамерной связи в новой покоеобразной застройке и в наличии в ней не только открытого, но и закрытого двора, в применении во вновь появившемся пятистенке внутренней планировки жилой избы.

На позднем этапе севернорусские черты были ярче выражены в жилых и хозяйственных постройках верхней Печоры и Северного Прикамья, чем южного. В южном Прикамье сохранялся пониженный подклет, большее распространение получил пятистенки и покоеобразный двор, в трехкамерном жилище вход переносился с фасада в ограду, преобладали четырехскатные крыши, быстрее менялся интерьер жилища.

В Северном Прикамье и на верхней Печоре севернорусские черты удерживались долго не только в местах раннего, но и позднего русского заселения. Это было обусловлено характером поздних миграций, когда на свободные земли переселялись крестьяне из центральных старожильческих районов Прикамья. В целом же можно видеть, что в севернорусском регионе проявлялась общность традиционной культуры северного русского населения и развитие ее локальных вариантов. Преобладание севернорусских черт у крестьян Прикамья и верхней Печоры с полным правом позволяет отнести эту территорию к севернорусской этнографической зоне.

дежда XVII—
начала XX в.

Виды тканей. Письменные источники XVII в. свидетельствуют, что основными материалами, используемыми крестьянами для шитья традиционной одежды, были холст, сукно и полусукно домашнего изготовления; в них неоднократно сообщается о волоконных — самых лучших сортах льна и конопли, пачесных (пачесь) — средних и изгребных — грубых. Пользовались в XVII в. и названиями *хрящ* и *портно́* (первое название обозначало грубый холст, а второе — средних и лучших сортов). Такое различие качества пряжи и тканей наблюдалось у крестьян и в XX в. Термины сортов тканей обнаруживают полное сходство в севернорусской лексике ¹.

Процессы обработки льна, конопли, шерсти, а также прядения и ткачества оставались у крестьян Пермского края такими же, как у населения Европейского Севера; во многом были сходны орудия труда и их терминология. Прядение и ткачество ограничивались потребностями одного двора. Все создавалось и потреблялось членами одной семьи. В некоторых отдаленных местах Северного Прикамья холсты ткали до 1940—1950-х годов, но из старых запасов льняной и конопляной пряжи ².

Наряду с однотонными холстами широко изготавливались узорные ткани — *пестряди* в клетку и полоску. В Северном Прикамье и на верхней Печоре преобладали ткани в два цвета. Домотканая пестрядь русских крестьян отличалась строгой уравнированностью колорита, в ней преобладало сочетание красного, зеленого, желтого и синего цветов.

Еще в середине XIX в. крестьяне повсеместно пользовались природными красителями. Красные, оранжевые, желтые, коричневые цвета получали от настоя коры ольхи, ивы и березы, зеленый — от травы зеленицы, черный — от настоя железного предмета и отвара ольхи. Пряжа в природных красителях проходила длительную обработку, ее обязательно парили в русской печи. С конца XIX в. употребляются уже анилиновые красители.

Документы XVII в. свидетельствуют, что крестьяне использовали и набивные ткани. В отличие от ткачества производство набивки тканей очень рано вышло из рамок домашнего производства. Среди местных профессий ремесленников в XVII в. нередкими были уже и красильщики ³. Работали они по заказам населения большой округи. В начале

XX в. почти во всех волостных центрах существовали синильные заведения. Набивные ткани шли на праздничную одежду. По рисунку, расцветке и в целом по композиционным приемам узорные ткани северно-уральского крестьянства имели много общих черт с тканями всего Русского Севера⁴.

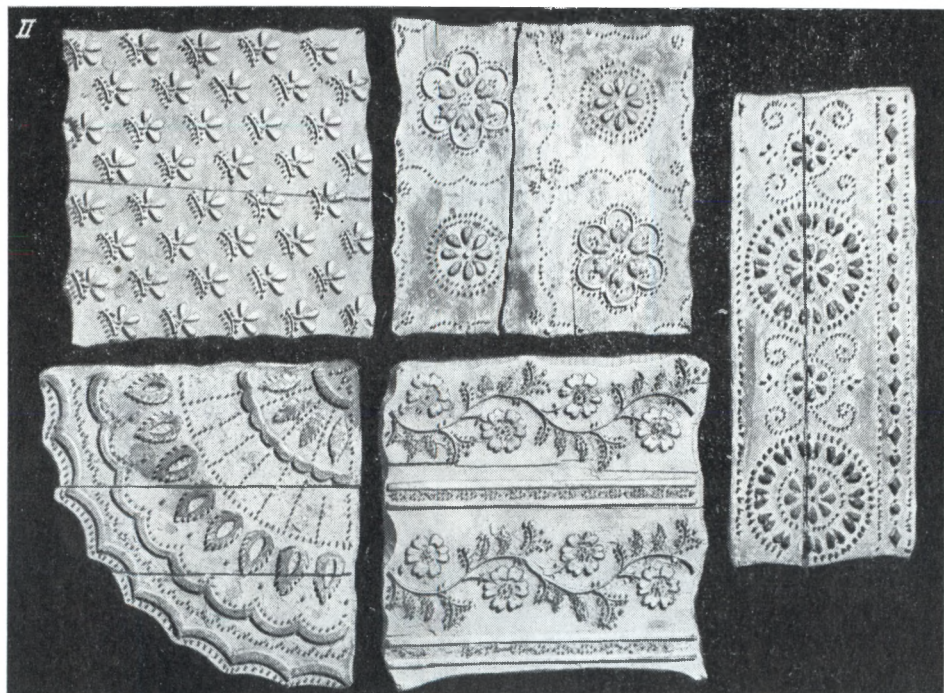
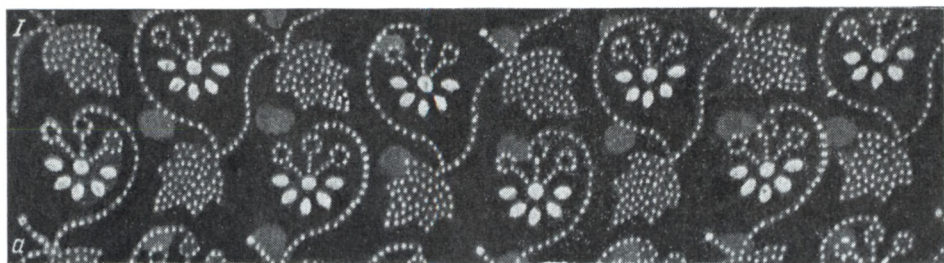
Домашнее сукно ткали целиком из шерстяных ниток, а полусукно — на основе из льняной или конопляной пряжи. Из них шили зимние штаны и верхнюю наплечную одежду. Технология получения сукна была общей с районами Русского Севера. По данным XVII в., различались сермяжное и пониточное сукно. Из серяги (грубое полусукно) шили в основном зипуны.

Сотканые шерстяные ткани проходили дополнительную обработку: их замачивали в кипятке и мяли до тех пор, пока они не становились мягкими и ровными, а шерстяная пряжа равномерно растягивала холщовую основу.

Помимо местных тканей, в Пермском крае известны были и привозные. Но их использование в XVII—XVIII вв. было ограниченным. По таможенным книгам известно, что через Великий Устюг, Верхотурье, Ирбит и Тобольск завозили ткани шелковые — атлас, тафту, камку, хлопчатобумажные — киндяк, зеңдень, кумач, шерстяные — амбургское (гамбургское) сукно, мухояр, летчины и др. С Вятской земли везли сукна местной выделки — сермяжное, пониточное и пестрядь⁵. Актовый материал XVII — начала XVIII в. показывает, что одежду из дорогих привозных тканей имели не только городские жители, но и зажиточные крестьяне, проживавшие возле городов и в центральных погостах⁶. С середины XVIII в. поток привозных тканей в уездные города Чердынь, Соликамск, Кунгур и в крупные заводские поселки шел в основном с крупнейших русских ярмарок — Ирбитской и Макарьевской. Большим спросом у крестьян пользовались ситец, сатин, сукно, а также батист, миткаль, китайка, кисея, грезет. Только в период капитализма с активизацией хозяйственно-экономической деятельности местных крестьян в конце XIX в. они стали покупать и фабричную пряжу, из которой готовили ткани для праздничной одежды и пояса.

Верхняя мужская и женская одежда различалась не столько покроем, сколько размерами. Повседневной крестьянской одеждой были *зипуны* и *понитки* из домашнего сукна и легкие холщовые *шабуры*. Их шили двубортными, в талию, с *перезигом* и боковыми клиньями. Зипун отличался от понитка несколько более прямым покроем. Большой зипун надевали в дорогу поверх понитка или шубы. В конце XIX в. у населения, занимавшегося ямской гоньбой и перевозкой кладей, появилась *бешметь*. По размерам она была больше зипуна, обязательно с воротником и башлыком. Бешметь была заимствована от населения Среднего Поволжья. В некоторых местах Прикамья ее называли также зипуном.

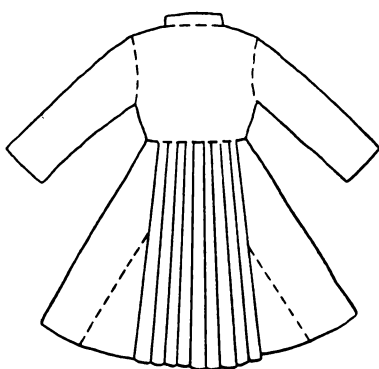
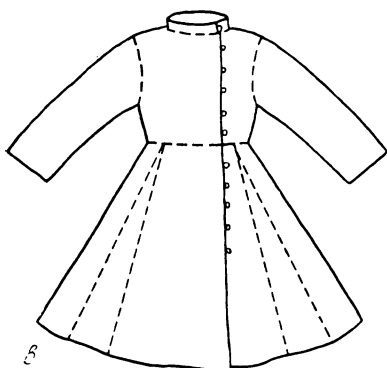
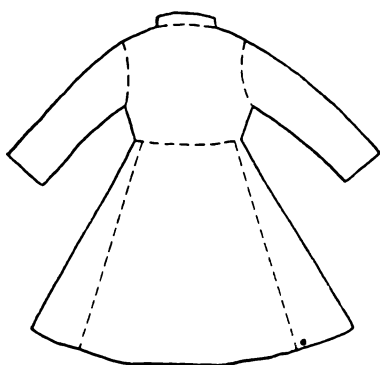
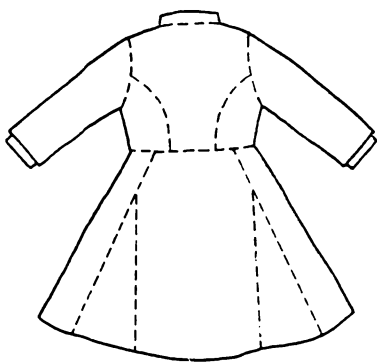
Пониток шили на холщевой подкладке, с воротником-стойкой; его часто покрывали холстом и снаружи. В этом случае он становился теплее и долговечнее. В Северном Прикамье одежда из пониточки под синим или белым холстом называлась *гуней*, а по Чусовой и в Кунгурском у. — *тяжелко*⁷. В начале XX в. гуни и тяжелки бытовали в качестве рабочей,

Ткани

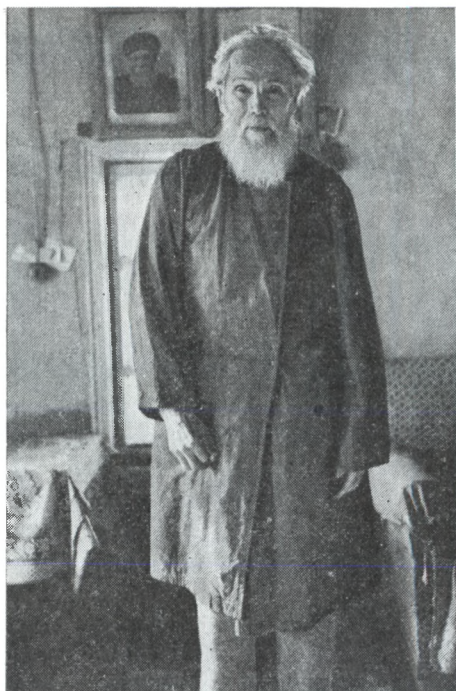
I — «набойки»: а — из Юрлинского р-на (ЧМ, без №); б — из Чердынского р-на (ЧМ, без № и № 10058);

II — набоечные доски для нанснения рисунка на ткань из коллекций Чердынского краеведческого музея (№ 683/24, 697/24)

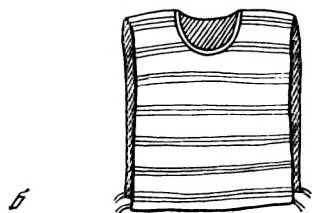
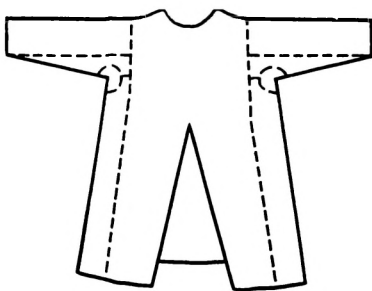
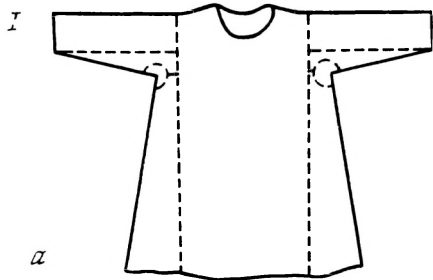
Верхняя одежда крестьян (покрой спереди и сзади)

а — zipун; *б* — пониток; *в* — шабур

Виды верхней одежды

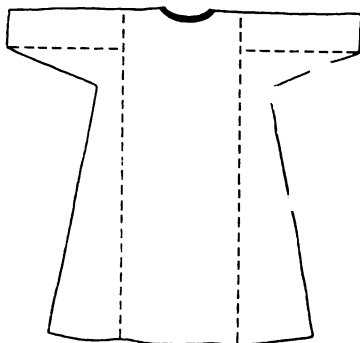
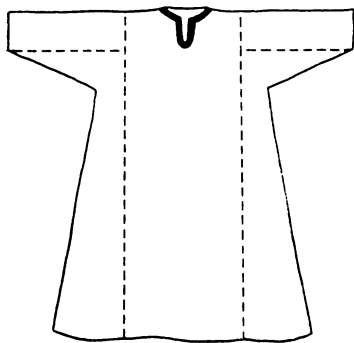
Вверху — шабур (д. Усть-Уролка Чердынского р-на); шуба (д. Рогали Соликамского р-на);
внизу — zipun (ПОКМ, № 11102/1); шабур-кафтан модельный (д. Захарово Лысьвенского р-на)

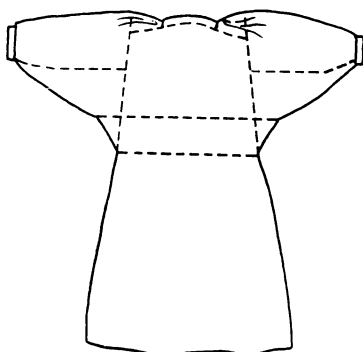
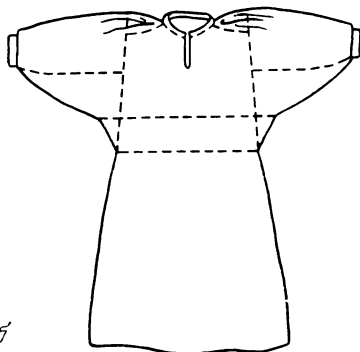
Рабочая одежда

I — покрой (спереди и сзади:) *a* — запон; *b* — лужан; *II* — вид рабочей одежды — запона:
a — спереди; *b* — сзади (ПОКМ, № 11214/44)

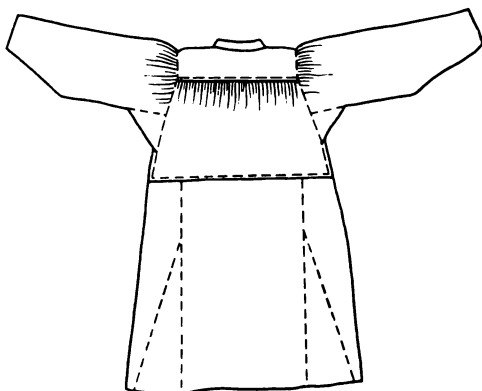
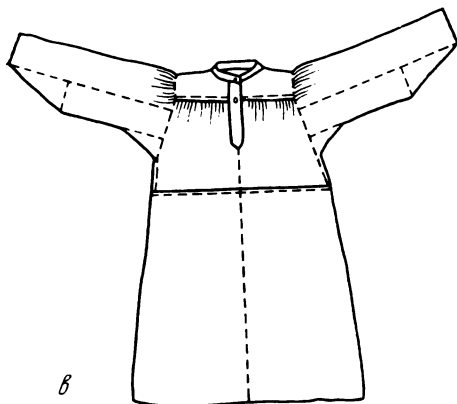
а

б

в

Женские рубахи (покрой – спереди и сзади)

а — ранний вариант; *б* — поздний вариант; *в* — рубаха начала XX в. (д. Шакшер Чердынского р-на, ПОКМ, № 11214/47)

повседневной и даже праздничной одежды, если их покрывали фабричными тканями⁸.

Шабуры отличались от понитка не только материалом (их шили исключительно из холста), но и покроем с отрезной талией, по которой в ранний период делали глубокие складки — *пластики*, а в поздний — присборивали в *боркы*. К концу XIX в. шабуры у русских крестьян повсеместно вышли из употребления. Будничной одеждой они оставались только у коми-пермяков⁹. Среди русских крестьян шабуры сохранялись лишь у старообрядцев, но не в качестве повседневной, а «моленной» одежды. В последней функции шабуры известны и в наши дни¹⁰, причем у старообрядцев-поморцев Верхнего Прикамья¹¹ они сохраняют старый покрой.

Зимней верхней одеждой были шубы — нагольные или покрытые материалом. Шили их прямыми или с борками по отрезной талии. Население Северного Прикамья и верхней Печоры, занимавшееся охотой и извозом, издавна носило *сбывики*, сшитые из оленьего меха с капюшоном.

В конце XIX — начале XX в., помимо традиционной верхней одежды, сохранявшейся в отдаленных местах, а в центральных — преимущественно среди малообеспеченных слоев населения, под влиянием городской культуры получили распространение новые ее виды. В поселениях по торговым путям женщины носили пальто — *маринак*, сшитые из фабричных тканей, прямого покроя, с отложным воротничком. Женской недлинной одеждой стала *стяженка*, которую в некоторых местах называли *та-таркой*. Спинка ее кроилась с вырезными боками, в талию, с борками, воротник — стойкой; застегивали ее на пуговицы, реже на крючки. В старообрядческой среде мужчины и женщины повседневно носили *сибирку* с лацканами, борками по талии. Богатые шили ее не из холста, а из тонкого сукна.

Новые виды одежды не всегда шили сами крестьяне. Их заказывали местным портным, которые находились почти в каждом более или менее крупном населенном пункте.

Из одежды, предназначенной у русских крестьян исключительно для выполнения хозяйственных работ, широко были известны глухие *запоны* и *лузаны*. Запоны надевали поверх одежды, когда отправлялись рубить дрова, разрабатывать подсеку, выполнять сельскохозяйственные работы. Шили их из синего холста туникообразным покроем. Передняя сторона кроилась намного длиннее задней и доходила до колен. Боковые вставки и рукава с составными клиньями и прямоугольными ластовицами пришивались к основной части по прямым линиям. Ворот овальной формы всегда обшивали холстом. Надевали запон через голову. При отсутствии застежек его подпоясывали кушаком. Покрой у запона был чрезвычайно устойчивым. При сравнении запона 1880-х годов из Чердынского у. с запонами, сшитыми в 1920-е годы, разница усматривалась лишь в одном: на месте ластовиц стали делать разрез¹².

Лузан носили во время охоты и рыболовства. Для него специально ткали толстое, мягкое и обязательно поперечно-полосатое (темное с белым) сукно. В середине перегнутого по плечам полотнища вырезалось овальное отверстие, через которое лузан надевался так, что прикрывал грудь и спину. Веребочками, укрепленными на нижних концах полотни-

ща, лузан плотно привязывался к туловищу. Для прочности плечи покрывались кусками кожи или холста. Под полотнищем сзади и спереди за счет подшитого холста образовывались мешки-карманы, которые использовались во время переходов для хранения добытой дичи, шкурок зверей, а также и необходимых охотнику принадлежностей. В лузана размещали до 30 штук рябчиков или припасов весом до пуда¹³. Об универсальности лузана свидетельствуют и другие его детали. На груди был небольшой кожаный карман для хранения компаса—*матки*, а сзади — железная петля для подвешивания топора. Вишерские и яйвинские охотники во внутреннюю переднюю часть лузана вшивали еще небольшой мешочек из холста, в котором в магических целях хранили когти первого убитого зверя или птицы¹⁴.

Лузан был известен почти во всей лесной полосе. Этнографы считают его изобретением местных финно-угорских народов¹⁵. В Камском бассейне русские могли заимствовать его у коми-пермяков. В отличие от запонов, лузаны применяются охотниками до сих пор. Покрой поздних лузанов аналогичен тем, которые сохранились от середины XIX в.¹⁶

Традиционный женский и мужской костюмы. В комплекс раннего женского костюма входили рубахи-становины, дубасы и сарафаны, запоны-передники, высокие головные уборы, а иногда шугаи и душегреи. На протяжении длительного времени эти виды одежды носились крестьянами разных имущественных слоев и разного возраста. С XVII в. прослеживаются локальные варианты этих видов.

Нательные рубахи состояли из двух частей: верхней — рукавов и нижней — становины. Они имели туникообразный покрой, прямые рукава со скошенными клиньями и прямоугольные ластовицы. К праздничным рубахам рукава пришивали из льняной пестряди, а с середины XIX в. — из фабричных тканей. Зажиточные крестьянки на рубеже XIX—XX вв. носили рубахи уже на кокетке, с пышными рукавами, украшенными кружевами или кумачом, с воротником-стойкой. Украшение вышивкой, свойственное многим районам Европейского Севера, в Прикамье отсутствовало.

Письменные документы XVII в. сообщают, что дубасы и сарафаны различались только материалом. Дубасы шили из крашеного холста, а сарафаны — из покупных тканей. Сарафаны могли быть кумачовыми, ленными, киндяшными, дорогильными, тафтяными, китайчатыми. Праздничные сарафаны отделывали лентами и кружевами и носили с рубахой также из покупного материала. По данным XVII в. можно полагать, что в Северном Прикамье, как и во многих районах Европейского Севера, наиболее ранним у русского населения был глухой дубас-сарафан.

Старые дубасы шили всегда косоклинными, с передним швом на всю длину и широкими проймами. Они состояли из двух передних полос, одной задней и боковых клиньев. Такой тип дубаса преобладал в местах, охваченных не новгородской, а ростово-суздальской и позднее — московской русской колонизацией¹⁷.

Дубас в архаическом виде сохранился до наших дней у старообрядцев Верхнего Прикамья. Его не только надевают на моление; соборные староверы (приобщенные к собору-общине) носят ежедневно. Старшее поко-

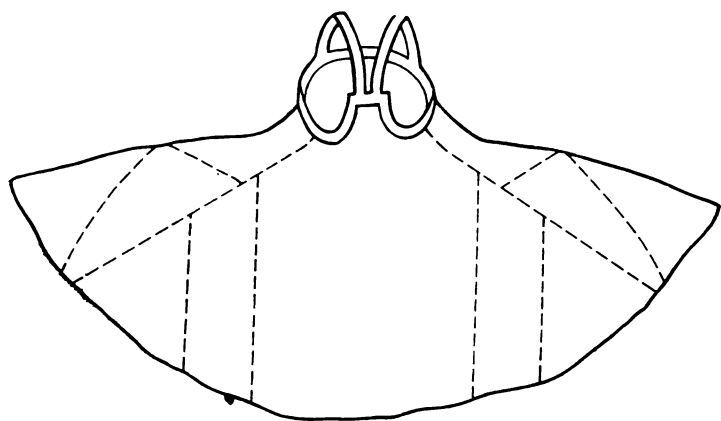
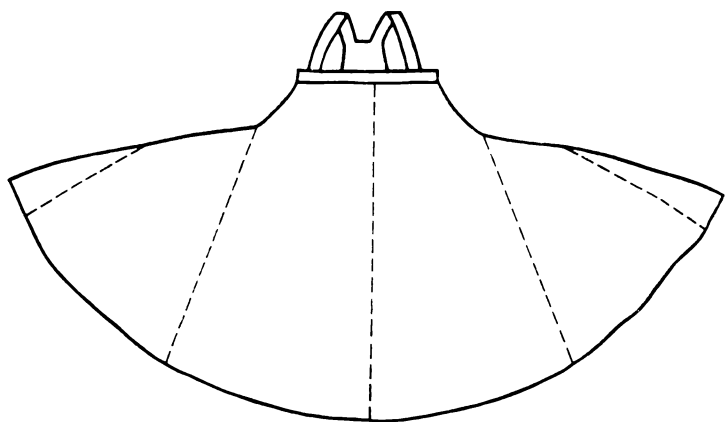
Виды женских рубах

Слева — домотканая с вышивкой (с. Половодово Соликамского р-на);
справа — домотканая из пестряди (д. Шакшер, ЧМ, № 2817/1)

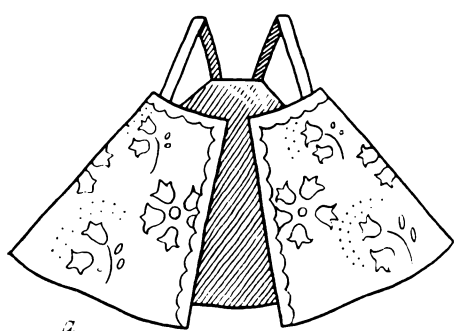

Сарафаны

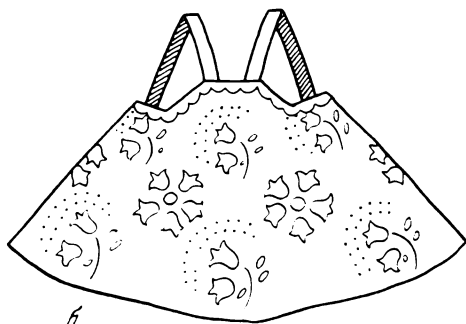
Слева — из с. Юм;
справа — из д. Тагьяшер Чердынского р-на

Косоклиный дубас старообрядцев конца XIX в.
(покрой — спереди и сзади)

а

б

Душегрея 1880-х годов из с. Попово (Останино)
Соликамского р-на

а — спереди; *б* — сзади

ление староверов донашивает домотканые спальные дубасы, а вновь приобретенные к собору шьют их обязательно из темного сатина. Задняя цельная полоса выкраивается по-старинному — с фигурным выступом-лапochкой, к которой пришиваются лямки-проймы. Верхний край спинки собиранся не борками, а складками — *пластиками*. Известная в этом районе мастерица по шитью старинной одежды Т. Г. Блинова (1907 г. р.) рассказывала, что на один дубас уходило 18—20 аршин домотканого холста. За счет увеличения клиньев он становился шире и пышнее. Сама она носит синий дубас, который имеет окружность в подоле 7 м 60 см.

Этнографические наблюдения в Верхнем Прикамье показали, что традиционализм старообрядцев обусловил и более широкую обрядовую функцию дубаса, в частности, в качестве элемента свадебной одежды: на свадьбе надевали прежде всего не сарафаны, а дубасы с белой рубашкой. Сарафан было принято надевать только после «подклета» (брачной ночи), в день «на столы» (обычно, это второй день свадьбы в доме жениха). Дубас входил в комплекс и погребальной одежды. Если в конце XIX — начале XX в. православных хоронили чаще всего в той одежде, в которой они венчались, то старообрядцы Верхнего Прикамья, как и некоторых других мест, шили для этой цели из белого холста глухой дубас. В наборе смертной одежды такой дубас с архаическими чертами можно увидеть и сегодня: перегнутое по плечам полотнище с вырезом для головы, прямые боковые вставки, пришитые вручную нитками без узлов. Подпоясывали такой дубас льняной, так называемой *светильной* ниткой.

С конца XVIII в. косоклинный холщовый дубас с широкими проймами все активнее стал вытесняться сначала косоклинным, а затем и прямым, круглым сарафаном. Но в ряде отдаленных мест крестьяне длительное время отдавали предпочтение сарафану из покупных материалов косоклинному, а не прямому, «ибо круглый почитали за грех»¹⁸.

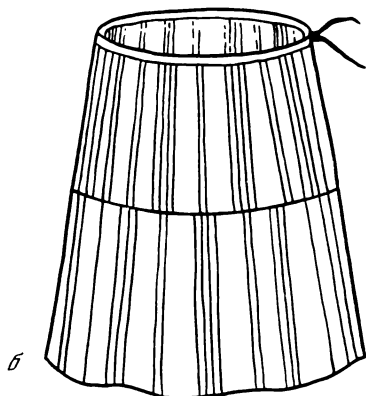
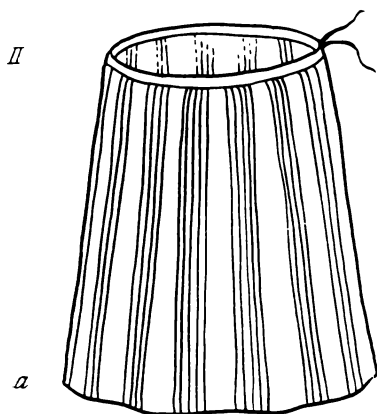
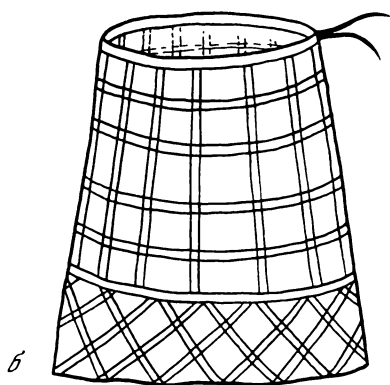
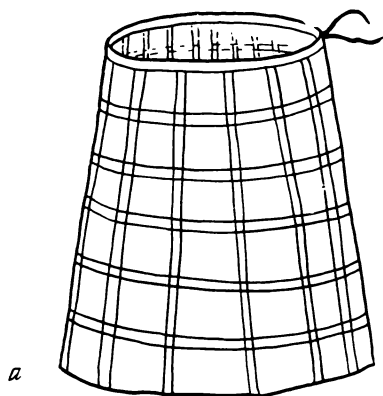
По сведениям анкеты РГО видно, что прямые сарафаны в середине XIX в. стали уже повсеместно преобладающей одеждой. Ближе к концу XIX в. их стали носить по праздникам и старообрядцы. От дубасов они отличались не только материалом (это различие, как отмечалось выше, раньше прослеживалось в материале), но и покроем. Сарафаны шили из прямых полос, до начала XX в. из пяти—семи, а позднее из трех. Спереди по верхнему краю материал собирали в складки-пластики, а сзади — в борки. В отличие от дубаса на сарафане оставалась слишком маленькая лапочка и кроились узкими лямки-проймы. Состоятельные крестьянки, жившие ближе к уездным центрам и заводам, имели возможность раньше других шить праздничные сарафаны из дорогих тканей и украшать их парчовыми лентами, позументами и цветными пуговицами¹⁹. Крестьяне, не имевшие возможности приобрести фабричные ткани, шили прямые сарафаны из тонкого крашеного или набойного холста.

Полный женский костюм с сарафаном

Вверху — из с. Юм и из д. Зюзино Юрлинского р-на;

внизу — из д. Усть-Уролка Чердынского р-на и из д. Кукольное Юрлинского р-на

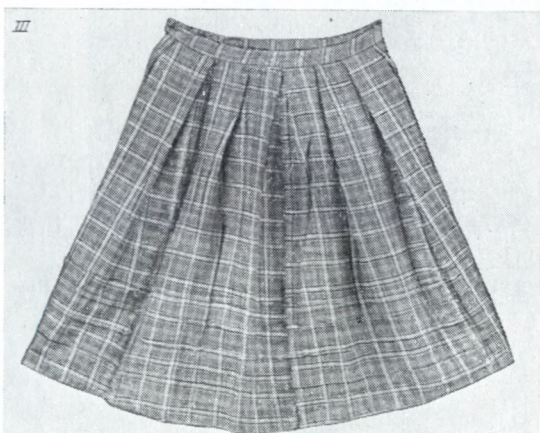
Юбки (покрой)

I — пестрядинные: а — прямая; б — с косой оборкой;
II — сукманки: а — цельная; б — сшивная

Сарафаны из крашеного холста в Кунгурском и Пермском уездах называли *верхницами*, а из набойки — *печатными* ²⁰.

В североуральском регионе сарафанный комплекс получил распространение и среди нерусского населения. В середине XIX в. коми-пермяки носили в будни дубасы, окрашенные дубовой и кубовой краской, по праздникам — набивные (печатные), а в конце XIX в. уже и прямые сарафаны из покупных тканей ²¹. Манси Верхотурского у. носили «верхницы, называемые дубасами, из небеленого холста в простое время..., а в праздничное — такую же верхницу из китайки, большей частью темно-вишневого цвета, обшитую на груди тесьмой вроде позумента» ²².

В крестьянской среде нагрудные виды одежды имели ограниченное

Виды юбок

I — из пестряди: а — прямая (д. Шакшер, ЧМ, № 2812); б — с косыми оборками (с. Половодово Соликамского р-на);

II — из набойки (ЧМ, № 11116/1);

III — сукманка (с. Половодово)

распространение. Еще в 1804 г. Н. С. Попов писал, что «в немногих местах носят *душегрейки, шугаи*»²³. Об этом же сообщают авторы ответов на анкеты РГО середины XIX в.²⁴ Шугаи, *епанчи* и тем более душегреи носили в основном жители городов²⁵. В сельской местности они оставались доступными только зажиточному населению.

Из нагрудной одежды наиболее скромно оформлялись шугаи и епанчи. По покрою они были близки к обычной кофте. Душегреи шили чаще стегаными на вате, кудели; их покрывали дорогими тканями, отделявали мехом, расшивали золотом²⁶. В собрании Соликамского музея хранится душегрея 1880-х годов из д. Попово-Останино. По покрою она близка к косоклинному дубасу. Короткая, на лямках, в разложенном виде близка

Костюмы-«парочки» (юбки с кофтами) из с. Копально Чусовского р-на начала XX в.

Слева — «парочка» молодой женщины;

справа — «парочки» молодой и пожилой женщины

к форме круга; снизу — холщовая подкладка, а сверху — шелковая ткань, украшенная золотым шитьем. Подобные душегреи были известны и в других местах края.

Как бы широко ни был распространен сарафанный комплекс, на рубеже XIX—XX вв. он вытеснялся новым видом одежды — юбкой и кофтой. В крестьянскую среду юбка и кофта пришли под влиянием городской культуры. Поэтому уровень распространения нового комплекса женской одежды в первую очередь зависел от степени связи сельской среды с городской. Литературные сведения указывают, что в 1840—1860-е годы юбки и кофты наравне с сарафанами носили во всех городах и крупных заводских поселках²⁷ и еще почти не знали в селах и деревнях. Из ответов на анкеты РГО за 1848 г. узнаем, что их носили сельские жители только по р. Чусовой²⁸.

Вытеснение сарафанного комплекса новым видом (юбки с кофтой) хорошо прослеживается по полевым наблюдениям. В районах с разным уровнем социально-экономического развития этот процесс шел неодинаково. В первую очередь юбку и кофту начали носить крестьяне, проживавшие на торговых сухопутных и водных путях, возле городов и поселков, а также в местах с развитым отходничеством. Активно этот процесс

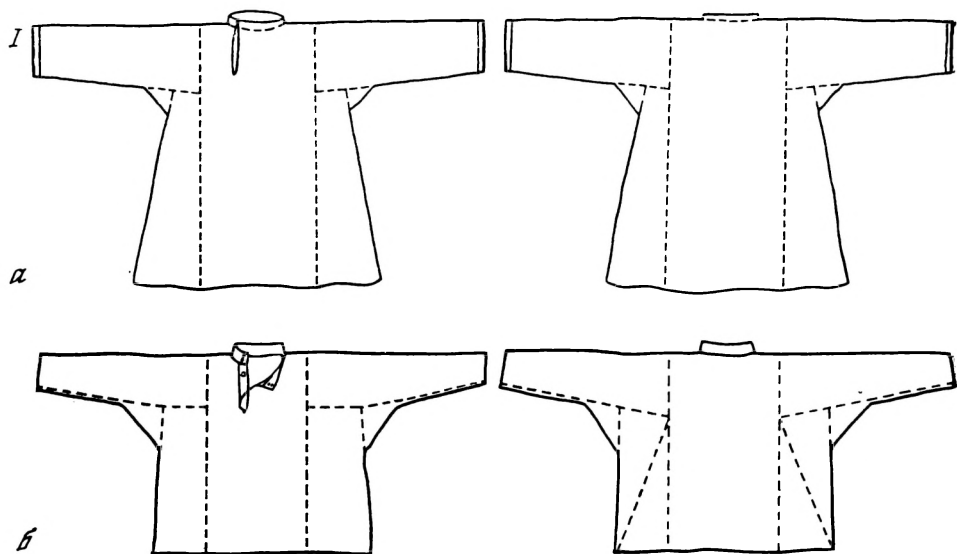
Полный женский костюм с юбкой

*Слева — костюм девушки из д. Рогали Соликамского р-на;
справа — костюм женщины из д. Усть-Уролка Чердынского р-на*

начался с 1870-х годов и завершился в центральных местах к концу XIX в., а в отдаленных — в самом начале XX в.²⁹ Юбка и кофта стали как будничной, так и праздничной одеждой. У православных очень быстро они стали венчальной одеждой. Информаторы, родившиеся в конце XIX в. и проживавшие в местах, близких к городским центрам, уже редко видели сарафан на бабушках. Сами они наравне со взрослыми носили юбку и кофту³⁰. В начале XX в. донашивали сарафаны и старые женщины в глухих деревнях.

Во всем североуральском регионе самой распространенной стала юбка-тканка, чаще клетчатая, реже полосатая. Однотонные юбки были большой редкостью. Льняные юбки-тканки известны двух видов: ранние целиком прямые, а поздние — с косыми оборками. Оборку, как правило, выкраивали из того же материала, что и основную часть юбки. Ее собирали в складки-пластики и пришивали под углом. Праздничные юбки украшали *обложками* — лентами, пришитыми по окружности оборок. По талии холст собирали складками-пластками и обшивали однотонным или клетчатым холстом, а позднее фабричной тканью. Носили юбки на плетеном пояске.

Юбки с оборками появились также не без влияния города. Этногра-

Мужские рубахи

I — покрой (спереди и сзади): *а* — косоворотка; *б* — домотканая из пестряди (ЧМ, без №);
II — рубаха из д. Зюздино Юрлинского р-на

Мужской костюм начала XX в. из подгородных деревень на р. Чусовой

фические наблюдения показали, что их сначала носили в населенных пунктах центральных, а только затем и глубинных районов. От старожилов нередко можно было услышать такие уточняющие сведения. В с. Уролка А. А. Логинова (1911 г. р.) рассказывала: «Бабушка до самой смерти, до 1926 г., носила только прямые юбки, мама — уже с оборками, а прабабушка юбки совсем не носила»³¹.

Состоятельные крестьянки шили юбки и из фабричной ткани. По покрою они были аналогичны прямым холщовым юбкам. Оборка, как правило, у них отсутствовала.

С конца XIX в. повсюду начали носить и полосатые шерстяные юбки-сукманки, которые в ранний период имели ограниченное бытование. Выясняя происхождение подобных юбок на Европейском Севере, Г. С. Маслова приходит к выводу, что они были занесены туда из западных земель — Смоленщины, Белоруссии³². Особая концентрация их приходится на Верхне-Двинский бассейн, откуда переселилось в Прикамье крестьянское население. Возможно, полосатые юбки-сукманки были занесены выходцами из этих районов Поморья. Но то обстоятельство, что на раннем этапе они не получили широкого распространения, можно объяснить стойким преобладанием сарафанного комплекса.

В отличие от юбки, кофты чаще шили не из холста, а из «мануфактуры». В некоторых местах крестьяне называли их по-старинному шугаями. Кофты традиционного покроя шили длинными, с зауженными рука-

вами, спереди с глухим воротом, откидным или стоячим воротником, складками на груди. Зажиточные крестьянки украшали кофты бархатными или парчовыми вставками, кружевами. Несколько таких кофт сохранилось в собраниях ГМЭ и Чердынского музея³³. Для венчания крестьяне шили кофту из однотонного материала, а юбку из цветного. Такую *парочку* хранили всю жизнь. Платье городского покроя вошло в повседневный обиход только в 1920-е годы. Его носили наряду с юбкой и кофтой.

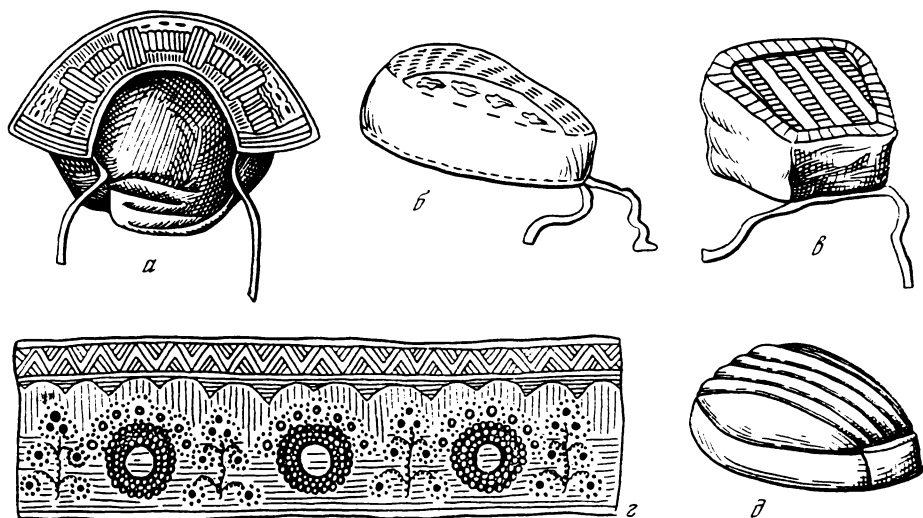
Обязательная принадлежность женского костюма — фартуки. В Пермском крае их повсюду называли *запонами*. Шили без нагрудника, только до талии. Будничные запоны шили из холста, а праздничные из покупных тканей. Никаких украшений, за исключением пришитых лент, они не имели.

Мужская одежда оставалась менее разнообразной, чем женская. Мужчины с давних пор носили туникообразного покроя рубахи-косоворотки с разрезом на левой стороне груди, воротником стойкой и штаны-порты с широким шагом. Еще в конце XIX в. крестьяне повсеместно шили праздничные рубахи из пестряди в мелкую клетку, будничные из тонкого однотонного холста, а штаны — из так называемого кежевого холста — в мелкую полоску. Зимние штаны шили из пониточного сукна. В музейных собраниях Пермской обл. мужская одежда представлена многими образцами. Вместе с письменными и полевыми сведениями это дает повод говорить о ее однородности на протяжении длительного времени. Только в конце XIX в. под влиянием городской моды в мужскую одежду вносится ряд изменений. Зажиточные крестьяне стали шить рубахи из сатина, атласа, кашемира, а штаны — из плиса и фабричного сукна. Изменения коснулись и покроя. Рубахи на кокетке имели боковые раскошенные клинья; рукава кроили зауженные, с обшлагами, на груди делался прямой разрез, исчез и широкий шаг у штанов. В начале XX в. не только молодежь, но и пожилые мужчины носили двубортные пиджаки-визитки с отложными воротниками, лацканами, глухими карманами.

Головные уборы. Яркую этническую специфику крестьянской одежде придают головные уборы. Их традиционные виды близки тем, что бытовали и в других районах севернорусской этнографической зоны.

Повседневно девушки носили ситцевые платки, косынки и шерстяные шали. Традиционными праздничными головными уборами были налобные повязки с лентами на затылке. Еще в документах XVII в. они назывались *перевязками*³⁴. Бедные крестьянки носили перевязки из полосатой пестряди, а богатые — из шелка, парчи, с украшениями из жемчуга, бисера, позумента. В собрании Чердынского музея хранится девичья перевязка XVIII в. из Вильгортской вол. Чердынского у.³⁵ Ее лобная часть из простеганого холста длиной 30 и шириной 12 см покрыта спереди серебряным галуном и украшена снизу жемчугом, бисером и стеклянными вставками. Прикрепленные шелковые ленты спускались на спину. Подобные девичьи головные уборы были известны в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях³⁶.

Иногда в праздники и особенно на хороводы девушки надевали венцы, украшенные лентами или искусственными цветами. Перевязки и

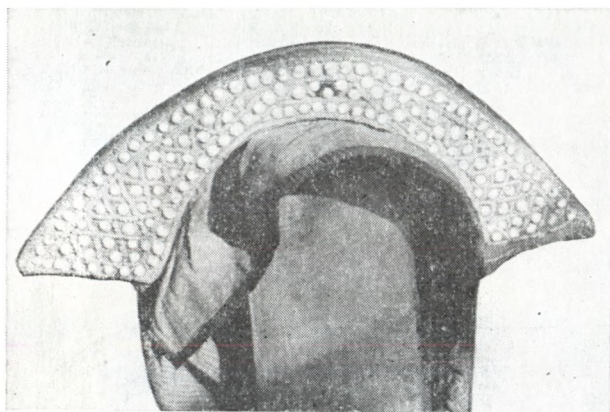
Основные виды женских головных уборов

а — кокошник (с. Губдор Красновишерского р-на, XIX в.); б — повойник (д. Лызиб Соликамского у., XIX в.); в — шамшура (д. Покча Чердынского у., XIX в.); г — девичья налобная повязка (с. Вильгорт Чердынского у., XVIII в.); д — наколка (с. Серегово Чердынского у.)

ленты лишь обрамляли голову, но никогда не закрывали ее наглухо. Только свадебные *коруны* и *бочки*, надеваемые поверх перевязок и венков, полностью закрывали волосы.

По установившейся традиции замужние женщины укладывали обе косы вокруг головы и носили уборы, из-под которых никогда не было видно волос. Традиционными женскими головными уборами являлись кокошники. Первые упоминания о них встречаются в документах конца XVII в.³⁷ Кокошники обязательно входили в сарафанный комплекс. Поэтому у севернорульских крестьян они были «в ходу» до тех пор, пока носили дубасы и сарафаны.

Кокошники, относящиеся к типу *однорогих*, всегда богато украшались золотым шитьем, жемчугом, бисером, а в позднее время — фольгой, цветным стеклом и пуговицами. Тыльная сторона шилась из яркой дорогой ткани в виде чепца и сверху закрывалась платком. Подобные кокошники имели широкое распространение в центральной части европейской территории России³⁸. Их происхождение на Русском Севере, в том числе и в Пермском крае, связывается с заселением Прикамья из Владимиро-Суздальской земли³⁹. Этот вывод подкрепляется письменными материалами. Так, в одном из посланий митрополита Симона к наместнику русского князя Матвею Великопермскому от 22 августа 1501 г. указывается: «...а жены все ваши ходят простовласы, непокровенными главами: ино то чините не по закону христианскому и вы от сих мест так не чинили, как неверные чинят. А которым у вас женится и они бы женились благословением от священника, с обручением и с венчанием по закону хри-

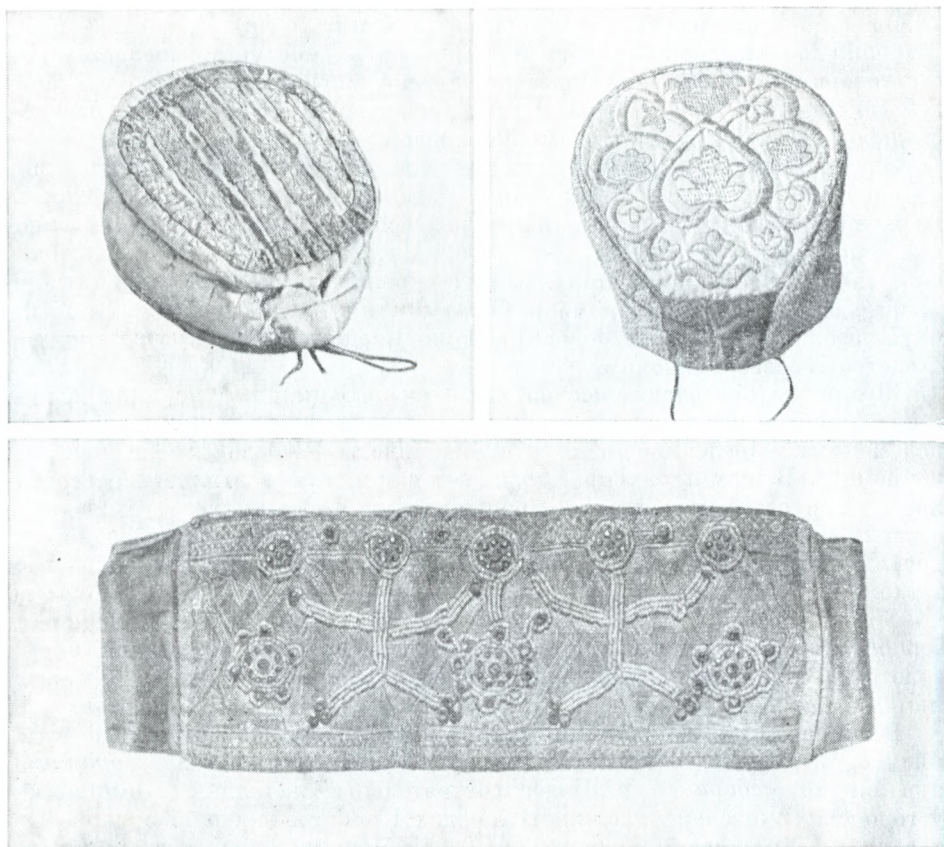

Варианты женских головных уборов

Слева сверху — «рогатый» кокошник из с. Юм и способ ношения кокошника (д. Осинки Юрлинского р-на); *слева внизу* — моршень из с. Губдор Красновишерского р-на и способ ношения моршни (д. Усть-Уролка Чердынского р-на);

справа сверху — шамшура из коллекций Чердынского музея (№ 479) и шамшура («цапс») из Ильинского р-на (ПОКМ, № 5989); *справа внизу* — налобная повязка (ПОКМ, № 6097)

стианскому ни в роду, ни в племени, а жены бы ваши имели покровены главы»⁴⁰. Такое официальное указание могло быть вызвано тем, что в конце XV в. местное население — коми-пермяки (к тому времени они составляли основную массу жителей Прикамья) не соблюдали христианских обычаев и ходили без головных уборов или же не носили их постоянно. Какие-либо остатки головных уборов не были обнаружены и археологами, вскрывшими в Прикамье большое количество коми-пермяцких могильников IX–XV вв. Поэтому можно заключить, что кокошники на Пермской земле появились только с приходом русского населения, и прав был исследователь А. Ф. Теплоухов в том, что многие головные уборы были заимствованы коми-пермяками от русских⁴¹. Но это заимствование,

как указывают поздние материалы конца XIX — начала XX в., не являлось механическим. Коми-пермяцкие кокошники XIX в. имели более пологий лицевой околыш и острые углы. При ношении орнаментированная сторона обращалась не вперед, как у русских, а под наклоном к низу⁴².

На заимствование кокошников коми-пермяками у русских указывает и то, что этот головной убор получил распространение только в среде северных — косинско-камских и язьвинских коми-пермяков, которые входили в Чердынский у. и раньше других вступили в контакты с русским населением.

В большой коллекции головных уборов Чердынского музея заслуживают внимания кокошники из д. Амбор и с. Губдор⁴³. Аналогичные из д. Даньково, д. Ворпева, с. Вильгорт описаны А. Ф. Теплоуховым и И. Н. Ухановой⁴⁴. По размерам они меньше коми-пермяцких. Лицевой околыш с тупыми углами разделен на квадраты и сплошь покрыт золотшвейной вышивкой. Такие кокошники относятся к наиболее старинным видам, так как украшение золотым шитьем является давней традицией. Не случайно в документе конца XVII в. один кокошник назван «золотым»⁴⁵. Известно, что шитьем подобных кокошников занимались в

1880-е годы в с. Лимеж Чердынского у.⁴⁶ Память о других центрах изготовления кокошников осталась и в поговорках местного населения. Часто говорили: «В Оралово надо сходить по кокошник», «в Кольчуг пойдем по жемчуг», т. е. в этих местах Чердынского у. можно было перед свадьбой приобрести необходимый головной убор.

Одновременно с кокошниками бытовали округлые повойники и шамшуры. Шили их из шелковых тканей; повойники — в виде тонкой шапочки на ситцевой подкладке, а шамшуры — со стеганым верхом на холщовой основе.

Тыльная часть повойников всегда украшалась пышными растительными узорами, вышитыми чаще золотыми и реже — серебряными нитями⁴⁷. Сюжеты вышивки повойников из Чердынского у. имеют прямое сходство с северодвинскими⁴⁸.

Шамшуры бытовали нескольких видов. Будничные не украшались, а праздничные расширялись по тыльной стороне золотом или обшивались позументом. Последние в ответах на анкеты РГО за 1848 г. названы чепцами⁴⁹. В шамшурах прослеживаются и местные этнические особенности. В русских поселениях Чердынского и Соликамского уездов, возникших на основе древних коми-пермяцких городищ и селищ, женщины носили шамшуры не с круглым, а с трапециевидным или квадратным верхом, что находит прямые аналоги с коми-пермяцкими шамшурами.

В документах XVII в. встречаются сведения и о других типично севернорусских головных уборах («сорочка золотая», «подзатыльник, шитый золотом», «убрус и подубрусник», «очелки женские») ⁵⁰. По более поздним материалам сведения об этих уборах уже не прослеживаются.

В конце XIX в. кокошники, шамшуры и повойники повсеместно заменялись новыми головными уборами: в северной части — *моршнями*, а в южной — *сборниками*. Более состоятельные женщины заимствовали у городских жителей *наколки*. В городах Прикамья наколки широко бытовали уже в первой половине XIX в.⁵¹ Моршни, сборники и наколки носили только с юбкой и кофтой. Эта хронология в бытовании традиционных головных уборов подтверждается и словами очевидца, оставившего интереснейшее описание родного с. Серегово Чердынского у. в 1860—1880 годы: «Замужние женщины носили на голове шамшуры и в позднейшее время наколки. Все более молодые женщины носили шамшуры, но старухи ... носили кокошники» ⁵².

Моршни и сборники имели одинаковую форму. Их шили из ситца, сатина, реже — шелка, без подклада, на вздержке, со шнурком. Различие было только в одном — сборник спереди собирался в складки. Полное представление о наколках могут составить музейные коллекции. В одном только Чердынском музее хранится 22 наколки из 4 крупных сел уезда. По форме наколки однотипны. Твердую овальную основу из картона или проклеенного холста обтягивали сверху шелком, а внутри — ситцем или сатином. Поверх шелка, собранного в складки, нашивали цветные ленты, кружева, банты. Каждой местности были присущи свои черты в украшениях. Моршни, сборники и наколки обязательно носили под платком. В 1920-е годы их донашивали только женщины преклонного возраста. Девушки и молодые женщины надевали одни платки, подшальки и шали.

Мужские головные уборы были более однотипны. Они без особых изменений сохранялись на протяжении длительного времени. Зимой мужчины носили шапки ушанки из овчин, на кудели, а летом — валяные шерстяные колпаки с загнутыми или откинутыми полями. На северо-востоке исследуемого региона охотники носили шапки из оленьего меха. С конца XIX в. мужскими головными уборами повсеместно стали картузы, заимствованные из города. Их шили из покупного сукна, с плоским цельным верхом и высоким околышем. Подобные головные уборы носили мужчины по всему Европейскому Северу.

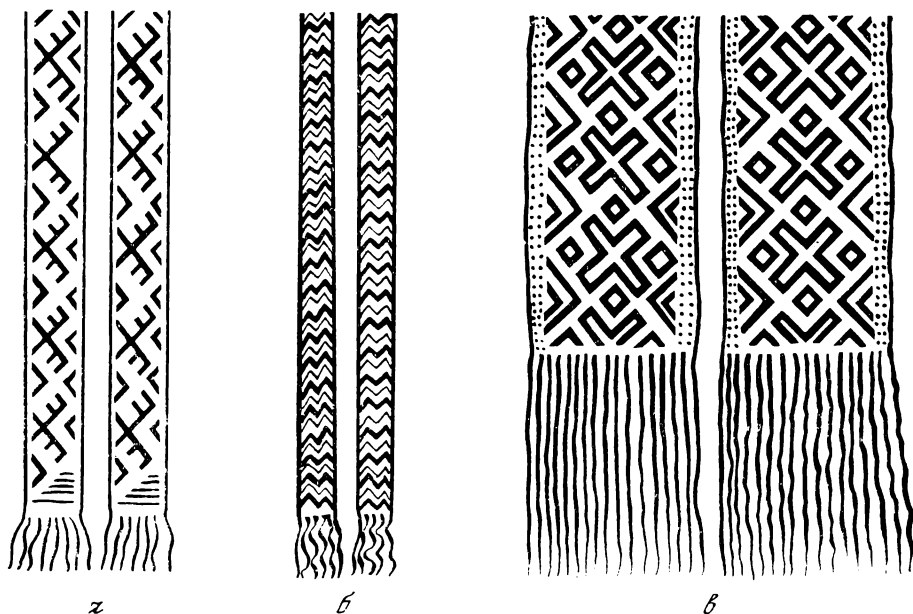
Пояса. Обязательной принадлежностью женского и мужского костюма были пояса. У севернорусских крестьян известно несколько видов: кушаки, покровки, тельники, хотя в документах XVII — начала XVIII в. встречается только одно название — опояски⁵³. Повсеместно преобладали пояса собственного изготовления, только в начале XX в. некоторые крестьяне покупали гарусные. Конкретное представление о поясах дают коллекции, хранящиеся в музеях, а также собранные в процессе полевых работ образцы в разных местах Пермского края.

Кушаками подпоясывали только верхнюю одежду. Мужчины завязывали их на любой стороне, а женщины — на левой. Молодые обматывали поверх одежды вкруговую, не завязывая. Покровки поверх дубасов и сарафанов носили только женщины. Узким тельником подпоясывали мужские рубахи. Различались пояса по художественной отделке. На кушаках и покровках выбирались сложные рельефные геометрические узоры. О богатстве местного орнаментального искусства может говорить такой пример: на собранных 26 поясах в Ворцевском сельсовете и переданных на хранение в Чердынский музей насчитывается до 20 различных узоров⁵⁴. Основные мотивы орнамента типичны для узоров на поясах, бытовавших в районах Русского Севера. Дольше всего у русских крестьян бытовали полосатые пояса. По Каме в Ворцевском сельсовете Чердынского р-на кушаки шириною от 5 до 15 см ткали на обычных кроснах или при помощи бердечка, а покровки до 5 см — на специальных маленьких *ниченках* (нитках) при помощи швейки; узкие тельники до 2 см плели без всяких приспособлений, вручную.

В Верхнем Прикамье у старообрядцев-поморцев известны пояса двух видов. Покровки шириною не более 5 см ткали тоже на маленьких *ниченках*, один конец основы закрепляли в швейке, а другой на поясе женщины. Они всегда имели сложный геометрический орнамент. Широко бытовали как у мужчин, так и у женщин *выкладные* пояса. В отличие от покровок, их ткали на *тапочках* — квадратных дощечках. Чем больше применялось тапков, тем сложнее получался узор. От покровок выкладные пояса отличались и орнаментом. Узоры были не рельефными, а гладкими, в виде прямоугольных и треугольных фигур. Особый интерес представляют выкладные именные пояса с надписями-пожеланиями. На многих часто встречается текст: «Сей пояс ткала на память. Носить не терять, любить не забывать». «Кого люблю, тому дарю». «Люблю сердечно, дарю навечно».

Приведенные названия поясов известны в пределах всей севернорусской зоны, в том числе и у комп-пермяков.

I

а

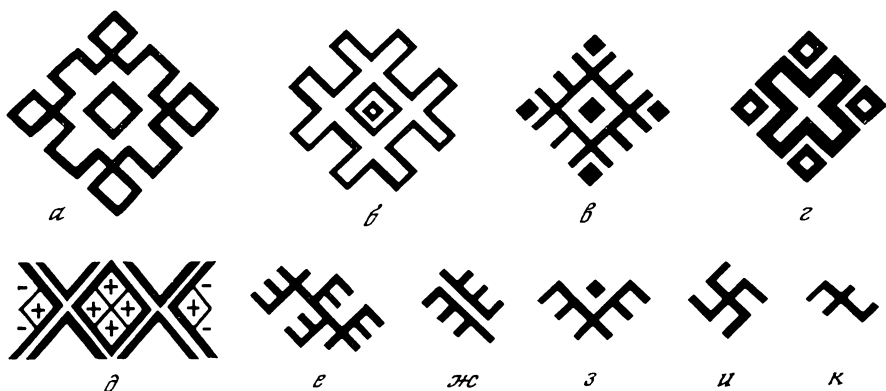
б

в

II

III

а

б

в

г

д

е

ж

з

и

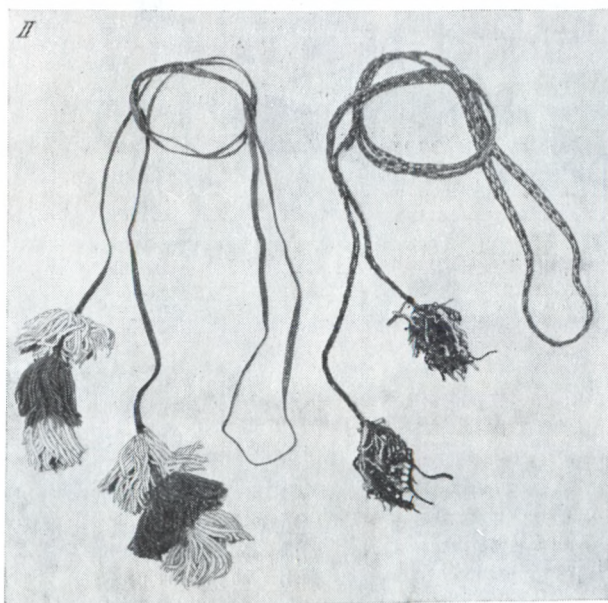
к

Пояса начала XX в.

I — Чердынский р-н, Ворцовский сельсовет: а — покретка; б — тельник; в — кушак;

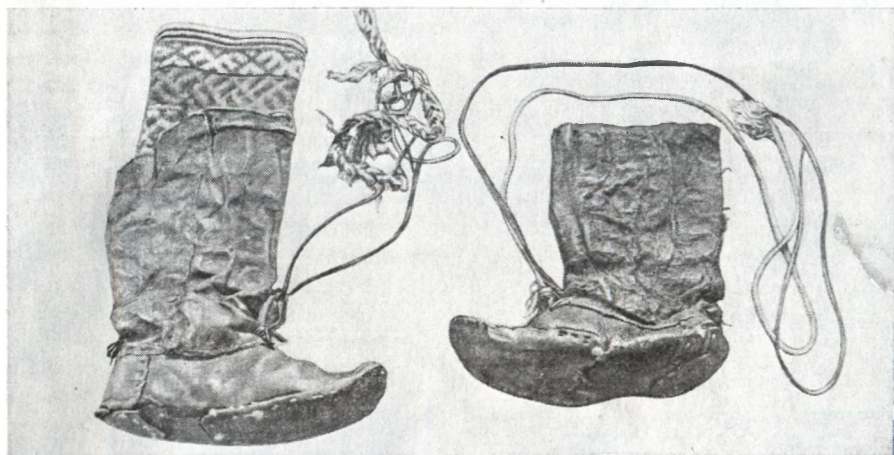
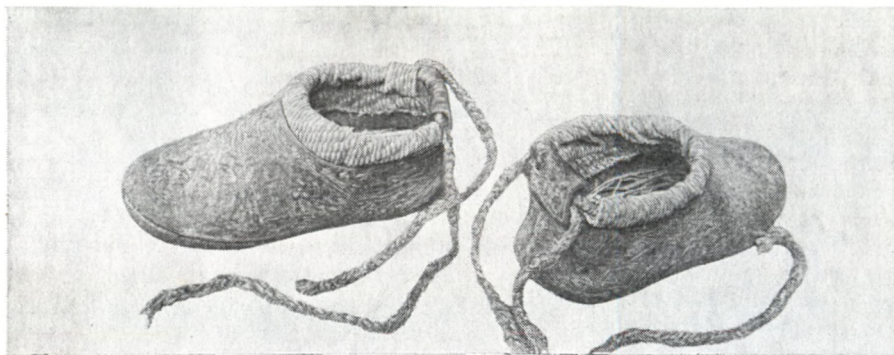
II — выкладной именной старообрядческий пояс с Верхней Камы;

III — орнаменты поясов из Чердынского у., начало XX в.: а-г — кушаков; д-и — покреток; к — тельника

Варианты поясов

I — в Юрлинском р-не: *a* — опоясок и пояс (с. Юм); *б* — пояс с кистями (д. Кукольное);
II — в Чердынском р-не — кушак и опояски (ЧМ, без №);
III, IV — в разных пермских районах — из коллекций краеведческого музея (ПОКМ, № 10723, 11102/11, 12)

Обувь

Вверху —
коты из д. Рогали
Соликамского р-на;
в центре —
уледы из д. Рогали;
внизу —
бахилы из д. Ньюзим
Чердынского р-на

Необходимой принадлежностью русского народного костюма являлись и вязаные изделия — рукавицы-исподки и чулки. В Пермском крае до наших дней сохранился только один центр русского узорного вязания. На верхней Колве и соседней верхней Печоре рукавицы и чулки украшают такими узорами, как *мусник* (*мучник*), *сорочья лапа*, *метляк*, *зубчик*, *пила* и окаймляющими бордюрами. По орнаментации и терминологии это узорное вязание следует считать частью единого художественного направления, известного по Северной Двине, Пинеге, Мезени и Печоре⁵⁵. Подобное узорное вязание было известно в прошлом не только на севере Пермской земли, но и в ее центральных местах. Но там оно оказалось забытым уже к концу XIX в.

Обувь. Повсеместно крестьяне носили кожаную, валяную и в некоторых местах — плетеную обувь. Мужчины ходили в выворотных бахилах, а на рыбную ловлю и осеннюю охоту надевали бродни с длинными голенищами из кожи домашней выделки. У охотников и рыбаков северо-восточной окраины бытовала еще в начале XX в. такая архаичная обувь, как *у́леди* и *порубни* (*порубенные обутки*). Известно, что в XVII в. у́леди изготавливали сами крестьяне⁵⁶. Уледи и порубни отличались от всей другой обуви тем, что у них низкое голенище было с разрезом. При надевании на чулок одна сторона накладывалась на другую и сверху обматывалась ремнями. Уледи имели кожаное голенище, а порубни — суконное. Вишерские охотники носили еще *нѣры*, спитые как *кóты*, из оленьей шкуры мехом наружу⁵⁷. Такой вид обуви был заимствован у манси. В уледях, порубнях и нярах ходили только на лыжах.

Самой распространенной женской обувью, помимо бахил, были кожаные *кóты* с опушками. Только по праздникам в начале XX в. начинали носить купленные башмаки и ботинки. В начале XX в. на сельских ярмарках все чаще можно было приобрести не только выворотные бахилы и *кóты*, но и ботинки, сапоги на каблуках.

Лапти в Прикамье носили крестьяне только западных территорий, примыкающих к коми-пермякам, хотя этот вид обуви устойчиво сохранялся здесь присущие им русские черты. В отличие от коми-пермяцких они имели не косой, а прямой носок (по способу плетения). Их можно было надевать на любую ногу. Старообрядцы предпочитали носить лапти только из лыка (*лыченные*), а приверженцы официального православия — с берестой (*выковорены*).

*

Итак, преобладание севернорусского комплекса в крестьянской одежде было следствием мощного миграционного потока русского населения в северноуральский регион из центральных районов Поморья. Ряд признаков одежды (косоклинный дубас и сарафан, однорогий кокошник, золотошвейная вышивка, некоторая терминология элементов костюма) отражает заселение северноуральских земель преимущественно из районов Европейского Севера, ранее осваивавшихся переселенцами из Ростово-Суздальской (Верхневолжской) земли.

На юге изучаемого нами региона (Кунгурский и Пермский уезды) прослеживаются черты одежды, характерные для одежды населения

Крестьяне в традиционной одежде из с. Серегинского Пермского у. начала XX в. (ПОКМ, № 10844/2–2)

Среднего Поволжья (отсутствие во многих местах кокошника, частое употребление кружевных украшений и вышивки, более широкое употребление *бешмети* с башлыком, раннее появление выходной одежды под названием *татарка*). Эти различия можно объяснить более поздним заселением южных районов по сравнению с северными, причем выходцами не только с Европейского Севера, но и из центральных земель Русского государства. Кроме того, на юге наблюдались контакты русских с тюркоязычным населением Южного Приуралья и Среднего Поволжья.

Крестьянская одежда позволяет также проследить и межэтнические контакты в североуральском регионе. Русская культура отразилась на одежде местных народов. Сарафанный комплекс носили как коми-пермяки, так и манси. Близость в одежде прослеживается у русских старожи-

лов Чердынского и центральной части Соликамского уездов с северными коми — пермяками. Предпосылки этого были заложены не только ранними контактами, но также общностью хозяйственной и социальной жизни в одинаковых природно-географических условиях. Северные коми-пермяки и основная часть старожильского русского населения оставались незакрепощенными крестьянами. Северные коми-пермяки дольше всех сохраняли в полном виде сарафанный комплекс в качестве повседневной одежды. Контакты с местными народами не прошли бесследно и для русского населения. У русских крестьян, занимавшихся охотой и рыболовством, появились коми-пермяцкие лузаны, мансийские няры; от манси были заимствованы совики и малицы; от тюркоязычных народов русские перенимали бешметы; к ним же перешли коми-пермяцкие шамшуры с трапецевидным и квадратным дном.

В одежде североуральских крестьян рано проявились различия, связанные с их социальным положением. Уже по материалам XVII в. видно, что привозные ткани и головные уборы с золотошвейным шитьем могли иметь только зажиточные крестьяне. Костюм богатых отличался украшениями. Крестьянская беднота дольше всех носила суконные понитки и гуни, холщовые дубасы и рубахи, выворотные бахилы и кóты. В капиталистическую эпоху контрастнее выглядели и местные различия в одежде. Появление новых видов одежды наблюдалось прежде всего в местах, близких к торговым путям и центрам городской культуры.

Характер влияния культуры городских поселений (городов, городков, слобод, заводских поселков) не был однозначным. В ранний период, когда самой городской культуре Прикамья были присущи североуральские черты, существующие связи способствовали не только распространению, но и упрочению у крестьян традиционных видов одежды. На позднем этапе (XIX — начало XX в.) городская культура с многообразием черт, наоборот, ускоряла переход от старого костюма к новому.

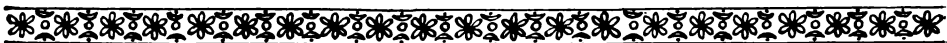
В некоторых отдаленных местах североуральского региона даже в конце XIX — начале XX в. сохранились архаические черты народной одежды. В этом сказалась религиозная принадлежность крестьян. Православные всегда были склонны к заимствованию новых видов одежды, а старообрядцы — к сохранению старых видов. В североуральском регионе особо выделяется район Верхнего Прикамья, где у старообрядцев архаические виды одежды сохранились до наших дней (косоклинные темные дубасы, покровки и выкладные пояса, шабуры, сибирки, кóты, лаптильченники). Вместе с «мирскими» они включают в погребальную одежду саван, глухой дубас, чулки из холста. У православных дольше всего бытовала одежда, имеющая практическое значение (запоны с рукавами, лузаны, уледы, порубни).

Выходцы из центральных, старожильческих земель Прикамья, заселяя окраинные территории региона, сохраняли там наиболее долго отдельные черты севернорусской народной культуры. Там, как правило, отсутствовала подвижность населения и преобладало натуральное хозяйство. Именно этим можно объяснить, что только на верхней Колве и Печоре население сохранило узорное вязание, а по Каме, в Чердынском р-не, — изготовление узорных поясов.

Семья и семейные отношения

О семье русских крестьян пермских районов сведения в источниках появляются с конца XVI — начала XVII в., когда составлялись описи населения уездов в переписных книгах. До этого времени можно найти лишь отрывочные данные о семье угро-финских народов, с которыми встретились здесь русские, осваивая прикамские места. В основном эти данные имеются в местных летописях или актовом материале; из них можно узнать о существовании родо-племенных групп и большесемейных коллективов у предков коми.

Начиная с XVII в., когда русские переселенцы прочно осели в Прикамье и превратились в его постоянное население, у них появились семьи, что выявляют переписные книги XVII в. В последующее время ревизии населения в течение XVIII в., а затем в первой половине XIX в. также позволяют проследить состояние русской крестьянской семьи, разнообразие ее типов, степень сохранности архаических ее видов.

Опыт описания крестьянской семьи по писцовым, переписным книгам и ревизским сказкам¹ показывает богатые возможности источников подобного рода. Неменьшую ценность для решения проблем русской крестьянской семьи периода феодализма представляют также материалы церковного (метрические книги) и военно-административного (рекрутские списки) учета населения². Эти типы источников были использованы для описания семьи пермских крестьян³.

Некоторые данные о характере семьи и семейных отношений в XVIII—XIX вв. содержатся в материалах этнографических экспедиций⁴, а также в периодической печати (губернских и епархиальных «Ведомостях»).

В XIX в. в архиве Русского Географического общества накапливались этнографические сведения, в том числе и по крестьянской семье, полученные обществом в качестве ответов на его программы (с 40-х годов). Такие сведения по пермским деревням немногочисленны⁵, но в них есть данные о бытовавших формах крестьянской семьи в Приуралье, о семейных разделах и внутрисемейных отношениях.

Большой материал о крестьянской семье Прикамья конца XIX—XX в. дали полевые материалы, собранные в пермских районах в

1978—1983 гг.⁶ В них содержатся сведения о форме, составе, структуре современной семьи. Поскольку предметом изучения являлась в основном история крестьянской семьи, ее формирование и развитие, то полевого материал, относящийся к современности, рассматривался под углом зрения традиций, присущих старой крестьянской семье и сохраняющихся в семье и семейном быту в настоящее время. Собранный полевой материал позволяет судить о различных сторонах внутреннего строя семьи и положения ее членов, их правах и обязанностях, формах заключения брака и о брачном возрасте. Имеются сведения о браках смешанных в сословном, этническом, вероисповедальном отношениях. В полевых материалах зафиксирована местная терминология родства и свойства, выявляются отношения между родственниками и свойственниками в повседневной жизни.

Семейно-родственные отношения местного населения Северного Приуралья и русская крестьянская семья XVII в. Письменные источники до XVII в., как указывалось, свидетельствуют лишь об укладе жизни местного финно-угорского населения, которое застали выходцы из Поморья в начале своего расселения в Прикамье. Тогда у финно-угров еще существовали патриархальные роды—семьи⁷, которые под влияние новых социально-экономических отношений, привнесенных русскими переселенцами, быстро видоизменялись, а позднее с расширением феодальных отношений у этих народов стали исчезать и старые формы семьи и весь старый семейный уклад. Сохранившаяся в финно-угорских языках терминология вводит некоторым образом в круг их семейных отношений и обычаев, часть которых сохранялась очень долго. Первобытный брак постепенно исчезал, уступая место браку, когда мужчины одной патриархальной родовой организации вступали в браки с женщинами своего рода, затем с разложением старых связей и появлением территориальных общин и отдельных семей распространились семейные отношения и обычаи, свойственные всем народам в феодальный период. Лишь отдельные обычаи сохранялись очень долго (умыкание или выкуп невесты⁸, обычай левирата, когда по смерти одного из братьев его жена доставалась другому брату)⁹.

Совместная жизнь угро-финских народов и славян в Прикамье в одинаковых исторических и социально-экономических условиях привела к одинаковым формам быта, в том числе семейного уклада и семейных отношений. Этому способствовали и этнические смещения русских и коми, происходившие, хотя и не в широких масштабах, до XVI—XVII вв.¹⁰ О них можно судить по анализу ономастического материала — антропонимии. В фамилиях, распространенных в чердынских местах, можно найти разновременные пласты — фамилии древнепермские (Лунегов: *лунь*—день, Мошев: *мошь*—пчела) и угорские (Палехов от хантыйского *палех*—слюна, Юрганов — от угорского имени); из языка коми (Сизимов: *сизим*—семь, Сюзев: *сюзь*—филин) и с русскими основами, образованными в период совместного расселения русских и коми в XIV—XVI вв.¹¹

Русское население (крестьянское и посадское), осевшее на постоянное жительство в Прикамье, ко второй половине XVII в. было уже се-

мейным. Так, по писцовым книгам 1672—1682 гг. Пачеозерского стана Усольского у., где описаны дворы разных категорий сельского населения (черносошных крестьян, церковнослужителей и бобылей в погостах, половников посадских людей, крестьян имений Строгановых¹²), можно видеть, что у всех категорий сельского населения преобладала семья малой формы, состоящая из родителей и детей. Наряду с такими малыми семьями существовали и семьи неполные — из одного вдового родителя с детьми (чаще вдова—дети).

Существовали у населения Пачеозерского стана и семьи более сложного состава: из трех—четырех поколений родственников, преимущественно двух видов — отцовская и братская семьи. Среди церковного и бобыльского населения погостов довольно много было трехпоколенных семей, состоящих из родителей—детей—внуков; у половников посадских людей отмечено даже бытование четырехпоколенной семьи отцовской формы — родители—дети—внуки—правнуки. Братские семьи: братья—дети—внуки существовали также у половников посадских людей, братья—дети — у черносошных крестьян. Церковнослужители погостов имели семьи и более сложного состава с боковым родством в форме дядья—племянники.

В писцовых книгах 1670—1680 гг. Пачеозерского стана описана также специфическая для Севера форма семьи-союза (складническая семья). Появление дворов-семей, возникавших на Севере и при начальном освоении и позднее, обуславливалось трудностями ведения хозяйства в суровых природных условиях. В прикамских уездах такие семьи появлялись сразу же при заселении территорий наряду с малыми семьями¹³. Складнические дворы-семьи существовали в стане в разной форме: 1) двор, где у каждого из складников была семья типа родители—дети (церковное, бобыльское, половничье население); 2) семья типа братья—дети (у бобылей); 3) двор, где у одного из складников была семья родители—дети, у другого — дядья—племянники (у половников посада). Таким образом, в складнических дворах создавались семьи того же типа, что и в обычных крестьянских дворах — простые малые (двухпоколенные) и более сложные — трех- и четырехпоколенные (в одном из вариантов) или с боковым родством (дядья—племянники). Традиция создания складнических семей прижилась у русских крестьян Прикамья. Наличие таких семей свидетельствует о том, что крестьянский двор в прикамских селениях, как и вообще на Севере, состоял в XVII в. не обязательно из одной семьи; в нем иногда проживали одна—две и более семей складников, которые необязательно были в родственных отношениях.

Крестьянский двор в XVII в. на Севере не всегда соответствовал семье, даже если и не был двором складников, так как в семьях мог быть посторонний элемент. Об этом также есть свидетельства в описаниях Пачеозерского стана. Во множестве дворов писцовые книги отмечают захребетников, бобылей, половников¹⁴. Такие люди входили не в число членов семьи, а лишь в состав двора. В отличие от них приемные люди в семьях, например, неродные и усыновленные дети, о чем также есть свидетельства в книгах по Пачеозерскому стану, считались членами семьи¹⁵.

Аналогичными были семьи у населения Соли Камской, составлявшего в XVII в. основную рабочую силу на соляных промыслах; 90% насе-

ления в 1678—1679 гг. пришло туда из поморских уездов¹⁶, некоторые шли с семьями. Их семьи состояли из родителей—детей, родителей—детей—внуков, из женатых братьев с их семьями, супругами с детьми и племянниками, т. е. из малых и сложных семей отцовской и братской формы, из дядей—племянников. Это означает, что уже на родине, до прихода в Соль Камскую крестьяне поморских уездов имели такие семьи. Чаще всего семьи пришлых состояли из родителей и малолетних детей, родившихся уже после прихода родителей в Соль Камскую¹⁷. Как правило, в одиночку шли сюда люди из дальних мест, ближние чаще приходили с семьями; среди семей были и довольно большие (отцовские, братские, дядья—племянники).

В посадских семьях Соли Камской проявлялись традиции семейных отношений, бытовавшие в крестьянской среде. Одна из них отразилась в форме приема в семью, особенно зятя, если у тестя и тещи не было своих сыновей. Пришлые одиночки входили в семьи посадских людей путем брака с посадскими девушками и вдовами. Такие зятья становились *подворниками* (работниками) в домах тестей¹⁸. *Приемыши*, усыновленные пасынки¹⁹ в семьях жителей Соли Камской также считались равноправными членами семьи. При создании новых семей происходили и сословные смешения — крестьяне вступили в брак с посадскими людьми.

Описанные явления в развитии форм семьи наблюдались у поморского населения, приурального в том числе, приселившегося и осваивавшего Сибирь. Первые поселенцы-одиночки, осев на постоянное жительство в Сибири, заводили семьи сначала малые (родители—дети), которые постепенно либо разрастались путем естественного прироста, либо превращались в более многочисленные по числу членов путем подселения к ним родственников, вывозимых из европейских губерний²⁰. Среди возникавших там сложных семей формировались как отцовские, так и братские семьи. Случалось, что в семье, состоящей из нескольких пожилых братьев с их семьями (с детьми и внуками), когда умирал один из братьев, его взрослые дети оставались с дядьями.

Семьи прикамских крестьян в конце XVII в. уже настолько разрослись, что происходили их разделы: сыновья начинали отделяться от отцов и заводили хозяйства чаще всего в новом месте, осваивая новые земли²¹.

Семьи соседнего с русскими в крае коми-населения в XVII в., по-видимому, в большинстве своем оставались довольно многочисленными по составу. Так, описание одной из них, по воспоминаниям жителей чердынского с. Гайны, представляет большой разветвленный род, состоящий из семей нескольких братьев²².

В целом по источникам XVII в. говорить о большой патриархальной многопоколенной семье населения североуральских уездов, включавшей в состав родственников не только по прямой, но и боковой линиям, не приходится. Заселение Прикамья выходцами из северных уездов происходило в то время, когда их семья у себя на родине прошла несколько этапов развития и существовала уже преимущественно в форме малой семьи. Оседая в Прикамье, пришельцы довольно скоро заводили семьи, первоначально малые. Разветвленные большие семьи в то время могли

образоваться как явления вторичные, выраставшие из неразделявшихся семей. Уже к концу XVII в. пермская крестьянская семья по форме ничем не отличалась от таковой в других уездах Севера. Так, господствующим типом семей у монастырских и помещичьих крестьян Вологодского у. была малая семья, состоявшая из родителей и неженатых детей (до 80%); неразделенные семьи (преимущественно трехпоколенные братские) составляли у них 20% всех семей²³. Такие же по форме семьи существовали в XVII в. у крестьян Кеврольского, Мезенского, Двинского уездов Поморья. (3,2—4,1 мужчин на двор в среднем)²⁴. Это были преимущественно семьи родителей и детей, реже «сложные, состоящие из братьев, братьев с их детьми и племянниками, изредка из двоюродников, из лиц трех поколений, деда, сыновей и внуков»²⁵.

Все стороны внутрисемейной жизни и семейных отношений развивались у пермских крестьян аналогичным путем, как и на всем Севере. Так, при семейных разделах обычно сыновья получали равные доли из общесемейного имущества и общесемейной земли. Внуки, независимо от их числа, получали долю отца²⁶. Вдова с детьми имела право на долю мужа. При таких разделах происходило распределение земли, построек, сельскохозяйственного инвентаря, скота и всего имущества.

Наследование имущества и земли членами семей на Севере совершалось также везде одинаково. Зятья, принятые в дом, получали право на наследство после смерти тестя и иногда наравне с сыновьями последнего²⁷. Наследование могло осуществляться и родственниками по боковой линии, когда не было прямых наследников: племянниками — от дядей. Наследование земельных наделов оформлялось письменно и совершалось устно; последнее также имело юридическую силу²⁸. Таким образом, семья и семейные отношения пермского сельского населения развивались в одном русле с таковыми же у сельского населения Европейского Севера.

Развитие семьи у русского сельского населения в XVIII в. Формы семьи, развившиеся у русских крестьян в Прикамье в течение XVII в., продолжали свое существование и в дальнейшем. В источниках XVIII в. — ревизских сказках по уездам Чердынскому, Соликамскому и Пермскому, описываются семьи черносошных и владельческих крестьян, промысловых работников, служителей и дворовых в имениях помещиков. Все многообразие вариантов семей у этого населения можно свести все к тем же основным формам: 1) малая семья (преимущественно родители—дети); 2) семья сложного типа, главным образом отцовская (родители—дети—внуки, родители—дети—внуки—правнуки), или братская (из братьев—детей—внуков, иногда и правнуков), а также семья, члены которой находятся в боковом родстве (дядья—племянники), образовавшаяся из братской семьи.

Для начала XVIII в. сохранилось описание крестьянских семей Чердынского у. 1711 г.²⁹ Описываются семьи черносошных крестьян трех погостов с деревнями (Верхне-Язвинский, Нырб и Янидов); крестьян, принадлежавших Пыскорскому монастырю и баронам Строгановым на соляных промыслах Нового Усолья (табл. 9).

Таким образом, у крестьян Чердынского у. сложные семьи несколько

Таблица 9

Состав семей крестьян Чердынского уезда 1711 г.*

Форма семьи	Погосты			Новое Усолье	Всего	
	Верхне- Язвин- ский	Ныроб	Янидов	Мона- стыр- ские и владель- ческие крестья- не (чи- сло семей)	Число семей	%
	черносошные крестьяне (число семей)					
Одинокие	3	3	—	14	20	17,0
Родители — дети	11	1	1	15	28	23,7
Отцовская семья:						
родители — дети — внуки	1	—	—	—	1	0,8
Братская семья:						
братья без детей;	7	—	—	4	11	9,3
холостые и женатые						
братья с детьми и внуками (в т. ч. двоюродные);	4	—	1	1	6	5,1
холостые и женатые						
братья — дети	17	1	2	—	20	17,0
Дядья — племянники	13	2	3	3	21	17,8
Прочие	6	3	2	—	11	9,3
Всего одиноких и семей:	61	10	9	37	118	100,0

* Поскольку источник отмечает только мужчин, то не выявлены с точностью семьи из супругов без детей, одиночки; нет точных сведений и по количеству детей (отмечены дети муж. пола).

преобладали над семьями малыми; последние составляли 40% всех семей. Условия жизни в этом северном уезде Приуралья способствовали образованию семей больших размеров, тогда как у черносошных крестьян других уездов Европейского Севера уже в XVIII в. преобладали малые семьи. Но крестьяне Чердынского у., занятые на промыслах, имели в основном малые семьи (супруги—дети).

Сложная семья у черносошных крестьян преобладала в форме братской семьи. Случалось, что некоторые семьи объединяли в своем составе боковых родственников (дядей с племянниками) и имели еще более сложный состав; например, в Верхне-Язвинском погосте одна семья состояла из дяди с племянником, семьи племянника, братьев дяди с их семьями, семьи зятя этого дяди³⁰.

Рассмотренные данные начала XVIII в. позволяют выявить не только поколенный состав семей, но и ряд других сторон, характеризующих семью и семейные отношения в то время. Так, в чердынских семьях практиковалось принимать в дом чужих людей. Приемные люди жили в:

домах крестьян на разном положении. Чердынским крестьянам был известен обычай приема в семью зятя даже в случаях, когда в семье были свои сыновья³¹. Одна из таких семей объединяла семью тестя (в свою очередь имевшую форму — дядя с племянником), многочисленную семью зятя с детьми и внуками и семьи его родных братьев³².

Кроме приемных зятьев, в крестьянских дворах Чердынского у. вместе с семьями проживали подворники и работники с их семьями, что увеличивало населенность двора (из 61 семьи — 3 с подворниками и работниками в Верхне-Язвинском погосте, 2 из 9 в Янидове погосте). Подворники и работники в отличие от зятьев-примаков не входили в число членов семей.

Численный состав крестьянской семьи зависел и от числа детей у супружеских пар. Описание 1711 г. Чердынского у. позволяет характеризовать семью и с этой стороны, поскольку имеются указания на количество детей у брачных пар. Преобладало число супругов с одним—двумя детьми (76% всех брачных пар). Но эта цифра безусловно неточна, так как не учитывались дети женского пола и отделившиеся от родителей дети.

По описанию 1711 г. можно проследить и брачный возраст крестьян-мужчин. Из учтенных 149 браков на браки в возрасте 21—30 лет приходится 33,6%, в возрасте 31—40 лет — 42,2%. Немало и поздних браков в 41—50 лет (14,8%), но здесь возможны случаи повторных браков. Об этом же свидетельствует тот факт, что дети у родителей в 30—40 лет, возможно, не первые, а были и старшие дети и дети женского пола, уже отделившиеся от родителей. Вообще повторные браки были, вероятно, не частым явлением. Сравнение возрастов отцов и детей выявило шесть случаев повторных браков на 442 души, причем женщин, так как дети по возрасту принадлежат не указанным в описании отцам, а матерям от их первых браков. Были случаи приема в семью незаконнорожденных детей одного из супругов³³. Случаи ранних браков редки. По наличию детей мужского пола выявляется всего четыре случая на 442 души раннего брака у отцов: два из них — в 15 лет, два — в 16.

Материалы ревизий второй половины XVIII в. позволяют рассмотреть дальнейшее состояние семьи у сельского населения Прикамья. Сохранившиеся ревизии по имениям Строгановых, Абамелек-Лазаревых и других владельцев описывают семьи их крестьян, работников, служителей, дворовых людей.

В 80-х годах XVIII в. у дворовых людей и крестьян Строгановых и Лазаревых в Пермском у. (Нижне- и Верхне-Чусовские городки, Сыслвенские деревни, села Пермское с округой и Полазна, Хохловский завод — 4127 человек)³⁴ наличествовали как сложные, так и простые малые семьи. Малая семья была представлена преимущественно родителями и детьми; встречались неполные семьи: вдовцы с детьми, супруги без детей; есть среди этого населения и одинокие. Сложные семьи существовали как в форме отцовской (родители—дети—внуки, родители—дети—внуки—правнуки), так и братской (холостые братья; братья с семьями; братья холостые и женатые). Чаще встречались отцовские семьи.

Как те, так и другие семьи крестьян и дворовых, — небольшие по числу членов. Количество детей в них в среднем от трех до четырех

Таблица 10

Браки крестьян Строгановых

Место брака	1774 г.		1775 г.		1776 г.	
	Браки					
	1-й	2-й	1-й	2-й	1-й	2-й
Внутри села (Полазна)	2 5,4%	—	1 2,7%	—	—	—
Внутри прихода (разные деревни)	19 51,4%	3 8,1%	15 40,6%	8 21,6%	14 37,9%	4 10,8%
Внутри прихода (одна деревня)	3 8,1%	1 2,7%	4 10,8%	2 5,4%	7 18,9%	—
В другом приходе	9 24,3%	—	6 16,2%	—	7 18,9%	5 13,5%
В другом уезде	—	—	—	1 2,7%	—	—
	37 100%		37 100%		37 100%	

(правда, не указаны дети, живущие врозь с родителями — в рабочих, в отходе, отделившиеся женатые дети и т. п.).

Сопоставление возрастов супругов помогает определить брачный возраст крестьян во владениях Строгановых и Лазаревых. Браки молодых людей заключались по достижении совершеннолетия. В помещичьих имениях обычно время вступления в брак крестьян контролировалось владельцем. Вотчинные управления следили, чтобы крестьяне женились в определенном возрасте: мужчины — до 20 лет, женщины — до 17³⁵. Женившихся крестьян сразу включали в тягло. Строгановы, например, стремились, чтобы крестьянские браки совершались внутри их владений при наличии при этом крепостной документации³⁶; в таких случаях не было «утечки» тягла. Ранние браки у этих крестьян отмечались редко, браков среди ровесников было также мало, в основном — женихи старше невест. Были случаи, когда возраст жены превышал возраст мужа (на пять—десять и более лет), по-видимому, в случаях, когда женщин отдавали замуж поздно. Не часты и повторные браки (скорее всего — браки вдовцов).

Брачные связи владельческих крестьян и дворовых людей в Пермской округе, судя по ревизским сказкам, были не широки. Чаще браки заключались в своем же селении, либо в селениях своей волости. Случались браки между крестьянами разных владельцев (Строгановых, Шаховских, Всеволожских, Лазаревых), т. е. между людьми, жившими в разных имениях. Хотя браки совершались преимущественно среди крестьян одного селения или соседних деревень, наличие однофамильцев у жителей владений Строгановых и Лазаревых не бросается в глаза. Анализ фамильного состава этих людей показал, что, например, в Нижне-Чусовском городке повторяются только две фамилии (Ивановы, Шардины), остальные

1777 г.		1778 г.		1779 г.		1780 г.	
Браки							
1-я	2-я	1-я	2-я	1-я	2-я	1-я	2-я
2 4,3%	—	—	—	—	—	—	—
20 43,5%	7 15,3%	17 50,1%	1 2,9%	15 57,7%	5 19,2%	14 37,9%	3 8,1%
4 8,7%	—	4 11,8%	2 5,8%	2 7,7%	2 7,6%	5 13,5%	1 2,7%
7 15,3%	6 13,0%	10 29,4%	—	2 7,7%	—	9 24,3%	5 13,5%
— —		— —		— —		— —	
46 100%		34 100%		26 100%		37 100%	

пять фамилий единичны; в сылвенских деревнях повторяется фамилия Плотниковых, в Полазне — две фамилии (Рычины, Зенковы), последняя встречается и в Хохловском заводе. Немногочисленность однофамильных семей в таких деревнях была связана с тем, что крестьяне и дворовые люди часто переводились владельцами в другие места, происходило расселение родственных фамилий не только на значительные расстояния в пределах своего, но и других уездов.

Такой же семейный состав и характер семейных отношений, как показали ревизские сказки 1782 г., развились у населения и других владений — у Абамелек-Лазаревых в Соликамском у. (у дворовых людей, крестьян, промысловых работников, служителей, заводских рабочих из крестьян; всего 2844 человека) ³⁷. У них было много неразделенных семей сложного состава, хотя малая семья заметно распространилась среди промысловых работников (Новое Усолье) и заводских крестьян (Кизеловский, Чермозский заводы, Дмитриевский посад с деревнями).

Среди малых семей здесь, как и у крестьян и дворовых Пермской окр., были наиболее представлены семьи родители—дети; встречались их варианты: вдовцы—дети, супруги без детей; были и одинокие (последние, главным образом, вдовы). Из сложных семей здесь также наиболее распространенной была отцовская форма (родители—дети—внуки), ее варианты (вдова—женатые дети). Немалое распространение среди дворовых людей и крестьян Нового Усоля, Орла-городка имели братские семьи (холостые братья; братья холостые и женатые с семьями).

Детей у супружеских пар дворовых людей, крестьян и работников и в этом уезде было немного — в среднем от двух до четырех. Брачный возраст людей и здесь определялся достижением совершеннолетия; ранних браков почти не было, но встречались браки, когда женщин отдавали за-

муж поздно, поэтому жены были старше мужей. Повторные браки заключались вдовцами³⁸. В семьях бывали приемные и незаконнорожденные дети³⁹. Принятие в дом зятьев происходило у крестьян и в этом округе⁴⁰. Брачные связи также редко простирались далеко за пределы своей волости или уезда (из Гремячинской лесопильной фабрики — в Чердынском у., из Орла-городка в Пермском⁴¹) и реже — в другие губернии (из Орла-городка в Вятскую⁴², из с. Росстеского — в г. Яренск Вологодской губ.)⁴³. В отличие от браков в помещичьих имениях Пермской округи в соликамских владениях Абамелек-Лазаревых совершались смешанные в сословном отношении браки. Так, в Новом Усолье зафиксированы случаи, когда в браки вступали дворовый человек с мещанкой⁴⁴, дворовый человек с дочерью работника казенного Дедюхинского завода⁴⁵. Браков между дворовыми людьми, крестьянами, служителями господ, работниками промыслов и заводов было множество. Такие явления были неизбежны, так как владельцы все время переселяли своих людей из одного имения в другое, обеспечивая свои «заведения» рабочей силой. Следствием таких непрерывных переселений было то, что однофамильные семьи крайне редко встречаются в пределах селений (в Новом Усолье из распространенных 31 фамилии повторяются 2 — Шаламовы и Гушины, в с. Росстеском из четырех фамилий — 1 — Старцевых, в Леньве и Лекмортове из 5 — 1 — Худиевы, в Кизеловском заводе и Чермозской округе из 9 фамилий — 2 — Сухановы, Якимовы). Вместе с тем есть фамилии, которые повторяются в селениях, довольно удаленных друг от друга (Шаламовы в с. Росстеском и Новом Усолье, Чудиновы в Леньве и Новом Усолье, Худиевы в Лекмортове и Кизеловском заводе и т. д.). Результатом таких переселений были смешанные в этническом отношении браки. Так, в Новом Усолье было много женщин, которые родились в Зырянском Усолье и вышли замуж в Новое Усолье.

Характер брачных связей владельческих крестьян можно выявить еще по одному источнику — метрическим книгам 1774—1780 гг., сохранившим сведения о браках крестьян строгановских имений в Чердынском и Пермском уездах⁴⁶ (табл. 10).

По данным этого источника четко видно, что преимущественно браки заключались в деревнях своего прихода; браки между людьми разных приходов, а тем более других уездов редки. Здесь также отмечались браки смешанные в сословном отношении. У крестьян Строгановых такие браки в течение 1774—1780 гг. совершались между крестьянами и заводскими служащими (шесть случаев). Повторные браки не были часты (браки вдовцов). Среди них можно отметить в бытовом отношении любопытный случай — повторный брак вдовца и солдатки, которую выдавал замуж свекор, хотя жениться на солдатках запрещалось, если не было установлено, что она стала вдовой⁴⁷.

Семьи у крестьян Прикамья XVIII в. по-прежнему мало чем отличались от крестьянских семей в районах Европейского Севера. Но на Севере сложные многопоколенные семьи в XVIII в. все больше уступали место семье малой, особенно у черносошных крестьян (уезды Устюжский, Тотемский и др.). Монастырские и помещичьи крестьяне, как и владельческое население Прикамья, дольше сохраняло неразделенные семьи (в Вологодском у. в начале XVIII в. — до 50% семей у монастырских

**Келья-молельня
в д. Нюзим
Чердынского р-на
и старообрядцы
из д. Зарубино
Юрлинского р-на
по дороге на богомолье**

Старообрядческая церковь в д. Захарово Лысьвенского р-на

Слева — иконостас;

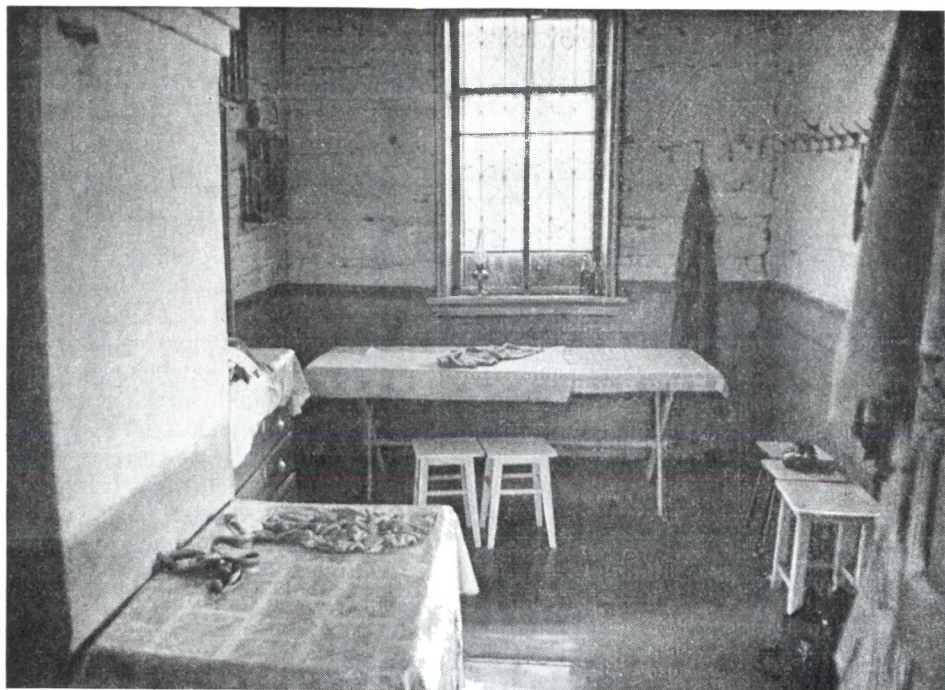
справа — столовая в церковном приделе для прихожан издалека; моленная одежда и тюфяки для спанья в приделе церкви

крестьян, до 68% у помещичьих)⁴⁸, так как разделы семей задерживались монастырем либо помещиком.

Долгое существование или, наоборот, ранее исчезновение сложных семей в тех или иных местах были связаны с социально-экономическим положением населения. Русская крестьянская семья в XVIII в. была тягловой и податной единицей, поэтому государство и помещики были заинтересованы в экономически состоятельных, крепких семьях. Это достигалось недопущением их разделов.

Аналогичное развитие прошла семья у русских крестьян Сибири. В XVIII в., когда уже шло интенсивное освоение сибирских земель, неразделенные крестьянские семьи были широко распространены в земельческих районах Западной Сибири, особенно в первой половине XVIII в.⁴⁹ Половина крестьянских семей в Енисейском крае в начале XVIII в. были неразделенными, в отцовской и братской форме⁵⁰. В Илимском крае семьи крестьян насчитывали в то время до 11 человек⁵¹. Разрастание семей до больших размеров наблюдалось у сибирских переселенцев в ряде мест и во второй половине XVIII в.⁵²

Архаические формы семьи в XVIII в. бытовали у крестьян-раскольников всего Европейского Севера, в том числе и у пермских старообряд-

цев. У раскольников существовало много семей неразделенных, отцовских и братских, состоявших из трех—четырёх поколений родственников по прямой и боковой линиям, а также свойственников. Такие семьи на Водло-озере, например, в 40-х годах XVIII насчитывали до 36% всех семей⁵³. У старообрядцев Олонечкой губ. на Выге семьи насчитывали до 11—20 человек⁵⁴. Неразделенные семьи обычно занимали дворы, где было по несколько изб. Так, в раскольниковом дворе на заводе Демидовых в Нижнем Тагиле существовали строения: «... две горницы... и другие были 4 кельи, ... в сених были два чулана, ... погреб, на огороде под хлеб амбар, ... сарай, под тем сараем конюшня со стойлами и два хлеба, огород большой»⁵⁵.

Старообрядческие семьи выявляются в официальных документах, особенно в переписном материале, очень трудно. Старообрядцев не венчали в церквях, где регистрировались браки. Лишь при обращении раскольников в православие их венчали и делали соответствующую запись в церковных книгах. Брак старообрядцев, заключенный без посредства церкви, считался незаконным, преследовался, за него взимался штраф (по указу от 24 марта 1719 г.). У многих старообрядцев существовали свои тайные приходы, где совершались венчания и крещения (у поповцев — беглыми попами, у беспоповцев «простыми мужиками») ⁵⁶. Это вело к тому, что в старообрядческой среде брачные связи не были широки, а иногда и происходили нарушения семейно-брачных отношений. «Женятся на сродниках своих, — доносил митрополит Сильвестр в Синод, — иные совсем законных жен выдают замуж за других, а сами вновь женятся и живут беззаконно или просто мужья оставляют жен, а жены мужей и вступают в новые незаконные браки ... рождение от них детей не объявляют для крещения и крестят их где, неизвестно»⁵⁷. В местах, где находилось иноязычное население, раскольники вступали с ним в хозяйственные и семейные отношения, что вело не только к обращению «иноподцев» в раскол, но и к этносмешениям⁵⁸. Этносмешанные браки совершались в пермских уездах, начиная с освоения русскими земель Прикамья. Такие смешения отмечались в привишерско-чердынских местах (русские с коми и манси)⁵⁹, в районах теперешнего Коми-Пермяцкого автономного округа (русские и коми)⁶⁰.

Формы семьи и родственных отношений в XVIII в. отразились в соответствующей терминологии родства и свойства. Для этой терминологии характерны в большинстве своем однозначные обобщенные понятия с сохранением в некоторых из них следов архаических отношений. По документам XVI—XVII вв., общеупотребительными для русских были понятия: *родители, дети, богоданные дети* — *подкидыши, приемыши, сын, дочь, падчерица, пасынок, брат* (родной, двоюродный — дядин сын), *внук, внучка, племянники* (род, племя, родственники вообще). Термины свойства: *муж, жена, свекор, свекровь, тесть, теща, сноха* (жена сына по отношению к свекру, жена брата), *невестка* (жена сына для свекрови, жена брата), *зять, деверь, золовка, шурин, свояченица, свояк, сродич* (вообще родственник). Общим словом, обозначающим родственников, семью, становится слово *родня*, известное с XVI в.⁶¹ Общим названием родственников по боковой линии становится *дядя* (братья по материнской и по отцовской линиям), *тетя* (сестры отца или матери), *племянник,*

племянница (дети братьев и сестер). Для пермской родственной терминологии было характерно то же самое. Из новых названий родственников к этому времени относится термин свойства — *свояченица*⁶² (сестра жены), правда, восходящий к старому названию: *своячйна, свесть* (от «свой») ⁶³. В XVIII в. везде шел процесс унификации многих терминов, обозначавших одним и тем же названием нескольких родственников, что было связано с ограничением круга родственных связей при развивающихся малых семьях. Так, все больше расширялось значение термина *сноха* (жена брата мужа, жена брата, жена сына для свекра, невестка для свекрови); *зять* (муж дочери, муж сестры, муж сестры жены). Под влиянием литературного языка употребляются в просторечии термины: *фамилия* (семья, родня), *отчим* (*вотчим* — в Чердынском у.) ⁶⁴, *пасынок*⁶⁵. Малая семья и родственные отношения, ограниченные кругом ближайших родственников, начинали занимать господствующее место.

Семейно-бытовая жизнь крестьян XVIII в. наиболее отразилась в литературном материале (исследованиях, публикациях в периодической печати); в официальном переписном материале этнографических сведений о семейных отношениях не содержится. Многие явления в русской сельской семье XVIII в., описанные в публикациях, происходили и в среде пермского населения. Это прежде всего характерное для русских главенство в семье *большака* над остальными членами в разных формах в зависимости от социальной принадлежности семьи⁶⁶. В крестьянских семьях женщины, хотя и находились в подчиненном положении к мужчинам, в каких-то отношениях были более свободны и независимы по сравнению с женщинами в городских семьях, особенно в зажиточных. Это было связано с тем, что женщины-крестьянки вели трудовую жизнь наравне с мужчинами (работали дома, в поле, воспитывали детей и т. д.); их труд и помощь в делах крестьян-мужчин и вообще в деревенской жизни были необходимы.

Заключение браков в пермских крестьянских семьях происходило таким же путем, как и везде у русского населения. Обычнопроводные нормы при заключении браков бытовали и в Прикамье; сватовство, сговоры, брачные договоры имели силу закона при образовании новых семей. Один из главных предметов брачных договоров — приданое, известное всем русским, существовал и у пермского населения. Внебрачные отношения считались «греховными» (за исключением старообрядцев-бегунов, которые не признавали браки). Брачный возраст регулировался нормами обычного права. Ранние браки в крестьянской среде не считались необходимыми, так как к нормальному физическому труду были способны уже зрелые люди; случались браки женщин в немолодом возрасте, что было связано с расчетливыми взглядами на женщину-работницу, которую родственники старались не отпускать из семьи⁶⁷.

Формой заключения брака у пермских крестьян было церковное венчание (кроме раскольников беспоповского толка и бегунов-скритников).

Разделы семей и наследование семейного имущества регулировались общиной на основе обычного права: доли делившихся и наследников были под контролем общины; у владельческих крестьян это наследование оформлялось не только актами, мирскими приговорами, но еще и инструкциями владельцев⁶⁸.

Старообрядческий женский костюм

Слева — из д. Енино Верещагинского р-на и из д. Захарово Лысьвенского р-на;
справа сверху — из д. Шорохи Ильинского р-на; *справа внизу* — из д. Усть-Уролка Чердын-ского р-на

Для периода XVIII в. круг источников с этнографическими материалами по семье и семейным отношениям довольно ограничен. Эти вопросы в более полном объеме можно решать по материалам XIX в.

Семья и семейные отношения русских Северного Приуралья в XIX — начале XX в. Особенности семейного строя. Ревизии и переписи населения, проходившие в XIX в., специальные анкеты, разработанные разными учреждениями (РГО, ВЭО, бюро князя Тенишева), многочисленные публикации (исследования, периодическая печать) подробно отражают семейные отношения и различные стороны жизни крестьян, давая возможность судить и о более раннем времени. В первой половине XIX в. повсеместно шел дальнейший процесс развития малых семей, хотя семьи разных типов, в том числе сложные многопоколенные, в ряде районов продолжали существовать. Так, состав крестьянских семей дают возможность проследить VII (1816 г.) и VIII (1834 г.) ревизии (табл. 11).

У помещичьих, а особенно у государственных крестьян к этому времени, безусловно, преобладала малая семья (супруги—дети). Сложные семьи чаще бытовали у владельческих крестьян, нежели у государственных.

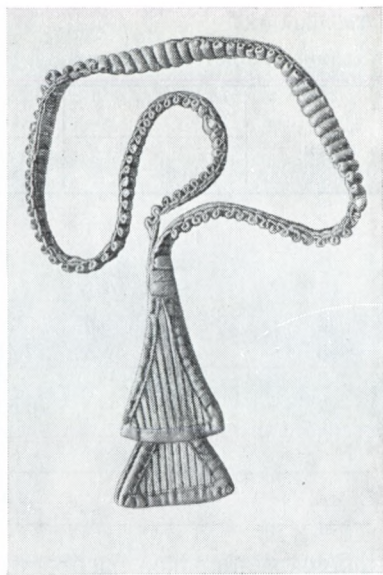

Таблица 11

Состав крестьянских семей пермских уездов по VII и VIII ревизиям ⁶⁹

Состав семьи	Чердынский у., 1816 г.		Пермский у., 1816 г.		Соликамский у. Половодская вол., 1816 г.		Чердынский у., Юрлинская вол., 1834 г.	
	помещичьи крестьяне				государственные крестьяне			
	число семей	%	число семей	%	число семей	%	число семей	%
Одинокие	—	—	2	1,5	16	7,9	8	5,4
Супруги без детей	4	14,8	5	3,8	13	6,5	3	4,0
Супруги — дети	10	37,1	43	32,5	55	27,4	20	27,0
Вдовцы — дети	2	7,4	10	7,6	21	10,4	1	1,4
Рекруты (солдатки) — дети	—	—	3	2,3	1	0,5	—	—
Всего одиночек и малых семей	16	59,3	63	47,7	106	52,7	28	37,8
Отцовская семья:								
родители — дети — внуки — правнуки	—	—	—	—	2	1,0	—	—
родители — дети — внуки	2	7,4	12	9,1	25	12,4	8	10,8
вдовцы — дети — внуки — правнуки	—	—	—	—	—	—	3	4,0
вдовцы — дети — внуки	2	7,4	33	25,0	32	15,9	9	12,2
Братская семья:								
братья без детей	1	3,7	1	0,8	5	2,5	3	4,0
холостые и женатые братья — дети — внуки	—	—	—	—	1	0,5	5	6,8
холостые и женатые братья — дети	3	11,1	4	3,0	19	9,5	13	17,6
Дядья — племянники:	1	3,7	9	6,8	6	3,0	5	6,8
Семья сложного состава (боковое родство и свойство)	2	7,4	10	7,6	5	2,5	—	—
Всего одиночек и семей	27	100	132	100	201	100	74	100

ных. В более раннее время братские семьи нередко преобладали над отцовскими, но в рассматриваемое время преимущество стало переходить к отцовской семье (родители—дети—внуки). В 1816 г. уже реже, чем в предшествующее время, встречается семья дядья—племянники. Еще продолжали существовать семьи со сложным составом — с боковым родством и свойством (тетками, свояченицами и т. п.). Состав этих семей усложнялся и за счет принятых во дворы, главным образом вдов с их семьями (возможно, вдов—родственников). Так, одна из семей в Чердынском у. состояла из трех женатых братьев с их семьями и принятой во двор

Модельные принадлежности

Женский модельный сарафан из д. Захарово (старого покроя — «глухой»); лестовка

вдовы с ее детьми; другая семья (в Пермском у.) — из вдовы с ее дочерьми и внуками и принятых во двор трех вдов с детьми.

По числу детей у брачных пар в рассмотренных крестьянских семьях получаются следующие показатели (табл. 12).

И у владельческих, и у государственных крестьян преобладали брачные пары в среднем с одним—тремя детьми.

Только в отдельных районах и у отдельных групп крестьянства семьи сохраняли свои позиции. В 1834 г. это наблюдалось у населения Юрлинской вол. Чердынского у. Оно считало себя русским и жило в окружении коми-населения; вело, по-видимому, еще несколько замкнутую жизнь и сохраняло в быту старые традиции. Одной из них оказалось проживание большими по составу и численности семьями даже в XIX в. (до 55,4% семей). У раскольников с. Ильинского, принадлежавшего Строгановым, в 1833 г. было несколько иное соотношение форм семьи (табл. 13).

Как видно, у старообрядцев не было преобладания малой семьи. Особенно много было отцовских семей; чаще, чем у другого населения, у них встречались также семьи братские.

Сведения о составе семей в середине XIX в. содержатся в ответах на анкету Русского Географического общества. Судя по ним, в с. Архангельском Соликамского у. (1849 г.) у крестьян, принадлежавших Строгановым, встречались еще сложные и многочисленные по числу членов семьи (до 20 человек) в отцовской форме⁷¹; такие же семьи еще были у некоторых государственных крестьян соседнего Оханского у.⁷² Неразделенная семья в отцовской форме зафиксирована в описаниях хозяйств крестьян Строгановых Ильинского округа⁷³. Тем не менее, малая семья

Таблица 12

Количество детей в семьях

Число детей	Чердынский у., 1816 г.		Пермский у., 1816 г.		Соликамский у., 1816 г.		Чердынский у., 1834 г.	
	число семей	%	число семей	%	число семей	%	число семей	%
1	11	33,4	56	28,9	83	27,9	37	30,3
2	6	18,7	64	33,0	77	25,9	28	23,0
3	7	21,9	29	14,9	72	24,2	31	25,4
4	3	9,4	24	12,4	37	12,5	12	9,9
5	5	15,5	16	8,2	16	5,4	10	8,2
6	—	—	4	2,1	6	2,0	2	1,6
7	—	—	1	0,5	5	1,7	1	0,8
8	—	—	—	—	1	0,4	1	0,8
Всего:	32	100	194	100	297	100	122	100

получала широкое распространение, особенно у государственных крестьян. Некоторые малые семьи были многочисленными: в них насчитывалось до 10 и более детей (в с. Вильгорт Чердынского у.)⁷⁴. В причердынских деревнях отцовских, а тем более братских семей в XIX в. встречалось мало: «Отцы с сыновьями вместе жили очень редко, лишь неженатые сыновья оставались с отцами»⁷⁵. Но такие семьи еще не исчезли и у государственных крестьян. Даже во второй половине века отцовские и братские семьи были в чердынских деревнях, встречались и семьи с боковым родством: дядья—племянники⁷⁶.

О существовании малых и сложных семей в прикамских районах говорят и полевые наблюдения и материалы. По сведениям информаторов, малая семья давно преобладала над семьей других видов. Но были и семьи, где насчитывалось по три—четыре поколения: родители—дети—внуки, то же и правнуки. Часть таких семей была временными семьями, когда молодые в начале жизни оставались с родителями (юрлинские д. Зюздино, с. Юм). В конце XIX в. существовало и совместное проживание родственников по браку (свойственников). Такие семьи были многочисленными: по 11—18 человек (д. Рогали и с. Осокино Половотовской вол.). Они занимали большие усадьбы, иногда в одну—две избы. Так, семья в 24 человека в д. Зюздино Юрлинской вол. размещалась в нескольких избах, поставленных сыновьями в усадьбе отца. Два дома занимала неразделенная семья в старообрядческой д. Зарубино (теперешний Дубровский сельсовет). Семья в отцовской форме у известного богача в д. Рогали Соликамского у., насчитывавшая 20 человек, занимала один двор из двух изб. Неразделенные семьи в с. Осокино проживали совместно в одном дворе; такие же семьи в юрлинской д. Лопве (до 11 человек) занимали по одному—два дома⁷⁷. Семья из 4 братьев Сандраковых в чердынской д. Усть-Уролка занимала два дома и вела общее хозяйство. Отцовская семья в д. Жердовка (Ильинский р-он) состояла из 20 человек и размещалась в двухэтажной избе-связи⁷⁸. Неразделенная

семья (дядья—племянники) в с. Вильгорт Чердынского у. занимала «осьмиугольной дедовский дом, состоящий из клетки... двух изб... с двумя... банями» ⁷⁹.

Степень сохранности неразделенных семей у крестьян в XIX в. была различной. Семьи сложного типа (с боковым родством) в предшествующее время бытовали шире, чем в XIX в. В губерниях нечерноземного севера такие семьи могли сохраняться в условиях сочетания земледельческих занятий с заработками крестьян на стороне.

Малые и сложные семьи различались не только в численно-структурном отношении, но и во внутреннем жизненном укладе. Источники XIX в. дают возможность довольно полно рассмотреть внутренний строй и той, и другой семьи, многие черты которого сохранялись с древних времен. Их носителем особенно была семья неразделенная. Так, источники выявляют, что внутреннее устройство такой семьи имело ряд особенностей. Для всех ее вариантов было характерно общее хозяйство, общая собственность на двор и имущество, общие заработки. В пермских районах,

Таблица 13

Семьи старообрядцев с. Ильинского⁷⁰

Форма семьи	Число	% от общего числа
<i>Одинокие</i>	22	9,66
<i>Супруги — дети</i>	83	36,24
<i>Вдовы — дети</i>	16	6,98
<i>Супруги без детей</i>	5	2,18
Всего малых семей и одиноких	104	45,41
<i>Отцовская:</i>		
родители — дети — внуки	64	27,94
родители — дети — внуки — правнуки	1	0,43
вдова (вдовец) — дети — внуки	14	6,11
родители — дети — внуки (родитель — не глава семьи)	5	2,18
Всего отцовских семей:	84	36,68
<i>Братская:</i>		
братья — дети	15	6,55
братья — дети — внуки	1	0,43
братья с супругами без детей	2	0,86
	18	7,86
Всего братских семей:	104	45,41
<i>Дядья — племянники</i>	1	0,43
Всего одиночек и семей:	229	100

как и везде у русских, возглавлял семью обыкновенно старший по возрасту и положению в семье мужчина — *большак*. В *сиротских* семьях за *большака* были мать или бабка⁸⁰. Старший в семье — отец, дед или дядя распоряжался всем хозяйством; главенство в братской семье определялось с согласия матери⁸¹. У раскольников главы семей были «властными и грубыми», особенно по отношению к женщинам, а детей держали «в страхе божьем»⁸². Управление хозяйственной деятельностью семьи, распоряжение трудом ее членов было главной функцией главы семьи. Власть *большака* в некоторых случаях была ограниченной. Так, учитывалось мнение семьи при решении вопросов брака молодых ее членов. По отношению к имуществу его права также несколько ограничивались, поскольку имущество было общей собственностью семьи. Он был лишь неограниченным «хранителем» дома, имущества и казны⁸³. С его смертью все это переходило в распоряжение преемника, которым был либо его брат, либо старший сын.

Наряду с *большаком* отцовскую или братскую семью возглавляла и старшая женщина. *Большак* распределял обязанности между мужчинами. *Большухе* подчинялся женский состав семьи.

Зависимыми от свекра, свекрови и других старших членов семьи были снохи. Они выполняли не только общую работу по дому, но и заботились о своих детях и мужьях. У снох было отдельное имущество, состоявшее из приданого и личных доходов от продажи каких-либо продуктов. В собственности снох и вообще женщин в семье были и деньги или имущество, полученные ими в наследство. Из общесемейных средств на нужды снох и их детей ничего не тратилось. Женщины имели лишь пай из общесемейного запаса шерсти, льна, конопля. Даже приданое дочери часто изготовлялось самими женщинами на их «заработки». В случае смерти женщины ее приданое переходило дочери либо возвращалось ее родителям.

В пермских деревнях женщины-вдовы могли получить некоторую самостоятельность. По смерти мужа женщина не обязательно оставалась жить с его родственниками. Она могла уйти в другое место, могла выйти замуж, могла вернуться к родителям. Если она прожила в семье мужа не менее пяти лет, то свекор был обязан выделить ей наследство после мужа, даже если у нее не оставалось детей (с. Пянтег, деревни Лопва, Дий)⁸⁴. Если у вдовы оставались малолетние дети, то ей отдавали и земельный надел мужа⁸⁵. Вдова могла вместо умершего мужа участвовать в мирском собрании⁸⁶.

Наследственное право женщин несколько изменилось в малой семье. Во второй половине XIX в. после смерти мужа они наследовали не только землю, но и все имущество⁸⁷. Возможно, здесь сказалась самостоятельность женщин в пермских деревнях, которые нередко вели хозяйство при отлучках мужей на работы и промыслы.

В семьях мужей с их родственниками оставались жить *солдатки*, когда мужья уходили служить в армию⁸⁸. *Солдатки* также пользовались общесемейным имуществом (д. Рогали, с. Половодово Соликамского у.). Были случаи выхода их замуж, пока мужья в течение 25 лет служили в армии (деревня Зюздино, Усть-Уролка)⁸⁹. Сохранялось известное с давних пор примачество — прием в дом зятя. При отсутствии сыновей у тестя зять приходил в дом своей жены, а его положение в доме тестя

определялось путем заключения договора: зять наследовал имущество тестя вместо его сына и замещал пост главы семьи по смерти отца жены. При жизни же тестя он во всем зависел от последнего. Договор между тестем и зятем—*примаком* (*приемный приговор*) утверждался мирским обществом; после приговора зять, вступая в права, получал название *чужедома*⁹⁰. Но нередко тесть стремился затянуть принятие приговора, чтобы самому остаться кормильцем семьи. Явление примачества могло приводить к неравным бракам. Так, в с. Пянтег Чердынского у. священник, не имея сыновей, взял «на дочерей в свой дом» зятей из крестьян; так создавались смешанные в сословном отношении семьи⁹¹. В пермских деревнях говорили: «При сыновьях в зятя не брали» или же, если не было сыновей, «тогда дочь на сторону не отдавали»⁹²; положение *примака* определялось выражением *вошел в дом*⁹³. У пермского населения сам термин *примак* не бытовал. Чаще всего таких зятьев никак не называли, в редких же селениях говорили: *домовод* (д. Зюздино), *дворовик* (с. Пянтег, д. Усть-Уролка)⁹⁴.

Наличие *примаков* в этих деревнях прослеживается при анализе фамильного состава жителей. Как правило, в деревнях есть однофамильные семьи. «Инофамильцы» встречались не только при переселениях крестьян из разных деревень, но и в случаях, когда женихи приходили в дома невест и становились *примаками*⁹⁵. В ревизских сказках 1816 г. по Пермскому у. в 132 семьях можно отметить четыре семьи с *примаками*, причем в одном случае зять был принят в дом при наличии сыновей у тестя⁹⁶. В 1833 г. в старообрядческих семьях с. Ильинского также были *приемные зятья* (в 3 семьях из 229)⁹⁷.

По данным полевых материалов, можно судить о положении и других *приемных* членов семьи. *Приемышами* считались дети от повторных браков кого-либо из супругов (с. Половодово)⁹⁸, неродные дети в семьях (с. Осокино, д. Захарово)⁹⁹. В случаях, когда не было своих детей, принимали в дом неродных и воспитывали их. Приемные дети имели те же права на наследство и те же обязанности в семье, что и родные. Кроме детей, в дом могли принять родственников: сестер, теток, если им негде было жить (с. Юм)¹⁰⁰, своячениц¹⁰¹, принимали и работников. Семьи с *приемышами* известны по описаниям пермских уездов 1816 г. В Чердынском у. из 27 семей одна семья была с приемной дочерью, три — с принятыми в дом вдовами; в Пермском — из 132 семей пять с принятыми детьми и восемь — с принятыми вдовами; в Соликамском — из 201 семьи — одна с *приемышем*; в с. Ильинском в 1833 г. из 229 семей в одной было четыре пасынка¹⁰². Усыновленные дети наследовали имущество наравне с родными детьми. Принятые в дом родственники могли получить долю наследства лишь по воле членов семьи.

Положение отдельных членов семьи выявляется при рассмотрении вопроса о семейных разделах. Как правило, деление семей происходило путем выдела новой семьи из первоначальной. Известные семейные разделы у пермских крестьян в XIX в. происходили следующим образом. На сходе решалось, какую долю получают делившиеся стороны при разделе общего хозяйства. «Лучшую» долю получал тот сын, «которого более любили родители». «Любовь эта приобреталась трудоспособностью, прилежанием, послушанием»¹⁰³. Во второй половине XIX в. разделы

совершались при участии схода. Так, в д. Зюздино Юрлинской вол. сыновья, отделяясь от семьи отца, насчитывавшей 24 человека, поставили себе отдельные дворы. Общество разделило им отцовскую землю под усадьбы и выделило земли для угодий¹⁰⁴. В другой юрлинской д. Кукольное при семейных разделах делилось все имущество (скот, земля), а сход поровну распределял все это между делившимися¹⁰⁵. В верхнепечорской д. Курья отделившиеся новые семьи ставили себе новые дворы. Место для них определяла община. Вначале, когда деревня была мало застроена, отделившиеся семьи строились рядом с отцовскими дворами. Так, семья первых поселенцев Непомнящих, разрастаясь, расселялась в деревне, но первоначально составляла «куст» дворов рядом с двором основателя рода¹⁰⁶. В половодовской д. Рогали молодые не сразу отделялись от родителей; когда же они становились самостоятельными, то делилось все имущество, ставили новые дома, иногда покупали их у отъезжавших в другие места (в Сибирь, например)¹⁰⁷. Обычно при разделах все имущество, скот и земля делились поровну, лишь пай отца, с которым оставался один из сыновей, был больше других (с. Пянтег, деревни Амбор, Усть-Уролка, Курья)¹⁰⁸. Премыши при разделах получали равные пай с родными детьми¹⁰⁹.

У заводского пермского населения разделы семей в XIX в. были не редкими: «сын, как правило, уходил от отца жить своей семьей»¹¹⁰. В староверческой среде разделы совершались реже. Если же они происходили, то сыновья, отделившись от отца, получали все необходимое для хозяйства поровну: один из сыновей оставался с отцом и их доля имущества была большей»¹¹¹. Таким образом, раздел у них совершался по принятому обычаю. У бегунов-скрытников, когда делились семьи, отец строил старшему сыну дом на свободном месте. Неженатые сыновья оставались с отцом, но постепенно тоже отделялись, в отцовском доме оставался обычно младший сын¹¹².

По данным анкеты ВЗО (1880-е годы), в пермских деревнях *мир* при совершении семейных разделов выступал только в спорных случаях. Когда в семьях умирал глава, в первую очередь нужно было разделить землю между родственниками. Это было главным делом схода¹¹³.

Малые семьи отличались от сложных изменяющимися взаимоотношениями членов. В семьях, состоящих из родителей и детей, отношения начинали строиться постепенно, на равноправных началах между всеми членами и, в частности, между мужем и женой. В Прикамье это явление отмечалось и в более раннее время, особенно у заводского населения. В семьях мастеровых казенных заводов отец в семье не был главным кормильцем, так как и дети получали провиант от казны. В таких семьях не было неограниченной власти родителя¹¹⁴. В семье же крестьян, и малой, и сложной, главой семьи и распорядителем работ оставался отец. Он представлял семью перед обществом, участвуя в сельских сходах. В его отсутствие эти обязанности переходили к старшему сыну. Женщина считалась главой лишь после смерти мужа, причем если не было взрослого сына.

Старые обычаи в отношении женщины сохранялись долгое время. Постепенно в малой семье женщина становилась самостоятельной, особенно в местах, где мужья уходили на заработки. Но в целом в крестьян-

Таблица 14

Брачный возраст крестьян в уездах Пермской губ. 1816 и 1834 гг.

Возраст вступления в брак (число лет)	Чердынский у., 1816 г.				Пермский у., 1816 г.			
	государственные крестьяне-старообрядцы				помещичьи крестьяне			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	число браков	%	число браков	%	число браков	%	число браков	%
12-20	8	26,7	10	27,7	24	16,9	21	12,5
21-30	16	53,3	22	61,1	85	59,9	109	65,3
31-40	3	10,0	2	5,6	30	21,1	35	21,0
41-50	1	3,3	1	2,8	3	2,1	2	1,2
51-60	2	6,7	1	2,8	—	—	—	—
61-70	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего:	30	100	36	100	142	100	167	100

Возраст вступления в брак (число лет)	Соликамский у., 1816 г.				Чердынский у. Юрлинская вол., 1834 г.			
	государственные крестьяне				государственные крестьяне			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	число браков	%	число браков	%	число браков	%	число браков	%
12-20	32	14,3	51	20,5	39	38,5	53	45,7
21-30	148	66,4	162	65,0	47	46,5	52	44,8
31-40	38	17,0	33	13,3	12	11,9	10	3,6
41-50	4	1,8	3	1,2	1	1,0	—	—
51-60	—	—	—	—	2	2,0	—	—
61-70	1	0,5	—	—	—	—	1	0,9
Всего:	223	100	249	100	101	100	116	100

янской семье долго держалось мнение, что женщина должна быть в подчинении у мужчины. Это мнение поддерживалось церковью и закреплялось юридическим неравноправием женщин.

Повседневная жизнь в малой крестьянской семье строилась таким же образом, как и в семьях сложных. Разделение труда между членами сохранялось и по полу и по возрасту. Существовал «мужской», «женский» и «детский» труд. Мужчины выполняли тяжелые полевые работы, заготавливали дрова, уходили на заработки. Женщины вели все домашние работы, воспитывали детей, исполняли некоторые полевые работы (жали, убрали сено, бороновали вспаханную мужчинами землю). В северных районах Чердынского у., где земледелие развивалось слабо, мужчины

были довольно «неопытны» в сельском хозяйстве, предпочитали уходить на заработки. Женщины же вели весь дом, ходили за скотом, косили, молотили, жали¹¹⁵. Детей рано приучали к работе. Девочки пряли и шили¹¹⁶. Мальчики-подростки при начале полевых работ помогали возить навоз на поля и бороныть вспаханную землю, пасли скот и ухаживали за ним. Существовало в пермских деревнях название мальчика, который выезжал в поле на лошади с бороной — *борноволбк*, *боронщик*¹¹⁷. Детей-мальчиков рано приучали рыбачить. Они же плели и рыболовные сети. Рано учили их косить, молотить зерно на домашних ручных жерновах. Мальчики и девочки во время жатвы носили снопы; на выпасах присматривали за скотом, в летнюю пору заготавливали ягоды, грибы. Девочек приучали вести домашнее хозяйство, они нянчили младших детей¹¹⁸.

Иногда грани между «мужскими» и «женскими» работами стирались. При нехватке мужских рук женщины работали в поле и на сенокосе. Когда мужчины уходили в отход и на промыслы, все хозяйственные дела выполнялись женщинами: случалось, что и женские дела (уход за скотом, приготовление пищи) выполнялись мужчинами.

Несмотря на это в малой семье, особенно в ее внутреннем укладе, оставалось многое от старого быта. Иногда родители стремились к ранним бракам детей, что объяснялось хозяйственными причинами: в дополнительных рабочих руках была заинтересована семья жениха, семья же невесты старалась отдать ее замуж пораньше, чтобы «не засиделась». По этим же соображениям, наоборот, иногда поздно женили детей, ценя каждого работника в семье.

Брачный возраст для девушек наступал в 16 лет, для мужчин в 18, но предпочитали женить с 20 лет. Это подтверждают данные VII и VIII ревизий XIX в.¹¹⁹ (табл. 14).

Таким образом, у разных групп пермских крестьян преобладали браки, заключенные в возрасте 21—30 лет. Это же наблюдалось и позднее — во второй половине века¹²⁰. Довольно много браков заключалось и в более молодом возрасте (до 20 лет). В целом значительной разницы в среде разных категорий крестьян в определении брачного возраста не наблюдалось. Случаи заключения браков в очень раннем возрасте были редки.

У владельческих крестьян осуществлялся надзор за своевременным вступлением в брак со стороны владельца или управлений имениями. В некоторых имениях незамужние девушки до 15 лет и вдовы до 40 лет были обложены налогом. Обязательным был брак и для вдовцов до 50 лет¹²¹.

В XIX в. брачный возраст мужчин и женщин начал выравниваться. Об этом свидетельствует и сопоставление возрастов супругов по данным ревизий 1816 и 1834 г. (табл. 15).

В первой четверти XIX в. и у государственных и у владельческих крестьян уже редко жены были старше мужей¹²². У старообрядцев еще бытовала традиция, когда женщин выдавали замуж поздно. Поздние браки после 40 лет и особенно после 50 — частично повторные. Указание на возраст супругов в 40—50 и более лет свидетельствует не всегда о позднем браке, ибо их старшие дети уже отделились, а с ними живут

Таблица 15

Возраст супругов у крестьян пермских уездов по VII и VIII ревизиям 1816 и 1834 гг.

Разница в возрасте супругов	Чердынский у., 1816 г.		Пермский у., 1816 г.		Соликамский у., 1816 г.		Чердынский у. Юрлинская вол., 1834 г.	
	старообряд- цы		помещичьи крестьяне		государствен- ные крестьяне		государствен- ные крестьяне	
	чи- сло бра- ков	%	чи- сло бра- ков	%	число браков	%	число браков	%
Жена старше мужа на:								
1—10 лет	22	59,5	57	39,0	63	29,0	43	39,1
11—20 »	—	—	—	—	4	1,8	1	0,9
Муж старше жены на:								
1—10 лет	10	27,0	68	46,6	105	48,4	39	35,5
11—20 »	2	5,4	6	4,1	20	9,2	10	9,1
21—30 »	1	2,7	1	0,7	5	2,4	2	1,8
31—40 »	—	—	—	—	—	—	1	0,9
Ровесники:	2	5,4	14	9,6	20	9,2	14	12,7
Всего браков:	37	100	146	100	217	100	110	100

младшие. К такому наблюдению можно прийти, сопоставив возраст родителей и живущих с ними детей.

Повторные браки совершались не часто. Метрические книги 1810 г. по Чердынскому у.¹²³ зафиксировали большое число повторных браков: 12 браков у мужчин и 7 у женщин (на 53 брака). По данным ревизий 1816 г., в Чердынском у. был один повторный брак у мужчин (на 89 человек), в Пермском — четыре повторных брака (на 328 мужчин), в Соликамском — четыре (на 528 мужчин). Метрические книги по ряду церковных приходов Чердынского уезда зафиксировали на 1820 г. 82 повторных брака (из 349)¹²⁴. Это были браки вдовых людей¹²⁵. Судя по другим источникам, повторные браки и позднее были также нередки, преимущественно браки вдовцов¹²⁶. В Чердынском у. с 1872 по 1880 гг. было заключено 3017 браков, в том числе холостых людей с девицами — 2397, холостых с вдовами — 117, вдовцов с девицами — 363, вдовцов со вдовами — 140¹²⁷. У верхнепечорского населения повторные браки бытовали широко. Это были не только браки вдовых людей, что являлось закономерным, а неоднократное вступление в брак. Эта сторона семейной жизни была связана с традициями местного старообрядчества и особенно нередкой была у бегунов-скрyтннкoв¹²⁸.

В разной сословной и вероисповедальной среде в пермских уездах бытовали разные формы заключения браков. В большинстве случаев обязательным было церковное венчание, иначе невенчаный брак в православной среде рассматривался как безнравственный¹²⁹. Поэтому у православных людей невенчаных браков было мало, «их не признавало общество». Дети от таких браков считались незаконными. Случались и браки

тайные: *беглые* свадьбы в с. Юрла, *убегом* в д. Зюздино¹³⁰, *крадши* в д. Роголи¹³¹, *вбровски* в с. Пянтег, деревнях Амбор и Усть-Уролке¹³¹. Такие браки чаще совершались из-за несогласия родителей (с. Осокино)¹³³. У староверов брак *убегом* происходил, когда выходили замуж за православного (села Половодово, Осокино)¹³⁴. Без венчания совершались браки и у крестьян Ильинского округа, когда в брак вступали люди «разной веры»¹³⁵. Когда в 40-х годах XIX в. на Урале стали приобщать старообрядцев к православию, некоторые из них венчались в церквах¹³⁶. Венчания требовали женщины-старообрядки, поскольку без законного оформления брака они не получали прав наследования после умерших мужей¹³⁷.

Поздние браки женщин, случаи невенчанных браков вели к тому, что существовали внебрачные отношения, появлялись внебрачные дети, которые считались незаконнорожденными. Обычно таких детей называли *мирунами* (*нажит миром* — с. Юрла). Но если в брак вступали люди, имея таких детей, то их усыновляли, даже в старообрядческих семьях. В старообрядческой бегунской среде отрицание официального брака и венчания вело к множественным бракам, к наличию в семьях детей от разных браков. Даже православное население, живущее рядом со староверами, часто не венчалось: «сходились» без свадьбы, «не надо было тратить на венчание и свадьбу»¹³⁸.

Непризнание брака, а тем более оформленного по гражданскому обычаю, — явление, развившееся у некоторых беспоповцев в XVIII в. во времена ревизий и связанного с ними обложение населения тяглом. Следствием такого явления и было распространение внебрачных и добрачных связей, вступление в брак без его оформления и довольно простое расторжение таких браков¹³⁹. Молодежь проводила время на вечерках, посиделках, а после гулянья на них иногда вступала в добрачные отношения, «приживала детей». Жениться при этом считалось необязательным. Если же браки совершались, то в семьях оказывались дети, приходящиеся одному из супругов не родными, а приемными и т. п. Кроме того, случалось, что у раскольников «в доме жили две жены и дети от каждой жены, а иногда еще и на стороне он имел наложницу». Правда, вступление во внебрачную связь с замужней женщиной считалось позором¹⁴⁰. Такие явления у бегунского населения происходили еще чаще, чем у беспоповцев, ибо скрывание брака, вообще непризнание его как такового было для них более характерно.

Старообрядческие браки, даже венчанные в церкви, очень долго не признавались законом; у раскольников не было права вписывать свои браки и рождение детей в метрические книги при полицейских и волостных правлениях. В 40–50-х годах XIX в., когда усилилось насильственное привлечение раскольников Урала к единоверию с господствующей церковью, их венчали и крестили детей в единоверческих церквах, но запись в актовых книгах для них обставлялась трудностями (свидетели, налог), поэтому записи не всегда осуществлялись, а такие браки и дети от них по-прежнему считались незаконными¹⁴¹.

Незаконнорожденные лишались права на наследство (числились в официальных документах по матери)¹⁴². Если же «незаконные» отношения случались с женщиной замужней, то дети от этой связи припи-

сывались к ее законному мужу и могли иметь право на наследство¹⁴³.

При заключении браков всегда вставал вопрос о приданом. В XIX в. приданое, как и прежде, не включалось в общесемейное имущество, не делилось между членами семьи, а передавалось по наследству по женской линии¹⁴⁴. В наследовании приданого видна роль обычая и сохранения элементов и пережитков древних времен. Долгому бытованию этого обычая способствовало то обстоятельство, что в нем не было заинтересовано ни государство, ни община, ибо на платежеспособность семей оно не влияло¹⁴⁵. Если в более раннее время приданое готовилось в семье (одежда, постель), то в XIX в. с проникновением в деревню денежных отношений оно стало изготавливаться или заменяться покупными предметами. В него входили деньги, вещи, скот. Деньги и скот в приданом — явление довольно позднее, но распространенное повсеместно; лишь у заводского населения Приуралья деньги в приданое давать не полагалось¹⁴⁶. В старообрядческих пермских деревнях невесте обычно давали теленка¹⁴⁷. Были случаи, когда в приданое включались уголья. У старообрядцев Верхней Колвы невеста иногда получала в приданое пожню или поле, если она выходила замуж в своей деревне и если у жениха было мало земли¹⁴⁸. В верхнепечорских деревнях в приданое обычно давали скот, постель, одежду¹⁴⁹.

Местами в пермских деревнях в XIX в. при заключении брака был распространен взнос жениха на свадебные расходы и наряды невесты. Такой обычай у русских крестьян сохранял черты древнего свадебного выкупа. Выкуп за невесту жених давал во время свадьбы, а до нее лишь приносил невесте *гостинцы*¹⁵⁰. Размер выкупа за невесту, как и ее приданого, зависел от достатка семей, поэтому крестьяне старались заключать браки в одинаковой в имущественном отношении среде. Обычно выкуп составляли деньги, иногда и скот; в более же раннее время выкуп был связан с дарами невесте, а не платой за нее. В помещичьих имениях деньги за крепостных невест получали их владельцы, когда выдавали замуж девушек в вотчины других феодалов. Семья такой невесты получала также выкуп от жениха¹⁵¹.

Как и везде в русской свадьбе, в северных деревнях условия и время заключения брака в XIX в. определялись при сговоре до свадьбы, а окончательное закрепление сватовства совершалось во время рукобитья — *обеда*. Эти народные обычаи имели значение правового юридического начала при оформлении брака. После них расторгать брак не полагалось, и если это происходило, то семье невесты выплачивались деньги (Юрлинская, Половодовская, Пянтежская волости)¹⁵². В пермских деревнях сговор назывался *обручением* или *сроком* (срок). В старообрядческих деревнях, где браки заключались по русскому обряду — с венчанием и свадьбой (у поповцев, позднее у единоверцев), эти предсвадебные этапы (сговоры, рукобитья) также совершались¹⁵³. Такие обряды и обычаи могли не происходить, когда заключались браки смешанные, особенно в конфессиональном отношении. У верхнепечорского населения не всегда совершались обычные действия и обряды, сопровождавшие начало семьи, вступление людей в брак. Даже сватовство было редким, не говоря уже о сговорах, характерных для предбрачного перио-

да русских свадеб. Не всегда и венчались. Старообрядцам разрешалось венчаться в приходской церкви в с. Тулпан, так как она была единоверческой, но мало кто из них пользовался этим, поскольку нужно было внести большой денежный взнос, иметь не менее двух свидетелей и главное — вступить в единоверчество¹⁵⁴.

О степени этнических смещений в тех или иных прикамских районах можно судить по анализу брачных связей в пермских деревнях. Материалы ревизских сказок и полевые наблюдения позволяют выявить круг брачных связей. Так, в Чердынском у., судя по описаниям 1816 г., совершались браки русских и коми крестьян¹⁵⁵. Об этом свидетельствует распространение одинаковых фамилий в русских и коми деревнях: русская старообрядческая д. Лекмортово и коми деревни Зюлева и Фофанова — однофамильные. Подобное же происходило в Юрлинской вол., где русское православное население и старообрядцы вступали в браки с коми¹⁵⁶. Смещения способствовало постепенное расширение круга брачных связей в сельской местности. Всегда структура этого круга определялась тем, что в брак вступали жители одной деревни, ближних деревень, дальних деревень той же территории, редко — другой территории (волостей)¹⁵⁷. В ряде пермских мест брачный круг в течение XIX в. расширялся. Так, брачные связи крестьян Чердынского у. и соседнего Пермского у. в 1816 г. охватывали территорию разных волостей: в с. Полазна и его округе в 14 деревнях из 56 фамилий повторяются 32; в Чусовских городках с деревнями — в 10 деревнях повторяются 10 фамилий из 39; в Чердынском у. в 3 деревнях из 10 фамилий повторяются 2. В Соликамском у. наблюдается та же картина: в 19 деревнях Половотовской вол. из 23 фамилий повторяются 10; в Осокиной — в 5 деревнях из 34 фамилий повторяются 7. Немного позднее, в 1834 г., в Юрлинской вол. Чердынского у. — аналогичное же явление: в 40 деревнях из 189 фамилий повторяются 51¹⁵⁸. Позднее, в 70-х годах, в деревнях Соликамского у. анкетами ВЭО отмечены однофамильные дворы¹⁵⁹. Расширение брачных связей в этих местах и приводило к появлению коми-русских семей¹⁶⁰.

Полевой материал из районов Пермской обл. также подтверждает эти наблюдения о брачных связях и смешанных семьях, которые жили в деревнях в XIX в. Еще часто браки заключались в пределах ближайших деревень, результатом чего было наличие однофамильных семей. Преобладание связей в пределах одной волости выявили специальные анкеты по бывшей Юрлинской вол. (с. Юм и округ), по Пянтежской (д. Усть-Уролка с окружающими деревнями), Тулпанской (деревни Черепаново, Дий) и Ильинской (деревни Жердовка, Комариха и др.) волостям¹⁶¹. Однофамильные дворы-семьи наличествовали в деревнях Ильинской вол. на Обве (из 26 фамилий повторяются 10), в Усть-Уролке и ближайших деревнях (из 28 — 8 повторяющихся фамилий); в деревнях по Колве (Тулпан, Дий, Черепаново) обилие однофамильных семей прослеживается с XVIII в., когда происходило заселение верхней Колвы. Колвенские фамилии распространились севернее, в печорские места (Усть-Унья и др.). В печорских деревнях браки преимущественно совершались в пределах своих деревень и волости. Это в основном браки между русскими; с соседними коми-зырянами создавали семьи редко:

в Курье у людей, родившихся в XIX — начале XX в., было всего три семьи с усть-цылемскими коми¹⁶².

Узкие брачные связи вели к тому, что было немало браков, совершавшихся между родственниками. Это выявляется по брачащимся однофамильцам¹⁶³. Родство здесь признавалось до 12 колена¹⁶⁴, но близкие родственники до 2—4 колена в браки не вступали¹⁶⁵.

При расширяющихся же связях были неизбежны различные смешения. Смешанные браки совершались в местах, куда население приходило на работы, промыслы¹⁶⁶. Отмечались браки между крепостными и государственными крестьянами. Так, в Соликамском у. в Верх-Яйвенском церковном приходе в 1832 г. были зарегистрированы 10 браков, из них 6 совершились внутри своего прихода, 4 — с крестьянами других приходов. Крестьяне приходов принадлежали к разным категориям. Среди этих браков три оказались смешанными: браки крепостных и государственных крестьян¹⁶⁷. Случались и браки с людьми разной веры (православных и старообрядцев в Юрлинской, Половотовской волостях)¹⁶⁸ и разной национальности (русских и коми в юрлинских деревнях Кукольное, Зюздино, с. Юм и др.)¹⁶⁹, смешанные браки на Обве и Колве — в основном браки в среде, где была разная вера¹⁷⁰. При браках православных и старообрядцев необходимо было принимать одну веру. О таких семьях в деревнях говорили: «Браками мешались все веры»¹⁷¹. В верхнепечорских деревнях подобные смешения происходили редко. Изолированность местных староверов и скрытников способствовала этому. В социальном отношении смешения не совершались. Местное крестьянство было однородно по составу и среди него не было резкого расслоения. Женились или выходили замуж «за ровню»¹⁷². Купцы, промышленявшие здесь с товарами, и баржестроители, в основном ижемские коми или чердынцы, не имели постоянного жительства и не вступали в браки с местными крестьянами. Известен лишь один случай выхода замуж местной крестьянки за баржестроителя-коми, который увез ее из деревни¹⁷³. Не происходило браков и с городским населением¹⁷⁴.

Смешанные в сословном отношении браки в XIX в. отмечены в метрических книгах по Чердынскому у.¹⁷⁵ В одной из книг (1803—1825 гг.) из записанных 95 браков 6 — смешанных в сословном отношении, 1 — в этническом (браки крестьян с мещанками, крестьян с мастеровыми заводов, владельческих крестьян с мещанками). В другой книге из 65 браков отмечено 3 смешанных в сословном отношении (мещан с невестами из государственных крестьян).

Семейный строй русских крестьян Прикамья и все семейные отношения нашли отражение в бытовавших терминах родства и свойства. Полевой материал, в котором содержится эта терминология, свидетельствует, что у русских Перми существовала система родства, обычная для русских, ограниченная в основном малой семьей, простыми вариантами неразделенной семьи и ближайшим кругом родственников. В целом система родства XIX в. прочлеживается без особых изменений, что и ранее, лишь еще более упрочились однозначные обобщающие понятия, характерные для узкого круга родни. По употреблявшейся терминологии видно, что малая семья и малый родственный круг доминировали. Некоторые термины в XIX в. еще более унифицировались. Название *сноха*

применялось в значении жена сына, жена брата, жена брата мужа, жена племянника, жена внука (юрлинская д. Лопва)¹⁷⁶. Название *зять* — для обозначения мужа дочери, мужа сестры, мужа сестры жены, мужа племянника, мужа внуки и т. п. (деревни Лопва, Кырова)¹⁷⁷.

Термины *своячина*, *свесь* остались в их архаическом понимании (Юрлинская вол. Пермского у., 1816 г.). Родство при сводных браках обозначалось общеупотребительными терминами: *мачеха*, *пасынок*, *падчерица* (Пермский, Соликамский уезды, 1816 г.), причем *пасынок* применялось и к сводным, и к усыновленным детям (с. Половодово)¹⁷⁸.

Известны названия родственников на местном диалекте: *сватовья* — родственники жены и мужа (д. Рогали); *сношеница* — жена деверя и шурина (села Половодово, Пянтег, д. Зюздино, обвенские деревни); *шуричиha* — жена шурина (д. Лопва); *тетка* — жена деверя (д. Лопва); *сват* — брат снохи (д. Кырово)¹⁷⁹. Вообще родство в XIX в. считали уже только до третьего колена, остальные были «*свои*» (*присвой*). В брак можно было вступать между *присвой*¹⁸⁰. Диалектными для пермских мест являлись названия: *братан*, *сеструшка* (Обвенское поречье), *сестрянka* (Колва) — для двоюродных братьев и сестер; *свесьтя* (Колва) — для свояченицы; невестка (Обва) — для молодой (молодушки)¹⁸¹.

Некоторое своеобразие можно заметить в так называемых свадебных чинах и их наименованиях. Крестные, принимавшие ребенка при крещении из купели (с. Осокино, д. Захарово), приходились крестнику родственниками, но могли быть и неродными; они участвовали на его свадьбе. Крестный отец жениха был на свадьбе тысяцким (села Половодово, Осокино, д. Захарово). Невестины крестные на ее свадьбе сидели подле нее (д. Рогали). В отношениях крестных и крестников здесь существовали обычные для всех мест запреты: крестный и крестница не могли вступить в брак, «так как доводились друг другу отцом и дочерью» (с. Половодово), «кто принимал из купели, не мог жениться на крестнице» (д. Захарово). Назначение крестных отличалось у православного и старообрядческого населения (бегунского, красноверческого толков): у первых крестный определялся при крещении в начале жизни рожденного, у вторых — «кто крест накидывал» (ни в коем случае не крестил), что могло совершиться в любое время при жизни человека, чаще в конце жизни.

Крестными у бегунов могли быть родные и неродственники; они также бывали на свадьбах у своих крестников, если таковые случались¹⁸².

Остальные родственники жениха и невесты также выступали в определенных чинах на свадьбе. Так, дядя или брат жениха могли быть *дружкой* (д. Рогали, с. Половодово); племянники жениха или его братья, а иногда и неродные люди были дружками на свадьбах в деревнях на Лысье (Захарово, Лезгино и др.). В некоторых юрлинских селениях эту роль выполнял один человек на всю деревню (Лопва, Юм)¹⁸³.

В XIX в. некоторые свадебные группировки и чины, которые в раннее время входили в число семейного коллектива, начинают исчезать, остаются лишь *сваты* *сваты*, *дружки* (главным образом братья жениха), *тысяцкий* (крестный отец жениха). Архаичности в пермских терминах родства, как и везде в русских районах, остается к тому времени

мало. Все более унифицируясь, они отражают сужение родственных связей и утверждение малой семьи.

По рассмотренным данным о семье пермского сельского населения XIX в. видно, что таковая мало чем отличалась от крестьянской семьи Европейского Севера и вообще от русской семьи. Тот же путь развития, что и севернорусская семья, она прошла у прикамского населения несколько позже, в XVII—XVIII вв. Но не только русская пермская семья шла в своем развитии по общему варианту. У иноязычного населения пермских уездов в XIX в. происходили также значительные изменения. Даже дореволюционные исследователи отмечали, что семейный строй коми в конце XIX в. приближался к русскому. Формы семьи были аналогичными у тех и других — малые, отцовские, братские¹⁸⁴. Различия у русских и коми семей прослеживались в численности их членов. По данным 1886 г., у русских в среднем на семью приходилось 5,27 человека, у коми — 6,61, поскольку у последних среднее число детей на семью было больше — до 6 человек¹⁸⁵. Семьи с *большухой* существовали также и у коми¹⁸⁶.

Семейно-обрядовая сторона жизни коми в местах смешанного русского и коми населения становилась такой же, как и у русских¹⁸⁷. Это было показательно для районов, где, как полагали дореволюционные исследователи, шло «обрусение» коми (ассимиляция их русскими) в Юрлинском р-не. В действительности в Юрле, по данным материалов XVIII—XIX вв., шло некоторое этносмешение русских и коми, а на самом раннем этапе заселения края происходили браки русских пришельцев с коми-пермячками.

Для мест, где не наблюдались смешанные браки русских и коми, у последних в XIX в. было характерно сохранение древних черт семейной жизни: сведение брака к купле—продаже невесты, хотя калым за невесту, по своей сути, в XIX в. уже изменился и у этого народа¹⁸⁸. Добрачные же связи у коми были еще широко распространенным явлением и в XIX в., но это могло объясняться обычаем позднего вступления в брак женщин. Поскольку взрослая дочь — это работница, то ее старались задерживать в доме, а отсюда — свободно смотрели и на добрачные отношения¹⁸⁹. У коми-зырян в соседних с русскими печорских деревнях, как отмечалось в ответах на анкету РГО, долго не было христианского единобрачия. Девы начинали рожать до замужества, поэтому в семьях было много «незаконнорожденных» детей. Это был «не упадок нравственности, а еще низшая ступень брачных отношений»¹⁹⁰. Дореволюционные исследователи отмечали в XIX в. и другие архаические черты в семейной жизни коми: например, древний обычай левирата, когда после смерти одного из братьев его жена доставалась другому брату¹⁹¹. У манси, которые жили довольно тесно с русскими в пределах Прикамья, также развились формы семьи, аналогичные русским. У чердынских вогулов в XIX в. было много семей в форме неразделенной отцовской семьи¹⁹². Известно описание одной такой семьи у вишерских вогулов, состоявшей из 30 человек, занимавшей три избы, во главе которой был отец — вогул Лазарь Плотников¹⁹³. Взаимовлияния на все стороны жизни при тесном соседстве русских с местным населением были неизбежны.

Таким образом, рассмотренные материалы по пермской сельской семье XIX — начала XX в. свидетельствуют, что в русской крестьянской среде в то время бытовали семьи, разные по форме. Господствующей везде была малая семья, состоявшая из двух поколений: родители—дети. Местами сохранялись сложные семьи в различных вариантах: отцовские (родители—дети—внуки, родители—дети—внуки—правнуки), братские (женатые братья с семьями; холостые братья, холостые и женатые братья и т. п.) и семьи с боковым родством (дядья—племянники). Семьи сложного состава с включением прямых и боковых родственников, свойственников и различного рода приемных людей в XIX в., особенно во второй его половине, были распространены гораздо реже, чем в предшествующие времена.

В сложных семьях в XIX в. еще сохранялись черты, присущие большим семьям раннего времени, особенно во внутреннем укладе, во взаимоотношениях членов. В малых же семьях начинали вызревать явления, отличные от уклада старых семей, хотя в ряде случаев и малая семья сохраняла прежние жизненные устои, особенно в старообрядческой среде.

Как и у всех крестьян России, пермская сельская семья проходила тот же путь развития, все более упрощаясь и нивелируясь, сохраняя отличительные особенности не по своей форме, а по численности, иногда по поколенному составу, по внутренним отношениям.

*

В развитии семьи сельского населения Прикамья можно отметить различия внутрирегионального характера. В местах, где существовало государственное землевладение, рано сложилась малая семья. Сложные семьи у казенных крестьян долго занимали господствующее положение лишь в местах, заселение которых проходило поздно — в XVIII—XIX вв. и где освоение земли требовало большого количества рабочих рук (Чердынский у., приколвенские и привишерские места). По внутренней жизни и строю пермская крестьянская семья ничем не отличалась от крестьянской семьи других районов государственного землевладения. Только большая самостоятельность женщин и некоторые права при получении наследства отличали местную семью. О развитии пермской семьи в общем русле с русской крестьянской семьей свидетельствует и местная терминология родства, в которой в течение XIX в. все более отражалось признание круга родственников, свойственного малой или несложной, неразделенной семье. Эта терминология соответствует общим русским названиям, но сохраняет своеобразие в местных диалектных наименованиях, обозначавших родство и свойство.

У заводского населения Прикамья, связанного с казенными заводами, также рано развилась малая семья. Во второй половине XIX в. в этой среде сыновья всегда предпочитали отделяться от отцов.

У старообрядческого населения (преимущественно в частных заводах или имениях владельцев) в XIX в. господствовала семья в форме отцовской или братской, встречалась и семья с боковым родством (дядья—племянники), хотя и у этого населения шло развитие малой семьи. От-

дельные особенности семьи и семейного строя у старообрядческого населения были связаны с религиозными принципами и устоями, явившимися следствием местного «многоверья» (Обвенское поречье, Верхняя Колва, Унья). К таким особенностям относятся и неофициальные браки, поскольку не происходило венчания и записи этих браков в актовых книгах; множественность повторных браков в среде бегунско-скрытнического населения и как следствие этого — наличие в семьях детей от разных браков, детей незаконнорожденных и т. д.

С этнической точки зрения различия в семейном строе также проявлялись. Местное нерусское население, жившее в близком соседстве с русскими и смешивавшееся с ними, создавало семьи, одинаковые с семьями русских. В XIX в. у местного населения уже встречались семьи малые, хотя чаще бытовали многопоколенные отцовские. По числу членов семьи нерусского населения были многочисленнее (с большим количеством детей). В семейных отношениях и семейно-обрядовой жизни семьи иноязычного населения сохраняли больше архаических черт, чем русские (добрачные отношения, купля невесты, калым, снохачество, левира́т).

Изменения в семье после революции. Характерные черты семейного строя в настоящее время. Развитие семьи у прикамского сельского населения к 1917 г. повсеместно пошло по линии все большего преобладания малой семьи, хотя семьи отцовского и братского типов по-прежнему оставались. Об этом помнят, в частности, в деревнях бывшей Половотовской вол. (Соликамский р-н), где ко времени революции были отцовские семьи, насчитывавшие до 11 и более человек (д. Рогали, с. Осокино) ¹⁹⁴. В юрлинской д. Зюздино в то время жила семья, состоящая из деда и трех его женатых сыновей с внуками. Семьи, где в отцовском доме объединялись несколько женатых сыновей (по две—три снохи), были и в д. Лопва ¹⁹⁵. В чердынском с. Вильгорт семьи из отцов и их женатых и холостых сыновей также еще существовали ¹⁹⁶. По воспоминаниям жителей, встречались и братские семьи (из женатых и холостых братьев). Так, в д. Кукольное по смерти отца, не делясь, жили два женатых брата, вели общее хозяйство ¹⁹⁷. Братские семьи — «в одном доме и в одно хозяйство» — известны в с. Половотово и д. Осокино ¹⁹⁸.

Наличие большого числа сложных семей в предреволюционные годы, чем в последующее время, отмечается информаторами повсеместно. «Прежде дети чаще оставались жить с родителями», — вспоминают в верхнепечорских деревнях о семьях, в которых женатые дети не уходили из родительской семьи ¹⁹⁹. Так, в многолюдной семье некоего «старика Наумка» было только пятеро снох ²⁰⁰. По сравнению с такими семьями — отцовской формы — семьи, состоящие из женатых братьев с детьми и внуками, встречались гораздо реже. Братская семья возникала по смерти отца, во главе ее становился один из братьев. Но, как правило, эти семьи были недолговечными. Когда в них появлялось много детей, они делились ²⁰¹. Подобные семьи встречались в деревнях Курье, Волоснице. Одна из курьинских семей состояла из шести братьев с семьями ²⁰², другая — из двух женатых братьев ²⁰³. В д. Волосница жили семьи женатых братьев Савиновичей и Васютичей ²⁰⁴.

Сложные семьи были по-прежнему многолюдны. В них объединялось несколько поколений родственников и было много детей. В таких семьях в д. Роголи и с. Половодово было до 15 человек²⁰⁵, в юрлинских деревнях Лопва и Зюздино — до 10 и более человек²⁰⁶, в пянтежских деревнях — до 13 человек²⁰⁷. Одна из таких больших семей в д. Кукольное просуществовала до коллективизации. Эта семья, по-видимому, представляла трудовое объединение родственников: все ее члены были одной фамилии — Ташкеновы, занимали 19 домов и вели одно общее хозяйство²⁰⁸.

Много сложных семей оставалось в старообрядческой среде. У старообрядцев в д. Дубровской и в с. Юрле, деревнях Пянтежской вол. такие семьи преобладали над малой семьей²⁰⁹. Они были многодетными. Так, у староверов Ильинской вол. семьи в 20—30 человек встречались и в 20-х годах XX в. (д. Мосята)²¹⁰. В старообрядческих деревнях по Кольве в первые десятилетия XX в. в основном существовали семьи сложного типа, когда вместе с отцом жили женатые и холостые сыновья²¹¹.

Последующее многолетнее развитие семьи с 1917 г. и до настоящего времени привело к ряду изменений в семейном строе у населения Прикамья. Эти изменения и путь развития, по которому пошла современная семья, отражены в документах сельских учреждений и анкетах полевых исследований; интересные подробности давали беседы с информаторами. Поэтому возможно определить не только семейный строй у населения Прикамья, но и те традиционные моменты, которые до сих пор бытуют или каким-то образом видоизменяются в местных условиях.

Так, наличие документов похозяйственного обследования Курьянского сельсовета Троицко-Печорского р-на с 1943 по 1983 гг. позволило проследить, какой путь развития прошла семья местного населения к 1940-м годам и как она развивалась в последующие 40 лет²¹². Сравнительные данные за эти годы дают возможность определить состав семьи, брачные связи населения, а сведения информаторов дополняют этот материал данными о внутрисемейных отношениях. Сведения о таких семьях сопоставлялись через каждые 20 лет (через поколение) начиная с 1943 г.

К 1980-м годам семья сельского населения верхнего Припечорья по форме становилась в основном малой семьей, состоящей из родителей и детей. Из вариантов малой семьи здесь представлены супруги без детей, женщины с детьми. Отцовские семьи — в небольшом числе. Большой процент жителей составляли одиночки.

Эти наблюдения можно сопоставить с данными 1978—1982 гг. по другим сельсоветам и районам Пермской области²¹³ (табл. 16).

Итак, за незначительным исключением, в настоящее время почти во всех населенных пунктах изучаемых пермских районов наиболее распространена малая форма семьи. Семьи сложного типа существуют также повсеместно, но степень распространения и их варианты различны в разных районах. Они встречаются преимущественно в отцовской форме — в три—четыре поколения: (родители—дети—внуки, родители—дети—внуки—правнуки). Часть таких семей создается на время, пока молодые не могут обеспечить себя всем необходимым и жить самостоятельно

Таблица 16

Состав семей в сельсоветах Пермской обл.

Сельсовет	Всего семей		Типы семей							
			малая		отцовская		братская		с боковым родством	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Юрлинский	207	100	154	74,40	49	23,68	1	0,48	3	1,44
Юмский	123	100	73	59,35	45	36,58	2	1,63	3	2,44
Половодовский	210	100	195	89,04	23	10,50	1	0,46	—	—
Копалинский	171	100	133	77,78	36	21,05	2	1,17	—	—
Пянтежский	220	100	148	67,28	63	28,64	8	3,63	1	0,45
Посадский	168	100	153	91,07	9	5,36	2	1,19	4	2,38
Тулпанский	61	100	51	83,60	7		2		1	

(д. Зюздино, с. Юм) ²¹⁴. Братская форма семьи — довольно редкая в настоящее время. К тому же она несколько видоизменилась: это уже не совместное проживание братьев (или сестер), ведущих общее хозяйство, а чаще — в семье супругов временно проживают сестры или брат одного из них, не всегда участвуя в делах этой семьи.

Встречаются сейчас и семьи с родственниками по боковой линии: в их составе дядья, тетки, племянники с их семьями (с. Юрла, деревни Носкова, Лопва, Дубровка). Существует и совместное проживание родственников: в с. Пянтег в одной семье живет золовка, в д. Хохлово вместе с супругами живут теща и свекровь, в д. Темная — мать—сын—сноха—родители снохи—правнучка, в д. Борисово — мать—незамужняя дочь—замужняя дочь—зять—внуки—мать зятя.

Поражает разнообразие вариантов сложных семей и в настоящее время. Среди них есть состоящие: 1) из супругов с детьми, с матерью одного из супругов; 2) супругов, детей холостых и женатых, из внуков (в том числе с детьми, которые расторгли свой брак и вернулись к родителям); 3) родителей—детей—внуков (иногда и правнуков), есть такие неполные семьи: дед—внуки; 4) из братьев и сестер или сестер с детьми; 5) дядьев—племянников в вариантах — супруги—дети—тетка, супруги—племянник с женой и детьми, тетка—племянница (Обвенское поречье Ильинский р-он) ²¹⁵. У колвинских старообрядцев также имеются неразделенные семьи; их варианты аналогичны перечисленным.

По сохранившимся данным 1949—1951 гг. у населения Колвы было много семей, где главой являлись женщины. Такие семьи были и малыши (мать—дети) и более сложными (мать—дети холостые и женатые; бабушка—мать—дети—внуки; бабушка—внуки). В это время также существовало много братских семей (брат—сестра, супруги—дети—сестра одного из супругов — ее дети, супруги—свояченица, мать — дети — золовка) и семей в форме дядья—племянники (тетка—племянница, мать—дочь—племянница, мать—дети—племянники).

В настоящее время частым является проживание — временное и постоянное — бабушек и дедов с внуками без родителей внуков. Временное

проживание наблюдается, когда родители уехали на работу в другие места (д. Усть-Бадья в Юрлинском р-не); постоянно внуки живут с бабушками и дедами, когда их родители находятся в повторных браках и переселились в другие районы (юрлинская д. Кукольное; деревни Темная, Борисово в Копалинском сельсовете Чусовского р-на)²¹⁶.

Малые семьи преимущественно состоят из родителей с детьми. Однако немало в селениях и одиноких: либо не имевших семьи, либо пенсионеров — вдовцов, дети которых и прочие родственники живут отдельно, либо рабочих колхозов или совхозов, временно проживающих в деревнях. Последних очень много живет и работает в совхозах Пянтежском Чердынском р-на и Половодово Соликамского р-на.

Как видно, варианты семей разнообразны, особенно в местах, где и теперь живут старообрядцы. Соотношение же семьи простой и сложной, вернее, степень их бытования имеет небольшие колебания в численном выражении в разных районах. В большинстве случаев сложные семьи составляют более 20% семей по разным сельсоветам. Бóльший их показатель — 36% в Юрлинском р-не и Юрлинском сельсовете, где в прошлом было и есть теперь старообрядческое население (деревни Дубровка, Пиуково, Лопва и др.) В ближних к районному центру деревнях сложные семьи насчитываются в меньшем количестве. Такие семьи в Половодовском сельсовете Соликамского р-на составили, в частности, только 10,5% всех семей.

Различия по форме семьи у колхозников и служащих в колхозах небольшие. У тех и других преимущественно распространена малая семья. Среди семей служащих и рабочих совхозов больше, чем у колхозников, семей неполных (бездетных супругов) и одиночек.

По числу членов различия во всех семьях также небольшие. Современный материал выявляет в основном небольшие семьи с одним-тремя детьми. Большое число детей в семьях встречается у населения Колвы (Тулпанский, Черепановский сельсоветы), что связано с повторными браками. У населения верхней Печоры, по данным Курьинского сельсовета за 1943—1983 гг., всегда преобладали семьи с небольшим числом детей (с одним—тремя, реже с четырьмя детьми). Семьи с шестью—восьмью детьми, как правило, созданы при повторных браках родителей и имеют в составе сводных братьев и сестер.

В Прикамье, как и везде в сельской местности, не исчезло понятие главы семьи, поскольку оно связано с понятием главы двора, хозяйства. В малых семьях главами чаще являются мужчины; семьи неполные, где нет взрослых мужчин, возглавляются женщинами.

Существуют семьи отцовской формы во главе с женщинами (годы их рождения 1880-е). Изредка встречаются сестринские семьи (годы рождения 1870-е).

Изменения в семье, происходившие с начала века и до настоящего времени, еще более выявляются при рассмотрении разных сторон жизни и отношений ее членов. Прежде всего эти изменения можно заметить, анализируя брачные связи сельского населения. Если в дореволюционное время такие связи редко простирались далее своей волости, а в первые годы после революции — далее своего сельсовета, то к настоящему времени этот круг значительно расширился.

Таблица 17

Брачные связи крестьян Пермской обл. 1980–1981 гг.

Сельсовет, район	Браки (число)					всего
	в своем сельсовете	в других сельсоветах района	в другом районе	в другой области	в другой республике	
Юмский Юрлинского р-на (1980 г.)	6	8	7	3	2	28
Посадский Ильинского р-на (1981 г.)	34	18	9	2	5	68
Усть-Урольский Чердынского р-на (1980 г.)	47	28	22	5	3	105
Гулпанский Чердынского р-на (1981 г.)	8	13	—	2	6	29
Черепановский Чердынского р-на (1981 г.)	5	5	4	2	2	18

Данные анкет по брачным связям в ряде районов Пермской обл. и верхнепечорских деревень показали, насколько расширились эти связи²¹⁷ (табл. 17).

Как видно, из «дальних» (по понятиям местного населения) браков преобладают заключенные в сельсоветах своего же района, меньшее число их — в пределах других областей и республик. Но такое расширение брачных связей не могло не сказаться на семье сельского населения Прикамья. Прежде всего в состав семей вошли люди из «дальних» мест, где культурная традиция могла отличаться от традиций мест их нового жительства. Кроме того, расширение брачных связей привело к увеличению смешанных браков. Об этом также свидетельствует анализ фамильного состава жителей, охваченных анкетой по брачным связям. Повторяемость однофамильных семей — явление не частое, проявляющееся гораздо меньше, чем по данным XIX в. Так, в Юмском сельсовете Юрлинского р-на из восьми фамилий лишь одна — Мазеины — повторяется в разных деревнях сельсовета; носители этой фамилии — родственные между собой семьи. В Юрлинском сельсовете этого же района и Пянтежском Чердынского повторяемость фамилий, выявленная по данным похозяйственных книг, несколько большая, по сравнению с данными анкеты по Юмскому сельсовету, поскольку похозяйственные книги учитывают большее количество семей, чем анкета (табл. 18).

В деревнях Посадского сельсовета Ильинского р-на из 27 фамилий повторяется 9; Усть-Урольского сельсовета из 28 — 6, Гулпанского сельсовета — из 9 — 2, Черепановского из Чердынского р-на 3—1. Таким образом, даже в бывшей старообрядческой среде частота случаев повторения фамилий в пределах одного сельсовета небольшая; и в эту среду путем браков проникают люди из мест, отличающихся по культурно-бытовым традициям от пермских. Надо заметить, что частая повторяемость фамилий сохраняется в малонаселенных и удаленных от центров деревнях, куда проникновение постороннего элемента идет очень медленно.

Таблица 18

Фамильный состав жителей деревень

Селения	Всего семей	Повторяемость фамилий в пределах сельсовета	Селения	Всего семей	Повторяемость фамилий в пределах сельсовета
<i>Юрлинский сельсовет:</i>			<i>Пянтежский сельсовет:</i>		
пос. Кирпичный	29	7	с. Пянтег	130	26
д. Носкова	34	8	д. Амбор	29	12
д. Дубровка	22	3	д. Могильниково	8	4
д. Пиукова	38	6	д. Лимеж	25	4
д. Кырова	23	6	д. Сурсяки	4	2
д. Лопва	8	2	д. Сарганова	3	1
д. Саранина	18	6	д. Чащина	3	3
			д. Русинова	4	4
			д. Исады	7	6
			д. Макарова	15	9

Данные похозяйственных книг свидетельствуют о степени этнического смешения в результате установления брачных отношений.

Этносмешанные семьи в современных деревнях Прикамья существуют. В Юрлинском р-не такие браки совершаются преимущественно с соседними коми-пермяками, населяющими автономный округ, куда входит и русский Юрлинский р-н²¹⁸. В меньшей степени наблюдается в районе смешение русских с коми-зырянами, марийцами, молдаванами, которые приезжают работать в колхозы, с немцами, переселенными сюда из Поволжья, с татарами. В Половодовском сельсовете Соликамского р-на этносмешанные браки представлены браками русских с коми, украинцами, немцами (последних приселили сюда в послевоенное время). В деревнях Чусовского р-на смешанные браки — преимущественно браки русского и татарского населения. Татар в Чусовском районе много; они приехали туда для работ на Чусовском заводе; многие из них расселились и в чусовских деревнях. Еще во время коллективизации здесь появились татары из-под Кунгура (конабеевские татары).

В Пянтежском сельсовете Чердынского р-на смешанные браки случаются между местным населением и рабочими совхоза, приехавшими из других мест. Там существуют русско-татарские, коми-русские, русско-грузинские, русско-казахские семьи. В местах по Колве в Чердынском районе всегда происходило смешение, так как там поселялось много ссыльных из разных мест, которые вступали в браки с местным населением. В настоящее время результатом этих смешений является проживание в деревнях русско-украинских, русско-литовских и других семей.

Этносмешанные браки есть и в старообрядческих деревнях. Это облегчалось тем, что многие коми принимали раскол. Конфессиональные

смешения происходили и в однородной этнической среде. В деревнях, где преобладало русское население и существовало «многоверье» (различные старообрядческие толки), «браками мешались все веры» (д. Усть-Уролка)²¹⁹.

В течение XX в. довольно ощутимые изменения произошли в положении членов семьи. В XX в. по-прежнему отмечается прием людей в семьи на разных основаниях. Прежде всего — зятьев. В начале века суть и характер примачества не изменились по сравнению с предшествующим временем. Зятья, входя в дом к жене при отсутствии у ее родителей сыновей, не имели права на наследство тестя, пока общество не утвердит *приемный приговор* (с. Вильгорт Чердынского р-на, деревни Юрлинского р-на)²²⁰; часто по принятии зятя тесть все равно распоряжался всем в доме, а зять, как и остальные члены семьи, подчинялся ему (д. Дий)²²¹. Но после революции, когда в деревнях совершались большие социально-экономические перемены, а особенно после коллективизации, зятья-примаки сразу входили в дом как равноправные члены и могли возглавлять такую семью, особенно при престарелых родителях жены. Семьи с приемными зятьями встречаются и сейчас, причем примаки есть и в простых, и в сложных семьях. Так, семьи с *домоведами* есть в юрлинских деревнях (деревни Дубровка, Пиукова, Лопва, Саранина, с. Юм). В д. Лопва приемный зять есть в семье, имеющей форму дядья—племянники²²². Семьи с *дворовиками* встречаются в пятежских деревнях Макарова, Амбор; там в одной большой семье живут родители, замужняя дочь с зятем и детьми, холостые дети родителей²²³. В деревнях Копалинского сельсовета семьи с зятьями есть в д. Борисово, Средняя Лещевка; здесь такие семьи — этносмешанные, часто зять — нерусской национальности²²⁴. В Ильинском районе в Посадском сельсовете одна из таких семей состоит из супругов и дочери с зятем, у которого еще три брата²²⁵; другая семья с приемным зятем имеет форму дядья—племянники²²⁶. В колвенских деревнях (Тулпанский и Черепановский сельсоветы) живут семьи с примаками (деревни Тиминская, Черепаново, Дий)²²⁷. Положение зятя в принимающей его семье — равноправное с остальными членами и нередко зять — глава такой семьи.

Прием неродных детей в семье существует и теперь. Обычно усыновляют в тех случаях, когда нет своих детей, причем преимущественно сирот-родственников. Бытует название таких приемных детей — *приемыш* (д. Зюзино, с. Пянтег), *найденный* (д. Жердовка). Их положение равноправно со всеми членами семьи. К ним относятся, как к родным детям («сирота — это свой, родственник») ²²⁸. Случается, что женщины выходят замуж «на чужих детей» (за вдовцов с детьми) и принимают этих детей, как своих ²²⁹.

Положение женщин в семьях в течение века также претерпевало изменения. После проведения земельной реформы в 1918 г., а затем при коллективизации изменилось наследственное право женщины. По смерти главы семьи (мужа, отца) она получила право стать во главе семьи и наследовать его имущество и землю. Даже если женщина не возглавляла дом, она имела право на наследование имущества на равных правах с остальными членами. Так, в с. Вильгорт, по воспоминаниям одного из жителей, дочь умершего отца имела право на пользование землей нарав-

не с остальными родными, даже если ее мать выходила снова замуж и ее новый муж приходил жить в этот двор. Если дочь была несовершеннолетняя, то она ничего не имела, но по достижении совершеннолетия она получала свою часть общего имущества и земли, как и другие члены семьи и ее мать, а все доли наследников были равны²³⁰.

Там, где по старому обычаю до сих пор сохраняется женская собственность — *приданое*, наследование ее, как и раньше, совершается по женской линии, но может остаться и мужу, когда он продолжает воспитывать детей после смерти жены²³¹. Если же дети остаются с бабушкой (тещей или свекровью), то приданое умершей матери переходит им и бабушке, а не отцу.

Постепенно исчезало и приниженное положение женщин в семьях. Женщина, возглавляющая семью, теперь не редкое явление даже в семьях, состоящих из трех-четырех поколений, в которых с матерью или свекровью живут молодые супруги. Вдовы-снохи сейчас почти не остаются жить в семьях покойного мужа. Вдовы-матери, особенно тещи, как правило, идут в семьи детей.

Об изменении положения членов семьи можно судить по семейным разделам. В начале века деление семей происходило по старым обычаям: при разделах родителей и детей дети получали положенную им долю от отцов, при разделах братьев их доли были равны. Так, делившаяся в 1908 г. братская семья из с. Вильгорт делила бывшее отцовское имущество и земельный надел. Старший брат, совершая этот раздел, отдал младшему половину из двухдвушного надела и одну из изб в усадьбе²³². В д. Дий отделившиеся от отца сыновья строились в отведенных им местах и получили от отца все необходимое для хозяйства²³³.

Сразу после Октябрьской революции благодаря декретам о земле и распределении земли на всех членов крестьянской семьи участились семейные разделы, а после коллективизации выдел молодых из семей и совсем не представлял трудностей, так как от колхозов они получали усадьбу и помощь в строительстве.

Экономически выделявшаяся семья ныне независима от родителей, поскольку основа ее существования — труд в колхозе или совхозе. По-прежнему родители выделяют молодым часть имущества, оказывают трудовую или денежную помощь при создании нового хозяйства.

Имеющиеся материалы позволяют также рассмотреть соотношение возрастов людей, заключающих брак. С давних пор здесь брачный возраст для женщин был примерно 20 лет; мужчины вступали в брак после службы в армии. Ранние браки случались редко, но поздние браки женщин имели место: в последнем случае женщины бывали старше мужей, к тому же у них могли быть добрачные дети. Позднее брачный возраст у местного населения не изменился: в брак вступают по достижении совершеннолетия (в 18—20 лет женщины, немного позднее мужчины). Поэтому преобладают семьи где мужа старше жен — в основном на 1—5 лет, иногда до 10 лет. Так, в Курьинском сельсовете Троицко-Печорского р-на, по данным 1943—1945 гг., таких семей было больше половины. Семьи, где мужа старше жен более, чем на 10 лет, образованы в основном в результате повторных браков мужчин, родившихся в начале XX в. Такие браки, когда девушки выходили замуж за мужчин пожило-

го возраста, случались в трудные военные годы²³⁴. В курьинской д. Пачгино выявляется та же картина по соотношению возрастов супругов. В Волоснице в 16 семьях из 25 мужья были старше жен на 1—10 лет, в 3 семьях — более 10 лет, в 1 семье — жена старше мужа.

В 1960-е годы возрастная ситуация несколько изменилась. Произошло увеличение числа семей, в которых жены старше мужей. Одной из причин такого явления было то, что в послевоенные годы несколько изменился брачный возраст людей: мужчин стало меньше, а женщины могли вступить в брак в немолодые годы. При повторных браках, которые здесь совершались нередко, женщины также часто были старше мужчин.

В 1980-е годы выявляется следующее соотношение возрастов супругов. В Курье и Волоснице хотя и преобладали семьи, где мужья старше жен, произошло дальнейшее увеличение семей, где жены старше мужей. В других селениях сельсовета число семей с возрастным соотношением супругов — жена старше мужа — уменьшилось. В первых двух селениях отмечено и больше семей, где супруги вступали в браки не по одному разу, а также семей с неоформленным браком (в последних часто жены старше мужей). По обследованию 1983 г. в Речном, где жители более молодые, многие семьи формировались недавно, реже были и случаи повторных и неофициальных браков, когда мужья шли в дом жен (когда они чаще всего моложе жен).

Форма заключения браков в послереволюционное время менялась везде в стране; в Прикамье общепризнанное церковное венчание также заменилось регистрацией брака в сельсоветах. Это произошло не сразу, ибо в 1920-е годы еще было много браков уже невенчанных, но еще не зарегистрированных. В бывшей старообрядческой среде, где раньше не было венчания, новая форма заключения брака также прижилась не сразу. И в настоящее время в Прикамье в местах, где еще бытуют устои и традиции старообрядческого бегунского толка и существует непризнание брака, нет и их регистрации (приколвенские, частично приобвенские, верхнепечорские места)²³⁵. В результате до сих пор встречается такое явление, как множественность браков и существование сводных браков (сходятся, не оформляя брак).

Повторные браки у местного старообрядчества и бегунского населения были обусловлены их взглядами. Непризнание брака как такового, вступление в брак без венчания и свадебного обряда, скрывание брака от властей, беспрепятственное расторжение таких браков и вступление в новые брачные связи вели к внебрачным и добрачным отношениям, к появлению детей при создании семей от различных браков супругов²³⁶. По воспоминаниям информаторов, такие явления в дореволюционное время совершались чаще, чем в последующие периоды. В первые годы Советской власти, когда признавались браки венчанные и неоформленные, официальное оформление браков совершалось по-прежнему не всегда. В период строительства колхозов необходимость строгого учета дворов колхозников и единоличников, закрепления в похозяйственных книгах за каждым крестьянским двором его главы привела к тому, что постепенно браки стали регистрироваться. Так, в Курьинском сельсовете у поколения людей, рожденных в начале века и в 1920—1930-е годы, браки по-

степенно начали оформляться, хотя это население к тому времени еще не отошло от своих старообрядческих понятий о браке.

В последующие 1940-е годы у этого, теперь уже старшего поколения, положение не изменилось, поскольку их семьи уже были созданы давно, у молодых же людей браки чаще оформлялись. Случаи повторных, сводных (неоформленных) браков, наличия в семьях добрачных и внебрачных детей, наличия семей, состоящих из одиноких женщин с детьми от разных браков, конечно, были и в 1940-е годы и позже.

Повторные и неофициальные браки в 1940-е годы уже не имели прямой связи с бывшими старообрядческими установками, так как молодое население отходило от старой веры. Лишь люди старшего возраста, а также поколение 1920—1930-х годов рождения придерживались веры своих отцов и строили семейные отношения по старому обычаю. Конечно, эта причина была не единственной, которая вела к ненормальным явлениям в быту населения. В войну и в первые тяжелые послевоенные годы у женского населения, которому в те годы было 20 лет, не всегда была возможность вступить в брак и создать семью.

К 1960-м годам случаи повторных и неофициальных браков еще отмечались; наличествовали семьи, где были добрачные дети, семьи с детьми, записанными на разные фамилии супругов, семьи со *сводными* детьми (в Курье из 64—8, в Пачгино из 41—11, в Волоснице из 39—2, в Речном из 88—6). В настоящее время среди населения этих деревень люди старших возрастных групп еще придерживаются старых обычаев. Молодежь, среди которой немало приезжих из районов, где не бытовали старообрядческие устои, строит свою жизнь по-новому, и ее семьи и семейные отношения развиваются в общем русле с русской сельской семьей, хотя случаи расторжения браков, повторных браков происходят и в этой среде²³⁷. Они облегчены действующим законодательством о браке и семье, но причины этих явлений не связаны с прежними староверческими понятиями о семейной жизни. По данным 1983 г., повторных и неофициальных браков в деревнях Курьинского сельсовета было: в Курье из 59, соответственно, 6 и 3; в Волоснице из 25—2 и 1; в Речном из 72—6 и 2, в Пачгино из 36 браков 1 неофициальный.

Аналогичные явления в семейной жизни происходили у населения прикамских районов, где также бытовали старообрядческие и бегунские «порядки». Неоднократное вступление в браки людей, наличие в семьях сводных детей отмечалось у жителей юрлинской д. Дубровка, в чердынских деревнях Усть-Уролка, Дий, Тулпан, в Ильинском районе по Обве²³⁸.

Все стороны семейной жизни и отношений закрепились в бытующей теперь терминологии родства и свойства. Современная система родства в изучаемых пермских районах типична для всего русского народа, ограничена кругом ближайших родственников и характерна для малой семьи. Нет особых названий для двоюродного, троюродного родства (на местном диалекте — *братаны*, *сестрянки*); обобщающее название типа *сноха* (жена сына по отношению и к матери, и к отцу) такие же, как и повсюду; к усыновленным детям применяют названия: *пасынок*, *падчерица* (по отношению к мачехе), *приведенник*, *приведенница* (по отношению к отчиму). Почти каждое понятие выражено общерусским или диа-

лектным термином: *тета (тетка), шуряк (шурин), братан, сношенница, свекровка, сестрянка, свестя, братской* и т. д.²³⁹. Родство — *свои* — признается повсюду до третьего-четвертого колена; на родственниках более дальних можно жениться или выходить за них замуж (деревни по верхней Колве)²⁴⁰. Об ограничении круга родственников свидетельствуют и функции отдельных из них, функции свойственников и свадебных чинов. Так, крестными чаще становились родственники (например, старшие сестры)²⁴¹. До сих пор крестные являются и основными действующими лицами на свадьбах в местах, где бытует народный свадебный обряд: крестный отец жениха — *тысяцкий*, крестная мать жениха — *сваха*²⁴². В любых жизненных делах помощь оказывают семье ее ближайшие родственники. В колвенских и верхнепечорских деревнях, где живет «скрытническое» население, роль крестных несколько иная. Там крестным считается тот, кто «накинул» крест своему крестнику, а не крестил²⁴³. Крестными у них могут быть и родственники, и чужие²⁴⁴, но отношения между крестными и крестниками те же, что и везде у русского населения. Роль кумовьев и сватов здесь также не отличается от таковой в других русских районах²⁴⁵. В целом современная русская сельская семья в районах Пермской обл. и Коми АССР развивается так же, как и сельская семья других русских районов страны.

*

Таким образом, развитие сельской семьи русских Прикамья в течение веков проходило в общем русле с развитием русской семьи и, в частности, для раннего времени — семьи русских Европейского Севера. Ее возникновение в Прикамье относится к началу его заселения русскими. В районах, осваивавшихся черносошными крестьянами Севера, рано сформировалась малая семья — черта, присущая государственным крестьянам Севера вообще и связанная с социальной природой бывшего черносошного крестьянства, с его подвижностью и особенностями хозяйствования и землепользования. Крестьяне дальних уездов страны шли в Прикамье в одиночку и, заводя там семьи, становились постоянными жителями. Такой же путь образования семьи — и у русских Сибири, которые шли туда из севернорусских, в том числе и прикамских мест.

У владельческого и особенно у старообрядческого населения Прикамья долго держались сложные семьи, у последних даже в XX в. отдельные особенности семьи и семейного строя обуславливались религиозными принципами и устоями.

К настоящему времени семья в прикамских местах идет по общему пути развития для русской сельской семьи. Повсеместно преобладают семьи в малой форме. Сложные семьи (и локальные их варианты) особенно разнообразны в местах старообрядческого и бывшего владельческого населения. Расширение брачных связей — явление, общее для всех районов страны. Это ведет к размыванию единой культурно-традиционной среды пришлыми элементами, к смешанным по составу семьям.

Внутренняя же жизнь семей, их уклад, положение и права членов — все это в пермских районах развивается так же, как и вообще в русских сельских районах всей страны. Семейно-обрядовая жизнь здесь сохраняет своеобразие и до сих пор.

Семейные обряды

Свадебный обряд и фольклор

По изученности русского свадебного обряда и фольклора Пермская обл. находится в привилегированном положении. За последние два столетия накоплен многообразный и ценный материал, который хранится в архивах различных городов, рассыпан отдельными публикациями по многочисленным сборникам, газетам, журналам. Более тщательно исследовано Северное Прикамье (Соликамский, Чердынский и Красновишерский районы). Научное осмысление и обобщение собранного материала ведется давно, но особенно активизировалось оно в 60—70-е годы XX в. Изданы сборники текстов как по всей Пермской обл., так и по отдельным районам. Значительным вкладом в изучение регионального фольклора (а вместе с ним и общерусского) стал «Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья» И. В. Зырянова¹, который к тому же является ценным источником как для картографирования свадебной поэзии, так и для исследования этнической истории края.

Материалы этнографических экспедиций 1978—1983 гг. в районы Северного Прикамья (Чердынский, Соликамский, Чусовской), Коми-Пермяцкого автономного округа, а также в Ильинский р-н Пермской обл. вместе с материалами, накопленными за все время изучения этого края, позволили подойти к решению ряда важных и интересных вопросов².

Свадебный обряд и фольклор все чаще привлекается в современной этнографии и фольклористике для изучения этнокультурных связей. При наличии общих тенденций в этих процессах большой интерес представляет изучение и сопоставление конкретных этнокультурных ситуаций, отличающихся разнообразием и обусловленных неповторимостью местных условий и локальных традиций. Поэтому, исследуя свадебные обряды и фольклор Пермской обл., представляется существенным, во-первых, на основании материала XIX и начала XX в., хранящегося в архивах и опубликованного, попытаться дать свод (хотя бы схематический) обряда и фольклора Северного Прикамья и выявить их общие и локальные черты; во-вторых, дать описание традиционного свадебного обряда (опять же свода), составленного на основе современных экспедиционных записей; и, наконец, охарактеризовать свадебный фольклор региона, показать его современное состояние (определить процессы и тенденции, происходящие в традиционном фольклоре в наши дни).

При разрешении этих задач необходимо попытаться проследить, как на духовную культуру русских повлияли национальный и конфессио-нальный состав населения, история заселения этих районов, какую роль в ней сыграли миграции, в частности миграция с Европейского Севера так называемых поморов, какой трансформации подверглась духовная культура в условиях Приуралья, что нового, сугубо местного появилось в ней за сотни лет пребывания здесь русских.

Интерес к свадьбе вызывается не только большим историко-этногра-фическим значением обряда, но и его художественными достоинствами. Многие эпизоды и детали свадебного обряда продолжают жить и сейчас и очень важно установить, что именно народ сохраняет и как использует традиционные элементы, как к ним относится. Это дает возможность вы-брать те традиционные элементы, которые могут быть использованы в вы-рабатываемой сейчас новой обрядности.

В основу свода положено описание свадебных обрядов г. Чердыни. составленное Я. Предтеченским из «превосходных материалов, получен-ных Редакцией Пермского сборника от бывшего учителя Чердынского училища г. Мальцева»³. При составлении свода были учтены также все известные опубликованные материалы по Чердынскому, Соликамскому и Пермскому (так как часть обследованных нами районов по-старому ад-министративному делению находилось в этом уезде) уездам. Кроме того, использованы архивные материалы, хранящиеся в Географическом обще-стве СССР⁴, Пермском государственном областном архиве⁵ и архиве краеведческого музея г. Чердыни⁶. Для сравнения с материалами дру-гих районов Пермского края взято подробное описание свадебного обря-да и песен крестьян Андреевской вол. Оханского у. Пермской губ., сде-ланное В. Н. Серебренниковым⁷, а для выявления национальной специ-фики, отразившейся в локальных особенностях,— материал о свадебном обряде коми⁸.

Сватовство. Церемония сватовства была сложной и состояла из несколь-ких этапов.

Задумав женить сына, его родители сзывали родственников на совет «о том, как бы с бóльшей выгодой устроить им судьбу одного из млад-ших своих сочленов». Сбор родственников на совет совершался с соблю-дением издавна заведенного порядка: сначала посылали так называемого *звату* (или *позыватку*) просить к себе родственников «на один зов». По-лучившие такое приглашение должны были явиться незамедлительно, не дожидаясь повторного приглашения. Происходило это «большей частью вечером».

После «легкого угощения вином и чаем» родители жениха объ-являли причину сбора родственников и начиналось «родственное сове-щание». «на котором с приличной критикой» обсуждались кандидатуры известных невест, «выставляя достоинства их и недостатки, представляя выгоды и невыгоды» такого союза. На этом же совещании спрашивали мнение о невесте самого жениха. Общее согласие или несогласие с его мнением и окончательный выбор невесты, по взаимному соглашению всех родственников, порешали наконец дело. Тогда же приступали к назначе-нию и отправлению в путь-дорогу сватов⁹.

В ряде мест, в частности в районе р. Чусовой родители жениха должны были получать еще и «дозволение от местного начальства и благословение от Духовного отца на женитьбу сына»¹⁰. «Спросись, говорит, дак ловчее, опосле што бы придирки какой не было, а то сдерут, что не следует; они того и ждут, не опростоволосится-от кто!»¹¹

Избрание сватов. В сваты или в «сватовщики» выбирали обычно самых близких к жениху или его семье людей. В качестве сватов выступали как мужчины, так и женщины. Чаще всего, как в прошлом, так и в настоящем, сватовщиком назначали крестного отца (который затем на свадьбе исполнял роль тысяцкого)¹². Судя по имеющимся данным, во всяком случае в Чердынском крае, в качестве сватов больше предпочитали мужчин — крестного отца, «старшего зятя», «родного отца», даже «самого жениха с братом» и т. д.¹³ Нередко в качестве сватов выступали родители жениха¹⁴. Отец и мать жениха обыкновенно сами ездили считать за сына, ища ему «добрую» спутницу жизни, а его матери — «заменушку» в тяжелой крестьянской работе. Но по материалам, характеризовавшим заводские свадьбы, предпочтение отдавалось свахам. Они также избирались из близких родственников, нередко ими бывали родная или крестная мать жениха¹⁵.

Встретился в наших экспедициях случай, когда невеста сама ездила свататься, на этом настоял ее отец, так как ей было уже больше двадцати лет¹⁶. Как мы видим, профессиональных сватов или свах не было, хотя предпочитали поручать исполнение данной роли «опытным в этом деле людям»¹⁷.

Отправление сватов в дорогу. Сведения об этом моменте сватовства почти не сохранились; имеется лишь описание, сделанное Я. Предтеченским¹⁸. Как отмечал автор, в этом обряде перемешались древний быт и его религиозные верования с чертами быта современного и верованиями христианскими. Обряд начинался с того, что мать жениха вносила в комнату специально приготовленную для этого случая ковригу и клала ее на стол под иконы, ставила на ковригу солонку, а перед иконами зажигала свечи. После этого выгоняли из дома всех собак и особенно кошек «как животных, находящихся в каких-то отношениях с темною, враждебною человеку силою», и закрывали все двери в комнатах и сенях. Потом все в глубоком молчании садились, кто где попало, и, немного посидев, вставали и молились богу. Начиналось прощание с отправляющимися в путь, причем этот обряд, как отмечал Предтеченский, «в главных чертах своих тот же, который доселе неизменно соблюдается в православном быту при прощании с отправляющимися в дальний путь»; этот обряд совершался и в том случае, когда дом невесты находился за три-четыре дома от дома жениха. Предтеченский, оценивая эти обряды, склонен считать их древнеязыческими обычаями, трактуя их как совершение богослужения и принесение жертвы при отправке в путь или при назначении важного дела¹⁹. Перед прощанием жених кланялся в ноги родителям и родственникам, а они благословляли его рукой, завернутой в рукав своей одежды. Наконец, сваты брали руку жениха²⁰, как бы ручаясь по возможности лучше выполнить свое дело. Затем сопровождаемые до крыльца всей

родней отправлялись в дом невесты, а оставшиеся, посидев и подождав их возвращения, расходились. Считалось, что чем дольше сваты не возвращаются, тем лучше для дела: «Видно, благоволение к нашему жениху есть». По пути к невесте сваты с «суеверным страхом» примечали и толковали применительно к своей миссии все, что встречали по дороге. Если попадалась навстречу корова или свинья или молодича с водой — это расценивалось как добрые вести, если же священник, то вряд ли им повезет в предпринятом деле.

В доме невесты. Приход сватов в дом невесты обставлялся множеством ритуалов и примет, причем в поведении сватов особенно заметно проявлялись черты, отражающие ранние стадии развития свадебного обряда. Например, в г. Чердыни, писал Предтеченский, придя в дом невесты сваты, «не спрашивая, дома ли хозяин, идут в комнату и, не говоря ни с кем ни слова, останавливаются середи ея: садиться в это время на стул или на лавку обычай не позволит». По мнению автора описания, такое поведение определялось тем, что «...эти соседи-сваты по укоренившемуся искони обычаю представляются пришедшими из чужа, издалека, чуть не силой ворвавшимися в чужой род-племя не знакомое; хозяина и его семьи они как будто не знают и даже враги между собою». Это молчаливое появление сватов не было характерным для всех районов. Например, в материалах из с. Копальинское иначе описывается поведение свах: «По приходе в избу свахи, помолившись богу, поклонились на все четыре стороны и такую речь повели...»²¹. Магические приемы, сопутствующие появлению сватов в доме невесты, довольно однотипны во всех районах²². Например, в Соликамском у. на Пожевском заводе «при входе в комнату главная сваха ударяла пятою в порог, чтобы, по выражению их, невеста не попятилась»²³. Действия, связанные с порогом избы, упоминаются и в материалах, записанных на заводе Добрянки. «...Когда сваха входила в дом невесты, то говорила: «Порог молчит, лежит, так чтобы против нас молчали, потакали»²⁴. Для удачного сватанья некоторые сватовщицы просто ударяли «задником» обуви об изыбную порог»²⁵. В Оханском уезде, входя в избу, сваты пятками колотили о порог и говорили: «Колотим о порог, чтобы не говорили с нами поперек»²⁶. Как известно, особое отношение к порогу и действие, связанное с ним, объясняется тем, что в древности под порогом хоронили представителей данного рода. В связи с этим сохранились представления о пороге как об обиталище родовых духов. Не менее распространен обычай, при котором «сватовщицы, придя в дом невесты, останавливаются под палатным брусом, не выходя за матицу (потолочную балку), чем предварительно и дают узнать о своем намерении»²⁷. О значении матицы в обряде неоднократно говорилось в исследованиях. М. М. Громыко считает, что сваты занимали место под матицей для обозначения своей середины, доброго посредничества между домом жениха и невесты²⁸. Матица в традиционном представлении не только разграничивала дом на две половины, но имела более широкую функцию — границы двух миров, родов жениха и невесты. Граница эта была подвижной²⁹.

Существовали приметы, по которым судили об исходе сватовства. Например, В. Н. Серебренников писал: «Если сватовщицы, зайдя в избу,

найдут отца или мать невесты отдыхающими на печи, то и сватанье будет удачно»³⁰. В материалах Пожевского завода отмечалось: «Если застанут невесту на пряслице (за прялкой) или на печке, признак, что невеста будет за ними...» или: «Во время сватовства свахи не садятся по поговорке: чтобы невеста не засела»³¹. Прибегали в это время и к гаданиям³².

Совершив необходимые для этого ритуала действия и исполнив магические приемы, сваты приступали к главной цели своего приезда — сватанью. Содержание и даже во многом словесная форма переговоров сватов с родителями невесты были схожи по всей Пермской земле (области, губернии). Существовал как бы набор традиционных фраз-формул, часто рифмованных, часто иносказательных, которыми пересыпали свой разговор беседующие. Например, кланяясь родителям невесты, сватовщики приступали к делу, говоря: «Такой-то (именуют жениха) приказал кланяться — челом бить; просит вашей милости, нельзя ли породниться — нельзя ли познакомиться».

В Верхне-Чусовских городках³³ начало разговора выглядело так: на приглашение родителей невесты садиться сватовщики отвечали: «Мы пришли не садиться, а с добрыми речьюми, да со сватаньем, — у нас есть купец, а у вас товар — у нас есть жених такой-то, а у вас невеста такая-то». Родители невесты на то говорят: «Какая у нас невеста; у ней приданого нет». Сватовщики отвечают: «Нам нужен человек, а не платье, была бы пасть да тело, а платье сам делай. Ведь не жить приданным, а жить богоданным». Примерно такие же речи звучали и в других районах этого края³⁴.

Дальнейший разговор шел тоже по установленному порядку. Родители невесты просили сватов садиться, благодарили за честь и по своим средствам угощали их чаем или вином или и тем и другим. При этом сваты, расхвалив жениха, пытались узнать что-то о невесте, а родители невесты в зависимости от желания отдать дочь за этого жениха поворачивали направление разговора. Если не хотели, то отговаривались ее молодостью, своею неприготовленностью, отсутствием приданого, наконец, просто недосугом. Поняв свою неудачу, сваты уходили домой. Если жених был подходящим и родители намерены были отдать дочь за него, то не отказывали, но просили будущих родственников приходить еще. Обычно сватовство повторялось от трех до пяти раз. Первые два раза свое согласие родители выражали хотя и неопределенными, но достаточно понятными для сватов словами: «Благодарим на добром слове ... Только мы еще не знаем, что сказать вам, а вот подумаем, да спросим крестну, да посоветуемся с крестным; тогда уж». Этот совет осуществлялся сразу же после ухода сватовщиков. В случае «всеобщего согласия посылали сказать в дом жениха, чтобы шли на просватанье» или «что ежели желают, могут досватывать»³⁵. Объяснение многократного сватовства можно найти в самом материале. В. И. Даль писал: «Родственники невесты надеются, что, услышав о сватовстве, не придет ли жених получше». В описании В. Н. Серебрянникова сообщалось: «Важные дела быстро не делаются».

Повторные посещения сватов происходили в разных местах со своими особенностями. Более подробно этот момент описан у Я. Предтеченско-

го³⁶: в назначенный день, когда сватовщики должны были явиться в третий раз за положительным ответом, родители невесты приглашали через звагу своих родственников, чтобы окончательно обсудить кандидатуру жениха. Сопровождение происходило в отдельной комнате, в которой родственники и оставались до приезда жениха. По его приезду они медленно, поодиночке выходили, молились иконам, кланялись хозяину и, по обычаю, благодарили его за «угощение», которого собственно еще не было. Когда все собирались, хозяйка вносила специально приготовленную ковригу с солонкой, ставила ее под иконой, освещенной восковой свечкой, и все, помолвившись, совершали обряд заporученья, или рукобитья (те же действия отмечались в материалах В. Н. Серебrenникова³⁷: сватовщики брали за руки родителей невесты, потом прочих ее родственников и тем самым как бы утверждали договор о свершенной одними купле, другими — продаже невесты. За угощением, следующим после того, назначали с общего согласия определенный день для совершения формального просватанья, которое здесь называется «рукобитием». После этого сватовщики шли в дом родителей жениха и приносили им и ему поклоны от родителей невесты, поздравляли жениха «с заporученной невестой» и обильно угощались.

В материалах из Юрлинского, Юмского, Усть-Зулинского и Кочевского приходов Чердынского у. наблюдались некоторые отличия в сравнении с другими районами. Например, помимо упомянутых обрядов, там существовал обряд «смотрин». Невеста должна была оглядеть жениха и тогда дать свое согласие на брак. Свое согласие невеста выражала такими словами: «Иду за него, он мне поглянулся». Бывало и так, что невеста говорила отцу: «Отдаешь — иду-иду, не отдаешь — иду». После этих слов отец обращался к своей жене и просил: «Неси, стряпка, ... хлеб на стол, носи свечку!», а отцу жениха: «Клади, сват, денег». Эти деньги являлись выкупом за невесту, «калымом». Выкуп этот редко бывал более 20 руб. Из него производились расходы по свадьбе. Когда выкуп был получен, невеста «выражала» деньги и подарки для себя³⁸. Близкие обряды отмечены нами у пермяков Иньвенского края Соликамского у., но там «смотрины» устраивались для невесты, а не для жениха³⁹.

«Просватанье», «рукобитие», «пропивоушки». Обряд «просватанья» и термин *просватанье* отмечен во всех материалах. В некоторых описаниях этот термин используется для обозначения целого цикла обрядов, в других — лишь как один из элементов этого цикла наряду с другими — *рукобитием* и *пропивоушками*. В материалах из Чердынского у.⁴⁰ *просватанье* и *рукобитие* прослеживаются как самостоятельные обряды, исполнявшиеся в разное время. В. Н. Серебrenников⁴¹ вместе с названием *просватанье* как равное приводит название *пропивоушки*. Вместе с тем одно *просватанье* в материалах Я. Предтеченского⁴² содержало и *рукобитие*, и *пропой*, и *поднесение даров*. Некий разноречивый в названиях, как правило, не влиял на содержание и назначение обрядов, происходящих в этот период. Рукобитие, пропой и дары, видимо, были главными, опорными действиями этого периода. Понятна и смысловая функция этих обрядов. Заключалась торговая сделка со всем привычным для нее житейским ритуалом: совершив любую торговую сделку, крестьяне ударяли по ру-

кам, а по завершении сделки от приобретавшего требовалось вино — пропой. Существование этих обрядовых действий (обрядов) как самостоятельных ритуалов или как составных частей *просватанья*, вероятно, свидетельствует об эволюции обряда. Все обряды делились на три цикла: 1. В доме невесты до приезда жениха; 2. В доме жениха до отъезда к невесте; 3. В доме невесты с приездом жениха. Набор элементов каждого из трех циклов по всем районам довольно однотипный:

I. В доме невесты перед приездом жениха:

а) Собирались родственники и подружки. Из подружек составлялся хор во главе с женщиной, знатоком обряда;

б) Готовился «пышный праздник»;

в) Перед приездом жениха невеста пряталась (в кут, за занавесь, на полаты, зашивалась в мешок).

II. В это время в доме жениха (эти материалы главным образом имеют в описаниях Я. Предтеченского⁴³, но отдельные детали встречаются и в других описаниях) происходили следующие события:

а) Собирался поезд жениха⁴⁴;

б) Жених сам приглашал гостей (*на один зов*)⁴⁵;

в) Шла подготовка к приезду священника: хозяйка ставила посреди комнаты стол, накрывала его чистой скатертью, клала на него ковригу с солонкой и рядом с ковригой ставила поднос с вином, но вино не пили, пока не придет священник;

г) Приходил священник и читал молитву⁴⁶;

д) Жених кланялся в ноги родственникам, а они его благословляли, обернув рукавом руку;

е) Потом садились за стол и выпивали по рюмке (эти рюмки подносили на подносе), при этом соблюдалось «своего рода местничество»;

ж) По окончании стола священник читал молитву, после которой все, по старшинству, сначала подходили к кресту, потом отправлялись к невесте (число подходящих и отъезжающих к невесте должно было быть нечетным).

III. В доме невесты с приездом жениха начинался новый цикл обрядов:

1) Встреча жениха на крыльце или на улице. Этот обряд отмечен только в Верхне-Чусовских городках⁴⁷ и в с. Копалинском⁴⁸.

2) По прибытии жениха в дом все молились. Этот обряд в разных районах имел небольшие отличия:

а) Отец невесты зажигал перед иконами свечу, накрывал на стол⁴⁹;

б) Мать невесты зажигала свечу перед иконами, все садились, кто куда может, а вставши, молились⁵⁰;

в) Отец невесты вставал с лавки и изъявлял свое согласие выдать дочь замуж. Перед иконами теплились свечи, все молились⁵¹;

В Соликамском р-не⁵² перед приездом жениха накрывали столы белой скатертью, ставили хлеб, соль, невеста собирала своих подружек и садилась с ними в *кут за занавес*; приехавшие — жених и его родные: отец и мать, крестная мать, братья и сестры (женатые и замужние) — входили в избу и останавливались, ожидая выхода невесты, причем под полатами не останавливались (под полатами или брусом также никогда не делали никакого угощения).

3) *Рукобיתье*. По всем уездам оно происходило до вывода невесты из-за занавеси, только в Соликамском (Пожевской завод) оно перемежалось выводом невесты из-за занавеси. Акт рукобיתья имел очень большое обрядовое значение — это означало окончательную договоренность⁵³ или просьбу «принять в родство»⁵⁴. Поэтому расстроить свадьбу после рукобיתья считалось позором. Сам обряд рукобיתья во всех уездах имел много общего:

а) Отец жениха и отец невесты, мать жениха и мать невесты целуются, прося принять к себе в родство;

б) Отец невесты подавал руку отцу жениха, говоря: «Будь сват!», а священник разбивал руки⁵⁵;

в) Отец и мать невесты подавали руки родителям жениха. Это означало, что дело сделано — *руки дали*⁵⁶;

г) Все родственники подавали правые руки до трех раз, чем окончательно закреплялась договоренность о браке⁵⁷;

д) Все присутствующие, кроме нареченных и крестных отцов, брались за руки (не голыми руками, а через полу или через платок) в «одну кучу», а крестные отцы разнимали их⁵⁸.

4) Пока шло *рукобיתье*, невеста находилась в кути за занавесью. Туда она собирала подруг. В Соликамском у. в момент приезда жениха там же находились отец и мать невесты⁵⁹. Пока невеста пребывала в кути, совершались следующие церемонии (действия):

а) В куте невеста очень медленно и нехотя одевалась, при этом громко плакала⁶⁰ (собственно с рукобיתья девушки и невеста начинали причитать).

б) Вместе с родными молилась богу⁶¹. В описаниях Верхне-Чусовского городка сообщалось, что перед иконой зажигали восковую свечку и прикрепляли ее к кутному окну. Это же проделывали в Соликамском у.⁶²

в) Невеста кланялась родителям в ноги и получала их благословение⁶³.

г) В некоторых материалах⁶⁴ о *куте* не упоминалось. Говорилось, что «сидят в красном углу»⁶⁵ или «все молятся и жених с невестой садятся за стол в передний угол».

5) Наступал момент вывода невесты из кути.

Этот акт проделывали разные персонажи свадебной игры. Например:

а) Тысяцкий просил привести невесту. За ней шли родственники невесты и крестная мать, а выходила невеста с отцом (не совсем ясно, где он был до этого)⁶⁶.

б) По окончании вытья ее выводила одна из подруг,

в) или крестная⁶⁷.

В нескольких случаях о том, кто ее выводил, ничего не сообщалось. Когда невесту выводили из кути:

а) Она молилась перед иконами⁶⁸.

б) Вместе со свахой подходила под благословение священника⁶⁹.

в) Здравовалась со всеми⁷⁰, кланялась на все четыре стороны и подходила к столу⁷¹.

г) Отец подводил ее к жениху как запорученную ему и ставил рядом с ним⁷². Жених подходил к невесте и целовал ее⁷³, а крестная мать

соединяла их руки, говоря при этом жениху: «Вот тебе, Иванушка, совет да любовь, жить да поживать, да добра наживать». Эта церемония в пределах р. Чусовой происходила несколько иначе: жених выходил из-за стола, где сидел на войлоке, и, поцеловавшись с невестой, садился в передний угол на войлок⁷⁴. Примерно также вел себя жених в некоторых приходах Чердынского у.⁷⁵ Нередко в прежние времена в этот момент невеста впервые видела своего жениха.

б) После этого, как правило, происходило угощение вином. Оно было еще одним актом закрепления связи с будущими родственниками — «сват нова родня»⁷⁶. Этот акт присутствует во всех описаниях, но время его исполнения в разных местах свое. В одних угощение вином происходило сразу после того, как невеста выходила из кута (до ужина)⁷⁷, в других — во время ужина⁷⁸. Обычно вино на этих угощениях было от жениха (*выраженное*)⁷⁹. Иногда, правда, угощали вином родители невесты⁸⁰. Обряд угощения везде был один и тот же — приготавливали поднос, ставили на него рюмки, но угощали вином по-разному:

а) В одних местах отец невесты потчевал мужчин, а мать — женщин. Это продельвалось три раза⁸¹.

б) В других — жених через одного из своих родственников угощал родню невесты. Это могла продельвать и сама невеста (поднос подавал ей отец), угощал гостей, которых намеревалась дарить⁸².

7) Среди многих обрядов этого периода еще выделяется обряд «даров» жениха и невесты. В проведении этого акта нет достаточной ясности.

В одних местах жених дарил невесту, а она одаривала его поцелуем⁸³, в других — жених не дарил подарков, но угощал вином, зато невеста дарила всех приехавших с ним (обычно это были бумажные платки) и при этом угощала вином (также с подноса). У ворот при прощании невеста дарила и жениха. Он же одаривал невесту при дальнейших посещениях⁸⁴. В Соликамском у. за последним блюдом невеста дарила жениха ширинкою или материей на рубашку, и свекровь — *шамшурою* или *чепцом*. Перед поднесением подарков невеста угощала вином. Я. Предтеченский отмечал, что преподнесение даров было как бы платой за покупку невесты. Невеста же в ответ одаривала жениха и его родню.

Время от просватанья до венчания бывало разным: у богатых невест до двух недель, у невесты победнее меньше. Обычно это была неделя. На другой день после *рукобътья* жених один или с братом, непременно холостым, приходил к невесте «пить чай». Невеста встречала их в прихожей, они целовали ее, здоровались с родителями и подругами, обменивались приветствиями, затем жених дарил невесте шаль или косынку или просто одаривал деньгами и проводил с братом здесь время до обеда, иногда оставался и обедать. Вечером к чаю жених с братом снова приходил к невесте, а после ужина уходил домой. Эти посещения жениха продолжались ежедневно вплоть до *посиденки*. Обычно жених приносил с собой гостинцы — орехи и пряники для невесты и ее подруг. В некоторых местах после просватанья, в ближайший базарный день жених и невеста ездили на базар «поразгуляться». Показать вместе людям, купить невесте материи на венчальное платье и на *дары* гостям.

Посиденок. Следующим этапом предварительного периода был «*посиденок*» (или *посиденки*) — так называли вечеринку, происходящую в доме невесты, на которую обе стороны (жених и невеста) приглашали неженатую и незамужнюю молодежь (если приглашали женатых и замужних, то только в качестве зрителей). Утром в день *посиденки* родители невесты посылали *звату* на *два зова* (то есть звата должна была к каждому приходиться с приглашением дважды) просить пожаловать после обеда *чаю кушать*. В назначенное время все собирались. Между тем в доме жениха шли свои приготовления. Готовился рыбный пирог, мясные пироги и пирожные. Это были подарки для невесты. Подносила их обычно сестра жениха или кто-нибудь из ближайших родственников, если сестры не было.

Ехать к невесте с гостинцами повсеместно в русском народе считалось очень большой честью. Вечером сестры или родственницы жениха отправлялись к невесте с гостинцами, невеста принимала гостинцы, просила садиться, а девушки в их честь пели «плачу»: «Не от ветру да не от вихорю сине море сколыбалось ...» По окончании плачи сестры жениха благодарили девушек за песню, здоровались с ними и садились дожидаться жениха. Наконец, жених в сопровождении свиты, состоящей из холостых родных и двоюродных братьев, ближайших родственников и приятелей, взяв с собой дары, являлся в дом невесты. Во время этого посещения устраивался так называемый конфектный стол, за которым угощались гости. Жених одаривал невесту шалью, в которой она должна была ехать к венцу, привозил конфеты и пряник. Невеста с помощью свахи также одаривала жениха. Во время чая девушки начинали петь песни жениху, невесте, холостым людям. Так проходило время до ужина, а когда стол уже был накрыт, хозяин просил всех садиться за стол, садились опять по старшинству: первое место занимали жених с невестой; девушки всегда садились ниже мужчин, девушки со стороны невесты садились ниже девушек, приглашенных со стороны жениха. Кушанья и церемония угощения были те же, что и в *рукобитье*. За пирожными мать невесты приносила дары для всех холостых родственников жениха, она передавала их на подносе невесте, а та по порядку одаривала своих будущих родственников. Ее благодарили поцелуями. На этом ужин заканчивался. После ужина, поблагодарив хозяина и хозяйку, женатые и замужние гости расходились по домам, а молодежь в играх и весельи проводила время до самого утра. К ним присоединялась новая, неприглашенная молодежь, соседи и знакомые. К утру жених в сопровождении своей свиты отправлялся домой.

В некоторых местах Северного Прикамья существовал интересный обряд, исполняемый в период от *просватанья* до *девичника*, — это *поездки невесты по обедам*. Родня невесты готовила обеды, обязательным блюдом на которых были *пельмени*, почему этот обряд иногда называли *поездка на пельмени*, а невеста, обычно с женихом, на лошадях ездил по гостям, навещая каждого родственника. Ритуал «обедов» сопровождался специальными причитаниями, которые исполнялись при прибытии невесты к родственнику, на мосту перед закрытыми дверями, на обеде и при отъезде невесты.

От *посиденка* до *девишника* посещения жениха становились реже. Правда, он, как и прежде, приходил к обеду или к ужину, но по окончании их тотчас уходил домой. В Оханском у. термин *посиденок* не был известен, но обряды, однотипные ему, происходили и там. Назывался этот приезд жениха с *пряниками*, так как он привозил и угощал невесту и ее подруг пряниками и другими лакомствами. Жених также приезжал не один, а с товарищами, человека четыре—пять из родни, молодежь. Им также «песельницы» пели песни. Сидящих за столом угощали пряниками, конфетами, кедровыми орехами, пили чай, ели рыбный пирог. Иногда на эти сидения заходили *молодьяжки* (парни), песенницы пели им величальные песни, те же самые, что пели холостым гостям на свадебном пире. За это парни одаривали девушек деньгами (копеек 10—20—50). Иногда молодежь устраивала танцы под гармонь, плясали «кадриль», «ланцею» и другие танцы.

Весь этот период в доме невесты девушки, ее подруги, помогали шить приданое, а родители готовились к свадьбе. По вечерам обычно приходили родственницы невесты и приносили с собой какой-нибудь подарок: шаль, материю на платье, приносили также продукты, чай, несколько фунтов рыбы или других припасов, этим старались облегчить тяжесть ежедневных застолий. Существовал обычай присылать невесте *сдобные пироги* с говядиной, называемые *плакальниками*, так как съедая их гости и девушки под пение «плачей». Ежедневно в сумерках девушки вместе с невестой садились за стол и пели «плачи». Их было множество. В них невеста спрашивала брата о нравственных качествах своего жениха, у своих родственников узнавала «про чужую дальнюю сторону». Исполняя плачи, невеста громко плакала и била руками по столу, часто разбивая в кровь руки и ломая столешницы. По обрядовому этикету она должна была внешне выразить признаки самого сильного душевного горя, а кроме того, считалось, что «не поплачешь за столом, так поплачешь за столбом», то есть после свадьбы. С окончанием сумерек плачи прекращались, девушки продолжали пить до ужина. После ужина все расходились, а девушки с невестой шли спать. Так продолжалось все время от веселого *посиденка* до грустного *девишника*.

*Девишник** и «*обручение*». Термин «девишник» имеет несколько значений:

1. *Девишником*, как уже говорилось, называли время от «просватанья» до дня свадьбы (или до *обручения*).

2. Чаще *девишником* («в тесном смысле слова») называли *обручение* или просто канун дня свадьбы (*венчального дня*).

3. Иногда даже утро дня свадьбы (*венчального дня*).

Поэтому содержание событий, обозначаемых этим термином, различается.

Что касается термина *обручение*, то он сосуществует с термином *девишник*, часто обозначая один и тот же этап обряда. (Этим термином также могли называть канун и утро *венчального дня*.) Вместе с тем

* Сохраняется написание диалектное, так как это характеризует местную свадебную традицию.

территориально, а в некоторых случаях даже и во времени, эти два термина распределяются довольно четко. В материалах Чердынского у. (исключение составляют поздние материалы)⁸⁵ термин *обручение* не употребляется (нет этого названия ни у Я. Предтеченского, ни у И. Шерстобитова, ни в архивных материалах). В других районах (и в поздних записях из Чердынского р-на) термином *обручение* обозначали канун свадебного дня (по времени эти записи близки записям из Чердынского р-на).

Термин *девишник* имел более широкое хождение, он захватывал даже те районы, где бытовал термин *обручение*. Например:

1. Термин *девишник* для обозначения периода от *просватанья* до дня свадьбы известен в материалах В. Н. Серебренникова⁸⁶.

2. *Девишник* для обозначения событий кануна свадьбы известен по материалам И. Шерстобитова, Я. Предтеченского⁸⁷.

3. *Девишник*, начавшись в канун свадьбы, переходил и захватывал утро свадебного дня⁸⁸.

Можно предположить, что термин *обручение* — более поздний по сравнению с термином *девишник* и как бы наложился на него. Об этом может свидетельствовать появление термина в более поздних записях, в местах, где раньше его не фиксировали⁸⁹, или же сочетание двух терминов в одном обряде⁹⁰. Вместе с тем эти явления можно рассматривать и как позднее влияние устойчивой локальной (в данном случае более южной) традиции, т. е. можно предположить, что изначально на обследуемой территории существовали две традиции: 1). Чердынская и 2). Более южная — Соликамская, Чусовская, Оханская. При этом надо помнить, что, возможно, большей архаичности Чердынского р-на мог способствовать ряд обстоятельств — глухие, отдаленные места и большой процент старообрядческого населения.

Период, именуемый *девишником*, буквально переполнен множеством обрядов, ритуалов, примет и разнообразным свадебным фольклором. По обрядовому смыслу это очень ответственный период свадьбы — окончательно решается судьба невесты и жениха. Территориально обряды этого периода (как и предыдущих) как бы делятся на три части: 1. В доме невесты до приезда жениха; 2. В доме жениха до отъезда к невесте; 3. В доме невесты с приездом жениха. Соответственно этому делению происходили специальные обряды, например, касающиеся только невесты — бужение подруг утром, баня, расчесывание волос, раздача «красоты» и т. д.; у жениха — назначение дружки и других свадебных чinov, составление поезда и т. д. Обряды относящиеся к жениху и невесте, очень схожи с ритуалами и обрядами *просватанья* (или *рукобутья*), например, многочисленные моления (общие и жениха с невестой), благословения, усаживание за стол, потчевание вином. Для удобства разбора материала будем в дальнейшем пользоваться этим условным делением.

Начнем с обрядов, происходящих в доме невесты до приезда жениха. Среди множества обрядов и ритуалов наиболее четко и повсеместно выделяются следующие: 1). Расчесывание и заплетание волос невесты; 2). Раздача «красоты»; 3). Баня.

Обычно эти обряды переплетаются, входя один в другой.

Обрядов, связанных с волосами невесты, несколько: 1). Расплетание и чесание волос; 2). Заплетание косы и вплетение в нее лент и косоплеток; 3). Расплетание косы и раздача девушкам *красоты*. У этого обряда в разных районах существовали свои названия. Например: невеста *сдает красоту*⁹¹; *раздача красоты*⁹²; *раздавать красоту*⁹³; *отнимали у невесты косу*⁹⁴; *расплетали дивью красоту*⁹⁵; *красоту садить, красоту примать*⁹⁶; 4. Чесание волос невесты свахой жениха и матерью невесты после приезда жениха.

Три первых пункта взаимосвязаны и, как правило, исполняются последовательно друг за другом. Четвертый несколько обособлен и вынесен в другое обрядовое время. Отметим, что не все из выделенных этапов встречаются в описаниях. Нет и единообразия в указаниях о времени свершения этих обрядов.

Если собрать все имеющиеся сведения о расплетании волос и заплетании косы, о раздаче *красоты* и т. д. и сравнить их между собой, то информация получится достаточно красноречивая. Взять хотя бы расплетание и заплетание волос. Во-первых, нет единообразия во времени свершения этого обряда. В одних местах он происходил до бани⁹⁷, в других — в бане⁹⁸, в-третьих — после бани⁹⁹. В-четвертых просто не указывается, когда это происходило¹⁰⁰. Кроме того, как уже говорилось, это могло происходить как накануне, так и в день венчания. Во-вторых, обряды расплетания, заплетания и чесания волос плохо (в описаниях) разграничиваются между собой. (Теперь часто сами информаторы путаются или просто признаются, что забыли.) Видимо расплетание косы и выплетание ленты — это один акт, а раздача *красоты* (часто соединяется с очередным расплетением волос) — второй; третий — чесание волос за занавесью. Во всяком случае по наиболее старым записям эти обряды были разделены¹⁰¹ и, видимо, лишь со временем они объединились (или хотя бы частично объединились).

Различны сведения и о месте расплетания косы. Например: 1). Баня; 2). *Середь, за занавесью, кутний угол*; 3). За столом под иконами (*передний угол*). Судя по характеру перечисленных мест, значение у них одно — святые места, но «святые» для разных времен, т. е. это своеобразные рудименты представлений о наиболее почитаемых местах в хозяйстве крестьянина.

Как же происходило расплетание и заплетание волос? Наиболее полное представление об этом дает описание Я. Предтеченского. Расплетание косы происходило перед баней (на *девишнике*) по окончании причета о бане: «около невесты садились девушки по старшинству», т. е. ближайшие по родству занимали ближайшее к невесте место. Замужние же родственницы невесты, даже если они находились к ней в самой близкой степени родства, садились ниже девушек. Когда рассаживались таким образом по своим местам, пели *приготовительную плачу* к обряду расплетания косы, во время которой невеста, опершись руками на стол, рыдала, качала головой и била кулаками, «стараясь как можно нагляднее выразить сердечную грусть». По окончании плачи девушки расплетали невесте косу по старшинству — сначала сестра невесты, потом родственницы и, наконец, подруги, каждая по одной пряди волос; в это же время на тарелочку, специально принесенную, клали выплетен-

**Кофты
от «парочек»
из с. Половодово**

От праздничной
«парочки»;
от свадебной
«парочки»

**Женский
праздничный костюм
из с. Юм
(спереди и сзади)**

ную из косы ленточку. Одновременно с этим пели «плачу» «Рассыплите-ся русы волосы, по моим-то могучим плечам...» Очень близок к этому описанию и материал из Соликамского у.¹⁰²

Следует обратить внимание на обряд, некогда совершавшийся матерью при заплетании волос невесты. Заплетая косу, мать невесты несколько раз переплетала ее по просьбе дочери, при этом плела волосы то в виде пшеничных колосьев, то ржанных, то ячменных, овсяных, конопляных, льняных. Делала это она каждый раз с особым причетом. Комментируя этот обряд, И. И. Ульянов писал, что «этим самым она с великим благословением передавала идеи плодородия своей дочери»¹⁰³. С остатками этого обряда я встретила, беседуя с женщиной, выросшей на р. Колва (Чердынского р-на). Она вспоминала и даже показывала, заплетая мне волосы, как плели невесте косу равными способами. Это делала еще ее мать, но почему так делала и что это означало, моя собеседница уже не знала. С образом *семян* в свадебных причитаниях я встретила и в книге «Лирические народные песни»¹⁰⁴; записан этот текст также на р. Колве (в с. Русинове).

Обряд расплетания и заплетания волос тесно связан с обрядом про-

щания невесты с красотой. В одних местах обряд расплетания волос непосредственно переходил в другой — *прощания с красотой*, в других — оба обряда разделялись, прерываясь *баней* или даже переносились на другой день.

Традиционным символом дивьей красоты в свадебном обряде Пермской обл. являются ленты невесты (*красотки*), которые невеста раздавала своим подругам. В. Н. Серебренников в описаниях свадьбы Оханского у. писал: «В свадебных песнях часто встречается выражение дивья красота, „Дивья (дивья, девичья) красота“ — это лента в косе девушки. Коса с лентой есть отличие девушки от замужней женщины. „Песни про дивью красоту“ полностью поются девушке только хорошего поведения, которая „сохранила себя в частности“ и которая „красила красоту своим умом-разумом“. Песни эти являются для девушки „почестем“. Главная „писельница-мастерица“ дознается у невесты: „Как тебе выть?“ — „Похорошему выть“. Если невеста запятнала свое дивичье поведение и созналась в этом „писельнице“, то песен ей поется меньше и в них опускаются такие выражения, относящиеся к красоте, как „хорошая“, „честна, хвальна-украшенная“»¹⁰⁵. Это же подтверждают слова Я. Предтечен-

ского, описывающего обряд г. Чердыни: «Слово красота в местном наречии имеет два значения: одно общее и общеизвестное — в смысле красоты, другое частное — в смысле ленты, как украшение девушек»¹⁰⁶.

Различны места раздачи красоты: 1). Красоту выкидывали в дымное окошко в бане¹⁰⁷; 2). Несли из-за занавеси на стол¹⁰⁸; 3). Просто раздавали за столом¹⁰⁹.

Различно и время. В прежние годы невеста после ужина (после отъезда жениха) раздавала подружкам красоту; ныне же она делает это утром в день свадьбы, сообщал В. Н. Серебренников.

Порядок прощания с «дивьей красотой» в целом по всем районам схож. Он состоит из набора одних и тех же моментов, а именно: 1). Невеста просит отца и мать благословить на раздачу красоты; 2). Приглашение матери и подруг расчесать невесте волосы; 3). Раздача ленточек сестрам и подругам; 4). Манипуляции с главной лентой-красотой — прикрепление к образу воском, прикрепление к плату при поездке в церковь, отдача ленты священнику для того, чтобы ее положили в евангелие и т. д.; 5). Благодарность невесты, что раздала красоту.

Все эти события сопровождались большим количеством причетов. Я. Предтеченский отмечал это особо. Он писал: «Не излишним считаем здесь заметить, как в наших свадебных обрядах, преимущественно же начиная с обрядов *девишника*, каждый шаг действующих лиц, каждое малейшее наклонение действия, тотчас же отмечается особой песней»¹¹⁰.

Среди однотипных по всем районам действий выделяются несколько обрядов, встречающихся в одном или двух местах. Например, «золочение косы» — поднесение подарков невесте во время расчесывания волос. Подарки подносил каждый, что чесал волосы (обряд зафиксирован в Ильинском р-не)¹¹¹. Видимо, тот же обряд, но именуемый «почесть» отмечен в д. Захарово (также Ильинский р-н). Те же действия (но без специального названия) отмечены в с. Копалинском¹¹². К действиям, не имеющим широкого распространения, относятся также обряды, связанные с платком: 1). Мать или девушки покрывают невесту «полотенчиком» (платком). Это действие совершают в *девишник* или *обручение*¹¹³; 2). Мать снимает с невесты платок — свою волю¹¹⁴; 3). Покрывание девушки черным платком после снятия красоты¹¹⁵.

Особое место в *девишнике* принадлежит обряду *бани*. Подобно тому, как нечетко фиксированы во времени обряды заплетания и расплетания волос, раздачи красоты, так нет и четкого времени проведения *бани*. Во многих местах этот обряд происходил накануне дня венчания¹¹⁶ (весь Чердынский у.), в других — утром в день венчания¹¹⁷. В ряде описаний обряд *бани* просто не упоминался¹¹⁸.

Схема выполнения этого обряда также по всем районам достаточно однотипна: 1). Девушки топили баню; 2). Родители невесты приглашали «в баньке помыться, попариться» своих родственников; 3). Испрашивание невестой у отца, матери и крестной благословия идти в баню.

Все это сопровождалось многочисленными причетами, которые невеста исполняла в ограде бани, у дверей бани, в бане, после бани, в сенях избы, в избе.

При общей схеме обряда в отдельных районах существовали небольшие, но важные для изучения свадебного обряда особенности. Например,

в описаниях Я. Предтеченского мы встречаемся с интересными деталями оформления дороги в баню и украшения самой бани. Схожие действия под названием *телеграф* описаны в статье К. Мыльникова и В. Цинциус «Северновеликорусская свадьба»¹¹⁹, но главная особенность — это обряд выбрасывания *красоты* в дымное окошко бани. Караул у этого окошка состоял из брата невесты и деревенских ребятишек. Этот обряд встречался и в наших информациях из Юрлинского и Юмского сельсоветов Чердынского р-на. Надо отметить, что, несмотря на совершенный обряд, «красоту» (еще раз) невеста отдавала на другой день утром в доме перед венцом. Кроме этого встречаются интересные приметы и гадания, например, о том, что нельзя шевелить головешки в печи в бане, чтобы молодые жили дружно, гадание на венике. Особый интерес представляют банные причеты. Независимо от реального (в обряде данного района) времени *раздачи красоты* во всех банных причетах поется о красоте и о прощании с ней. Причеты по своей структуре однотипны. Начинаются с опасения:

— Помытца мне, молодой, попаритца;
Не смыть бы мне свою красоту.
Не смыть бы мне свою красоту! ¹²⁰

А кончаются констатацией после бани:

— Не спасибо тебе, мила сестра,
Не спасибо, моя голубушка,
— Смыла я свою красоту.
Во полы-полы дубовые,
Во грязи-грязи черные.
Не спасибо тебе, красно солнышко,
Не спасибо тебе, свител мисяц,
Не спасибо вам, часты звездочки!

Придя в избу, невеста опять повторяет:

— Бог-судья, родимый батюшко!
Бог-судья, родима матушка!
Не крепка была ваша порукушка,
Смыла я свою красоту,
Смыла свою хорошую.
Больше красоте не красоватися,
Трубчатой косы не заплётывати,
Алы ленты не вязывати.
С отцом матерью увижуся,
С дивьей красотой не увижуся.
Хоть увижуся, не узнаюся,
Хоть узнаюся, не поздоровуюсь;
Ты прости прошшай, моя красота!
Прости-прошшай, моя хорошая! ¹²¹

Так же и в материалах из с. Копалинского «дивью красоту» невеста раз-

дает после бани, а в банных причетах опять же говорится о том, что:

Смою я, молодешенька,
Свою я дивью красоту,
Честно дивье украшеньицо ¹²²

А при выходе из бани констатирует:

— Все по-старому, все по-прежнему,
Только я да молодешенька
Не по-старому, не по-прежнему,
Без своей косы трубчатая,
Без своей да божьей красоты ¹²³

О «*красоте*», вернее, обращаясь к *красоте*, причитала невеста из Соликамского у. ¹²⁴ по дороге в баню, хотя «красоту» отдали уже до бани.

Как известно, хождение невесты в баню — это пережиток древнего обряда бракосочетания невесты с духом бани — банником. Баннику она приносила в жертву свою девственность ¹²⁵.

В материалах рассматриваемого времени обряд бани как сознательный акт бракосочетания с банником утрачен, но, судя по содержанию некоторых эпизодов, например, выбрасывание «красоты» в дымное окошко, расплетание косы в бане, содержание причетов, в которых говорится о смывании *дивьей красоты*, мы имеем дело с сохранившимися архаическими слоями обряда (характерно, что все эти элементы наблюдаются в материалах Чердынского р-на).

После бани наступило временное затишье, невеста отдыхала, сама заплетала косу, обедала без всяких обрядовых церемоний, угощая присутствующих пирогами, принесенными от жениха на посиденки. По окончании обеда все расходились до вечера по домам, чтобы дать невесте и ее матери привести в порядок приданое. После этого опять посылали звать просить на вечер к невесте. В назначенное время все являлись, и девушки начинали наряжать невесту к приезду жениха.

Жених в доме невесты. За время *девишника* (или *обручения*) и утра венчального (свадебного) дня жених, судя по большинству материалов, приезжает к невесте дважды. Функции этих поездок различны. В *девишник* (или *обручение*) жених приезжал с целью обручиться, *пропить* невесту (в более старое время часто впервые увидеть ее). Утром в день свадьбы — получить невесту от отца и увезти под венец или к себе домой. Различные функции соответственно сказались и на содержании обрядов и их внешнем оформлении. Со временем в ряде мест, как уже говорилось, обряды этих этапов смешивались, трансформировались, часто упрощались. За счет этого в некоторых местах жених ограничивался лишь одним посещением невесты, в котором совмещались многие обряды из прежних двух поездок. Сроки этого посещения также были подвижны: в одних местах оно происходило только в обручение ¹²⁶, в других — и в обручение и в утро венчального (свадебного) дня ¹²⁷. Основными моментами обрядов этих двух дней были:

1. Встреча жениха или приезд жениха к дому невесты. Обрядовое оформление этого момента четко различается (особенно в ранних запи-

сях) по районам. Например: в Чусовском р-не жениха встречали на крыльце отец и мать невесты¹²⁸ или ее родственники¹²⁹ и угощали вином. Это происходило в утро венчального дня¹³⁰, а также в обручение и утром венчального дня, т. е. дважды¹³¹.

В Чердынском и некоторых местах Соликамского р-на *обручальщиков*, или *свадебжан*, не только не встречали, но даже демонстративно закрывали перед ними ворота и двери в дом, завешивали окна¹³².

2. Вывод невесты *из-за занавеси* происходил в этот период дважды: первый раз — в обручение, второй — утром дня свадьбы¹³³. Есть материалы, в которых «обручение, начавшись вечером, длилось до следующего утра» (т. е. до свадебного дня), и вывод невесты происходил один раз¹³⁴.

Обычно первый раз невесту выводила мать¹³⁵, иногда отец со свахой¹³⁶ или один отец¹³⁷. Во второй раз, уже, как правило, утром — отец¹³⁸ или брат с сестрой¹³⁹.

Если подходить формально, то невесту выводят из-за занавеси как в первом, так и во втором случае, но по смыслу эти обряды несут разную нагрузку. Первый раз — это просто показ невесты родне жениха, второй — фактическая отдача жениху. Между этими двумя выходами — бездна. Произошли: *раздача красоты, обручение, пропивание* и т. д., т. е. были обрублены все нити, связывающие невесту с родным домом. Этим смысловым различием объясняется, видимо, и тот факт, что в первом случае невесту выводит мать, а во втором — отец. Невесту к этому моменту старались одеть как можно лучше. Я. Предтеченский приводит описание наряда невесты г. Чердыни, относящееся примерно к середине XIX в. Особо замечателен был ее головной убор. «Сверху голова покрывалась платком, на который у богатой невесты накладывали цветы; из-под платка обыкновенно выпускали длинную трубчатую косу, со вплетенной в нее алой лентой, которая оканчивалась всегда бантом; на голову, повыше лба, надевали жемчужную ленту, а на ленту укрепляли так называемый венок и *бочку* с жемчугом, блестками и *пелепелками* *. Венок считался до такой степени необходимой принадлежностью наряда невесты, что без него никогда не выводили ее, и те из родителей, которые не имели собственного венка или бочки, брали их обыкновенно на прокат у людей зажиточных и платили им за то большие деньги».

3. Обручение и пропивание. Как уже говорилось выше, обряд обручения не был одинаково распространен во всех районах. Он отмечен в поздних материалах из Чердынского р-на¹⁴⁰ и в Соликамском у.¹⁴¹ Обручение описывается в разных районах по-разному. В Чердынском р-не жених в сопровождении тысяцкого и свахи идет за занавесь к невесте и три раза обменивается с ней кольцами¹⁴². В Соликамском у. священник разманивал кольца жениха и невесты, благословляя их и читая молитву. Это происходило после вывода невесты из-за занавеси. При этом каждому гостю подносили стакан пива, браги и рюмку водки.

Кроме обручения, вероятно, в том же значении (может быть, более старый пласт) существовал обряд пропивания невесты. Он отмечен в

* «Бочка — (перм.) род венца, повязки, девичьего головного убора, с фольгой, жемчугом и пр.» (В Даль); «Пелепелка — (перм.) отдельные узоры, насаженные на одежду из швейного золота, камней, жемчуга» (В. Даль).

двух местах — в описаниях Я. Предтеченского¹⁴³ и в материалах завода Добрянка¹⁴⁴. Обряд пропитывания происходил в *девишник*. Кроме того, питье вина (угощение вином матерью невесты и отдельно от нее женихом) почти повсеместно в этот период; правда, никто при описании этого ритуального питья не пользовался термином *пропитывание*. В обрядах Пожевского завода эти два обряда сочетались вместе.

4. Дары жениха. В передаче даров невесте участвовал как сам жених, так и его дружки, даже чаще это делали дружки. Жених дарил подарки невесте и в обручение, и в день свадьбы, но подарки различались. В *обручение (девишник)* подарками были обычно рыбный пирог, пирожные, десерт, их передавали за столом; мать жениха дарила шаль или еще что-нибудь, все это она (мать жениха) приносила в кут после ужина¹⁴⁵; в Перми жених привозил только вино¹⁴⁶, иногда дарил цветы и кольца¹⁴⁷. В день свадьбы жених чаще дарил *сряду* (набор предметов, акт довольно схож по всем районам). Невесту приводили дружки (шафера). По окончании вытья дружки шли в кут, несли булку и передавали подарки: гостинцы, булку, зеркало, помаду, мыло, серьги, гребень, ботинки и чулки¹⁴⁸. Даже тогда, когда жених был уже в доме, подарки невесте передавали все же дружки, вынимая их из коробки¹⁴⁹. В Оханском у. также дружки, *подружья* и *большой боярин* заходили за занавесь и передавали дары невесте. В этом обряде участвовали и две свахи, которые принимались чесать невесте волосы. В описании Я. Предтеченского передача подарков такого рода (т. е. пряник, башмаки, зеркало, мыло, духи, помада) происходила в *девишник*; и в этом описании дары привозили дружки, получив их от матери жениха¹⁵⁰. За привезенные подарки девушки (утром свадебного дня) прикалывали дружкам цветы и *жатоны* (значки — вокруг лента), а те в свою очередь платили им деньги¹⁵¹.

5. Дары невесты. Дары невесты в эти дни незначительны в сравнении с дарами жениха. В Чердынском и Соликамском уездах невеста дарила жениха и его родню во время ужина на *девишнике* (или обручении). Подарками были: платки, пояски, ширинки и ситцы¹⁵². На заводе Добрянка невеста передавала через приехавших с подарками шаферов рубашку для жениха.

6. Девушки-подружки и обряды, связанные с ними. Девушки-подружки невесты, все время находясь рядом с ней, активно участвовали в происходящих событиях. Они то являлись свитой, охраняющей невесту, и воспринимались как фон, то появлялись самостоятельно, занимая ведущую роль в обряде. Главная их функция — пение причетов и песен (за это гости им платили деньги). Они пели на обручении и в утро свадебного дня¹⁵³, играли хороводы и пели хороводные и плясовые песни, часто проводя время в этом занятии до следующего утра; после отъезда жениха ужинали с невестой¹⁵⁴.

7. Чай, обеды, ужины: им посвящалось много времени и на *девишнике (обручении)* и в *утро свадебного дня*. Чай, как правило, предшествовали обедам и ужинам. На них угощали орехами, конфетами и пряниками (часто привезенными женихом). Кроме них, и в *девишник* и в свадебное утро устраивали обеды или обеды-ужины. По обрядовому значению обеды — ужины *девишника* выше, чем обеды утра свадебного дня,

тем более, что часто перед венцом невеста с женихом и их гости только садились за накрытые столы, но ничего не ели¹⁵⁵. На девишнике, наоборот, старались как можно богаче и лучше накормить гостей. К ужину на девишнике готовились обстоятельно, угощали сытно, со множеством *перемен*, т. е. сменой блюд, и обильным питьем вина¹⁵⁶, особенно там, где сохранился обряд пропивания невесты. Кроме того, как уже говорилось, в нескольких местах существовал особый ужин — ужин невесты с девушками после отъезда жениха, на котором она угощала девушек гостинцами, привезенными женихом¹⁵⁷ (очень схожие обряды существуют в вологодской свадьбе и свадебных обрядах Центральной России).

Вот, пожалуй, все наиболее важные моменты из обрядов, происходящих в то время, когда жених находится в доме у невесты. Некоторые моменты мы не рассматривали, так как они во многом совпадают с обрядами *рукобутья* и *просватанья*. Например, *молебны* (общая молитва), *благословение*, *вставание жениха и невесты за стол* и т. д.

При всем сходстве обрядов по разным районам прослеживались и локальные особенности. Например, невеста по отъезде жениха после девишника ложилась спать на место, где сидел жених¹⁵⁸; в д. Копалинской после ужина невеста с девушками опять уходила в *кут* и там выла причеты (схоже с вологодскими обрядами). В кут к невесте приходила мать жениха, дарила ей шаль или материю на платье и тоже выла причеты. После ужина жених приглашал невесту покататься на лошадях¹⁵⁹. После его отъезда отец невесты приносил для девушек постели. В день свадьбы по окончании вытья свахи жениха уходили в кут «пособлять сряжать невесту», помогали одевать ботинки, чесали ей волосы, «*покупали*» волосы невесты у девушек. Ряд особенностей встречается в описании И. Шерстобитова¹⁶⁰. Например, большой дружка, войдя в дом невесты, брал стакан пива, налитый младшим дружкой, и просил отца невесты выйти из-за занавеси и выпить пива. Отец выходил и выпивал. Девушки пели, а корец с пивом обходил всех родных. После этого отец невесты просил всех за стол¹⁶¹. В г. Чердынь, писал Я. Предтеченский, после того, как заканчивалось пропивание невесты, жених хватал невесту за руку и тащил за порог комнаты. Девушки бросались отнимать п, отбив ее у жениха, приговаривали: «Сегодня она наша, а завтра ваша». Наконец, жених прощался и уезжал домой. Приехав в свой дом, он подносил матери подарок тещи, та одевала рубаху поверх платья и в этом наряде выходила к гостям. Начиналось веселое застолье. Невеста же садилась с девушками ужинать, а закончив ужин, девушки пели плачу о расставании девушки с родным домом и уходили спать. Невеста обычно в эту ночь так и не засыпала. В материалах из Пожевского завода Соликамского у. и в описании В. Н. Серебренникова¹⁶² упоминается об обряде, символизирующем конец ужина на *обручении* — подача отцом невесты *ставального* или *вставального*, т. е. последнее потчевание вином и т. д.

Обряды в доме жениха. Параллельно с обрядами, происходящими в доме невесты, шли приготовления к поездке за невестой в доме жениха. Они также в основном однотипны по всем районам. Это: 1. Сбор родственников в доме жениха по приглашению самого жениха или его дружки

(поводы для приглашения выдвигались разные: чаю кушать¹⁶³, по невесту ехать¹⁶⁴; 2. Выбор поезда (назначение дружки, тысяцкого и других)¹⁶⁵; 3. Общая молитва; 4. Благословение жениха иконой на поездку к невесте и к венцу (благословляли отец, мать, крестные); 5. Угощение вином за завтраком и обедом; 6. Определенный порядок свадебного поезда и его лютая езда.

При большом сходстве основных моментов здесь также встречаются обряды, характерные лишь для нескольких или даже для одного района. Например, обряд поднесения гостинцев жениху — каравая хлеба с воткнутыми монетами и кручение до трех раз над его головой, т. е. своеобразное венчание¹⁶⁶, или благословение жениха иконой с мучником (пирог). Наряду с этими древними элементами во многих районах были распространены обряды, связанные со священником¹⁶⁷, хождение жениха в венчальное утро к заутрени¹⁶⁸, заговоры и обереги поезда жениха¹⁶⁹, крапление поезда богоявленской водой, обычай заводить коней во двор, а не оставлять на улице¹⁷⁰. Все перечисленные обряды происходили обычно утром свадебного дня.

Не трудно заметить, что в приведенном материале отчетливо проглядывают элементы различных исторических периодов. Например, хотя бы различные способы благословения жениха и его дружины. В местах, близких или связанных с городом, этот обряд проводил священник, а в более глухих сохранялось благословение караваем или мучником с иконой.

Утро венчального дня в доме невесты было насыщено заботами и делами. Невеста должна была особым причетом разбудить своих спящих подруг. Если невеста была сиротой, то для нее вставшие девушки исполняли специальный причет. Но самый важный обряд до приезда жениха был обряд прощания невесты с девичьим житьем — прощание с красотой. Невеста садилась за стол, около нее садились девушки и начинали *приплавивать*, обращаясь к ее матери. Исполнив причет, девушки приступали к расплечению косы невесты, при этом пели те же песни, что и на девичнике. Вскоре девушек приглашали обедать. Они обедали одни, без невесты, невесте и ее родителям в день свадьбы есть не полагалось. Пока девушки обедали, невеста приготавливала *красоты* — ленточки для раздачи родственницам и подругам и в конце обеда выносила и раздавала их девушкам. После этого все сразу вставали и выходили из-за стола. Главную ленточку, которую выплетали девушки у невесты в девичник перед отправлением в баню, невеста вешала к иконе Божьей Матери или же увозила в церковь и там оставляла в евангелии. Начинали снаряжать и убирать невесту к венцу. Прежде всего невеста испрашивала благословения у родителей причетом. Ее благословляли на этот раз рукой, не завернутой в рукав, а после этого уже начинали убирать к венцу. Все это время девушки пели песни. Надо отметить, что пол в доме невесты в этот день выстилали сеном. Сено разбрасывали повсюду: в сенях, комнатах, под стульями, веря, что это избавит невесту «от всякого зла, худа и лиха, от дурного глазу и призора и от всякого наговора» и принесет счастье жениху и невесте. Жених, как уже говорилось, в это утро готовился к поездке за невестой. Его благословляли родители. Все присутствующие садились перед дорогой. Потом вставали, и жених вместе со своим поездом отправлялся *по невесту*.

В Оханском у. жених перед поездкой к невесте в день венчания выбирал себе полк, *храбрый поезд*, назначал дружку (дружка должен был быть «говорок», т. е. мастер «наговаривать»), и тысяцкого (обычно им был крестный отец). Свадебный поезд чаще всего ехал на кошевах (кошевках), покрытых ковром или цветным одеялом. Число кошев зависело от достатка жениха. Впереди на паре или на тройке ехали дружки (в некоторых местах они ехали верхом), за ними — *большие бояра*, на третьих саних, запряженных парой, с *извошничком* на облучке, ехали жених с тысяцким, далее сваха и, наконец, остальные *«поезжана»* — *«задние бояра»*. *Задние бояра* везли с собой бочонок пива. Во всем поезде были запряжены *кони* (т. е. жеребцы и мерины). На все дуги в поезде привязывали колокольцы, на шеи коням *воркунцы* (бубенцы). К уздам коней привязывали красные платки, в гривы вплетали ленточки. При встречах поезд, по обычаю, дороги никому не уступал.

Подъезжали к дому невесты с песнями. Жениха и его дружину не всегда сразу пускали в дом, в некоторых местах девушки, которые сидели с невестой, просили *приворотно*, т. е. выкуп деньгами или гостинцами. Им подавали, они торговались, при этом пели песни: «Зять у ворот увивается, ревет», «Не было ветру, вдруг понадунуло» и др. Наконец, ворота открывали и жениха впускали. Отец и мать невесты встречали его с хлебом и солью. Жениха и его поезд обычно вели через задний двор, так как боялись «сглаза»; когда жених входил, невеста старалась заглянуть через переборку, чтобы увидеть, в каком он настроении. Если грустный — жизнь будет плохая, веселый — хорошая. Сваха жениха передавала невесте мыло и гребень на тарелочке. Это мыло имело особое значение и в замужней жизни этой девушки. Невеста хранила его всю жизнь и мыла им первую неделю после родов своих детей. Пока происходила встреча жениха, невеста находилась за занавесью, *на середе*, т. е. за занавеской или переборкой, отделяющей кухню и устье печи от всей избы.

Это место — *середь* — часто фигурировало в свадьбе. Многие ритуалы, например, обмен свах пирогами, одаривание невестой родственников жениха, благословение невесты и многие другие, происходили именно здесь, напротив чела печи. Особое значение этого места является пережитком верований, связанных с почитанием очага. За занавесью невеста сидела вместе со своей свахой, не отходившей от невесты всю свадьбу, и с подружками. Из-за занавеси невесту обычно выводил отец или брат. Невеста подходила к жениху, а ее сваха — к свахе жениха, и они здоровались. Девушки в это время начинали петь песни свахе жениха, а она должна была платить или одаривать так называемыми *краянами* (гостинцами) — конфетами, пряниками и т. д. Посидев немного как люди, готовящиеся в дальнюю дорогу, поезжане вставали. Родители невесты в последний раз благословляли жениха и невесту, и все уезжали в том же поезде, в каком ехали в дом невесты, только за саними жениха ехали сани невесты с ее свахой, а завершали поезд девушки. Проводив поезд до ворот, родители невесты и родственники, оставшиеся дома, скорее бежали к поленнице, набирали охапку дров и несли в избу, веря, что это принесет благоденствие новой семье. После этого снаряжали постельных свах с постелью и приданым невесты в дом жениха. В некоторых местах

«коробейку с пуховым» или «сундук со сдарьем» (т. е. подарками) и постель везли провожатые — братья, тетки, иногда даже мать и отец невесты. В доме жениха их встречали с почетом, они передавали (иногда за выкуп) приданое хозяйкам и просили их отвезти туда, где будут спать молодые; они же застилали постель для новобрачных. Окончив дело, оставались ждать приезда молодых.

Первый день свадьбы (венчальный день). Общая схема основных обрядовых действий, начинающихся с венчания и продолжающихся до *проводов молодых на подклет*, довольно однотипна по всем уездам. За венцом следовала встреча молодых в доме молодого, *окручивание* молодой (в церкви или в доме), обед (или ужин), проводы молодых на подклет. При всей схожести каждый из перечисленных моментов имел в разных районах свои особенности. Отчасти эти различия определялись локальными традициями, отчасти же происходили из-за разной степени полноты имеющихся описаний. Например, венчание описано у В. Н. Серебренникова¹⁷¹, Я. Предтеченского¹⁷² и в материалах из завода Добрянка¹⁷³. Но все три описания, кроме самого акта венчания, мало похожи друг на друга. В описании Предтеченского, крайне лаконичном, сообщалось следующее: «За несколько времени до окончания обряда венчания, когда священник возложит на главы брачующихся венцы, дружки отправлялись к родителям жениха и невесты с известием, что «дети их благополучно стоят под венцом»¹⁷⁴. В описании Серебренникова¹⁷⁵ обряд венчания дан со множеством деталей, относящихся не к церковному ритуалу, а к деталям, связанным с крестьянским бытом (приметами, обычаями). Например, тысяцкий ведет жениха за платок, а жених, также за платок, вел невесту: во время венчания жених и невеста стояли на платке, этот платок сваха стелила так, чтобы ноги жениха и невесты были на одной половине. Во время венчания невеста держала на руке свою ленту — дивью красоту (ленту перекидывали через кисть правой руки). Если невеста была «честная», то эту ленту она клала в евангелие или дарила священнику. (Обряд с лентой распространен по всему северному Прикамью.) Когда священник снимал венцы с молодых, свахи спешили надеть молодой на голову *подшалоки*. Надо отметить, что на венчании роль руководителя (церемонимейстера) так сказать из мира (в отличие от священника) играл тысяцкий, он действовал и распоряжался параллельно со священником. После венчания в церкви (нередко в церковной сторожке) невесту *«окручивали в наколку»*; при этом делили волосы на две косы, и сваха заплетала *плетни* — две косы, по одной на висках, а потом завивала вокруг головы, затем на голову надевали *кокошник* или *моршень*¹⁷⁶. После этого заставляли невесту и жениха смотреть в зеркало¹⁷⁷. По окончании венчания новобрачные ехали домой в одних санях. Свадебный поезд чаще всего заезжал в ограду дома. Молодых обычно встречали отец и мать жениха на крыльце либо в сенях. В некоторых местах свекровь была одета в вывернутую наизнанку шубу, а на голове у нее была надета мохнатая шапка. Отец молодого, как правило, держал хлеб с солью, а мать — икону. За встречей следовало благословение молодых. Они падали в ноги родителям или просто кланялись им. Их благословляли хлебом и иконой, предлагали откусить кусочек хлеба. По

Свадебный «дружка» из с. Юм

размеру откушенного куска примечали — «кто большина в доме будет». В Соликамском у., помимо того, что молодых заставляли откусывать хлеб (здесь этот обряд назывался *прикармливать молодых*), их еще обсыпали овсом, ячменем, рожью. После этого молодая брала хлеб, клала его на голову и так входила в избу, а молодой нес икону. В Чусовских городках во время благословения молодых иконой над их головами «переламывали хлеб и давали им немного откусить его»¹⁷⁸, а в г. Чердынь молодые кланялись отцу в ноги, и он благословлял их образом, потом они кланялись в ноги матери, — она благословляла образом и ковригою, после чего молодые трижды кланялись в землю и, перекрестясь, целовали икону и, не крестясь, — ковригу¹⁷⁹. Надо обратить внимание на особую роль хлеба в этом обряде. Проявляется как бы ранний подслой (может быть даже дохристианский), в котором хлеб выступал в роли атрибута какого-то божества с функцией, равнозначной в данной ситуации функции иконы. Но в отличие от иконы обрядовые действия с хлебом разнообразны: им благословляют (как и иконой), его переламывают над головами молодых (одновременно с благословением иконой), молодая кладет хлеб на голову и входит так в избу, в то время как молодой

несет икону, молодые, перекрестясь, целуют икону, а не крестясь, — ковригу (подчеркивается явно разное отношение к этим предметам). В некоторых случаях только хлеб (без иконы) используется для благословения молодых, в других же, как мы видели, они сосуществуют параллельно, но обрядовые действия у них различаются.

Пол в избе обычно устилали соломой. Молодые становились в красном углу или просто садились за стол. В некоторых местах этого района сразу по прибытию в дом молодую «окручивали». Для этого ее отводили в кут или другую комнату, и там две свахи заплетали ей до сих пор распущенные волосы в две косы и обвивали их вокруг головы, затем надевали *моршень* — бабий головной убор, шелковую косынку, или, как еще говорили, «окручивали в наколку». Каждая сваха плела по косе, и обе старались быстро справиться с этой работой, потому что считалось, что если первой заканчивала плести косу сваха молодого, то у молодой родится сын, а если сваха молодой, то дочь. После этого обычно следовал другой распространенный обряд, символически выражающий единение душ мужа и жены и обеспечивающий им семейное счастье. Свахи брали зеркало и подносили его к молодым, дружка, стоящий сбоку, освещал зеркало свечкой. Свахи заставляли молодых вместе посмотретьсь в зеркало. При этом спрашивали молодого: «Кого видишь?» Он называл имя молодой. Тогда с таким же вопросом обращались к невесте. Она отвечала, что видит своего суженого. Убрав прочь зеркало, свахи кричали: «У дружки ручки горят». Услышав это, молодая обыкновенно дарила дружку жилетом или новым платком.

После свершения всех этих обрядов молодые выходили к гостям, становились посередине комнаты, а иногда их сажали за стол или подавали поднос с рюмками и штоф с вином, и начиналось поздравление молодых. Новобрачные потчевали вином своих родственников «починно», начиная с отца и матери, потом всех гостей, вызывая каждого поименно. Гости выпивали и поздравляли их с законным браком. В г. Чердынь молодых поздравляли и неприглашенные, которые собирались во дворе дома. Угощение их по-местному называлось *пузыряно*, а пришедшие блажелатели молодых назывались *пузырянами*. После поздравления молодые садились за *конфеты* — подавали чай, кедровые орехи (их называли *сибирские разговоры*), пряники, конфеты, потом приносили закуску и, наконец, собирали ужин. В разных местах Северного Прикамья этот ужин проходил по-разному: в г. Чердынь, например, производился без церемоний, в с. Копалинское, напротив, отличался продолжительностью (длился пять-шесть часов) и обильностью угощений. «Большую часть подавали следующее: рыбный пирог, мясо с уксусом и хреном, студень из ноги, студень из телячьей головы, язык с уксусом и хреном (как только подают язык, бабы, нарочно сидящие в конце стола, поют молодым и кричат гостям свадебные величальные песни). *Щи* — первые из мяса, вторые из курицы, третьи — из теста и мясных колобов, так называемая лапша, затем жареное. Первое — телятина, второе — котлеты, третье — утка или курица, четвертое — гусь и пятое поросенок. Когда нужно будет подать поросенка, приносят вожжи, одним концом задевают в печи за жаровню, а другим растягивают по столу. Затем встают все на ноги и начинают запевать: „Вот старушка старая...“ или „Вот зоренька

занялась ...“ или „Дубинушку“ и ухают до тех пор, пока не зарядят ружье или пока, одним словом, не выстрелят из чего-нибудь в печь, „живова-та, дескать, его нипочем не вытащить“. Затем подают *селянки*, первая из картофеля, вторая из моркови, третья из творогу, четверта из икры, пятая битая. Затем идут творожные, первое — сладкий пирог, второе — оладьи, третье — *вахли*, четвертое — сушка, пятое — *розонцы*, шестое — *формочки*, седьмое — маковые пирожки, восьмое — изюмные или малиновые пирожки, девятое — слоеные пирожки и десятое — *съестные крестики*. Мать жениха то и дело извиняется, что мало настряпала, старуха, дескать, стала, свиные уши, да коровью губу так и не подали, в голубце позабыли. Во время ужина пели песни: «Отдавали молоду на чужу дальнюю сторону ...“, „Во светлой светлице, во столовой новой горнице ...“ Во время этого пира все без исключения напиваются допьяна, малая только часть досиживает до конца ужина. Вином поят безостановочно, подносах на трех и более. Так что на всех-то трех пирах со стороны жениха выпивают ведер по 7 и более, да столько же со стороны невесты, а ведро вина здесь стоит 6 р., судя по этому с'играть крестьянину свадьбу-то ой-ой дорого стоит»¹⁸⁰.

Во время пира девушки пели песни. По окончании ужина молодые, выйдя из-за стола, падали родителям в ноги, чтобы те благословили их на сон грядущий¹⁸¹. В местах, близко расположенных к городам, в городах и на заводах в проводах на подклет участвовал и священник. Он давал молодым *простое благословение*, брал в руки крест и икону (молодые шли с зажженными венчальными свечами), и с пением молитвы («В законе сени и писаний») все шли в спальную комнату¹⁸². Там священник произносил наставления молодым, а они целовали крест, затем выпивал рюмку красного вина и уходил домой¹⁸³. В тех случаях, когда на свадьбе не было священника, новобрачных после благословения дружки уводили спать в клеть или в подполье (*голубец*). Там же они спали следующие две—три ночи¹⁸⁴. В Оханском у. перед тем как отправлять молодых спать дружка отряжал «подружьев стлать молодым постель. А погда постель была готова, дружка обращался к отцу жениха: «Благослови, батюшка родимый, молодых на *подклет* вести». Потом дружки перетряхивали постланную *поддружьем* постель»¹⁸⁵. Проводы на подклет сопровождались обязательными обрядовыми процедурами. Молодая должна была разуть мужа и достать из его сапога деньги, что как бы свидетельствовало о покорности и послушании молодой¹⁸⁶. Кроме этого исполнявшегося почти повсеместно обряда в каждой местности добавлялись свои детали. В с. Копалинское в спальную комнату, куда приводили молодых, собиралось много народа, особенно женщин. чтобы посмотреть как жених будет куражиться над своей молодой. Первым долгом молодой садился на постель и просил молодуху разуть его, невеста снимала сапог, в которой было положено несколько серебрянников, деньги рассыпались по полу, вызывая общий смех. Свахи при этом говорили: «Вот, голубушка, всегда разувай его, он тебе, глядишь, и сунет на обновку-то». После этого молодой ложился. Молодуха, обращаясь к нему, говорила, называя по имени и отчеству: «Пусти меня в товарищи». Молодой, немного помолчав, отвечал: «Скачи через меня!» Молодуха на это возражала: «Нет (имя молодого), я в девицах жила, через

огороды не скакала и вела себя честно и благородно, и через тебя не желала бы скакать». Молодой улыбался, а молодуха «принародно разоблачается, а когда останется в одной сорочке, занавешивается и народ удаляется»¹⁸⁷.

В свадебном обряде Верхне-Чусовских городков молодые в спальне угощали всех гостей вином, так же как и в начале ужина (с подноса). После этого все гости уходили в гостиную, где еще продолжались угощения и забавы, свахи же между тем раздевали и укладывали молодых, а уходя, всегда запирали спальню на замок¹⁸⁸. Обряды г. Чердынь сохранили наиболее архаические черты: для этого ритуала молодой, идя в подклет, одевался по-дорожному: надевал шубу, шапку, рукавицы, сапоги или валенки, подпоясывался кушаком. Когда подходил к постели, молодуха, говоря: «„Господи, благослови“, навеличивая по имени отчеству, начинала раздевать его. Когда снимала сапоги, из правого сапога сыпались деньги, положенные им, деньги невеста подбирала себе, эти деньги означали плату за разувание и раздевание и задаток на будущее время. После раздевания мужа молодые садились на постель рядом, молодая целовала мужа, обнимала обеими руками за шею и оба падали на постель, крепко прижимаясь один к другому, если который-нибудь фальшивил, прижался не плотно, то получал от дружки раз нагайкой»¹⁸⁹.

В материалах Я. Предтеченского также описаны детали обряда, идущие из глубокой древности. Например: проводив священника, гости вместе с родителями приходили к молодым на подклет, пировали, плясали около их дома и, прощаясь, наконец, с ними, произносили обычную, узаконенную веками фразу: «Ложитесь вдвоем, а вставайте втроем!» По их уходе мать жениха снова являлась к молодым и приносила пирог для них, затем, пожелав молодым доброй ночи, уходила и запирала за собой подклет. «Это запирание клетки,— замечает автор описания,— где покоятся ночью молодые, не служит ли некоторым выражением той древней стражи, которую олицетворял в лице своем дружка, становясь с мечом около спальни молодых на всю ночь, чтобы предупредить нечаянное нападение на дом жениха родичей невесты? ...Наконец, оставленная вдвоем со своим мужем, молодая в знак покорности мужу совершает обряд разувания»¹⁹⁰, затем молодые ложились спать.

После проводов молодых на подклет гости возвращались в избу и начиналась *гульня* — пляска. Особенно безудержному веселью предавались жители г. Чердынь, где часто происходила прямо обрядовая вакханалия: «Игра сменялась игрою, песня — песней; один графин исчезал — на его место являлось два другие, приличия и благопристойность, не различая пола, изгонялись на время совершенно; женщины срывали с головы платки, шамшуры и, распустивши волосы по плечам, кружились и плясали; кто сидел на стуле, кто располагался среди полу и в общем хоре собрания раздавалась вакхическая песня:

Посидим-ко мы,
Покутим-ко мы,
Право, есть у кого,
Право, есть у чего! ...

Праздничный хоровод из д. Зюздино Юрлинского р-на

«Наконец,— заканчивает описание Я. Предтеченский,— чарку ставили посреди пола, кружились, прыгали около нея, прыгали через нее и поочередно пили с такими обрядами, подробности которых мы оставляем; потому, что в этой, в основании своем обрядовой вакханалии, иное — по выражению одной рукописи XVII в.— „странно не токмо рещи, но и помыслити“»¹⁹¹.

Обряды дней, следующих после брачной ночи, в разных местах изучаемого района в целом были схожи, хотя последовательность их исполнения часто различалась в зависимости от локальной традиции. Почти повсеместно отмечены следующие общие моменты: 1. Бужение молодых; 2. Баня для молодых и родственников молодого; 3. Посещение родственников; 4. Дары родственников с обеих сторон; 5. Угощение, продолжающееся несколько дней и состоящее из трех основных этапов: «большой стол», «пирожный стол» и «блины» (хлэбины)).

Наши сведения о каждом из перечисленных моментов различны, поэтому в основу изложения будет положена наиболее распространенная схема последовательности событий, происходящих в эти дни. Каждое отклонение от общей схемы будет оговорено особо.

На другой день утром к молодым является тысяцкий¹⁹² (или сваха)¹⁹³ будить, *поднимать* их с подклета. Тысяцкий с шумом подходил

к клетки, стучал в дверь и кричал громким голосом: «Ставайте, молодые! Пора ставать!» По его крику молодые вставали и одевались. В ряде мест прямо с подклета молодых провожали в баню¹⁹⁴. Смысл бани после брачной ночи был иной — очищение молодых — смывание «греха», и obviously эта баня обставлялась иначе. Об этом обряде, происходящем утром второго дня, упомянуто лишь в двух информационных — из с. Копалинское¹⁹⁵ и из Чусовских Городков¹⁹⁶, т. е. из мест, расположенных по р. Чусовой. В г. Чердынь мытье молодой в бане происходило в день «хлебн», т. е. спустя некоторое время после брачной ночи. «В этот день рано по утру дружки приходили в дом молодых топить баню. Они сами кололи дрова, носили воду и, управившись со всеми этими делами до пробуждения молодых, с полными ковшми воды шли в подклет, заставляли отворить себе двери и обливали молодых, еще в постели, холодной водою. Когда молодые, одевшись, входили в горницу, они тащили их на двор — купать снова, и там один из дружек держал, а другой обливал из ведра как молодую, так и молодого; если же дело бывало зимою, то купали молодых обыкновенно в снегу и затем уже вели их в баню»¹⁹⁷. Молодая из окрестностей р. Чусовой¹⁹⁸, выйдя из бани, сначала дарила дружек платками или полотенцами, а уже в избе одаривала родителей молодого и его родственников. Свекра и свекровь молодая дарила полотняными рубашами, предварительно подав новым родственникам по рюмке вина; также одаривала всю родню «приличными» дарами (бумажными платками), за что получала от дарки вещами, а от родни — деньгами¹⁹⁹. Придя в избу, молодые вставали в передний угол, жених брал графин с подкрашенным буксином вином, а невеста — поднос с рюмками и, призвав родителей и родственников, угощали их. Отцу и матери невеста дарила рубашки, а прочим полотенца и платки²⁰⁰. Обычай одаривания невестой свекра и свекрови и всех, кто будет с ней жить — бельем, платьем или материями, наблюдался и в тех местах, где обряд бани не был зафиксирован²⁰¹. В Чердыни одаривание родителей молодого происходило позже, и совершала этот обряд сваха во время большого стола²⁰², а после бани, которая происходила в день хлебн, тотчас, как только молодые появлялись в доме, хозяева спешили поставить в сенях на пороге полный стакан пенной браги, нарочно к этому дню приготовленной: молодые не могли переступить порог иначе, как выпив брагу, но пили брагу они особым способом: молодой, вставши перед стаканом на колени, должен был выпить половину его, не дотрагиваясь до него руками, другую половину выпивала молодая. Дальше автор описывал обряд, нигде, кроме материалов г. Чердыни, нами не встреченный. Молодые ходили в горницу; свахи тотчас уводили молодуху в другую комнату, сажали к себе на колени и под звуки соответствующей цели песни («Ты, камочка, камочка, моя ...») сообщали ей все, дотоле для нее неизвестное, тайны супружеской жизни²⁰³.

После бани и одаривания невестой родственников молодого, новобрачные в Чусовских Городках в сопровождении всего поезда отправлялись на поклон к священнику, местному начальнику и родителям молодой. Молодые угощали этих лиц и членов их семей вином из рюмок с подноса, на место рюмок на поднос молодые принимали от свах дары и дарили ими всех членов семейства (мужчин — платками, женщин —

полотенцами), не пользуясь отдарками. Хозяин дома «взаимно угощал молодых и всех поезжан»²⁰⁴.

В Чердыни «на поклон к родителям молодой» и ее ближайшим родственникам ездили после обеда в этот же день вместе с тысяцким и свахой, в сопровождении дружек, которым вручают вино и пряники *битые*. Встреченные родителями молодые кланялись им в ноги, здоровались, угощали вином и пряниками и тогда получали от них поздравление с законным браком. Родители со своей стороны также предлагали угощение молодым и всей их свите. Пригласив родителей к себе на вечер, молодые точно таким же образом, исключая поклоны в землю, делали визиты и прочим родственникам молодой, приглашая их на вечер²⁰⁵. В с. Копалинское к этому времени приезжали родители молодой. Их угощали, а свахи бросали им под ноги корчаги или горшки, приговаривая: «Вот, любезные сватовья, ради молодых нам ничего не жалко, все будем ломать да бить, (называли имя и отчество невесты), не постыдила себя и нас в бесчестье не привела, в хомут не посадила! (Существовал обычай надевать на шею свахе или матери невесты хомут, в случае если невеста оказывалась не девственницей.— Т. М.) Ну и вам спасибо, что сумели вспоить, вскормить дитяtko не на смех добрым людям»²⁰⁶.

Обычно вскоре за этими событиями начинался *большой стол* (*столы, столование*)²⁰⁷ для родных и знакомых. На это застолье гостей сзывали дружки. Еще с утра они верхами отправлялись в поход — звать к молодым *на столы*. Ехали они в ряд, украшенные разноцветными шалями, платками, опоясками, не торопясь, с песнями. Под окном того дома, хозяина которого они должны были пригласить «на столы», дружки запевали песню «Сидела девонюшечка во высоком тереме на брусчатой лавочке». Потом заходили в избу, и старший дружка произносил приглашение: «К нашему новобрачному ясному соколу, хлеба кушать!» Каждый из приглашенных обязательно угощал дружку²⁰⁸. В описаниях свадьбы Чусовских Городков²⁰⁹ большой стол назван так же *пирожным*, потому что к нему молодая приготавливала пироги. Термин «пирожный стол» встречается почти в каждом описании, но обозначал он застолье, которое проводилось обычно на другой день после большого стола. Описания его крайне лаконичны. Из них даже не очень понятно, в чьем доме он проводился — у родителей молодой или у родителей молодого, так как в материалах из с. Копалинское сказано: «Родители невесты приглашают кого следует на *пирожный стол*, а затем уезжают и они»²¹⁰; или в Соликамском у. на Пожевском заводе: «На другой день бывает пирожный стол, на который сходятся без приглашения близкие родные»²¹¹. Об обряде, во время которого молодая угощала пирогами собственного приготовления, сообщал также Я. Предтеченский («Молодая, одевшись в нарядное платье, приносила из кухни пироги и вместе с мужем угощала ими свекра со свекровью и гостей. Потом приносили и остальные кушанья»²¹². После ухода гостей она сама уже обедала с мужем, но в его описании этот обряд невеста совершала утром второго свадебного дня до так называемого большого стола, причем этот большой стол, как правило, не отличался какими-либо обрядами, а проходил просто, «вроде вечерни», правда, невеста переодевалась в новое платье, а девушки вели величальные песни гостям. Угощали на этом столе с особым радушием. На общем,

достаточно однородном фоне празднования большого стола в Северном Прикамье выделяется празднование, происходящее в г. Чердынь. Главным действующим лицом в этом застолье была сваха невесты. Она не только угощала своими кушаньями, но и дарила родителей молодого дарями. Вот как это происходило. В назначенное молодыми время собирались гости. Сваха с невестинной стороны, узнав через особое посольство, что все в сборе, взяв с собой рыбный пирог, блины, вино и дары, вместе со своими боярами приезжали в дом молодых. Здесь, попросив у хозяйки скатерть и надев на себя белый фартук, она с помощью молодой накрывала на стол и усаживала за него свекра и свекровь вместе с их родственниками. После этого сваха начинала потчевать их своими кушаньями, а бояре угощали привезенным вином. За блинами сваха дарила всю родню молодого подарками. Затем все убиралось со стола, и присутствующие ожидали приезда родителей молодой. Когда они приезжали, молодые встречали их в сенях, вели в комнату и сажали вместе со свекром и свекровью (в этот день они не занимались хозяйством). Опять начинались угощения, чай, девушки пели песни, потом подавали ужин, и на этом большой стол заканчивался²¹³. На другой день после большого стола устраивали *пирожный* стол, на который сходились без приглашения близкие родные. На это застолье молодая должна была сама испечь пироги. В г. Чердынь, как уже говорилось, молодая пекла пироги в первый день после брачной ночи. Для того чтобы приступить к этому делу, она должна была получить разрешение свекрови. Этот ритуал выглядел так: «поздоровавшись с богоданными родителями», она падала в ноги свекру и свекрови, прося: «Благословите меня, тятенька и маменька, идти стряпать». Они благословляли ее рукой, — и молодая шла в избу стряпать, по принятому обычаю, жареные пироги с говядиной». К этому моменту в кухню приходили приглашенные на обед родственники «смотреть стряпню молодой». С этого начиналась потеха над молодой. Ее вышучивали, мешали готовить, подсмеивались: «Эх, не управилась молодая!... Видно, не бойкая попала» — говорили одни, другие разбрасывали по полу сено, пух и просили ее подмести, а когда она начинала, всячески мешали. Запуганная их шутками, невеста в конце концов с досадой восклицала: «Да куда вы будете шутить надо мной?!» — «Три года лапоть над молодой смеется», — отвечали ей веселые гости²¹⁴.

Заключительный свадебный пир в ряде мест назывался *блинами*²¹⁵. Это название пир получил из-за главного угощения, которое теща подавала в конце стола. Блины приносили в блюдах, закрытых тарелкой. Наверху тарелки лежали дары для молодого — рубашки, штаны и платье. Молодой, приняв этот дар, должен был с особым искусством перепрокинуть блины так, чтобы они в таком же положении, в каком были на блюде, оставались и на тарелке. Удачный переворот блинов приписывался проворству и ловкости молодого, и он заслуживал всеобщую похвалу гостей, а неудачный — подвергался осмеянию. Случалось часто, что тарелка, лежащая краями на краях блюда, всегда масленого, выскальзывала из рук и блины рассыпались по полу, что вызывало всеобщий хохот и веселье. В некоторых местах²¹⁶, после того, как блины были съедены, жених бросал тарелку об пол и она разлеталась вдребезги. Этот поступок как бы удостоверял целомудренность невесты. После этого жених выхо-

дил из-за стола и падал в ноги матери невесты, говоря: «Благодарю, родила, мамочка, сумела вспоить, вскормить своего дитеньша», и дарил ей шаль; в отдельных местах одаривал и родственников «приличными дарами»²¹⁷. Мать в свою очередь давала наставление, говоря: «Ну, живите, благословясь, слушайте один другого, почитайте отца и мать, и бог вас не забудет, будете жить весело и счастливо». Дальше обед продолжался обычным порядком, после обеда плясали и веселились. На этом свадьба кончалась.

В Чердынском и Соликамском уездах²¹⁸ заключительный этап свадеб заметно отличался от описанного выше обряда «блинов» и представлял как бы другую традицию. Во-первых, он состоял из двух и более пиров, которые назывались *хлебин* или *отводины* и *отхлебины*. Во-вторых, эти празднества, хотя и были по своему ритуальному значению однозначны *блинам*, но по содержанию сильно отличались. *Хлебины* или *отводины* происходили обычно в доме тестя, а *отхлебины* в доме свекра и у других родственников. Молодые в это время опять должны были делать разные подарки.

День *хлебин* в г. Чердыни был насыщен множеством событий. Как уже говорилось выше, он начинался с бани и обрядов, связанных с ней. Потом шел обед, на который гостей зазывали дружки. На этом обеде много пели и плясали. «От песен многие становились без горла, от усердной пляски — многие без ног»²¹⁹. Пол в горнице и в сенях от обычной биты в этот день посуду устилался черепками, лоскутами одежды и всякой разорванной и разбитой рухлядью. В этот же день родственники жениха *наряжались*, этот обычай был широко распространен и в других областях России. «Мужчины надевали женские платья, женщины — мужские; некоторые одеваются в вывороченные шубы, затыкали себе за пояс голик (веник); лица обыкновенно натирали сажей, запрягали лошадей, тоже со странными украшениями: к дуге подвязывали колокольчики и бóтала, к шее лошадям привешивали голики и банты из мочала и, вооружаясь гармониями, скрипками, заслонками и сковородками, поставив средь экипажа помело, под звуки разгульной песни, съезжали со двора. При этом они пели, кривлялись, вертели головой и руками. Целью их поездки было навестить родителей и родственников молодой, что они и проделывали, сопровождая свое появление шумом, плясками, игрой на различных инструментах. В это время молодые также делали визиты к родителям и родственникам молодой.

Ближе к вечеру в дом молодых являлся тещин посол — сваха с приглашением пожаловать к теще на *хлебины*. Молодая, по принятому обычаю, тотчас же вместе со свахой отправлялась к своим родителям, а молодой, приняв своих родственников (*свой поезд*) и рассадив их около стола по старшинству, забрав дары, со своими родителями и со своим поездом отправлялся к тестю и теще. По приезде, поздоровавшись со всеми, молодой, попросив у тещи поднос, раскладывал на нем свои дары и подносил их родителям и родственникам своей жены. С помощью этих даров молодой давал понять присутствующим свое отношение к нравственному воспитанию своей жены. Если он был доволен — подносил теще хороший подарок, если же наоборот — дарил разорванный посередине платок или шаль. После этого, одарив остальных родственников невесты,

молодой садился рядом со своей женой. Девушки все это время пели песни каждому из присутствующих. Особое значение для характеристики жизни молодой в доме мужа имели песни, исполняемые свахе. Если молодой нравилось в доме мужа и его родителей, девушки обыкновенно пели: «В огороде смородина зеленым зеленешенька...» если же ей не нравилось, то девушки пели, обращаясь к свахе: «Ты, злодейка наша, обманщица, лиходейка-сватовщица!..» Дружки собирали деньги за песни, а потом все садились за ужин. После ужина под пение хороводных песен начинались игры в кружок, и являлась неприглашенная молодежь. Так, в подобных развлечениях проведелившись до утра, расходились по домам.

Через день после *хлебни* в доме молодых бывали *отхлебины*. Это последнее свадебное столование происходило обычно вечером. На него собирались родные с обеих сторон. На отхлебины, как и на другие застолья, сзывали дружки, прося «пожаловать ужинать к молодым вместе с девицами» (девушки после столования оставались гостить у молодой «сутки на трои или на четверы»). Никаких обрядов на отхлебинах уже не бывало. Этим собственно можно окончить описание свадебных обрядов. Но существовал еще один важный ритуальный акт. Он совершался по прошествии некоторого времени после свадьбы — молодая формально выходила из-под опеки родителей. Она могла распоряжаться сама, лишь бы только не противоречила воле мужа. Для этого молодая, в сопровождении непременно свекрови или, если ее не было, крестной матери, тетки, старшей сестры в первый раз после бракосочетания должна была посетить церковь, желательно ту, где ее венчали²²⁰. Этим заканчивался весь свадебный цикл.

Составление свода позволило выявить общие и локальные черты в свадебном обряде обследуемых районов, а это, в свою очередь, помогло с большей точностью определить расположение свадебных традиций на этой территории. Сравнение с обрядами других национальностей, главным образом коми, и на других территориях (соседних и территорий исхода русских миграций) дало возможность, хотя бы гипотетически, определить корни некоторых обрядов. Кроме того, сопоставление одних и тех же элементов обряда по всей территории более четко выявило напластование различных исторических периодов. В результате стало очевидно, что наиболее четко, как некий единый комплекс, выделяются обряды Чердынского у.²²¹ Их описания были полнее и свидетельствовали о большой разработанности и хорошей сохранности обрядов. В них наблюдалась также и большая архаика. Но при общем сходстве обрядов Чердынского края²²² среди них выделяется традиция, имеющая четко выраженные локальные черты. Она распространена на территории нескольких сельсоветов теперешнего Коми-Пермяцкого округа²²³. В ней отмечаются элементы (например: «поездки невесты по обедам», *калым*), характерные для коми-пермяцкого обряда²²⁴. Эти же черты встречаются в некоторых деревнях современного Ильинского и Оханского районов и в окрестностях г. Сепыч, т. е. там, где в прошлом предположительно также жили коми²²⁵. Кроме обрядов Чердынского края, можно объединить обряды по р. Чусовой (Верхне-Чусовской городок, с. Копалинское)²²⁶, а также отметить характерные черты у обряда Соликамского у.²²⁷, но это не меняет общей картины. В целом, несмотря на отмеченные мелкие

локальные черты, обряд обследованной территории отличается большим единообразием как по основным этапам свадебной игры, так и по обрядовым моментам внутри их. Важно отметить и то, что многие из рассмотренных обрядов схожи с обрядами Вологодской обл.²²⁸ (в частности, с районами р. Сухоны), в то время как фольклор этих двух областей достаточно сильно различается.

Что же представляют собой обряды русского населения Северного Прикамья с точки зрения типологии? При первом же беглом анализе нетрудно заметить черты, позволяющие отнести их к свадебной традиции Русского Севера. В этом нет ничего неожиданного, так как этот регион является составной частью этнотерриториального единства под названием Русский Север и формирование местного русского населения происходило во многом так же, как и в других районах этой зоны.

Вместе с тем всем известно, что понятие «севернорусская свадьба» в значительной степени условно. Под ним скрывается невероятная пестрота различных вариантов, сходных или уникальных форм свадебного обряда.

Известно и то, что ряд ученых (например, акад. С. Ф. Платонов), основываясь на анализе языковых и этнокультурных материалов, делят Север на две зоны: западную, исторически связанную с Новгородом потоком колонизации, и восточную, связанную с низовой колонизацией. Эти наблюдения подтверждают данные картографирования севернорусской обрядности и ее терминологии, проведенного А. В. Гурой²²⁹.

И все же общее понятие *севернорусская свадьба* есть, и оно типологически оправдано. Из чего оно складывается? Из общей структуры, множества деталей и нюансов, которые не поддаются картографированию. Это своего рода исторически определенная гармония, которую нельзя «разъять алгеброй». Примерно такая же картина предстает перед нами в Северном Прикамье. Мы можем говорить о существовании единого самостоятельного обрядового комплекса с характерной структурой, терминологией, определенной песенной традицией и тому подобное, но при этом единство так же будет в значительной степени условно и относительно, так как при более подробном изучении мы увидим наряду с элементами, характерными для всей территории, ярко выраженные локальные черты. Не будет единства и с точки зрения типологии — рядом с чертами севернорусского обряда сосуществуют элементы, известные по материалам Среднего и Южного Поволжья²³⁰, средней полосы, центральных районов, обряды других, соседних народов. Иными словами, свадебный обряд Верхнего Прикамья представляет сложное переплетение в едином комплексе обычаев и обрядов, свойственных разным этнокультурным группам русского населения, и вместе с тем он един, это определенный подтип севернорусской свадьбы.

Ниже приводится описание обряда, записанного нами в экспедициях 1978–1983 гг. главным образом от женщин 60–80 лет. Это описание составлено по воспоминаниям, и поэтому дает картину обряда, бытовавшего несколько десятилетий назад — преимущественно в 20–30-е годы. Но и этот, уже далеко не современный обряд, сохраняя основную структуру обряда, описанного выше, по отношению к нему является лишь бледной и упрощенной копией. Вот как он выглядит.

Общепринято было устраивать свадьбы в *промежгвены*, так как в *говины*, т. е. пост, не женились. Как везде, свадьба начиналась со сватовства. Состояло сватовство из двух этапов: сватовства²³¹ и просватанья²³² (или рукобитья). На первое сватовство приезжали сватовщики. Ими обычно были мать, отец жениха или его крестный. Они брали с собой водку, пирог, хлеб. Сватовщики проходили в избу по полу вдоль по доскам, но не переходили матицу, ибо считалось, что если пересечь матицу, невеста запоперечит и из сватовства ничего не выйдет. (В дальнейшем молодые тоже сидели на лавке, стоявшей вдоль доски пола.) Если сватовство было удачным, то невеста давала *строк*²³³, т. е. назначала время для повторного сватовства или уже для просватанья, следующего этапа предсвадебного периода. На строк, данный невестой, а это обычно бывало на следующий день, приезжали те же сваты, но уже с женихом, иногда брали кого-нибудь из посторонних. Смысл этих «строк» состоял в том, чтобы родня невесты могла навести справки о женихе, о его хозяйстве, если жених был из другой деревни. Кроме того, девушка, растягивала время своего окончательного решения, как бы давала понять, что она не торопится замуж, что это дело ответственное, ведь и ее до этого события «не одним днем вскормили, долго ростили». Просватанье или, как его еще называли, коренное сватовство²³⁴, рукобитье носило более торжественный и официальный характер. На нем давалось окончательное согласие. Невеста дарила жениху подарок, обычно подшальник, жених клал на него деньги для невесты. Иногда невеста одаривала и родных жениха. В Юрлинском р-не невеста дарила жениху поясик или опояски (по-старому покромки) или варежки уже на первом сватовстве, давая тем понять, что дело *застрочено*, т. е. «приезжайте еще». Время дня для просватанья было разное, но чаще оно происходило вечером, назначали его на любой день. На просватаньи происходило буквальное рукобитье. В информациях непосредственные участники рукобитья названы разные. Но в большинстве случаев указывались отец и мать жениха и невесты. Они брались за руки, а кто-то пятый снизу разбивал их руки. В этот день договаривались и о дне свадьбы. После «просватанья» все время до свадьбы к невесте приходили девушки, помогали ей готовить подарки для новых родственников. Подарки эти были однотипны во всех районах. Назывался этот период «девишником»²³⁵. Срок до свадьбы был разный, в зависимости от достатка невесты. Но обычно это была неделя. Невеста с женихом в это время должны были съездить в город за покупками к свадьбе. В этот период в деревнях на территории современных Юрлинского и Юмского сельсоветов происходил интересный обряд; встречается он также и в некоторых других районах Пермской обл. — поездки невесты по обедам²³⁶. Родня невесты готовила обеды, а невеста вместе с женихом, на лошадях, ездил по ним с причетами. Ритуал *обедов* сопровождался специальными причетами, очень богато представленными в репертуаре местных деревень. Они сопровождали прибытие невесты к родственнику, исполнялись *на мосту* перед закрытыми дверями, на обеде и при отъезде невесты. Подобный обряд известен по северным русским свадьбам. Вся неделя девишника сопровождалась причетами. Жених приходил к невесте, приносил девушкам угощение. В последний день девишника устраивали баню (*мыльню*)²³⁷. Перед баней девушки

расплетали невесте косу, распускали волосы, ленточки невесты раздавали подругам. Невесту благословляли. Весь ритуал *бани* шел с причетами. Это была последняя баня невесты, ее прощание, с причетами перед баней, по дороге в баню, после бани, по дороге домой, у крыльца, *на мосту* избы. Кончали их только по приходе в избу. Мытье в бане сопровождалось различными приметами. Так, когда затапливали баню, то старались положить в печь дрова только один раз. Дрова в печи не шевелили, чтобы головешки не стукнулись одна об другую, чтобы не испортить жизнь невесте, чтобы в ее жизни все было спокойно.

Сохранились обряды, которые исполняются до сих пор, но смысл их потерян.

Например, в бане невеста сидела на венике, потом этот веник девушки бросали через баню и смотрели, куда он ляжет комлем, а куда ветками. Мытье в бане происходило еще и на второй день после брачной ночи²³⁸, но смысл этого обряда был иной — очищение молодых, смывание греха, и срядово оно оформлялось иначе. Баню почти не топили, только наводили дыму берестой, молодых пачкали сажей и обливали водой. Иногда эту баню заменяли валянием молодых в снегу, купанием в реке. В баню молодых обычно везли на санях. Кто-то из гостей, валяясь на соломе, подражал крику новорожденного. Свекровь кричала: «Ребенка запарили». В некоторых деревнях эти две бани, видимо вследствие разрушения обряда, перепутались. Так, в д. Рогали Соликамского р-на информатор утверждала, что девичьей бани не было, а была только после брачной ночи. А в д. Зюздино Юрлинского р-на некоторые атрибуты второй бани были перенесены на девичью. Заканчивался девишник обручением;²³⁹ его совершали к вечеру, «как солнышко ушло». Приезжал жених со своей родней — обручальщиками. Обычно сколько приезжало обручальщиков, столько гостей ехало к жениху на свадьбу со стороны невесты. Поезд жениха украшался пышно. Вешали колокольчики на дуги лошадей, в центре вешали большой колокольчик — *буркало*. Невеста обручальщиков не встречала. В обручение начинали опевать гостей. Для стола готовили все праздничное. Меню, если так можно сказать, во всех районах было почти одинаковое. Подавали с переменами. Первым блюдом был обязательно рыбный пирог, потом шли мясные блюда, до десяти перемен, в частности, «холодец трясучий». Отличительное свадебное блюдо — фаршированная телячья «головка с ушками кверху» и в некоторых местах — окорок, у которого *лытка*, т. е. тонкая кость, украшалась цветной бумагой (Соликамский р-н). Еще готовили гуся или курицу, но это блюдо больше относилось к свадебному дню. Из питья — сусло и мед, у кого он был. Питье подносили в стаканах на подносе. Ели на свадьбе и в обручение все вилкой, ложки не давали. Из еды старались больше делать жареного и пареного, но не вареного (причина этого обычая уже утеряна). Расположение жениха и невесты и их гостей за столом также однотипно по всем районам. Молодые сидели под иконой, на войлоке. Справа — жених, слева — невеста. Рядом с женихом — тысяцкий или крестный; большие бояра, дяди жениха; потом верховые дружки. Со стороны невесты — сваха и подружки. В Чердынском р-не над молодыми протягивали две гирлянды из соломинок и тряпочек. По окончании обручения дружки срывали эти гирлянды и выбегали на улицу, там ими

украшали дуги лошадей. За ними другие дружки хватали пирог и также убегали. На обручении невесту дарили.

На следующий день — день венчания — утром *садили красоту*²⁴⁰, т. е. невеста прощалась с девичьей жизнью. Это один из самых драматических моментов свадьбы.

Красотой в этих местах называли ленточку невесты. Ленточка могла быть любого цвета. Эту ленточку невеста, если она была целомудренной, брала с собой на венчанье и оставляла в евангелии. Этот обычай трансформировался в наши дни, но все же продолжает существовать. Теперь девушки кладут ленточку в регистрационную книгу.

Несколько позже к невесте приезжали свадебжане — жених, тысяцкий, сваха, человек пять — десять «большого родства». Собирали больших дружек.

Они ехали верхом на лошадях. Жених в санях сидел с дружкой и со свахой. Подъезжали к дому невесты с песнями. Свадьбу сначала не пускали в дом. Девушки, которые сидели на девешнике с невестой, просили *приворотню*, т. е. деньги и водку. Им передавали, они торговались. Пели песни: «Зять у ворот увиватся, ревет», «Не было ветру, вдруг надунуло» и т. д. Наконец, ворота открывали и впускали жениха. Его встречала мать с отцом, они подносили хлеб и икону. Затем вели жениха через задний двор. Объяснить и этот обычай мне не могли. Говорили: «А не знаю пошто, не заведёно было по этому крылечку, все по заднему».

У невесты свадебжане оставались часа два-три, иногда, правда, и больше. В обмен на хлеб, который подносила мать невесты, приехавшие давали лагун пива или водку. Невеста встречала жениха, она находилась в это время за *занавесью*, на *середе*²⁴¹, т. е. за занавеской или переборкой, отделявшей кухню и устье печи от всей избы. За *занавесью* невеста сидела вместе со своей свахой, которая не отходила от невесты всю свадьбу, и подружками.

Когда входил жених, невеста старалась заглянуть через переборку, чтобы увидеть, какой войдет жених. Если грустный, жизнь будет плохая, веселый — хорошая. Сваха жениха передавала невесте через грядку (переборка, отделяющая избу от кута) мыло и гребень на тарелочке. Это мыло имело особое значение и в замужней жизни этой девушки. Невеста хранила его всю жизнь и мыла им первую неделю после родов всех своих детей. Невестина сваха должна была немного помыть им невесту. Из-за занавеси невесту выводил брат или отец. Выводя, брат говорил:

У нас была добра, хороша,

У вас будет лучше.

У нас была лычка,

У вас будет ремешок*.

Молодых благословляют. Все посидят за столом и едут на венчанье. Старообрядцы тоже ездили, но у них не накладывали венцы и служба

* Т. е. можно невесту постегать и ремешком, если не будет послушна.

была длиннее, так как «молились два канона». Тысяцкий выводил жениха и невесту из дома за платочек. Платочек часто упоминался в описаниях свадьбы. За платочек также держались молодые на протяжении всей свадьбы. На концы другого платка, головного, смотрели, когда невеста отъезжала из родного дома: если концы его разлетались назад, то невеста не должна была тосковать по дому. В церковь невеста ехала в одних санях со своей свахой, жених — с тысяцким, впереди ехали верховые дружки. У церкви жених подходил к саням и вынимал невесту. Из церкви в дом жениха молодые ехали в одних санях; если позволял достаток, то старались запрячь пару лошадей. После венчания катались по улицам.

Вслед за невестой, которая поехала под венец, из ее дома в дом жениха везли *коробейку с пуховым*, т. е. *сундук со сдарьем* (т. е. подарками), постель. Сундук везли провожатые — братья, деверья, тетки, иногда мать и отец невесты.

Когда молодые приезжали в дом к жениху, их встречали мать с отцом, благословляли ковригой. Заводили в дом также со двора. Это сопровождалось песнями. Посидев за столом, свахи начинали окручивать молодую. Плели ей две косы, одевали косынку и *моршень* — женский головной убор. *Моршень* иногда одевали уже после брачной ночи. *Окручивали* молодую иногда на *середе*, иногда в церкви, в *сторожке*, а иногда прямо за столом. Косы плели обе свахи. Гости примечали. Если невестина сваха скорее заплетала, то у молодой первым ребенком будет девочка, если жениха, то сын. Посидев за столом, невесту с женихом отправляли спать на подклет. Чаще всего молодых спускали в *голубец* (подвал). Провожали их на подклет тысяцкий или большая дружка и сваха невесты. Надо сказать, что функции тысяцкого и большого дружки в рассказах информаторов все время переплетаются и подменяют друг друга. Все большую роль играет тысяцкий, постепенно, видимо, вытесняя чин большого дружки. После того, как молодых отводили спать, гости начинали бурно веселиться, петь и плясать.

Утром молодых будили дружки, брызгая водой из рта. Тащили молодых либо в баню, либо валяли в снегу или купали в реке. Когда садились за стол, били горшки и смотрели, как они бьются: легко или трудно. Если невеста была целомудренная, то в Соликамском р-не свахе подносили «тройку воды, тройку кваса, ржаного хлеба».

Второй день свадьбы назывался *столованьем* или, чаще, *большим столом*. Угощения были примерно такими же, как мы уже говорили. Иногда готовили гуся или курицу и, когда выносили это блюдо, *стреляли из ружья*. Что-то кидали с печи, как будто птица летит, и выстреливали холостым зарядом. Дружки как будто разрывали птицу. Надо сказать еще об одной характерной черте застолий на свадьбе. Вся еда приносилась закрытой чем-нибудь — полотенцами или блюдами. Смысла этого обычая объяснить не могли.

В этот день невеста была в другом платье. Девушки опевали, величали гостей, за что им платили деньги и угощали вином или пивом. На второй — третий день невеста делала пирожный стол. В этот день невеста должна была угощать гостей пирогами своего изготовления. На второй день еще *наряжались*: гости надевали на себя все рукоделье из

сундука невесты (скатерти, полотенца) и, взяв пиво, разгуливали по дороге. Женщины одевали мужскую одежду, мужчины — женскую. Постепенно свадебное веселье сходило на нет.

Черед семь дней, а иногда и через два-три дня после свадьбы молодые вместе с родителями молодого по приглашению родителей молодой ехали на *хлебины*. Там опять готовили угощение. Отличительной особенностью стола на *хлебных* были блины, сложенные особым образом. Это было своеобразное испытание для жениха и знак о целомудрии невесты. Блины складывались горкой, а на верхний блин наливалось масло. Жених должен был умело перевернуть горку блинов. *Хлебины* были как бы рубежом в жизни молодой. До них молодой было не положено ходить по воду. На мой вопрос: «Почему?» — ответа не дали. «А вот не положено. Надо вначале *хлебины* провести, а тогда уж...» В первое свое посещение реки молодая кидала в воду платок или спускала венки, если дело было летом. Придя первый раз на колодец, молодая клала на сруб кусочек хлеба. Эти обычаи неуказательно исполнялись, хотя и им объяснения мне не дали: «А кто его знает. Чего-то заведено так стариками. Никто ничё не объяснял. Так заведено и все». После *хлебных* следовали еще взаимные посещения новых родственников, они назывались *гоститьба*. Приезжали молодые к теще на блины и в масленицу.

Так в общих чертах выглядел свадебный обряд в обследованных деревнях Пермской обл.

Вместе с тем, даже в таком обобщенно-редуцированном виде обряд сохранил некоторые локальные краски. Например, в районах (Юрлинском и Юмском) Коми-Пермяцкого округа, а также в некоторых деревнях (Комариха и др.) Ильинского р-на Пермской обл. и деревнях около Сепыча сохранился обряд и соответствующий ему поэтический комплекс — посещение невестой своих родственников после *просватанья*, так называемая *поездка по обедам*. В других районах этот обряд не отмечался.

Как известно, этот элемент распространен в мордовском свадебном обряде, его же отмечал Ю. Сурхаско в деревнях с карельской и вепской традицией. Это сходство, вероятно, можно отнести за счет древних общих угро-финских черт. Кроме того, при сравнении свадебного обряда русских юрлинцев с обрядом коми-пермяков, описание которого опубликовано в 1859 г., совпадение между ними очень заметно. Общеизвестно, что русский свадебный обряд оказал большое влияние на обряд коми. Однако исследователи (Ф. В. Плясовский) отмечали, что свадьба коми представляет явление более сложное, чем простое и прямое заимствование у русских. Мы можем предположить, что и обряд русских юрлинцев также является результатом их длительного сотворчества с местными коми. И хотя по структуре он ближе к традиции Русского Севера, в нем присутствуют характерные местные черты.

Кроме свадеб с развернутым свадебным обрядом, очень широко и повсеместно были распространены свадьбы *убегом*. В основном их делали, «чтобы меньше расходу было». Иногда прибегали к ним с той же целью, даже уже просватав невесту. При свадьбе *убегом* жених делал столы, но более скромные, а невеста, вернее ее родные, устраивали столы, когда молодые приезжали на *мировую*.

Широкое распространение свадеб *убегом* в этих краях, возможно, связано со старообрядчеством, у которого, особенно у федосеевцев, а их здесь было много, браки *убегом* были очень популярны. Это явление отмечалось у федосеевцев и в других районах страны, например, в Латвии и в Литве.

Из традиционного свадебного обряда в современных свадьбах сохраняются лишь отдельные фрагменты, достаточно, на первый взгляд, случайные: вдруг в одной деревне вспомнили, что на свадьбе едят только вилками. Некоторые детали сохраняются твердо, например, порядок расположения гостей и жениха с невестой за столом. Сохраняются такие свадебные чины, как тысяцкий и сваха. Стараются придерживаться ритуального свадебного угощения, правда, прочно вошли торты и салаты. Бьют горшки после брачной ночи и т. д. Живучи приметы, а также обряды, смысл которых уже не могут объяснить. Что же касается фольклора, то тексты свадебных песен и причетов составляют большую часть наших песенных записей. И это не только результат особого интереса к ним собирателя. На наш взгляд, свадебный обряд с входящими в него фольклорными произведениями и сейчас представлен достаточно полно и разнообразно.

Хорошую сохранность свадебного фольклора в Пермской обл. (особенно в Северном Прикамье) отмечал И. В. Зырянов, собиратель и большой знаток этого жанра. Он писал: «...есть основания думать, что свадебная поэзия в каких-то формах продолжает существовать и даже развиваться. Песнетворческий процесс не угас. Народная память все еще сохраняет крестьянскую песенную классику, традиционные обрядовые «мотивы» ... Песенный репертуар свадебной лирики выглядит более богатым, более полным в записях современной свадьбы»²⁴². Конечно, причина этого — не в особенностях современного бытования свадебной поэзии, а главным образом в современных методах сбора материала. И сейчас наши исполнительницы часто говорят, что свадебные песни «сотнями певали». Еще недавно, вспоминали женщины, на свадьбы стыдно было приносить гармошку, ее считали за позор, потому что «гармошка была во рту». На свадьбах песни пели, под них и плясали. Свадебная лирика сохраняется в основном благодаря энтузиазму старшего поколения. Молодежь, как правило, петь традиционные свадебные песни и причитывать не умеет, но обычно не противится их исполнению на своих свадьбах. Нередко, спрашивая о современной свадьбе, я слышала, что «тут давеча *опевали* ... еще вот по-прежнему, а так уж ноне никто не умеет песни те петь-та». В пос. Пянтег я присутствовала при разговоре двух женщин — матери 83 лет и дочери, которой было около 50 лет. Дочь рассказывала о свадьбе, произошедшей недавно в д. Амбар. На этой свадьбе *опевали* гостей, и дочь осуждала хозяев за то, что никто песенницам не поднес водки — «всухую пели» и что «заработали они всего 12 рублей». На это мать сказала, что они «плохо пели», и вспомнила, как недавно выдавала свою племянницу, у которой на свадьбе пели хорошо, так как молодым женщинам помогали старухи. Слушая этот разговор, я спросила: «Так значит молодые все-таки знают песни?» Дочь ответила, что знают. Мать же отнеслась к ее словам с недоверием и пренебрежением. Вопрос о преемственности традиции очень сложен. Приведенный выше

разговор происходил в деревне с бывшим православным населением; в таких деревнях, как правило, старая традиция еще держится. Другая картина наблюдалась в Усть-Уролка Чердынского р-на, где в прошлом преобладали староверы. В этой деревне нам удалось записать наиболее интересные причеты и свадебные песни. Из разговоров же выяснилось, что в прошлом во многих семьях свадьбы с песнями не поощрялись, и распространение их, а тем самым популярность свадебного фольклора явились результатом ослабления веры и сближения с православными, которые произошли на памяти людей старшего поколения. В д. Курья Коми АССР нам не удалось записать ни одной свадебной песни. А на свадьбе у молодых, уроженцев этих мест, свои традиционные свадебные песни пела женщина из Брянской обл. Песни очень понравились, и молодежь просила ее записать их текст для будущих свадеб.

Причин такого явления много. Во-первых, в послевоенное время в д. Курья влилось много нового населения, правда, в основном из окрестных деревень (до революции в Курье было 12 домов, сейчас 50). Это внесло некоторый разноречивый в фольклорную традицию деревни. Во-вторых, люди, мелодость которых проходила еще во время бытования старой местной традиции, практически были оторваны от нее. Это было время Великой Отечественной войны и трудных послевоенных лет. Почти вся молодежь, главным образом девушки, работала на лесоповале и лесосплаве под Красновишерском (300 км от Курьи) и была оторвана на долгое время от дома, а парни ушли на войну и многие не вернулись. В новых же условиях (на сплаве и лесоповале) большую популярность среди молодежи приобрели частушки, городские песни и романсы. Эти жанры так и остались в репертуаре женщин, которым сейчас 50—60 лет. Что же касается женщин 70—80 лет, которые в молодости сами знали и пели старинные песни, то их интересы с возрастом изменились. Отчасти это произошло в силу местной традиции. В прошлом (немногие и в настоящем) местное население преимущественно принадлежало к старообрядческой секте бегунов. Сейчас в сознании местных стариков от ее вероучения почти ничего не осталось, но существует бытовая традиция, по которой женщины, и в меньшей степени мужчины с возрастом отходят от всего «мирского». Поэтому, даже зная традиционные обрядовые песни, женщины не хотят их петь и не поощряют тех, кто в преклонном возрасте их исполняет.

Все эти причины, на мой взгляд, могли повлиять на сохранность существовавшей здесь некогда фольклорной традиции.

В деревне Нижнее Копально мы встретились еще с одной формой бытования старой традиции свадебного фольклора. После войны деревня как бы разделилась на два конца. В одном живет главным образом исконное население этой деревни, в другом — смешанное, с преобладанием пришлого. Так же четко разделилась и фольклорная традиция. Репертуар старой части состоит из традиционного фольклора, причем свадебная лирика сохраняется довольно хорошо. Репертуар послевоенной части деревни состоит в основном из частушек, городских песен и романсов.

Что же представляет собой записанный нами свадебный фольклор?

Как показывают многочисленные материалы по свадебному обряду, собранные нашими предшественниками, о каком-то едином, условно-

пермском свадебном обряде русских говорить, видимо, можно, хотя и встречаются локальные особенности. Что же касается свадебного фольклора, то, как отмечал И. В. Зырянов, репертуар свадебной поэзии Пермской обл. «это скорее всего поэтическая мозаичная картина, в которой много общих, одинаковых красок, характерных для любой местности, но есть и неповторимые локальные, присущие отдельным, иногда очень ограниченным ареалам»²⁴³.

Наши наблюдения показали, что каждый из изучаемых районов имеет свой довольно устойчивый репертуар, свои определенные стилистические черты и определенный подбор жанров, т. е. локальные особенности заключаются не в исполнении присущих только этому району песен, а в специфическом репертуаре. Особенно четко выделяется среди всех традиция Юрлинского р-на Коми-Пермяцкого округа. Русское население этого района представляет компактную группу (около 12 тысяч человек). Она населяет малоизученный этнографами и фольклористами район по притоку Камы р. Косе и образует этнический остров среди коми-пермяцкого населения. В формировании его принимали участие различные по происхождению группы русского населения, не обошлось и без смешения с коми-пермяками. В результате выработался репертуар с четко выраженным локальным характером. Прежде всего поражает единообразие в подборе текстов по всему району, тождественная обрядовая приуроченность их, а текстовое сходство отмечалось даже между отдельными деревнями района (например, д. Зюздино Юрлинского сельсовета и д. Осинки Юмского сельсовета). Правда, между этими деревнями существовали брачные связи. Выделяется свадебный поэтический комплекс этого района среди других районов Пермской обл. и своими уникальными причетами, связанными с обрядом *поездки невесты по обедам*. Характерной чертой этого района является и большая стабильность текстов, о чем свидетельствуют материалы, хранящиеся в архивах Перми и Чердыни, собранные в конце XIX — начале XX в. Что же касается Чердынского и Соликамского районов, то у них тоже, безусловно, есть свое лицо, но, в отличие от Юрлинского, в этих районах множество мелких локальных традиций, бытующих как в одной, так и в нескольких деревнях, но нет такого устойчивого единообразия по всему району.

Несмотря на ярко выраженные локальные различия, нами было выявлено достаточно большое количество песен, встречающихся почти во всех районах Пермской обл. В основном это песни свадебного дня и величальные, что само по себе не удивительно, так как на свадебном застолье собирались гости из разных мест и песни, естественно, подбирались общеизвестные. Среди наиболее распространенных песен следующие: 1. «По сениям было по сеничкам»; 2. «Вы не пойте, куры, пѣтухи и не кричите вы по-старинному»; 3. «Как-то у красного солнышка лучи да моревы»; 4. «Как не во поле шатер стоит»; 5. «Во лугах вода разливаается, и по лужкам трава расстилается»; 6. «Во тереме гусельцы лежали»; 7. «Не было ветру, не было ветру, вдруг наваяло»; 8. «На горе было горюшке. Ой, вин радость моя»; 9. «На диване алом бархатном, во столовой белой горенке, перед ставным чистым зеркалом»; 10. «По столу, столу дубовому, по блюду, блюду серебряному плавала чарочка во сладком меду» и др.

Многие из этих песен общерусские. Но этим совпадением не ограничивается общность между разными районами. Помимо упомянутых песен с устойчивым сюжетом и сходными мотивами, было обнаружено множество общих мотивов, рассыпанных в разных песнях, однотипных развернутых образов, отдельных устойчивых «поэтических блоков». Иными словами, проявился как бы общий поэтический фонд, можно сказать, местный поэтический «арсенал». Подтверждение этому можно получить, если рассмотреть хотя бы песни с однотипным зачином: «По сениям было по сеничкам, по новым переходичкам, тут ходила, гуляла молодая боярыня». Этот зачин встречается в песнях с разными сюжетами. Например: 1. Боярыня будила своего мужа милого, так как государь в поход пошел, а у них не все справлено. Муж утешает ее и говорит, что все будет хорошо. А за победу царь пожалует их стольными Казанью и Астраханью и Сибирью богатою. Или: 2. Боярыня идет во нову горенку посмотреть: не едет ли милый муж, не везет ли гостинчики. Этот мотив как правило соединяется с другим: муж сидит во пиру, во беседушке и похвывается женой. 3. Боярыня ходила, гуляла «до кроватки, до часовеньки, до своего сына милого». Она будит сына, потому что пришел посол и сообщил, что «оторвался наш добрый конь от столба, столба дубового, да от колечика серебряного...».

Все эти сюжеты встречаются и с другими зачинами. Например, сюжет «Не идет ли мой милый муж ... (2-й) встречается с зачином:

«Как из горницы в горницу
Из холодной во теплую
Тут и ходила, гуляла
Молодая красавица...»

Или мотив «Пробудись, мой муж, оторвался наш добрый конь да от колечика серебряного» сочетается с зачином:

«Во раскрашенном тереме,
Да во новой светлой горнице...»

Отдельные мотивы из этих песен встречаются в текстах с другими сюжетами. Например, мотив муж женой похвывается:

«У меня жена -- барыня,
Молодая боярыня,
У ней походка павлиная...»

или мотив «Оторвался наш добрый конь да от колечика серебряного...» Песни с зачином «По сениям было по сеничкам» — не единичный пример сочетания отдельных мотивов и поэтических фрагментов, встречающихся во многих других песнях.

Например, зачин «Как-то у красного солнышка лучи да моревы» встречается в песнях с разными сюжетами или с разным набором мотивов. Наиболее часто этот запев соединяется с двумя мотивами:

«Как у доброго молодца
В три ряда кудри завивались...»

«Кто вспоил, вскормил
Доброго молодца...»

Иногда к ним еще присоединяется мотив «Донские казаки, ой, да разыгрались...» Этот же зачин используется в величальной песне для священника:

«Как у духовного батюшки
Голова была учесана...»

Мотив «Пронгралась Анна-душа...» содержится в двух разных песнях (с разными сюжетами): «Как не во поле шатер стоит...» и «Как по морю судно плывет...». Разнообразно сочетается в песнях с разными сюжетами мотив «Зять у ворот увидается...».

Подобных примеров можно привести множество. Они встречаются не только на территории Северного Прикамья, но и в других районах Пермской обл.

Важно отметить, что многие песни из репертуара Пермской обл. встречаются в Карельском Поморье в довольно близких вариантах. Они же есть и на Печоре, а отдельные элементы их (мотивы, зачины) — в бывшей Олонецкой губ., в Новгородской обл.

Сравнительный анализ материала позволил выделить единый компонент в песенной культуре не только Северного Прикамья, но и в отдельных районах нижней Камы (Осинкинский р-н), в Оханском и Ильинском районах, а также в бывшем Екатеринбургском у. Пермской губ. Этот же компонент имеется в фольклоре в ряде северо-западных областей европейской части СССР.

Эти общие черты позволяют говорить о связи местной песенной традиции с традицией упомянутых северных районов, которая, вероятно, была исходной по отношению к местному фольклору. Наши наблюдения подтверждаются сведениями о заселении этих мест. Общие черты проявляются не только в сходстве отдельных сюжетов или мотивов, но и в процессах, которые протекают в наши дни в традиционном фольклоре на всей территории Пермской обл. В большинстве случаев те же процессы отмечаются повсюду. Это прежде всего трансформация или полное исчезновение фольклора, сказанного с досвадебным периодом, особенно причетов. В районе Северного Прикамья и Коми-Пермяцкого округа нами все же было записано достаточно много причетов, но по характеру они ближе к песням и исполняются хором, что требует устойчивого текста. Таким образом, причет теряет присущее ему импровизационное начало. Правда, надо сказать, что хоровое исполнение причетов отмечалось и в Карельском Поморье (с которым у местного населения имеются генетические связи), так что, может быть, это идет от традиции.

Наиболее заметные изменения произошли в жанре приговоров. Записи их немногочисленны. Особенно сильную трансформацию претерпели приговоры большого дружки. Это и понятно: функции большого дружки уже давно (видимо, уже в конце XIX — начале XX в.) в свадебном обряде очень сократились, почти сошли на нет. Этот свадебный чин фактически слился с тысяцким — крестным отцом. Записанные нами тексты приговоров являются лишь фрагментами тех многочисленных и многооб-

разных речей большого дружки, которые встречались в записях конца XIX — начала XX в. (как правило, наши тексты записаны от женщин, которые часто и произносят их на свадьбах). До сих пор разнообразен репертуар опевальных песен. Записаны *плясковые* свадебные песни, причем, чаще встречается исполнение плясовых песен в качестве величальных, особенно на обручение и на второй день свадьбы. Значительно пополнился репертуар свадебного фольклора за счет лирической необрядовой песни и частушки. Надо сказать, что частушки раньше в этих местах на свадьбах пели редко. На мой вопрос о частушках информатор сказала: «Тут свадебных песен хватает. Их можно по двадцать раз перепеть. Тут должны быть все свадебные песни, только свадебные». Необходимо отметить, что песенный материал еще достаточно четко распределяется исполнителями по узловым моментам обряда и их приуроченность соответствует порядку, отмеченному по более ранним записям.

Упростился процесс, если так можно сказать, создания текстов песен, что, на наш взгляд, свидетельствует об угасании традиции. Заметнее проявилось манипулирование уже упомянутыми «поэтическими блоками». Ощущается меньшая поэтическая свобода при создании текстов песен. Как бы сузился традиционный поэтический фонд. Образы и тексты не создаются заново, а лишь перетасовываются уже имеющиеся.

Обряды и обычаи, связанные с крещением

Обычно рожденные и крестильные обряды рассматриваются как общий комплекс обрядов, связанных с рождением ребенка, что объясняется естественным течением событий в русской православной семье, где крещение совершается в первые дни после рождения и крестильные обряды органично сливаются с родительными. Речь идет лишь о региональных различиях. Но у некоторых конфессиональных групп русского крестьянства Северного Урала крещение не связывалось с рождением. Кроме того, своеобразие религиозных воззрений наложило отпечаток и на многие родительные обряды и обычаи. Поэтому целесообразно рассмотреть сначала крестильные обычаи и обряды североуральского крестьянства, обращая внимание на особенности крещения в наиболее многочисленных старообрядческих толках.

По конфессиональному составу русское население Северного Урала во второй половине XIX — начале XX в. принадлежало в основном к православной церкви, старообрядцам-поповцам и старообрядцам-беспоповцам. Обряд крещения, а также религиозная и бытовая ситуация, связанные с крещением, в разных конфессиональных группах отличались известным своеобразием.

Крещение в православной церкви совершалось по каноническим правилам. Крещение старообрядцев разных толков исключало миропомазание; на окрещиваемого надевался не только крест, но и пояс. У старообрядцев часовенного согласия наставник совершал крещение в *дуплянке* — деревянной кадushке. У поморцев и отошедших от них странников до недавнего времени (у поморцев часто и в наши дни) наставники со-

вершали крещение в реке в любое время года; исключение делалось для больных или для грудных детей: их зимой крестили в деревянной кадушке.

По правилам православной церкви при крещении нескольких человек перемены воды не требовалось, хотя на практике воду часто меняли²⁴⁴. У старообрядцев — и поповцев и беспоповцев — каждый окрещиваемый должен был быть погружен в чистую воду. Такой порядок крещения существовал в православной церкви еще до раскола и, по-видимому, в числе прочих канонических правил был сохранен старообрядской церковью. В Иосифовском требнике (1651 г.) предписывалось: «Во единой купели не крестить, но изменять воду каждому»²⁴⁵. Старообрядческое население осуждало православный порядок крещения в одной воде, и, возможно, под их влиянием и православные на Урале предпочитали менять воду. Как говорила одна православная женщина: «Я не безговала, что ребенок положили после другого, а просто говорили мне, что же кладешь, он же некрещеный, нечистый, лучше в чистую воду класть»²⁴⁶.

У православных и поповцев крещение совершалось над новорожденными обычно на третий, седьмой или восьмой день после рождения. Для православных более характерно на третий день («после трех бань»), для старообрядцев — на восьмой.

Представление о крещении страннического толка старообрядцев было иным. По их учению каждый, принявший крещение, должен был порвать всякие связи с миром «антихриста». С начала XIX в. толк получил более широкое распространение после разделения верующих на окрещенных — собственно странников, и пристаннодержателей, т. е. еще не принявших крещение. Практически это привело к тому, что крещение любого члена этого толка стало совершаться в случае угрозы для жизни. По верованиям странников, окрещенный «считался святым, его не вводят в жилой дом, где он может оскверниться от одного присутствия грешников»²⁴⁷. Крещение совершалось в скитах, где и должен был оставаться жить окрещенный, хотя уже в конце XIX — начале XX в. были отступления от этого правила, особенно когда дело касалось детей. После ликвидации скитов бывали случаи, когда окрещенные старики уходили в лес и жили в землянках. Но в основном и после крещения продолжали жить в семье, но ели отдельно, более строго соблюдали посты, старались как-то обособиться от домочадцев. Практически такая изоляция была возможна лишь для пожилых. Так, одна из наших информаторов вспоминала, что она своему окрещенному сыну (30-е годы XX в.) запрещала пить в школе из общей кружки, но «все равно — подросток и стал жить, как все „мирские“»²⁴⁸.

По правилам поморского согласия, крещение совершали над новорожденным. Но постепенно, с начала XX в. и особенно после Октябрьской революции, постоянные контакты с мирскими и представителями других старообрядческих групп, невозможность изолировать крещеного ребенка и соблюдать все предписания религиозной жизни, влияние странников привели к тому, что крестились местные поморцы все чаще в пожилом возрасте, в случае болезни, дальних отъездов и т. д. Так, например, массовое крещение проходило в 30-е годы XX в. в Курьинском сельсовете Троицко-Печорского р-на, когда народ отправился отсюда «за Урал

на заработки»²⁴⁹. Отличие между местными странниками и поморцами, как объясняли жители, заключалось в том, что «у бегунов грех крестить, пока умирать не будешь, а не умрешь, так домой не пускают, а у нас (поморцев) крестись, когда хочешь и живи в семье»²⁵⁰.

В глухих местностях, отдаленных от религиозных центров и редко посещаемых церковнослужителями, принято было крещение новорожденных повивальными бабками, которых в зависимости от их вероисповедания на это часто благословляли и православные священники и старообрядческие наставники. Крещение повитухой отличалось в различных конфессиональных группах. У православных обычным было погружение в воду, надевание креста, имянаречение и чтение молитвы; у старообрядцев повитуха надевала на ребенка крестик и давала имя. У странников Колвы и верхней Печоры повивальная бабка давала лишь имя. Соответственно с правилами крещения в каждой конфессиональной группе при первой возможности священнослужители совершали недостающие обрядовые действия, оставляя крест и имя, данные повитухой.

По правилам православной церкви на восьмой день после крещения должно было происходить *омовение миро* — особо употребляемой для этого губкой, до того «никто не должен был прикасаться к ним (миропомазанным местам. — Т. Л.) и менять крестильную одежду»²⁵¹. В конце XIX — начале XX в. православный обряд упростился: омовение стало совершаться сразу после миропомазания, «чтобы не утруждать родителей необходимостью снова обращаться к священнику»²⁵². У старообрядцев-беспоповцев, в том числе и у странников, сохранились отмененные православием запреты: окрещенные не мылись и не переодевались в течение восьми дней²⁵³. Если в течение этих дней он умирал, то его не обмывали и не меняли одежду; у странников крестили сразу в похоронной белой одежде. Восьмидневные запреты выразились в более строгой изоляции окрещенного от семьи: «восемь дней нужно храниться, есть отдельно»²⁵⁴.

При совершении обряда крещения на новорожденного у православных и основной массы старообрядчества надевали крест, у старообрядцев — также и пояс. Не совсем ясно, как и когда происходило надевание креста на ребенка у странников, поскольку, как уже говорилось, новорожденных не крестили и, следовательно, обрядового надевания креста и пояса не было. В то же время по понятиям верующих крест — не только символ веры, но и оберег от всяческой нечисти, потому крест необходим любому, а особенно детям. По общим воспоминаниям, «без крестов не ходили»: крест «накидали» на детей, по одним сведениям, сразу после возвращения роженицы из бани, по другим — на уже подросших детей. Делали это родители, повивальная бабка или кто-либо из посторонних. Странники признавали лишь свои кресты, изготавливавшиеся на Колве (впрочем, если человек уже носил старообрядческий крест, то при крещении его не меняли). После смерти старичка, делавшего кресты, быстро почувствовалась их нехватка. В настоящее время многие верующие ходят либо совсем без креста, либо носят любой, даже православный — «все-таки с крестом»²⁵⁵.

У православных и поповцев крещение совершалось либо в соборе, либо в доме приехавшим священником или наставником. Поморцы считали, что крестить в доме невозможно, так как сверху «земля»²⁵⁶.

Представление об умершем неокрещенном — слепом в загробном мире характерно для воззрений всех конфессиональных групп; у бегунов также добавляли, что неокрещенный — «в огне будет гореть». Иногда отличали последствия смерти без крещения для младенца и взрослого: если младенец на том свете будет просто слепым, то взрослый — «сразу пропадет»²⁵⁷.

У старообрядцев-беспоповцев в отличие от поповцев и православных крещение совершалось бесплатно, точнее сказать, не имело определенной платы: каждая семья давала крестившему наставнику, «кто сколько может дать».

Интересно, насколько психологически отличным был подход к необходимости и значению крещения старообрядцев-странников. Для православного и для основной массы старообрядцев неокрещенный ребенок беззащитен перед «порчей», «сглазом». А. А. Заварина, изучавшая обычаи русских старообрядцев в Латгалии, подчеркивает влияние этих суеверий на установление времени крещения: в данной группе предписывалось крестить ребенка после того, как его переставали кормить грудью, т. е. по достижении им двухлетнего возраста. Но «родители не захотели больше иметь ребенка, который до двух почти лет считался поганым (некрещеным.— Т. Л.) и которого, вследствие этого, нельзя было даже целовать. Кроме того, неокрещенного ребенка, по мнению информаторов, очень трудно было поднять на ноги, так как он подвергался в этот период различным болезням. А лечить некрещеного было бесполезно: никакие заговоры и нашептывания бабок не имели здесь силы»²⁵⁸. Эти суеверия не свойственны мировоззрению странников, у них отсутствует взгляд на крещение как защитный акт.

И для православных, и для странников крещение — несомненно очистительный обряд. Это как бы второе, духовное рождение. Но если по взглядам православного верующего крещение очищает новорожденного для будущего существования (и земного и загробного), то у странников — исключительно от греховной жизни для загробного блаженства. Отсюда, правда, недалеко до признания полной безнаказанности за совершенные поступки, так как последующее крещение «все снимет».

Соответственно расходятся взгляды православных и странников на значение имянаречения. Выбор имени определялся по святцам. У крестьянства Северного Урала независимо от конфессиональной группы порядок выбора имени в основном сходен. Имя давал священник, начетчик или повивальная бабка по святцам: мальчику — по восьмому дню после рождения (т. е. по дню, установленному церковью как день крещения), девочке — за неделю до и после дня рождения. Выбор имени по святцам приводил иногда к одноименности детей в одной семье. В православной церкви выбор имени по святцам был менее строгим, чем у старообрядцев. В последние десятилетия и старообрядцы, в том числе и странники, при крещении детей соглашались на выбор имени родителями.

Соотнесенность имени со днем определенного святого ставила ребенка под его покровительство²⁵⁹. В секте странников имя давалось ребенку при рождении, обычно при этом также руководствовались святцами. Но перед смертью при крещении имя менялось и окрещенный человек не отвечал за поступки того, кто носил другое имя. Окрещенный в слу-

чае угрозы смерти в детстве и выживший оставался жить в «миру», имея два имени. Обычная жизнь его шла под именем, данным при рождении, в религиозной же жизни он «числился» под вторым именем²⁶⁰, крестильное имя оставалось как бы «чистым», и под ним он должен был отправиться в загробный мир.

Крестные. Большое значение имел выбор крестных²⁶¹. У крестьян Северного Урала более распространенным был обычай приглашать по одному крестному одного пола с окрещиваемым, в некоторых местах у мальчика бывало два восприемника — крестный и крестная, у девочки — только крестная мать²⁶². По воспоминаниям православных, иногда священники, следуя, по-видимому, укоренившейся в Европейской России народной традиции²⁶³, «заставляли брать двух крестных»²⁶⁴.

Как дополнительный источник по данному вопросу можно использовать записи метрических книг²⁶⁵, куда при крещении заносились имена крестных родителей, а также их сословное положение и отношение к окрещиваемому (родственники, посторонние). Метрические книги не могут служить основным источником, так как передают не только традицию, но и порядок записи в данном приходе. Священники, особенно те, в чьих приходах жило смешанное православно-старообрядческое население, что было характерно для Северного Урала, часто оказывались некомпетентными в вопросах оформления крещения. Это очевидно из запросов с мест в высшие епархиальные органы²⁶⁶. Надо учитывать и то, что при крещении детей старообрядцев в православие крестные должны были быть православной веры, отсюда неизбежное нарушение традиции в предпочтительности выбора крестных и в их количестве, а также в характере дальнейших отношений, тем более, что крещение часто носило формальный характер.

Возраст крестных строго не регламентировался, обычно подчеркивается, что старались приглашать молодых, лет с 15, иногда и моложе. Соблюдались связанные с кумовством брачные запреты: ни кумовья, ни их дети (даже приемные) не могли вступать между собой в брак²⁶⁷. Особенно строго эти запреты соблюдались в старообрядческой среде. По некоторым сведениям, отношения кумовства как препятствие при заключении брака учитывались до третьего колена. Для того чтобы избежать расширения круга лиц, связанных духовным родством, в крестные родители в старообрядческих селениях, а часто и у православных, предпочитали приглашать родственников; с той же целью у поморцев верхней Печоры в начале XX в. детей всей деревни принимал один человек — «чтобы не родниться»²⁶⁸. Крещение детей их братьями и сестрами характерно для сел со смешанным конфессиональным составом населения, что сужало возможность выбора восприемника одного толка (табл. 19)²⁶⁹.

В случае, если дети не жили, приглашали в крестные родители первых встречных любого возраста²⁷⁰.

Крестные обычно готовили ребенку крестик, а у старообрядцев и поясок, и *прием* — материю, на которую клали ребенка, а также приносили воду для крещения.

Своеобразны отношения кумовства в странничестве. При совершении обряда (напомним, перед смертью или уходом из «мира») наставнику по-

Таблица 19

Выбор крестных при крещении в Пермском и Чердынском уездах

Приходы	Мальчики		Девочки		Мальчи- ки	Девочки
	крест- ный отец	крест- ный отец и крест- ная мать	крест- ная мать	крест- ный отец и крест- ная мать	крест- ная мать	крест- ный отец
Нижнечусовский городок	109	16	113	10	—	—
С. Глубокое Пермского у.	7	48	37	4	5	—
С. Верхняя Яйва Соликам- ского у.	10	6	18	5	—	—
С. Ильинское, 1844 г.	8	13	10	5	—	—
С. Ильинское, 1847 г.	19	36	55	11	—	—
С. Ильинское, 1834 г.	71	54	97	33	—	—
Д. Егнева Пермского у., 1852 г.	—	65	41	11	—	—
Спасо-Никольская едино- верческая церковь, 1829 г.	55	29	96	—	—	—
С. Пятег Чердынского у., 1820 г.	28	—	25	—	—	—
С. Чигирова Чердынского у., 1821 г.	17	—	20	—	—	—
С. Шильце Чердынский у.	31	—	22	—	—	—

могали восприемник и восприемница или один из них, обычно кто-либо из окрещенных стариков. Естественно, никакой роли в жизни окрещиваемого они играть не могли, и отношения кумовства, как считали, не возникали: «Та, которая принимает, та и крестная, но саму ее кумой не считаю»²⁷¹. Тем не менее один из главных участников местной свадьбы — крестная мать. Выяснилось, что здесь довольно широко было принято установление отношений кумовства путем *накидания* креста на ребенка (обычно не на новорожденного): по согласию родителей, а иногда и не предупреждая их, женщина, желающая стать крестной и покумиться с данной семьей, надевала крест на ребенка. Пожилые люди вспоминают: «Если захочешь быть кумой, накидываешь крестик на ребенка, да еще иногда украдкой от родителей, и тогда ребенок зовет крестной» (*кокой* по местному детскому лексикону)²⁷².

Покумившиеся таким образом считали друг друга кумовьями и придерживались некоторых традиционных отношений кумовства. Например, женщине, накинувшей крест, родители несли подарки — материю, платок²⁷³; крестная на именины крестницы носила ей подарки²⁷⁴. Появление этого обычая объясняется, по-видимому, тем, что в странничестве переходили люди со сложившимися культурно-бытовыми традициями, в том числе и с традицией существования у каждого человека крестных, их участием в жизни крестника, особенно в обрядовой. В процессе взаи-

модействия нового вероучения со старыми традициями и возникали новые обычаи.

Совершение обряда крещения приводило к установлению дружеских связей между восприемниками и семьей их крестников. Кумовья оказывали взаимную помощь: «Крестные — как свои. Как крестная состарится, ей помогаешь»²⁷⁵. Также и крестные старались одарить крестников: «Мы худо жили, а семья крестной хорошо, крестная хороший хлеб пекла, так я к ней бегала, она мне хлеб давала хороший»²⁷⁶. Обычным было посещение крестных по праздникам. В день именин ребенка, особенно в первую годовщину его рождения, родители несли подарки крестным, а те отдаривали своих крестников²⁷⁷. На пасху дети бегали к своим крестным за яичком.

По традиции северноуральской свадьбы (как и севернорусской) крестный отец жениха исполнял роль тысяцкого, крестная мать невесты — свахи. Других лиц брали лишь в случае, если крестная мать — не замужем или вдова, а крестный — неженатый. Случалось, правда, особенно на богатых свадьбах, что «крестную мать браковали». Обиженная крестная, как сообщают источники, иногда «устроивала насмешку, неожиданно, для скандала, появляясь в самой что ни на есть ветхой „латани“ в церковь во время венчания, брала „семишную“ свечку и отпихивала сваху не крестную, сама становилась возле невесты». В таких случаях и священники, и общественное мнение было на стороне крестных: «В те поры, кожды понадоблялось крестить ребенка, дак годна была в кумушки, а теперь в свахи дак не годна, не ладна стала», — с осуждением говорили окружающие²⁷⁸.

Укоренившееся в народе представление о духовной связи крестных с крестниками, о моральной ответственности за их поведение в будущем в среде современного старообрядчества принимает иногда извращенные формы, искажается суть института восприемничества. На первый план выступает не введение новорожденного в веру, что почиталось богоугодным и почетным делом, а последующая опасность отвечать за грехи крестников. Местные верующие уверены, что до исполнения ребенку 17 лет его грехи падают на родителей и на крестных. Боязнь «осквернения» окрещенных, «живущих в вере» старушек (а восприемниками могли быть только такие) приводит к тому, что никто не хочет принимать детей при крещении: «Умрет — хорошо, а нет — так неизвестно какой вырастет»²⁷⁹.

Крестины. Своеобразие крещения в различных конфессиональных группах в свою очередь повлияло и на местную традицию крестильного обеда. Православные, поповцы, часовенные устраивали крестины сразу после крещения. Обед проходил не слишком торжественно, приглашали обязательно кумовьев, а также родственников и соседей. Иногда, кроме кумовьев, никого из посторонних не было. На угощение подавались пироги рыбные, каша, суп, пельмени, последнее блюдо — *селянка* — отказ — запеченное картофельное пюре с молоком и яйцами, в постные дни — крутой гороховый или картофельный кисель. В д. Усть-Уролка поверх *селянки* клали блины. Сначала съедались блины, затем резали на мелкие куски селянку или кисель. Из напитков подавали сусло, бражку, чай.

В тех случаях, когда крещение совершала повитуха, а священник лишь *довершал* обряд, крестильный обед устраивался лишь после крещения повитухой²⁸⁰. Возможно, это показывает, что сами крестьяне считали действия повитухи достаточными для того, чтобы считать ребенка крещеным. Каких-либо обрядовых действий на крестинах старики не помнят.

У поморцев, а тем более у странников, подобный обед обычно не устраивался. В этом сказались ограниченность обрядовой жизни у поморцев и у бегунов Северного Урала. Но еще важнее было отличие функции крещения и следовавшего за ним крестильного обеда от крещения, принятого в православном мире, а также во многих старообрядческих толках. Крещение и крестины вводили **новорожденного в мир православной крестьянской общины**. Отныне вся его жизнь связывалась не только с религиозной, но и с бытовой, трудовой и праздничной жизнью общины. Крещение же бегунов, а к концу XIX в. и поморцев, имело значение «очищения» и отхода от «мирской» общины. Поэтому исчезло значение крестильного обеда как семейно-родовой трапезы²⁸¹, разнообразные обряды которой символизировали прием новорожденного в общину и заботу о его будущем. Как вспоминают жители верхней Печоры, старики, крестившие в скитах, устраивали небольшой обед лишь при крещении взрослых, при крещении детей и этого не было.

Известным своеобразием отличалось празднование рождения и крещения ребенка в Юрлинском р-не. Собственно крестины здесь проходили весьма скромно, ограничиваясь угощением кумовьев и родственников. Основное празднование совпадало с проведыванием роженицы под общим названием *идти на кашу* (см. *Проведывание*).

В целом картина религиозно-обрядовых реалий, связанных с крещением, отражает разнообразие религиозных вероучений, распространенных на Северном Урале.

Православный прихожанин с рождения усваивал определенный стереотип религиозно-бытового и религиозно-обрядового поведения, включающий и предметную символику и целый комплекс соответствовавших взаимоотношений. Религиозное воспитание, приобщение к традиционным нормам религиозной жизни проводилось одновременно и церковью и семейно-общинным коллективом. В свою очередь и православная церковь, в течение многих веков внедряя каноническую обрядность, одновременно в процессе практики отбирала ее оптимальные варианты, приспособляясь к народным обычаям и меняющимся условиям реальной жизни. Сходная картина существовала и в среде старообрядцев-поповцев. Устав беспоповцев был рассчитан на строгую конфессиональную изоляцию, и втягивание их в широкие контактные связи нарушало, вносило неупорядоченность в обрядовую жизнь. Много неясного в обрядности странников. Это объясняется не только скудностью источников, обращавших основное внимание на религиозное мировоззрение, а также скрытностью членов общины странников, но и действительной неразработанностью религиозно-обрядового поведения последователей этого вероучения.

Религиозная ситуация. В конце XIX — начале XX в. становится очевидной, судя по источникам²⁸², неустойчивость конфессиональной принад-

лежности одной семьи, довольно свободный переход из одной конфессии в другую, конфессионально-смешанный состав семей. Как православные, так и старообрядцы-поповцы и часовенные считали необходимым окрестить ребенка в случае болезни или природной слабости. Поэтому зачастую крестили в ту веру, чей представитель раньше оказался на месте или же чья церковь была ближе²⁸³. В результате, вспоминают, часто отец был крещен в кержацкую веру в молельном доме, а дочь — в православной церкви²⁸⁴ или же двое старших детей — в православной церкви, а остальные — в кержацкую веру, так как «приехал старичок и сразу всех окрестил, кого нужно»²⁸⁵. В таких случаях, правда, родители-старообрядцы старались *доверить* ребенка при первой возможности в свою веру, независимо от того, был ли он крещен в православии или в старообрядчестве другого толка. Так, одна из пожилых женщин вспоминала, что ее *довершали* в 14 лет в Ильинской церкви, а до этого крестил «благословенный дедушка», а сестру ее крестил беспоповский старичок, так как в Ильинское трудно было ехать, а потом *довершали*; также ей советовали *доверить* двух старших детей, окрещенных в православие²⁸⁶. *Довершение* в веру — характерная черта поповства, в отличие от беспоповских толков, признающих только свое крещение и требовавших при переходе в свою веру православных и старообрядцев других толков перекрещивания²⁸⁷. В чем именно состояло «довершение» сказать трудно, так как лица, над которыми обряд совершался, этого не помнят.

Как общую тенденцию источники отмечают переход пожилых православных в старообрядчество, особенно в конфессионально смешанных селениях. Отчасти это происходило под влиянием окружающих старообрядцев. Большое значение имело и то, что территориально старообрядческие наставники были обычно ближе. П. Воропай, анализируя религиозную ситуацию и причины распространения старообрядчества в Чердынском у. в конце XIX в., отмечал, что «за отдаленностью местонахождения священника и по причине отсутствия дорог большинство как рождаются, так и умирают, не видевши над собою никакого христианского (православного.— Т. Л.) обряда». П. Воропай пришел к выводу, что «большинство православных, дожив до старости и слыша что-нибудь о религии только от раскольничьих наставников и начетчиков, под старость, особенно женщины, переходят в раскол»²⁸⁸. Иногда такой переход совершался далеко не добровольно. Источники сообщают о том, что «операцию введения в веру чаще всего коноводы раскольников проделывают над отчаянно больными, находящимися в беспамятстве»²⁸⁹. Бывали случаи и морального принуждения. Нам приводили в пример конфессионально-смешанную семью, в которой сноха была православная, а свекровь — старообрядка. После смерти последней одноверцы свекрови потребовали от снохи перехода в старообрядчество, отказываясь в противном случае помянуть умершую²⁹⁰.

При смешанных конфессиональных браках обязательная перемена веры одного из вступающих в брак зависела от разных причин: чья вера была более влиятельной в данной местности, в чьей семье собирались жить молодые, стремились ли они официально оформить брак, для чего необходимо было венчаться в православной или единоверческой

Молебен на Петров день (конец XIX в.)

церкви. При этом переход заключался обычно лишь в формальном исполнении требуемого обряда и не менял чего-либо в религиозном мировоззрении перешедшего. Переход в православие в соответствии с правилами официальной церкви ограничивался отказом от ереси; не требовали повторного крещения и различные поповские толки, и часовенная церковь. Беспоповские толки принимали к себе через перекрещивание. Нерегулярность, необязательность, отсутствие канонических правил крещения даже внутри одной конфессиональной группы, что было характерно для северных районов Пермской губ., приводили к тому, что сами крестьяне часто не в состоянии были объяснить, совершено ли над ними крещение и в чем оно состояло. Изучавший нравы жителей Северного Урала и Печоры Н. Белдыцкий приводит типичную ситуацию, рассказанную ему священником Тулпанской православной церкви. Молодая пара пришла с Печоры из старообрядческого (вероятно, поморского) селения, желая обвенчаться. В таких случаях священник должен был выяснить, было ли совершено крещение над вступающими в брак. Жених-раскольник заявил, что он, должно быть, крещен: в детстве крестила бабка — «она всех у нас крестит. Родится ребенок, она в воду его и окунет». Бо-

лее подробной информации парень дать не мог, и священник находился в недоумении, «какую молитву она читала при крещении, ибо от этого зависела необходимость нового крещения»²⁹¹. Аналогичное впечатление о состоянии крещения в Чердынском у. осталось и у П. Воропая²⁹².

Отношения между конфессиональными группами складывались по-разному. В целом очевидно, что религиозная принадлежность определяла характер контактов как между православными и старообрядцами, так и внутри старообрядчества. Нередко подчеркивалось, что «последователи разных толков живут между собой крайне враждебно»²⁹³. Конфессиональная рознь особенно проявлялась в обрядовой жизни. На проводах покойного могли присутствовать лишь те, кто принадлежал к тому же толку. Старообрядцы не ходили на похороны не только мирских, но и старообрядцев других толков. Точно так же они не допускали на свои похороны православных. В наши дни рознь между конфессиями не проявляется так резко: и «мирские» ходят на провода старообрядцев²⁹⁴ и старообрядцы к «мирским»²⁹⁵. Но многие верующие и сейчас придерживаются старых суеверий. Так, например, пожилая кержачка (часовенная?) объяснила, что даже к своей подруге (беглопоповского толка), когда та будет умирать, пойдет лишь проститься перед смертью, но ничего от нее не возьмет, «так как не может за нее молиться»²⁹⁶. Особенно устойчивы подобные представления среди верующих странников и поморцев.

Старообрядцы не принимали участия в православных свадьбах: «кержак даже на свадьбу православного не смотрит — это большой грех». Точно так же и православные не ходили на свадьбы старообрядцев. Отношения же внутри старообрядческих толков в свадебной обрядности выглядели по-иному, демонстрируя в основном религиозную рознь между поповскими и беспоповскими толками.

В повседневной жизни контакты были более свободными. Как вспоминает жительница д. Комариха, «ни в одежде, ни в песнях не различались. На вечера собирались и в мирских, и в кержачьих домах. Только ели отдельно при угощении»²⁹⁷. Были приняты и взаимные проводы роженицы, но при этом кержаки принимали еду от православных до восьмого дня — до крещения ребенка и частичного церковного очищения, т. е. в тот период, когда роженица считалась «нечистой».

Наиболее нетерпимыми к инаковерующим были поморцы и странники. Как сообщила пожилая православная жительница с. Тулпан, «я в Ньюзем ходила к странникам, они меня хорошо принимали, а потом узнали, что я попом крещена, ой как не взлюбили»²⁹⁸.

Родильные обряды и обычаи

Беременность. Период беременности мало что изменял в жизни много рожавшей деревенской женщины. Запреты родового периода немногочисленны и основаны главным образом на подражательной магии: нельзя толкать кошек и собак — у новорожденного будет «собачья» старость или щетинка на коже; нельзя перешагивать через оглобли — горбатый будет. Беременная не должна была целовать покойника при прощании

я провожать его на кладбище. В случае, если этого нельзя было избежать, беременная должна была положить под мышку хлеб — по-видимому, как оберег²⁹⁹. В период беременности женщина ни в коем случае не должна была работать по церковным праздникам — это запрет для всех верующих, нарушение его беременной, как считали, неизбежно должно было отразиться на новорожденном.

Распространены были и поверья о возможной «порче» беременной и похищении или подмене еще неродившегося младенца, для предотвращения чего будущая мать не должна была забывать регулярно креститься и читать молитвы. Каких-либо запретов в быту ни у православных, ни у старообрядцев не было. По возможности будущую мать старались освободить от тяжелой работы.

Роды. Наступление родов часто скрывали до последнего момента, так как считали что «оглашение увеличивает болезни и бывает причиною продолжительного разрешения от бремени»³⁰⁰ и за каждого узнавшего о родах придется «столько мучиться, сколько у него волос»³⁰¹.

Рожали обычно, стоя или на коленях, в редких случаях лежа. Для облегчения родов применяли некоторые магические действия, основанные на магии подобия: развязывали все узлы, расплетали волосы, просили отворить «царские» ворота в церкви. На подражательной магии основаны такие действия роженицы, как проползание под столом, между ног мужа, через дугу, имитирующие рождение и символизирующие разрыв замкнутости. Как синонимичное можно рассматривать и перешагивание роженицы через топор³⁰². Магическое значение подражания усиливалось и словесными приговорами. Так, например, поили роженицу с куриного яйца и приговаривали: «Как курица яичко скоро сносит, так бы и раба божья скоро распросталась»³⁰³. Кроме того, распространены были и некоторые действия, в которых сказалось представление о том, что какие-либо поступки мужа способны облегчить муки жены. Действия эти распространены у русских, и, возможно, генетически они связаны с древним обычаем *кувады*. Так, муж перешагивал через жену³⁰⁴, жена перешагивала через лежащего на полу мужа³⁰⁵, на роженицу надевали штаны мужа³⁰⁶. Рациональный характер носили различные способы вызывания рвоты, для чего роженицу поили сажеей, мыльной водой, заставляли глотать волосы, а также делали ей массаж живота. Для ускорения родов применяли некоторые весьма энергичные средства: сажали роженицу верхом на лошадь, клали спиной на дрова и катали по ним³⁰⁷. При неправильном положении плода роженицу, как это широко было принято в родовспомогательной практике, поднимали за ноги и встряхивали или привязывали в таком положении к матице — это должно было привести к повороту плода.

Роды, как правило, происходили вне жилого помещения: в голбце, во дворе, иногда в хлеву, в амбаре, или, по наиболее распространенной традиции, в бане. Как писали исследователи Северного Урала, «тулпанец родится в бане»³⁰⁸. Особенно строго придерживались этого среди старообрядцев: «Беременная должна строго помнить обычай, что она не должна родить нигде, кроме бани», даже если роды происходили зимой, «когда баня холодная и ее не успели вытопить»³⁰⁹. Последнее, правда, случалось редко, так как каждая женщина, зная сроки родов, готовилась

заранее, поэтому баню «за несколько дней до рождения каждодневно отапливали»³¹⁰.

В народной медицине Северного Урала так же, как и у жителей севера и центра Европейской России, лучшим лекарством от многих болезней считалась баня. В день родов или в крайнем случае на следующий день мать и ребенка начинали парить. Парили, правда, «не шибко»: в нежарко натопленной бане ребенка лишь слегка похлестывали веником. Считалось, что в это время сходит вся послеродовая грязь.

Хирургическая обработка пуповины заключалась в завязывании и обрезании ее. Но, по сообщениям медицинских работников, практиковавших в Пермской губ., многие повитухи оставляли пуповину не завязанной, что приводило иногда к пупочным кровотечениям и смерти новорожденного³¹¹. Врач Белосонов сообщал, что в Усолье повитухи, «только дунув и плюнув на пуповину, заговаривают кровь. После этого, вторично плюнув на нее три раза, растирают ее между пальцами и опять трижды плюют»³¹². Из этого очевидно, что повитуха применяла не только магические, но и рациональные приемы: растирание пуповины приводило к сжатию сосудов и предотвращению кровотечения.

В действиях с последом сказывалась вера в возможность передачи порчи ребенку через детское место. Поэтому послед закапывали с соблюдением некоторых предосторожностей: делали это так, чтобы никто не видел, закапывали довольно глубоко, чтобы не достали животные. Пожалуй, лишь у бегунов не придавали значения действиям с последом.

Представления о нечистоте родов и роженицы существовали у всех народов, в том числе у русских. Сильны они были и среди крестьянства Северного Урала. Однако отношение к роженице, связанные с этим запреты, длительность периода «нечистоты» у православных и старообрядцев несколько различались. У православного крестьянства и поповцев Ильинского р-на роженица находилась в бане в течение трех дней. Частичное очищение давало крещение ребенка, полностью же она считалась очистившейся на 40-й день. На протяжении этого периода она ела вместе со всеми и выполняла работу по дому, в том числе стряпала и ухаживала за скотом. Конечно, очень многое зависело от порядка в семье. Например, одна из женщин Ильинского р-на вспоминает, что «как перекрестишь ребенка, тогда свою посуду вымоешь чисто-чисто и со всеми ешь. А я еще целую неделю после крещения не ела со всеми»³¹³.

У беспоповцев того же района роженица по возвращении домой из бани делала почти все, но не ела с семьей и не стряпала, даже в том случае, если ребенок был окрещен³¹⁴. Нечистота роженицы, по мнению старообрядцев, служила препятствием не только к выполнению каких-либо работ, но и делала невозможным участие в религиозной и обрядовой жизни: так, роженица в течение 40 дней не могла быть свахой на свадьбе крестников.

Религиозный фанатизм странников и поморцев проявился и в родильных обычаях. Здесь особенно сильны были представления о «греховности», «нечистоте» родов, роженицы и боязнь соприкосновения с родильной нечистотой. По их верованиям, «если роженица, не успев уйти в баню, рождает в хате, она оскверняет жилище и по укореившемуся обычаю ни один из них не пойдет в эту «оскверненную» хату в течение ше-

сти недель»³¹⁵. Даже если роды произошли не в избе, но где-то на территории двора, домочадцы, живущие «в вере», уходили из дома на 40 дней. Отсюда и более строгая, нежели у православных и других старообрядческих толков, изоляция роженицы. Первые 8 дней роженица проводила в бане. В это время никто из посторонних к ней не допускался и часто, кроме повивальной бабки, с ней не было никого. Даже разговаривать с роженицей старались поменьше. И после возвращения в дом общения с ней избегали все, «живущие в вере»: ей отводили, по возможности, отдельное помещение; даже односельчане обычно не заходили в такой дом.

Отношение к дому, где есть роженица, как к нечистому месту, свойственно старообрядцам-беспоповцам и других регионов: с р. Кокшеньги сообщали, что «у раскольников в тот дом, где есть роженица, сторонние без крайней причины не входят, чтобы не оскверниться»³¹⁶.

Запрет рожать дома и последующая изоляция роженицы сохранялись у странников и поморцев еще в 20–30-е годы XX в., особенно в тех семьях, где были пожилые, придерживавшиеся старой веры люди.

Единственная помощница при родах — повивальная бабка приглашалась, как правило, тайно, чтобы никто не узнал о начавшихся родах. Из тех же суеверных соображений рожавшие женщины часто обходились без всякой помощи, и только после родов приглашали повитуху для ухода за матерью и ребенком. Даже там, где практиковали акушерки, как, например, на крупных заводах, население предпочитало пользоваться услугами повивальных бабок. Причиной этому было и то, что «повитуха всегда под руками», и недоверие к умению акушерки. Не последнюю роль играла и материальная сторона, так как «платить акушерке нужно втрое дороже против бабушки-повитушки»³¹⁷. Повитуха приходила обычно в течение нескольких дней. Она закапывала послед, убирала послеродовую грязь, парила мать и ребенка. Особенно это было характерно для странников и поморцев Колвы и верхней Печоры в связи со строгой изоляцией роженицы, которой в то же время небезопасно было находиться одной в таком «нечистом» месте, как баня. Поэтому, как вспоминают, бабка по неделе жила в бане с роженицей³¹⁸.

Уход за роженицей, соприкосновение с «нечистотой» требовали обязательного очищения повитухи. У русских Северного Урала, как и на основной территории Европейской России, очищение носило обрядовую форму *размывания рук*. Для североуральского варианта исполнения обряда характерна ограниченность обрядовых действий и атрибутики: повитуха и роженица взаимно поливали друг друга на руки и просили прощения, в некоторых местах на руки повитухе поливала лишь роженица³¹⁹. Обряд завершал пребывание повитухи в доме у роженицы, поэтому и время его исполнения зависело от того, как долго в данной местности роженице положено было находиться в бане, и, соответственно, существовала ли необходимость в присутствии повитухи. Чаще всего обряд совершался на третий и седьмой день³²⁰. Обряд *размывания рук*, по верованиям крестьянства, «очищал» повитуху и частично роженицу. Как подчеркивали очевидцы, «этот древний обычай в представлении женщин не менее необходим, чем очистительная молитва священника»³²¹.

Старообрядцы-странники и поморцы не признавали никакого другого очищения, кроме молитвенного. Возвратившись от роженицы, повитуха должна была «отчитать положенное количество лёстовок»³²². Судя по полевым материалам, в 20–30-е годы XX в. не везде сохранялось представление о необходимости очищения принимавшей роды женщины или же обряд в силу традиции сохранялся, но терял значение основного очистительного действия и приурочивался к религиозному очищению роженицы. Так, в с. Юм *размывание рук* совершали на 40-й день, т. е. вместе с принятием роженицей очистительной молитвы³²³.

Оплата услуг повитухи происходила, как правило, в форме одаривания, которым заканчивался обряд «размывания рук» или же, если обрядового очищения не было, в конце пребывания повитухи в доме. Иногда для этого ее специально приглашали домой в гости, «как ребенок оправиться», и устраивали небольшое угощение — «чего постряпаешь и сусло сварить». Набор предметов, входивших в подарок, традицией не регламентировался. Дарили хлеб, чай, предметы одежды, полотенца. Как предмет, по-видимому, символизирующий очищение, в подарок обязательно входило мыло³²⁴.

Денег, как вспоминают наши пожилые информаторы, повитухе, как правило, не платили, особенно это подчеркивали в селениях странников и поморцев. Но есть и другие сведения: сообщали, что «бабушка получает от родильницы кусок мыла, булку и часто денег»³²⁵. Возможно, денежное вознаграждение было более принято в при заводских поселках и деревнях. Бывало и так, что роженица ничего не платила повитухе, но ходила помогать ей впоследствии «с работой»³²⁶.

В деревнях со смешанным конфессиональным населением, как, например, в д. Комариха, где жили и православные и старообрядцы различных толков, конфессиональная принадлежность повитухи не имела значения. Как вспоминают жители, особым почетом у них пользовалась православная повитуха, принимавшая роды и у старообрядцев.

Обрядовое мытье рук и одаривание или одно одаривание сохранялись и в тех случаях, когда ребенка принимала не повитуха, а свекровь или кто-нибудь из пожилых женщин³²⁷, хотя иногда, по воспоминаниям, дарили лишь специальным бабкам³²⁸.

Каких-либо специальных дней, по которым принято было навещать повитуху, здесь, вероятно, не было, во всяком случае никаких воспоминаний об этом не сохранилось. Местами еще в 20–30-е годы XX в. было принято навещать повитуху в первую годовщину рождения ребенка и относить ей пирог или материю на *рукава*³²⁹.

Проведывание. Конфессиональная принадлежность придавала своеобразие и принятому у русских Северного Урала, так же как и у русских Европейской России, обычаю проведывания роженицы. Суть этого обычая в том, что в первые послеродовые дни женщины навещали роженицу и приносили ей угощение. Генетически этот обычай, несомненно, связан с другими обычаями семейно-родовой и общинной взаимопомощи³³⁰. Обычай проведывания — это пример нетрудовой взаимопомощи. Характеристика обычая женского проведывания, его содержания, состава исполнителей, материальных атрибутов, времени исполнения, оценки его

деревенским обществом интересны главным образом в плане изучения внутридеревенских отношений.

Обычай проводывания у русских Северного Урала носил название *ходить на кашу, приносить на кашу*, реже — *приносить на зубок* (когда в числе приношений были и подарки для ребенка) ³³¹. Происхождение этого термина не совсем ясно, так как каша в состав приносимых блюд во второй половине XIX — начале XX в. не входила. Жители д. Курья считают, что в название обычая перешел местный термин *каша*, обозначающий ситуацию, атмосферу в помещении, где происходили роды и где находилась роженица. *Каша* — дом, в котором родильная «грязь», отсюда местные выражения: *зайти в такой дом — попасть в кашу*, роженица до 40-го дня нечистая — *каша-то еще не сошла* ³³². Где-либо еще на Северном Урале подобное объяснение нам не встретилось. Возможно, под обобщенным термином *каша* подразумевалась вообще еда, угощение.

Проводывать приходили только женщины, и молодые и постарше, по-видимому, основной состав — это женщины, которые еще рожали. С приходившими женщинами роженицу связывали разнообразные отношения: родственные, соседские, дружеские. Пожилые информаторы подчеркивают, что при проводывании «не отмечали, что родня или нет — это ведь приходят просто навестить» ³³³.

Хозяев, как правило, не предупреждали о предстоящем визите, да в этом и не было необходимости, настолько естественным и обязательным был обычай прийти проводить родившую. Обязательность посещения определялась исключительно традицией и общественным мнением. Как вспоминают, «как-то неудобно не прийти, вся деревня друг к другу несет» ³³⁴. Не требовалось и специального приглашения или извещения о случившихся родах. Жительница д. Усть-Уролка вспоминает: «Как кто беременная ходит, все ждут. Ну а баня затопилась — родила значит. Утром уже бежишь на кашу» ³³⁵. Столь же обязательным было и ответное проводывание: каждая роженица знала, что «в свою очередь и она к ним пойдет» ³³⁶.

Обязательность взаимного проводывания приводила к тому, что складывался более — менее постоянный состав ходивших друг к другу женщин. Е. Рихтер, изучавшая быт старообрядцев в Западном Причудье, пришла к выводу, что «группа женщин (в возрасте примерно до 55 лет) была связана многолетними взаимными навидами» ³³⁷. Случалось, что к женщине, попавшей в чужой коллектив, никто не приходил ³³⁸. В православных деревнях это чувствовалось меньше, чем в старообрядческих, особенно с преобладанием беспоповских толков, где известное значение в оказании любой помощи, в том числе и послеродовой, имела принадлежность к одному толку.

Каждая из женщин приносила с собой еду. Для угощения роженицы часто приготавливали кушанья как на праздник или же будничные, но лучшего качества. По сведениям из разных районов, наиболее часто приносили пельмени, блины, оладьи, селянку, шаньги, пиво, брагу и обязательно — пироги с рыбой и сладкие. Значение приношений не только в том, чтобы порадовать и накормить роженицу, но и оказать помощь семье. С точки зрения крестьянства, смысл проводывания в том, что «как помощь носили. Роженица же к печи неделю не встанет. Вся де-

ревня ходила, сегодня ты, завтра другой»³³⁹. В описаниях обычая подчеркивается изобилие приношений: «так бабы завалят, что вся семья ест»³⁴⁰; более того, «эта помощь часто давала возможность незажиточному крестьянину и справиться весело крестины в кругу своих родственников и знакомых»³⁴¹. Особенно это было важно в тех старообрядческих селениях, где существовала строгая изоляция роженицы, как, например, у поморцев на Печоре. Сроки женского проведывания ограничивались обычно временем пребывания роженицы в бане.

Для крестьянства Северного Урала характерно индивидуальное проведывание, т. е. каждая женщина, не сговариваясь ни с кем, решала, когда ей идти к роженице (в рамках принятого для этого времени). Пришедшие гости развлекали роженицу разговорами, расспрашивали о ее здоровье. Приходивших, как правило, ничем не угощали. Традиционность, устойчивость обычая проявлялась в том, что его соблюдали и в том случае, когда старшее поколение, как это иногда бывало в старообрядческих семьях, препятствовало посещению роженицы посторонними, считая необходимым оградить ее от «сглаза»³⁴², да и вообще расценивая приход посетительниц как развлечение, неподобающее в период обрядовой «нечистоты». Особые строгости при посещении роженицы существовали у поморцев: пришедшие не только не разговаривали с роженицей, но и не переступали порога бани, где она лежала, а приносимые гостинцы отдавались кому-либо из ее домашних³⁴³.

Несколько по-иному выглядело проведывание в Юрлинском р-не. Посещение роженицы, аналогичное описанному выше, существовало и здесь. Но, кроме этого, через неделю после родов супружеские пары (т. е. не только женщины), прихватив различную снедь, а также вино и брагу, отправлялись в гости «на кашу» в дом к роженице. Со своей стороны хозяева выставляли обычно только бутылку, так что общее застолье проходило за счет приехавших. Приезжавшие не сговаривались о визите, и поэтому за один вечер «бывало каш по пять». Таким образом, обычай проведывания выливался в праздник по случаю рождения ребенка.

В послереволюционное время, особенно с 30-х годов, проведывание как обычай, подразумевающий посещение роженицы определенным кругом женщин, постепенно уходил из жизни североуральской деревни, хотя отдельные посещения и сохранялись. В Юрлинском р-не основным, сохраняющимся и сейчас, стал обычай ездить семейными парами с угощением и подарками для ребенка, требующий, как и прежде, ответного визита, когда для этого придет время.

По представлениям суеверного крестьянства, в первые дни жизни ребенка велика была опасность воздействия «нечистой» силы — новорожденному угрожала опасность порчи и даже подмены на «чертенка». Неудовольствие ребенка зачастую объясняли вредоносными воздействиями, а потому и для лечения требовалось применение магических средств. Для лечения от бессонницы изгоняли *полуношницу*. Делалось это следующим образом: бабка парила ребенка в бане, а мать три раза обегала вокруг бани и спрашивала: «Кого паришь?», на что бабка отвечала: «Парю рев-полуношницу. Не я тебя жарю, не я тебя парю, парит, жарит бабушка Соломонида, с легкими руками, с добрыми делами, на сон, на угомон, на доброе здоровье»³⁴⁴. Слабость, болезненность объясняли часто под-

меной ребенка³⁴⁵, поэтому цель лечения была изгнать *пермененка*. Для этого ребенка клали под осиновое корыто и «секали» корыто топором (слегка рубили), сопровождая действие соответствующим заговором: «Чирей в шары, черным-черемным, злым колдунам, еретикам, заглядящим, завидящим, сии на сон на угомон, на доброе здоровье. Аминь. аминь, аминь». Причем выполнял это кто-либо не из родственников ребенка и к тому же без ведома матери. С исполнителем магического действия договаривалась обычно свекровь. Аналогичное значение имело обрядовое *запечение* новорожденного. Как сообщают источники, ребенка-*седунa* (рахитика) запекают в тесто. Берется большой сочень, заворачивают в него ребенка и быстро сажают в натопленную жарко печь. Во время садки спрашивают садящего: «Кого ты садишь?» — «Сажу пермененка, седунa сажу», — отвечает садящий. «Сажу его, вынимай его, секи его», — восклицает первый. Вынутого из печи ребенка сажают под поганое корыто³⁴⁶. Верили, что после совершения указанных обрядовых действий ребенок «очищается и становится христианином»³⁴⁷.

В лечении от сглаза, кроме заговоров, применялась специальным образом приготовленная вода, причем особое значение при изготовлении воды имели сакральные очищающие предметы (например, угли, дверная скоба) и троекратность повторения действия. Так, например, рекомендовалось «теплой водой вымыть три уголочка стола, три ложки, скобу дверную, три спички «шырнуть» в воду, три раза дунуть»³⁴⁸. Значение оберега играло, по-видимому, и «обрученное» мыло, т. е. мыло, которое было у невесты за пазухой во время венчания. Это мыло берегли и мыли им каждого родившегося ребенка в первой бане³⁴⁹. Для того чтобы ребенок был спокойным, сразу после родов его клали под шесток и придавливали «голиком» — веником, в ноги ему клали щетъ для льна, в голову — сон-траву³⁵⁰. В среде старообрядцев-странников в аналогичных случаях для лечения чаще обмывали ребенка «святой» водой, сопровождая действия молитвой.

Обращение окружающих с новорожденным в первый год его жизни во многом определялось представлениями о том, что то или иное действие может нарушить нормальное развитие ребенка, поэтому из суеверных соображений избегали подносить его к зеркалу, поднимать выше уровня глаз, разговаривать во время купания ребенка, стричь до года ногти и волосы и т. д.

*

Приведенные выше обряды и обычаи русских Северного Урала укладываются в схему инварианта русской родильной и крестильной обрядности, что следует из сравнения их с аналогичными реалиями, известными по описаниям того же времени на территории Европейской России. Региональными особенностями, насколько позволяет нам судить имеющийся материал, можно считать сдержанный характер крестильного обеда, отсутствие приуроченных к этому моменту разнообразных игровых и магических действий, что свойственно также и севернорусской обрядности; традиционный набор обязательных блюд (на крестинах, при проводывании), предпочтительность одного крестного, во всяком случае для девоч-

ки, появившаяся, возможно, как результат нежелания расширять круг лиц, связанных брачными запретами; аналогичную картину мы видели и в Вологодской обл.; местная терминология. Своеобразна и специфика Северного Урала во внутрирегиональных отличиях, появившихся как результат конфессиональной неоднородности. Религиозное мировоззрение различных старообрядческих групп влияло на всю традиционно-бытовую культуру, в том числе и на родильную, и особенно на крестильную обрядность. Для наиболее радикальных толков характерна постоянная тенденция к ограничению обрядовой (нехристианской) сферы. Следствием этого было либо исчезновение некоторых обрядовых явлений либо замена их синонимичными по содержанию христианскими действиями, например, очистительный обряд «размывания рук» — чтением определенного количества молитв.

Похоронно-поминальные обычаи

Погребально-поминальная обрядность североуральского крестьянства, как и другие элементы традиционной культуры, отражали историю формирования русского населения Пермского края, пришедшего сюда из разных мест и принесшего с собою не во всем одинаковые обычаи. Изучение локальных черт погребально-поминальных обрядов и обычаев остается одной из важных задач, связанных с этнографическим исследованием этого населения. Значительный отпечаток на культурный облик края наложило переселение старообрядцев («кержаков», как их обычно называли здесь). Первые группы старообрядцев появились в Пермском крае с конца XVII в., а массовый приток их, вызванный преследованиями раскола в центральных губерниях России, относится к началу XVIII в. Движение староверов не прекратилось и в XIX в. Так, курьинские старообрядцы начали обживать берега верхней Печоры в середине XIX в. Местные жители помнят, что в окрестностях с. Курьи поселился в «пустыни» некий наставник Глеб; по его имени бегунское учение, которого он придерживался, получило название «Глебова вера». Отдельные поселения старообрядцев возникали и в начале XX в.

Старообрядцы составили большую часть русского населения Пермского края. Как справедливо отметил А. И. Клибанов, «по официальным данным 1846 г., заведомо преуменьшенным, Пермская губ. по числу находившихся в ней раскольников занимала первое место в империи»³⁵¹. Для старообрядчества, отказавшегося от официальной церкви, с самого начала его возникновения было характерно обилие различных толков. Одни из них быстро угасли со смертью их основателя, другие превратились в крупные общины, имевшие приверженцев в различных областях страны. Появление новых толков в старообрядческой среде продолжалось и в начале XX в. Некоторые течения имели явный сектантский характер. Сегодня трудно с точностью определить границу распространения того или иного толка хотя бы потому, что во многих деревнях крестьяне скрывали свою приверженность к «старой вере» и официально числились православными, признающими церковь. Однако основные направления пермского староверия хорошо известны. Здесь были широко представле-

ны различные беспоповские толки, среди которых большим влиянием пользовалось поморское согласие, распространенное, в частности, на берегах р. Печоры. В начале XX в. неожиданную популярность получил бегунский толк, пополнившийся за счет поморцев. Так, в деревнях, расположенных по р. Колве, поморцы в 1912 г. безуспешно ждали «конца света». «Конец света» не наступил, и разочарование в своей вере увлекло многих поморцев к бегунам. Лишь на Печоре поморцы не приняли бегунства.

В 1840—1850-е годы началось насильственное приведение раскольников к единоверию, принесшее свои плоды и способствовавшее стиранию различий между староверами и «никонианами». Рассказы сторожилов свидетельствуют о том, что в конце XIX — начале XX в. в Пермском крае, как и в других районах России, шел процесс деградации старообрядчества, проявлявшийся в ослаблении бывлой замкнутости и строгости старообрядческого быта. Принадлежность к тому или иному толку в ряде случаев сказывалась на погребально-поминальной обрядности. В среде поморцев, например, отмечено сравнительно слабое сохранение дохристианских пережитков, что было обусловлено строгим исполнением обрядов «по уставу». А «последователи Нетовской секты или Спасового согласия по смерти тела скрывали в неизвестные места, подавая явочные объявления в Суд, что умерший пропал безвести»³⁵². Следует также подчеркнуть, что принадлежность разных групп населения к какому-либо толку могла меняться (в частности, в зависимости от успеха или, напротив, смерти влиятельного духовного руководителя), бытовые особенности соседей — «иноверцев» легко заимствовались, поэтому четкое соответствие между толком и особенностями обрядности может быть прослежена не всегда.

Сведения о похоронно-поминальных обрядах русского населения Северного Приуралья встречаются в разных источниках. Бытовые зарисовки и сообщения (большей частью отрывочные и беглые) разбросаны по многим краеведческим статьям и книгам, посвященным этнографии Пермского края. Интересные данные хранятся и в архивных документах. Однако все эти материалы разнородны, чаще всего несопоставимы и не дают полного представления о специфике погребально-поминальной обрядности. В силу этого основным нашим источником сегодня являются полевые этнографические материалы, собиравшиеся с 1978 по 1984 г.

Описание обрядности целесообразно предварить одним общим замечанием. Как и русские, живущие в других областях страны, жители Северного Приуралья сохранили в погребальных и поминальных обрядах немало традиций, уходящих корнями в древнюю дохристианскую религию. Это обстоятельство уже было отмечено некоторыми авторами. Так, неизвестный автор (возможно, Н. Белдыцкий) писал: «Что касается похоронных и поминальных обрядов, то они сохранили здесь (в особенности по Чердынскому и Соликамскому уездам) могучее влияние суеверного прошлого»³⁵³.

Похоронно-поминальный обряд включает в себя несколько узловых моментов, а именно: 1) действия перед смертью и во время смерти; 2) обряжение покойника и положение его в гроб; 3) вынос из дома; 4) отпевание в церкви (если оно совершалось); 5) погребение; 6) помин-

ки. Второй этап обряда — самый длительный, он занимает от одного до трех, а в некоторых случаях и до четырех дней. Связь умершего с миром живых еще не прервана, и все обрядовые действия совершаются в доме. Вынос тела из дома и погребение — главный пункт всего похоронного обряда. С положением гроба в могилу покойник окончательно изъят из мира живых и полностью принадлежит миру мертвых.

Описание рассматриваемой обрядности следует начинать с момента приближения к человеку смерти.

Когда становилось ясно, что больной не поправится, призывали настоятеля для исповеди. Исповедь как таинство состояла в том, что «грешник» исповедывался священнику, «которому епископом дана власть взять и решить людей во грехах, и от священника получает умирающий разрешение своих грехов, причем читается особая разрешительная молитва, которая составляет сущность таинства, ключ к исповеди»³⁵⁴. Но значительная часть населения избегала исповеди.

Старообрядцы считали тяжким грехом, а для умерших вечным несчастьем исповедываться у православного священника и отпевать умерших в православной церкви, так как верили, что душа того человека идет прямо в ад. Поморцы составили новый, особый чин исповеди — скитское покаяние. У часовенных раскольников во многом не сходилось скитское покаяние с поморским. Но главное было общим — они считали, что можно «обойтись без причащения телом и кровью Христовой»³⁵⁵, и разрешительной молитвы, в отличие от православных, не читали. Покаяние они приносили перед своим наставником. Исповедь оканчивалась *полаживанием*, т. е. наложением епитимии, без чего покаяние не имело смысла³⁵⁶. Делали они это тайно и нередко хоронили тоже тайно. Правда, не могло быть, чтобы священник тогда же или позже не узнал о смерти прихожанина: «Но священники, должно быть, по корыстолюбивым побуждениям, а может, и по другим причинам послабляли предрассудкам своих прихожан, и, узнав о смерти и похоронах прихожанина, который погребен тайно и самовольно, не записывали в метрические книги. Это распространено в Юмском, Юрлинском приходах и еще в десяти, где новорожденных, которые вскоре умирали, священники не записали ни в число умерших, ни в число родившихся»³⁵⁷.

Очень часто священники не могли добраться исправить требы из-за плохого состояния дорог в далеко отстоящие деревни. А по словам местного священнослужителя, «религия в наших волостях имела среди верующих какую-то смесь, трудно поддающуюся описанию. Православие исполняется, но в то же время ... без всякого доверия к священству»³⁵⁸. Немало было таких людей в деревнях, проживших 70—80 и даже 100 лет, которые в церкви были только, когда венчались да заносили мертвого для отпевания³⁵⁹. Такие верующие часто прибегали к помощи раскольниковских наставников, которые, в свою очередь, требовали за исполнения своих треб перехода в раскол. При случае этот православный (если оставался в живых) во всем каялся священнику, но потом снова уходил к раскольникам³⁶⁰. Те же, кто числился по официальным документам православными, а на самом деле придерживались тайно расколу, прибегали к уловкам, например, ехали за священником как будто за приглашением на исповедь, «священник тащится в деревню — а там уже

давно покойный — вот ему и не надо исповедываться, а главное, что священник видит умершего»³⁶¹. Такое состояние дел составляло специфику данного региона, и справедливо можно согласиться с мнением местных краеведов, что раскол здесь имел огромное влияние³⁶².

Что касается крайнего течения раскольников — бегунского согласия, особенно скрытников, то они, когда предчувствовали смерть, переставали есть и практически умирали от голодной смерти, т. е. принимали «мученический венец». Нередко в Тулпанской и Корепенской волостях случались необъяснимые исчезновения стариков, которые предпочитали встретить смерть где-нибудь в лесных трущобах. Так, Н. Балдыцкий рассказывал, что при нем «писарь с. Коренино передавал, что крестьянин д. Раскаты на днях исчез. Он был стар, плохо видел и сказал, что, если веры хватит, будет молиться, поститься и голодной смертью себя для бога уморит»³⁶³.

Умиравший после исповеди, если она состоялась, прощался с членами семьи и родственниками и давал наказы. Если человек умирал быстро и безболезненно, считалось, что душа покойного попадает в рай. Если человек долго болел — то неизвестно, а если тяжело мучается, никак не может умереть, то считалось, что грехи его велики и не миновать ему ада. Повсеместно считалось, что умирают тяжело колдуны и ведьмы. До тех пор, пока они не передадут свои знания кому-либо, они не смогут умереть. По представлениям крестьян, умереть лучше считалось на полу, только не на печи, не на перине. Сам умирающий просил положить его на пол. На пол стелили солому (сейчас полотно), а потом уже клали больного. Родные, видя как мучается умирающий, помогали душе покинуть тело. Для этого они открывали дверь, печную трубу, окно, ломали конек на крыше или просто поднимали верхнюю слегу в крыше дома. Громко кричать и разговаривать возле умирающего не разрешалось, чтобы не мешать душе покинуть тело. Ставили чашку с водой и следили, «не сколышется ли; говорят, что душа омывалась»³⁶⁴.

Но вот наступила смерть. Сразу же родственники начинали громко причитать. Они уверены, что если покойный будет оплакан надлежащим образом, то и его душе будет покойнее, и живых он не станет беспокоить в видениях, думах и наяву. Несмотря на то что еще в 1551 г. в постановлении Стоглавого собора обычай оплакивать был официально осужден, он был настолько устойчив, что в начале XVIII в. Петру I пришлось еще раз специально запретить «плакать» на похоронах лиц царского дома. В крестьянской же среде этот обычай дожил в некоторых районах (особенно севернорусских) до нашего времени, а похоронные причеты можно записать среди северноуральского населения даже в наше время³⁶⁵.

По крикам, раздающимся из дома, вся деревня узнавала о наступившей смерти. Прежде всего умершего должны были обмыть. *Обмывальщицы, мытницы, умывальник* — их называли здесь по-разному, а то и никакого названия не существовало, были как правило пожилые люди мужского и женского пола, не состоявшие с умершим в родстве, часто это были бедные люди. Мужчину обмывали мужчины, женщину — женщины. Обмыть мертвого «считалось богоугодным делом, способствующим прощению грехов». «Три покойника обмоешь — все грехи отпущены будут», «сорок покойников обмоешь — сам безгрешным станешь». *Обмывальщи-*

ки должны были в течение шести недель после омовения быть в «чистоте». Каких-либо серьезных отличий между обмыванием старообрядцев и нестарообрядцев не наблюдалось. Скорее замечались локальные особенности. Все действия обмывальщиков несли магическую направленность. В самом процессе обмывания ярко выражены языческие представления, которые тесным образом переплелись с христианскими. Многие действия направлялись на охрану покойного от нечистой силы. Так, обмыть тело старались очень быстро, при этом читали молитвы. Покойного клали обязательно на прямую солому, под балку. Балка, по объяснению местных жителей, «расположена крестовиной» (относительно пересекающих ее бревен потолка), так «это от нечистой силы его кладут под балкой или в переднем углу». Обмывают три человека: «Один обмывает, другой посудку держит, третий поддерживает тело». Обмывание скорее похоже на обтирание покойного: тряпочкой, куделькой, ватой или тыльной стороной руки водили по умершему сверху вниз. «Шоркать нельзя». Смазывали глаза, нос, уши, рот, грудь и т. д.— «во всех местах, где суставчики. Мажешь, как бы осеняешь крестом». Староверы «все суставчики потом перевязывали суровыми ниточками, а перевязывали потому, что нечистая сила крутит ему, бедному, рученьки и ноженьки и головушку, а если перевязать крестом, то она (бес) не подойдет». Воду для обмывания брали с реки или колодезную; когда ее набирали, то «оберегали», т. е. обязательно говорили: «Святы боже, святы крепкие, святы бессмертные — помилуй нас». В Юрлинской и Юмской волостях сохранялось много архаических обычаев при обмывании, не отмеченных в других местах. «Омывальщица представляла там как бы умершую». Она ходила босиком и как бы разговаривала с покойным и от лица покойного отвечала; так, она говорила: «Ты, Аленушка, на меня не обижайся, я твоя верная подруга. Ты мне дайся. Я тебе больно не сделаю». И покойная как бы расслаблялась и благодарила *обмывальщицу*. *Обмывальщица* также просила покойного, чтобы он, если будет всем доволен, дал знать. И как бы голосом вместо покойного отвечала: «Спасибо, всем довольна(ен)». Мылом здесь не мыли. Покойный загораживался холстом от входа в избу, чтобы его тело входящие не могли видеть. За занавеской сидело несколько человек и причитало, пока *обмывальщица* не заканчивала свое дело³⁶⁶. Во всех местах «чашку, из которой мыли,— ломали, воду выливали подальше в сторону, где никто не ходит, соломку завяжут и бросят в лесу под елочкой, когда хоронить повезут». В Юрлинской округе и д. Кукольное солому сжигали, а воду после обмывания выливали на этот огонь³⁶⁷, в Курье солому сжигали. Волосы покойному расчесывали «щепочкой от гроба»³⁶⁸, которую затем клали в гроб, рядом с покойным, или выбрасывали³⁶⁹. Сохранился старинный обычай, обязывающий *обмывальщицу* обязательно вымыться в бане после обмывания умершего (или на следующий день) и переодеться,— «очиститься надо»³⁷⁰. Все вещи, которые так или иначе соприкасались с покойным, должны были пройти обряд очищения.

Староверы покойных одевали в так называемую *исподнюю лапоть*, т. е. одежду, обычно заранее приготовленную, сшитую из белого холста на руках, суровыми нитками, без узлов. Эта одежда ткалась не в праздничные дни. Шили иголкой от себя, так как крестьяне суеверно верили,

что если шить иначе, то пострадает кто-нибудь из ближайших членов семьи. Иголку, которой шили саван, и нитки заклинали, читая молитвы. В 80—90 гг. XIX в. вышла из употребления домотканина, но она удерживалась преимущественно как обрядовая одежда в старообрядческой среде, поддерживаемая соблюдением старинных обычаев³⁷¹. Прежде «покойническая» одежда и саван шились исключительно из домотканины. Для мужчин припасали рубаху, штаны, носки; для женщин — рубашку, сарафан, носки. И мужская и женская одежда повязывалась сверху рубашки и сарафана тонким поясочком или ниточкой. Для староверов было строго обязательным правилом носить на голом теле, под рубашкой, еще один пояс, который при жизни никогда не снимался. Узлов на поясах у покойных по обычаю не завязывали. На голову женщинам надевали три покрывала: *шмуру* (разновидность волосника) или *моршень*, если венчалась в церкви, маленький платок и подшалок, концы которого скрепляли ниткой (позднее булавкой) под подбородком; два других его конца свободно прилегали к спине. Такой способ повязывания платка назывался *нараспустинку*. Поверх одежды надевался саван.

В некоторых местах одевали саван — головником на левую сторону (с. Усть-Уролка). Те кержаки, которые называли себя «истинно-христианскими» (это могли быть беспоповцы-нетовцы, спасовцы, поморцы) и строго придерживались старых обычаев (Пермский, Чердынский уезды), одевали покойных в одну холщовую рубашку и саван. А староверцы часовенного согласия (д. Усть-Уролка) «пеленали умерших, что означало, что душа умершего теперь чиста, как у младенца, и идет к богу такою же, какой пришла на землю при рождении»³⁷². Бегуны на мужчин саван не надевали. В некоторых деревнях (д. Захарово бывшего Пермского у.) до сих пор умершим женщинам надевают полный комплект головного убора: волосник, кокошник и платок, повязанный *нараспустинку*. Повсеместно в деревнях умерших обували в специальные *смертные* лапти, т. е. плетенные из одной бересты или из одного лыка или же особым плетением. Хоронили в лаптях, даже если в них никогда не ходили при жизни. Одевать усопших в *исподнее платье* и обувать в лапти было давней традицией пермских старообрядцев³⁷³, известной и старообрядческому русскому населению края. А в селах лапти не носили, обычно надевали *кóты* (как ботинки), поэтому для похорон готовили холщовые тапочки — *приперки*, вязанные из кудели (д. Курья) или просто матерчатые, иногда обертывали ноги холстом как портянками.

До конца XIX в. соблюдался обычай одевать покойника в традиционную одежду, даже если это были молодые мужчины и женщины. Правда, в начале XX в. кержаки на «мирских» умерших саван не надевали, мужчин хоронили в костюмах, а женщин в кофтах и юбках и сверху покрывали покрывалом. Но этот процесс развивался очень медленно. Не придерживавшиеся старообрядчества православные крестьяне предпочитали хоронить умерших в сохранившейся «венчальной» одежде (по крайней мере нижняя рубашка должна быть той, которая была надета в день венчания). Если же рубашка не сохранилась, то тогда ее, следуя старому обычаю, из холста сами шили. Саван среди старообрядцев Юрлинской вол. и других был распространен, но не обязателен. Крестьяне также считали, что на умершем должно быть надето три одежды: рубашка,

сарафан и чуня, т. е. шабур — разновидность верхней одежды с рукавами, которую специально шили для похорон из холста: «Если надевали шабур, то саван тогда был не нужен». В д. Зюздино (Юрлинской вол.) на покойницу надевали рубаху, в которой ворот застегивался слева направо, т. е. по-мужски. Такая архаическая деталь в застегивании ворота рубашки сохранялась вплоть до 40-х годов нашего столетия. На голову женщин надевали шмуру и платок, повязанный впереди узлом. На ноги православное население надевало ту же обувь, что и старообрядцы.

В православной церкви принято в храме и в могиле полагать покойного лицом к востоку, следовательно, и положение их в домах было лицом к иконам. Основывалось это на убеждении, что на востоке был рай и на востоке же — спасение. «Господь именуется у пророков и евангелистов Востоком и Солнцем. Правда, и на восток обращаются христиане при молитвах; с востока же следует ожидать и призыва на страшный суд при кончине мира»³⁷⁴. У старообрядцев было принято после обмытия и одевания умершего класть его на лавку, как у них говорили, «головой к иконам» (на самом деле покойник лежал к иконам ногами, но лицо его было обращено к «образам», он как бы смотрел на них; отсюда и выражение «головой к иконам»).

Нестарообрядческое население соблюдало такое же правило; при этом женщину клали на лавку, расположенную поперек, а мужчину — вдоль досок пола. Затем зажигали лампадку перед иконами и начинали молиться. Вообще с момента смерти до самых похорон (хоронили как правило на третий день) над покойным читались молитвы. У старообрядцев псалтырь обычно читала знающая церковнославянскую грамоту старая или пожилая женщина. Староверы приглашали начетчиков («ученых») для чтения надгробных молитв в сопровождении пения; участникам моления полагалось иметь «лестовки» и «подручники». Независимо от вероисповедания местное население верило, что в одиночестве нельзя оставлять не только умирающего, но и покойника. Считалось необходимым «сторожить покойного, чтобы бес не подлетел» (д. Фадино), поэтому «всю ночь сидишь, спать нельзя» (деревни Половодово, Осокино бывшего Соликамского у.). Чтение молитв ночью считалось весьма желательным, богатые люди даже нанимали специальных чтиц для того, чтобы и ночью звучали молитвы. Элементов веселья во время почных бдений, как и в погребально-поминальной обрядности в целом, не наблюдалось³⁷⁵.

В течение всего времени, когда покойник лежал под иконами, к нему приходили родственники из других деревень и односельчане, чтобы проститься. Тело клали в гроб только перед выносом из дома.

Население Пермского края предпочитало, чтобы гроб делали не родственники умершего, а посторонние люди. Вплоть до 50-х годов XX в. были распространены долбленные гробы-колоды, известные под названием «домовище». Старообрядцы такой гроб чаще делали без гвоздей, вытесывая из большой колоды. Домовину «*ладить*» приходили «*специалисты*»-старики, так как не каждый умел топором вытесать домовину с крышкой, не испортив, не расколов колоды. Позже гробы стали делать из теса. Пожилые крестьяне независимо от вероисповедания, как правило, готовили гроб или теснину для него задолго до смерти и держали в

доме, подальше от постороннего глаза, где-нибудь на чердаке. Предпочитали выбирать для этого добротный материал: кедр, сосну и т. д., но только не осину. Часто в гробу хранили зерно, а если на следующий год никто не умирал, то зерно это брали на посев. Гробы для детей всегда делали из цельной колоды. Эта традиция здесь сохранилась до наших дней ³⁷⁶.

Перед тем, как положить покойника, гроб обязательно окуривали дымом ладана из кадила. Повсеместно дно гроба устилали листьями, взятыми от «чистого, т. е. сделанного не в воскресенье» березового веника. Мешочек в виде подушечки также набивали листьями. Кержаки (д. Амбар бывшего Чердынского у.) клали в гроб под холст немного кудели, солому. Позднее солому заменили ватой. Покойного одевали в холщовый саван и клали в гроб, вкладывая ему в левую руку белую, сделанную специально для похорон, *лестовку*, затем покрывали белым покрывалом. Гроб разворачивали «по солнышку» и снова ставили так, чтобы умерший был обращен к иконам ногами. На гроб ставили свечи; в одном доме — «свечи три», в другом — «на каждый угол по свече и на середину по две, всего шесть свечей и т. п. У богатых крестьян количество свечей доходило до 40, при этом обязательно „пчелные“ (т. е. восковые. — И. К.) свечи должны быть, пчелка — она божья тварь» (с. Половодово). Если свечи не догорали, их клали в гроб. Положение в гроб сопровождалось оплакиванием, «голошением», «Голосили» только женщины.

Чин отпевания у раскольников заменялся пением по псалтырю канона «за единоумершего» и совершался часто без «старика» (т. е. наставника) домашними грамотеями ³⁷⁷, которые справляли трехдневную панихиду. В зависимости от желания родственников умершего это отпевание могло быть в доме или в моленной. Обряд этот состоял в том, что вокруг гроба зажигали четыре свечи и наставник вместе с певчими пел погребальный канон. По завершению его наступало прощание с умершим ³⁷⁸. Отдав земной поклон, все кланялись и целовали покойного в губы или в лоб или икону, лежавшую на его груди. В некоторых местах не принято было целовать умершего (д. Подкино). После этой церемонии наставник кадил над гробом, произносил напутствие покойному и отпускал ему грехи. Затем умершему закрывали лицо саваном, а потом и всего покойного покрывали полотном. Гроб закрывали крышкой и выносили из помещения.

После отпевания у староверов лицо умершего уже не открывали до самого конца похорон, но это соблюдалось не у всех старообрядцев. Если умерший никогда не ходил в церковь, никогда не совершал положенных для христианина обязанностей и при смерти не был исповедан и приобщен, православный священник не имел права ограничиться только пением «Святой боже». При этом священник не принимал никаких мер к выяснению, откуда такое упорство происходило, упорствующий продолжал числиться православным и должен был быть погребен как православный ³⁷⁹. Таким образом, по существующим законам записанных в православие людей не разрешалось хоронить без церковного отпевания. Как говорилось выше, староверы считали погребение по православному чину «незамолимым грехом» и хоронили умерших тайком, не дожидаясь трехдневного срока, нередко ночью; а чтобы священник впоследствии не мог

совершить отпевание над могилой, делали ложные надгробия³⁸⁰. Старообрядцы, особенно из отдаленных селений, предпочитали пользоваться своими кладбищами, а не приходскими, хотя это считалось противозаконным. Если духовенство сообщало о фактах нарушения правил светским властям, те наказывали виновных³⁸¹. До 1890-х годов местное духовенство, не получавшее достаточного содержания от государства (оклады причту в приходах со старообрядцами были повышены лишь в дальнейшем), за соответствующую мзду проявляло широкую снисходительность к тому, что умершие старообрядцы, числившиеся православными, хоронились без церковного отпевания и задним числом записывались в метрические книги³⁸². Своеобразно к сложившейся обстановке приспособились старообрядцы строгановских имений, так как они перед смертью не исповедывались, не соборовались, не причащались, т. е. не обращались в православную церковь за этими требами. Смерть без этих церковных обрядов признавалась скоропостижной, и в этом случае обязательно требовалось анатомирование умершего. Чтобы этого избежать, они давали взятку члену окружного правления Строгановых П. Я. Бушуеву. Получив взятку (маслом, крупчаткой, солодом, медом, живыми поросятами и т. д.), он выдавал родственникам умершего справку от имени окружного управления, что умерший на глазах соседей умер естественной смертью, но не успел выполнить священного обряда исповеди и причастия³⁸³.

Таким образом раскольники, которые не были записаны в православие, продолжали тайно совершать свои требы.

Дать описание похорон странников (бегунов) невозможно без краткой характеристики их идеологии. Их течение возникло в XVII в. и нашло поддержку среди крестьян, страдавших от крепостнического гнета, налогов, рекрутчины. В Пермском крае бегунство появилось в середине XIX в. По учению странников, в мире воцарился антихрист и исчезло благочестие. Всякий желающий спастись должен принять водное крещение, получить новое имя, после этого порвать всякие связи с «миром», не записываться ни в какие списки, не брать паспорт, бросить дом, семью, скрываться в кельях, тайниках. Но прожить без всякой поддержки из «мира» скрытники, разумеется, не могли. Поэтому бегуны разделялись на странноприимцев, или «мирских» христиан (обычно это были зажиточные крестьяне или мещане, в силу своего имущественного положения не желавшие расставаться с «миром»), и странников, или «истинных» христиан³⁸⁴. Странноприимцы жили в «мире» и принимались в общество бегунов при одном обещании странничества. На их обязанности лежало содержать у себя тайники и «пристани», в которых они укрывали «истинных» христиан. Странноприимцы по убеждениям бегунов еще не являлись совершенными христианами. Само крещение их возможно только в том случае, если они начнут действительное странствование. Обычно это делалось так: когда странноприимец начинал чувствовать приближение смерти либо тяжело заболел, его дети или родственники объявляли полиции о том, что он сбежал или без вести пропал; тем временем где-либо у себя же на селе странноприимец как настоящий странник принимал крещение и пребывал до смерти³⁸⁵. Взаимопомощь у них была распространена широко.

У странников смерть и крещение часто совпадали³⁸⁶, так как часто они крестились перед самой смертью³⁸⁷. Похоронный обряд бегунов отличался от обряда других старообрядцев небольшими деталями. Бегуны сел Тулпан, Черепаново и других «погребали умерших своих, на могилах коих, не по православному — крестов нет, а ёлушки, у коих, когда хоронят мертвеца, подкапывая коренья, сворачивали всю цельну. Выкопавши яму, кладут туда тело умершего без гроба, каждения и без всякого поминовения, поставя ёлушку на место, яко будто век тут ничего не бывало»³⁸⁸.

В похоронах участвовали не только родственники, члены семьи, но или вся деревенская община, или «конец» села. При выносе покойного из дома совершались магические действия, имеющие целью предотвратить возвращение покойного, влекущее за собой несчастья (в семью, деревню, общину). Выносили умершего ногами вперед, через двери. Остались следы представлений, что когда-то покойного выносили через окно, через двор, причем гроб обязательно вращали по солнцу три раза, стараясь не задеть о косяк двери. Нельзя было, чтобы гроб с телом покойного несли родственники, так как это могло причинить семье новое несчастье. Гроб выносили на руках; если кладбище располагалось недалеко, то несли на руках, если же далеко, то на полотенцах. Интересен архаичный обычай, который также сохранялся в этих местах продолжительное время: умершего мужчину несли мужчины, женщину — женщины, девушку — или девушки или парни. Постепенно обязательность этих требований стиралась, только у старообрядцев еще требовалось, чтобы несущими гроб были люди, которые бы держали себя в «чистоте», т. е. не менее шести недель не состояли в интимной близости.

По церковному уставу похоронной процессии полагалось останавливаться только в церкви и около кладбища, но часто она останавливалась около первого перекрестка, около дома недавно умершего и опять у перекрестка, при этом гроб каждый раз оборачивали по солнцу три раза. По объяснению крестьян, это делалось для того, чтобы «спутать следы». Подобное действие было рождено в глубокой древности желанием сбить с толку покойника, если он вздумает «явиться к живым». Боязнь покойного была видна и в живых представлениях о нечистой силе, которая беспокоила живых, приходя к ним в образе умершего.

Любопытно, что православные крестьяне региона, видя обрядность раскольников, усваивали ее. Так, крестьяне Юрлинской вол. заносили умершего в церковь, гроб ставили на скамейки, открывали крышку гроба, а по краям ставили четыре свечи и зажигали их. Количество свечей зависело от состояния родственников умершего. Затем кадили ладаном и на лоб клали покойному «венчик» в виде бумажной ленты с молитвой на старославянском языке. В правую руку вкладывали бумажку с молитвой («подорожную») ³⁸⁹. «Под конец церемонии покойника слегка посыпали землей — этим священник от имени церкви клал начало преданию тела земле» ³⁹⁰. «Все присутствующие крестились „крестом“, т. е. двуперстием, и даже гроб по окончании отпевания брали и разворачивали „посолонь“, т. е. как старообрядцы» ³⁹¹.

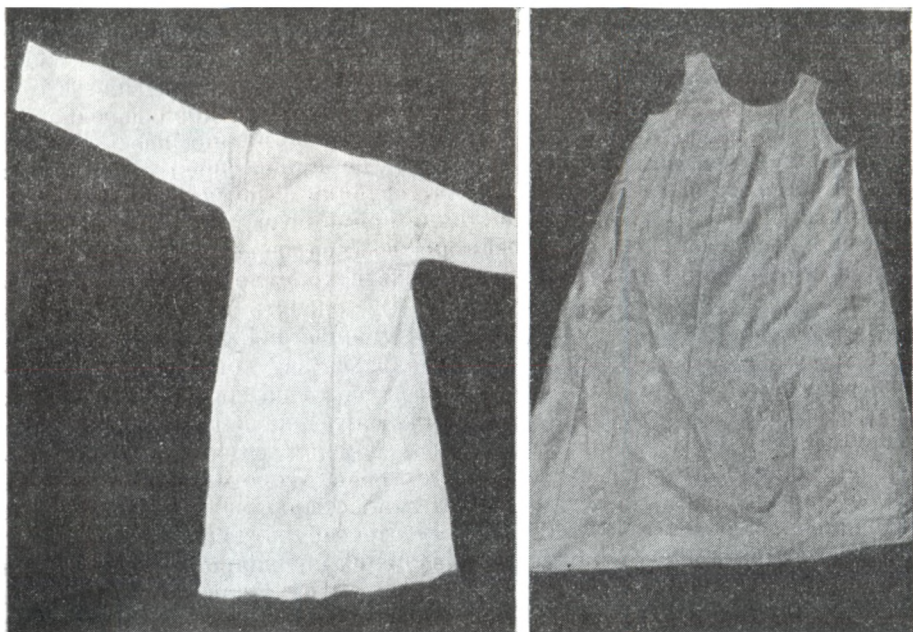
Определенного часа для похорон не назначалось. Повсюду было принято хоронить или рано утром или после 12 часов дня, но обязательно

до «захода солнышка». Однако старообрядцы-поморы считали, что утром хоронить нельзя (д. Курья). Если кладбище было далеко, то гроб несли на полотенцах лишь по деревне, а затем ставили его на повозку или сани. Широко сохранялся древний обычай везти гроб с умершим зимой и летом на санях³⁹². Независимо от вероисповедания «везли покойного на санях» и оставляли эти сани на кладбище, предварительно перевернув оглоблями вверх, или привязывали эти сани к березе. По дороге к кладбищу, как только выносили гроб, разбрасывали ветви пихты (Пянтег, Фадино Чердынского у.), процессия шла, не останавливаясь, даже менялись те, кто нес гроб, на ходу. Другие, как указывалось³⁹³, «путали следы», останавливаясь на перекрестках, на границе деревни. Объясняя причину разбрасывания пихты, крестьяне говорили: «Стараясь дорожку завалить покойному — чтобы не приходил, не тревожил» (д. Комариха Пермского у.).

Ряд охранительных действий совершался на самом кладбище. Так, копальщики, вырыв могилу, никуда не уходили, «стерегли, охраняли ее от беса» (деревни Рогали, Половодово). «Это с исстари у нас могилу не оставляли одну. Даже зимой костер жгли и ждали, когда подойдет процессия» (д. Усть-Уролка). «Свои» (т. е. родственники) остерегались копать могилу, можно было делать это только «сторонним людям» или внукам (деревни Пянтег, Зюздино, Темная бывшего Чердынского у.). Могилы рыли неглубокие, особенно у старообрядцев, «им по вере не полагалось». Внутри могилы кадили, затем закрывали гроб (у православных заколоченный гвоздями, у кержаков — часто перевязанный ветвями черемухи или лыковыми веревками) осторожно опускали на полотенцах или веревках в могилу. Здесь повсеместно было принято на дно могилы класть полешки и только на них уже ставить гроб. В начале XX в. неожиданно быстро распространился обычай «строить палаты» или «настил» над гробом, а потом уже засыпать землей. Известный также повсеместно обычай бросать горсть земли (в особенности обязательный для родственников) в могилу сохранился до наших дней. Могилы располагались на кладбище так, чтобы покойный «смотрел на восток» (т. е. ногами к востоку). Крест, как правило, ставили в ноги. Но у многих староверов «раньше» крест на могилы не ставили, «только колышек», а на могилы клали «камушек» (по объяснению верующих крестьян — от «беса»). У староверов на кладбище шли не только родственники, но и все, кто хотел. В Юрлинской вол. Чердынского у. среди нестарообрядческого населения на кладбище шли только те, «кто читал, молился», т. е. те, кто придерживался традиционных предписаний в быту. Молодые люди прощались с покойным дома. Православные хоронили на приходских кладбищах, каждая раскольническая деревня заводила свое кладбище. В некоторых деревнях, как уже упоминалось, хоронили вне кладбища — под овином, в лесу, около дороги³⁹⁴. Так, в с. Тулпан Чердынского у. на отведенном кладбище в середине XIX в. никто из кержаков не хоронил, а хоронили только на своем кладбище или где-то в лесу³⁹⁵. Пермской Духовной консисторией был издан 22 ноября 1880 г. указ — «принять меры к прекращению обычая между прихожанами церковей Чердынского уезда хоронить умерших на не отведенных приходских кладбищах ... виновных привлекать к ответственности»³⁹⁶. Но староверы со своей сто-

роны строго следили затем, чтобы на их кладбище не хоронили «щепотников, удавленников, опойц, некрещеных»³⁹⁷. Сами староверы своих «мирских» хоронили или на отведенном отдельном кладбище или в сторонке. Вот почему часто встречались два кладбища в одной деревне одного старообрядческого толка. Как намогильный памятник здесь широко был распространен восьмиконечный крест, до наших дней сохранились и широко бытовавшие в старые времена «срубики с двускатной крышей», напоминавшие «избушку», которые стояли прямо на могилах.

Северноуральское русское крестьянство вне зависимости от того, было оно старообрядческим или нет, также сохраняло традицию (как и в других местностях и у разных народов) подавать на похоронах так называемую милостыню — «дары» ради умершего — «в знак памяти». Тот, кто взял милостыню, должен был молиться за упокойного. По верованиям крестьян, «если умерший был грешен, то до сорока дней можно душу вымолить, если каждый день молиться». Уже до похорон хозяева давали деньги лицам, пришедшим в дом помолиться, а родственникам умершего дарили его вещи. Характерной особенностью местных традиций был обычай подавать в день похорон «милостыню через гроб». Когда приходили прощаться в дом, то каждому что-нибудь подавали «из одежды». Если умерла женщина, то раздавали 40 подпальников или куски материи «на запон» (т. е. на фартук); если умер мужчина — то носовые платки или куски ткани «на рубашку» (деревни Половодово, Темная, Рогали, Шорохи и т. д.). В Юринской вол., кроме того, обмывальнице давали курицу. Аналогичный обычай подавать милостыню через гроб существовал и у соседнего народа — коми-пермяков³⁹⁸. Интересно заметить, что «милостыню» получали те, кто каким-то образом участвовал в похоронном обряде и соприкасался с покойным. Те, кто молились и отпевали умершего, получали «милостыню-деньги», те, кто нес гроб, получали полотенца. Часто на крышку гроба клали платок (если умирала женщина) или отрез холста; если умер мужчина, то клали кусок полотна, и те, кто нес крышку гроба, на кладбище получал это. Копальщикам подавали полотенца, на которых спускали гроб в могилу. Кто обмывал, тоже получал «дары» — одежду умершего; часто обязательным правилом было прийти на поминки в той одежде, которую подали (деревни Юм, Юрла и т. д.). Тем, кто провожал похоронную процессию, по дороге на кладбище раздавали специально выпеченный хлеб, а детям — конфеты. Церковь тоже получала в дар полотенце, которым был обмотан крест, когда его несли на кладбище, холст или платок, лежащий на крышке гроба (д. Пянтер). Отмечен интересный по своей архаике обычай, распространенный не только в Пермской обл., но и во многих других местах России³⁹⁹ — подавать милостыню, называемую «первая встреча». К ней готовились заранее, чаще дома, стараясь не забыть «первую встречу». Обыкновенно ее выносит из дому женщина, которая идет впереди гроба и подает первому попавшемуся человеку со словами: «Помяни новопреставленного раба божия ...» Набор предметов, составлявших эту милостыню, был самый разнообразный: «челпан (т. е. хлеб.— *И. К.*), завернутый в холстинку» (деревни Юрла, Подкино); «хлеб, нитки холщовые, иголка» (д. Темная); «хлеб-караваешек, нитки наматют, деньги положат, в платок завернут (деревни Комариха, Егорово); кроме челпана, еще подавали

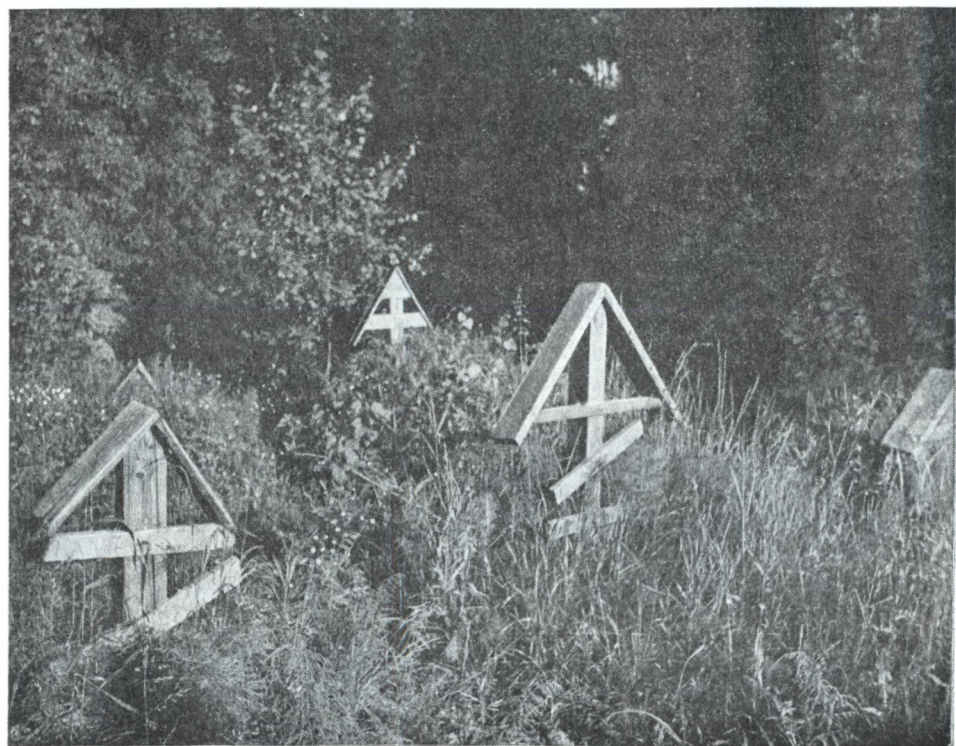

Похоронно-поминальная обрядность

Слева — погребальная одежда: рубаша и сарафан из с. Половодово Соликамского р-на;
справа — похороны старообрядцев в д. Усть-Уролка Чердынского р-на; могилы старообрядцев с крестами в д. Кукольное Юрлинского р-на

кружку, ложку — душа должна не только есть, но и запить» (д. Добрянка). В Усть-Уролке «первая встреча» подавалась в виде сарафана или холста, который был положен на гроб. Крестьяне по-разному объясняли смысл этой милостыни. Так как она подавалась сразу же первому встречному, который попадался по дороге на кладбище, то говорили, «проходная она якобы, чтобы путь-дорожку очистила, огладила бы умершему путь-дорогу» (д. Юрла). Другие считали, что к покойному будут относиться на том свете так же, как отнеслись к первому встречному. От этой милостыни никто не отказывался, так как считали, что принявшего встречу на том свете будет первым встречать этот покойный⁴⁰⁰.

После выноса покойного из дому оставшиеся в нем женщины обязательно мыли пол. Этот обычай соблюдался повсеместно. Старались вымыть всю избу одной водой, начиная мыть с переднего угла. Некоторые считали необходимым вымыть не только пол, но и стены, лавки и всю посуду. Повсеместно и всеми, кроме старообрядцев страннического толка, омовение как средство ритуального очищения совершалось участниками похоронного ритуала. Пока происходили похороны, оставшиеся дома родственники умершего, а иногда и соседи топили баню. Вернувшись с кладбища («могильника», «погоста»), люди сначала шли в баню и только

после этого садились за стол, предварительно сменив одежду (д. Зюздино). Некоторые участники похоронной процессии мылись после поминок, «а если не получалось в первый день, но на следующий мылись обязательно» (деревни Фадино, Шорохи). После выноса покойного из дому всех домашних запирали на короткое время в доме, чтобы покойник «только из дому вон ушел», а прочие оставались бы живыми и невредимыми⁴⁰¹. Близкие садились на то место, на котором при жизни обычно сидел покойный, чтобы потом его не бояться; с этой же целью «трогают покойного за ноги или, когда возвращаются с могильника, обязательно смотрят в печную трубу»⁴⁰².

Традиция предполагала отклонения от установившегося погребального ритуала в случаях, когда умирала девушка и когда смерть была неестественной. Девушку хоронили в свадебной одежде. Этот обычай, известный многим народам, был основан на убеждении, что девушке, не успевшей выйти замуж при жизни, предстоит замужество на «том свете». Умершую девушку одевали «во все бастее, т. е. красивое (д. Пянтер)». На крышку гроба «ленточки наладят, а на кладбище эти ленты девкам отдадут» (д. Комариха). В некоторых деревнях гроб с мертвой девушкой несли на кладбище девушки, а кое-где — парни.

Сведений, касающихся особенностей умерших юношей брачного возраста, в нашем распоряжении нет.

Как и в других районах России, традиционный похоронный ритуал не соблюдался полностью в отношении людей, умерших неестественной смертью (самоубийц, опойц, утопленников). Такое отношение к погибшим по своей вине или по воле случая людям основано на христианских предписаниях. И последователи официального православия, и старообрядцы самоубийцу не отпевали. В своей книге «Очерки русской мифологии» Д. К. Зеленин отметил, что русский народ строго различал в своих поверьях два разряда умерших людей: «К первому разряду относятся так называемые родители, умершие от старости предки; это покойники почитаемые и уважаемые и много раз в году поминаемые»⁴⁰³. К своим потомкам они являются редко и то только по особому приглашению во время поминальных дней. «Совсем иное представляют другой разряд покойников ... заложные. Это люди умершие часто в молодости, скоропостижно, несчастною или насильственной смертью»⁴⁰⁴. Сюда же относятся умершие колдуны, ведьмы и т. п., т. е. люди, близко знавшие с нечистой силой. Живут эти «заложные» покойники не там, где «родители», а близко к людям: на месте своей смерти или же на месте своей могилы. «Заложные» покойники могут навредить живым людям. Хоронили таких покойных без отпевания, на отдельном кладбище (д. Темная) или с краю кладбища, в особо отведенном месте (д. Половодово). В крайних случаях, когда крестьянам казалось, что такие покойные тревожат, ходят по деревне, пугают скот, ломятся в дом, таким покойным в могилу вбивали осиновый кол: «Осина проклятое дерево, так ему и надо» (д. Осокино). Благочестивые старушки отказывались таких покойных отпевать: «По давленникам зовут читать, я не хожу. Скользом помяну» (д. Лопва). И даже обмывать утопленницу также не ходили и говорили, что «таких умерших даже в избу нельзя затаскивать — может вскочить и задушить, потому что в ней бес сидит» (д. Усть-Уролка)⁴⁰⁵. Для обе-

рега от таких покойных применяли молитвы. «Прочитала я молитву, омыла утопленницу, одела и ничего со мной не случилось»⁴⁰⁶. «Заложных» покойных обязательно стерегли, чтобы не отдать нечистой силе. Так, в д. Осокино (Соликамский р-н) в 1920 г. умер человек, «сгорел от вина»; тело его выставили на улицу и полторы недели стерегли, хотя была зима. По объяснению местных жителей, тело охраняли не от людей — «стерегли от беса»⁴⁰⁷. Особенно строги были правила совершения похоронного обряда у старообрядцев. Если старовера, который жил «в миру», брился, употреблял спиртное, настигала смерть без покаяния и обязательно 40 дневного поста, его не разрешали «проводить». Считалось, что такие люди за вероотступничество должны понести наказание на том свете; наставникам запрещалось совершать над ними погребальный обряд. В таких случаях обычно родные погребали умершего без всякой службы.

После погребения обязательно устраивали поминки. В редких случаях поминальный обед совершался до выноса тела, при покойном, что объяснялось отдаленностью кладбища. Многим людям было трудно возвратиться с кладбища в дом покойного (села Ильинское, Тулпан, Черепаново). У старообрядцев все приглашались после похорон на обед. Очень одобрялось, если заходили какие-нибудь «странники» из староверов. Перед обедом читали молитвы, совершали семь земных поклонов, потом усаживались за стол. «Едим молча, голоса не подаем». Если собиралось много народу, устанавливали несколько столов. Не старообрядцев тоже сажали за отдельный стол и подавали им из специально хранимой для них посуды. За первый стол сажали тех, кто молился на кладбище, копальщиков и самых близких родственников. Раньше, в старину, мужчины сидели отдельно от женщин. Вначале все должны были попробовать кутью, приготовленную из пшеницы с медом, впоследствии ее делали из риса с сахаром и медом. Кутью нужно было взять ложкой три раза. Поминальные обеды устраивались на *третины* (часто это совпадало с похоронами), *девятины*, *сорочины* и в годовщину со дня смерти. Еда готовилась в зависимости от того, на какой день (*постный* или *скоромный*) приходилась эта дата. Водку на поминках староверы не употребляли, пили только квас. Не разрешалось готовить мясные блюда, невзирая на то, справлялся обед в пост или в *мясоед*. Но уже в середине XIX в. только «истинные» христиане-староверы придерживались этих правил. Далее на «скоромный» день подавали жаркое из телятины, холодец, каши на молоке, яичницу, оладьи с изюмом. На *постный* день подавали: похлебку из сухих грибов с постным маслом, соленые грибы, каши из проса, кисели. Сладкие *пострепеньки*, сладкую шаньгу, порезанную кусками, макали в мед и готовили в любой день. В данной местности характерной особенностью поминального стола был рыбный пирог. Ни одни поминки без него не обходились. Во всех случаях напоследок подавали очень густой овсяный или ржаной кисель и ели его с медом. Из поминальной еды полностью исключались картофель и чай. Блины в день похорон не пекли («в первый день не до блинов»). Сама церемония подачи блюд строго регламентировалась, одно блюдо подавали за другим, еда ставилась таким образом, что из одной «чашки» ело несколько человек, на стол обычно ставили «чашки» три. Ели деревянными (чаще всего кленовыми)

ложками. Вилками и ножами за поминальным столом не полагалось пользоваться, а пирог разламывали руками.

Следующие дни поминовения — 9-й, 40-й и год со дня смерти, когда семья умершего устраивала «по силе возможности» обед. Во время обеда всегда за умершего читался псалтырь, а по окончании обеда присутствующим раздавались деньги⁴⁰⁸. На 40 дней хозяева старались накормить не менее 40 человек и раздать 40 ложек.

Поминальный обед нестарообрядческого и старообрядческого населения мало чем различался. В Юрлинском р-не в день похорон всегда готовили только постное. Этот обычай дожил до наших дней, в то время как многие староверы его утратили. В день похорон устраивали два стола; за первый сажали *обмывальщиков*, *копальщиков* и самых близких родственников. На *третины* обязательно полагалось готовить пирог с запеченной свежей рыбой, блины, кислый кисель (кипятили кислый квас, добавив туда муки и сахара). Всю еду ставили сразу на стол до моления. Приготовленное окуривали дымом из кадильницы. На поминки каждый приносил с собой все, что мог (пиво, брагу, варенье). В этот день предписывалось весьма умеренное употребление крепких напитков. *Читальщицы* совершенно воздерживались от спиртного. О кутье сведения противоречивые: по одним сведениям, ее обязательно делали, по другим — нет. В д. Зюзино на *девятины* приготавливали кутью, которую называли «кутья-старовка», ели ее только женщины. На 40 дней готовили до 15 блюд. После каждого поминального обеда всем раздавали *милостыню*: мужчинам — одно-два полотенца, женщинам — платочки. Принимавшие *милостыню* брали этим самым обязательство молиться за «упокой души». После еды крошки со стола бросали на крышу («нельзя этот мусор со стола перешагивать»). В некоторых деревнях посуду со стола убирали и мыли только на следующий день после поминальной трапезы. Как правило, поминальная обрядность совершалась вне церкви. Один приходской священник писал: «В продолжение пятилетнего моего служения в приходе раза два заказывали обедню в день похорон, да в сороковой день, кажется, однажды»⁴⁰⁹. В общем, вся масса, как богатые, так и бедные, предпочитали свои домашние поминки с их обрядами и предрассудками, напоминающие привычки глубокой старины⁴¹⁰.

Отмечая поминки в 9, 20 и 40-й день смерти крестьяне верили, что в эти дни душа невидимо прилетает домой и даже иногда дает знать о себе зримо, поэтому во все эти дни крестьяне старались *ублажить* душу. По мнению одних людей, «душа до 40 дней все дома находится». У других были несколько иные представления: «Душу в 40-й день по божьему писанию сажает на место. До 3-х дней водят душу по мытарствам. С 3 дня ей показывают все, что она хорошее делала. В 9-ны душу домой приводят» (д. Лопва бывшего Чердынского у.).

В связи с этими древними воззрениями сохранялся обычай уже со дня смерти ставить на окно чашку с водой и повесить рядом (или за окно избы) полотенце, чтобы душа, заглядывая в дом, могла напиться, умыться и вытереться⁴¹¹. На стол клали скатерть, не убирая ее также в течение сорока дней, — «чтобы пусто не было душе» (с. Юрла, д. Ильинское). Кроме того, «стакан с водой и хлеба краюшечку» ставили на полочку у икон и каждый день (в течение шести недель) меняли воду и

хлеб. У православных ставили к иконе даже стопку водки для души, если при жизни человек любил выпить. Угощение душе могло включить в себя кружку кваса, соль. Меняя хлеб и воду, хозяева сами съедали пролежавший целый день у иконы кусок хлеба, а воду выпивали. Считалось особенно важным, чтобы угощение для души стояло в те часы, когда дом оставался без людей (все уходило на работу). Если в доме кто-то был, еду и питье для души могли и не поставить (д. Зюзино).

Родственники умершего посещали кладбище. Некоторые ходили каждый день в течение шести недель. Считали особенно важным побывать в 9, 20 и 40-й дни. В эти дни шли на кладбище с едой, там подавали нищим милостыню. Рассказывали умершему о своей жизни, жаловались ему, как им плохо без него, и приглашали посмотреть на их жизнь. В 40-й день «душе определяется место» на «том свете», и по традиционным представлениям душа приходила в дом последний раз. Поэтому на *сорочины* собиралось много народа и делался обильный стол.

На *сорочины* приглашали; для этого накануне пекли «милостынки» — булочки, запекая в каждую по две—три копейки, и обносили ими приглашаемых по домам (Юрла, Юм, Кукольное). У староверов, приглашая на 40-й день, говорили: «Завтра приходите потрудиться». До 40-ка дней «наймовали Сорокоуст читать» (д. Егорово). В *сорочины* устраивали обед. По представлению крестьян, душа приходила и сидела вместе с ними. Для души покойного и в этот день ставили питье и еду: в одних местах — перед божницей, в других — на столе. «Чашку, кружку, ложку — которую подать для души в *сорочины* надо — этим уже не пользуются. Положат (в день смерти) на полочку, и шесть недель все стоит». Считалось, что, как только запекали «Святой боже» — душа покидала дом⁴². На могилы староверы ничего не носили, только одаряли детей конфетами.

У православных на 40-й день устраивали также обильный стол, готовили рыбный пирог, пельмени, каравай, квас, сусло. Каждому подавали по кружке пива. Обязательно ходили на кладбище и раздавали там милостыни в виде печенья, лепешек, необходимо было «40 милостыней подать». В д. Кукольное после поминального обеда часов в 12 ходили на кладбище, потом еще возвращались и «стихарничали», т. е. читали духовные стихи.

В Пермском крае был широко распространен обряд *проводов души*. Он часто совпадал с последним поминальным днем — «в *сорочины*». Собирались, садились за стол. Обносили всех из одной кружки пивом или брагой (Юм). В с. Ильинском в 40-й день после обеда открывали в избе дверь и выходили до захода солнца на улицу со свечами, провожая душу. Особенно интересный обряд «проводов души» сохранялся в Юрлинской округе. Интересен он тем, что там душа выступала в персонализированном образе⁴³. В этих местах было принято сразу после смерти вешать на икону белое полотенце. На стол стелили холщовую скатерть, шили белый мешочек из холста (*котомочку*) и клали его на скатерть. Все это лежало до дня «проводов души». Население всегда говорило — «фактически поминальный стол устраивался на 39-й день». Накануне поминок старушкам, которые молились, приносили специально выпеченные лепешки с вложенными в них монетками (3—5 коп.). Этим давали знать, что

их участию в обряде придается особое значение. На 40-й день эти же старушки приходили для *проводов души*. Рано утром, задолго до восхода солнца они собирались в доме покойного, молились, затем садились за стол и в тишине если из одной чашки, одной ложкой, пили из одной кружки. Потом к ним присоединялись близкие родственники умершего. В число кушаний обязательно входил овсяный кисель, который наливали в блюдечко; все должны были отведать его. По поверьям, на 40-й день утром душа покидает дом. Существовало много быличек о том, как кто-то из людей, находившихся в доме умершего, увидел, что внезапно тихо сама собой открылась и закрылась дверь: это якобы ушла душа. Вот почему на 40-й день собирались рано. Проводы души должны были совпасть с ее уходом. «Тут уже не людно, самые близкие только, да, может, еще соседи, кто успеет прибежать». Главной фигурой в обряде «проводов души» были обмывальщица или обмывальщик, особая роль которых проявлялась в подчеркнутом уважении к ним в течение всего похоронного обряда. *Обмывальщице* и на похоронах и в *третины* особый почет. Ее сажали в передний угол за первый стол, хозяйшка ей говорила: «Спасибо». Ей давали первой выпить из кружки брагу». Несомненно, такое отношение было связано с важными ритуальными функциями обмывальщиков, восходящими к древним дохристианским религиозным традициям. Обмывальщик — это проводник души в потусторонний мир.

По обычаю, родственники отдавали *обмывальщикам* одежду умершего, например, платок, рубашку, верхнюю одежду, обувь. На *проводы души обмывальщики*, как правило, приходили в этой одежде. После трапезы в *котомочку* (которая готовилась со дня смерти) клали полотенце с иконы, скатерть, со стола, чашку, ложку, блюдечко, нитки, иголку, свечу, хлеб (перечисляя эти предметы, вместо «хлеб» обычно говорят «милостынька»).

Котомочка с ее содержанием предназначалась *обмывальщикам*. Взяв икону, все выходили на улицу, собираясь у переднего угла избы. Здесь же становилась и *обмывальщица (обмывальщик)*. По высказываниям верующих людей, «*обмывальщица* как бы умершую представляет». Это поверье объясняет смысл обрядовых действий. *Обмывальщице (обмывальщику)* передавали «котомочку», а затем все родственники по очереди подходили к ней (к нему) прощаться, падали в ноги, кланялись, целовали, обращаясь как к умершей (умершему), говоря: «Прощается с тобой твое дитятко (мама, тятя и т. д.)».

Простившись со всеми, кто *проводил душу*, *обмывальщик* или *обмывальщица* с котомкой в руках уходили от дома на некоторое расстояние, изображая уход души, а затем возвращались и присоединялись к родственникам умершего, которые шли на кладбище. У могилы громко плакали (*выли*), причитали. В д. Кукольное шли на кладбище после обеда, часов в 12, в д. Зюзино полагалось *проводить душу* до восхода солнца. В с. Юрла из-за дальности расстояния на кладбище не ходили, а, обойдя вокруг дома умершего, затем шли около километра по тракту с разноцветными свечами в руках. Этот обычай, известный севернорусскому крестьянству, широко бытовал и в других областях России, особенно по своим функциональным действиям он был сходен с обычаем, бытовавшим в бывшей Вологодской губ.⁴¹⁴

В отличие от других обрядов русских похоронный обряд отличался непрерывностью и «всеобъемлющим характером ритуального времени»⁴¹⁵. Поминальные же действия приурочивались к третьему, девятому и сороковому дню, т. е. обрядовое время становилось прерывистым, потом оно теряло зависимость от даты смерти погребенного и приобретало ритм годового календарного обрядового цикла⁴¹⁶.

В Пермском крае не было принято ходить на кладбище на пасху. Обычно в это время кладбища были занесены снегом. У старообрядцев на характер календарных празднеств большое воздействие оказала церковь, объявившая многие древние обрядовые действия грехом. Так, игры, сопровождавшие праздник радуницы, были запрещены в XIV в. еще задолго до раскола: «бесовских игр не играти и бочек не бити»⁴¹⁷. В связи с этим радуница дошла до наших дней лишь как праздник поминовения усопших, для чего варилась кутья и справлялась панихида⁴¹⁸. «Радольницу» (местное название радуницы) отмечало дома и в церкви также и нестарообрядческое население этого края. Очень интересно описание «родительского дня» на Фоминой неделе (первый вторник после пасхальной недели), сделанное Ф. Дягилевым⁴¹⁹. Накануне родительского дня вечером в д. Копально топили баню специально для покойника и сносили туда вещи: мыло, веник и белье. Сами крестьяне в баню не ходили в этот день, грешно, дескать, а главное боялись, как бы с покойником там не встретиться⁴²⁰. Баню для покойников топили и в Ильинском р-не (д. Комариха)⁴²¹. На следующий день совершалось поминовение. Ф. Дягилев, как и многие другие, отмечал, что не принято было ходить в этот день на могилы. Вставали до свету, и один из членов семьи отправлялся «с кутьей, пирогами, пряниками в церковь, а другие в это время приготавливали многоблюдный обед, кушаний до 20».

«В церковь приходит много народа, одни служат по усопшим панихиду, другие на проскомидию подают поминальники и третьи, немногие, заказывают с вечера обедни (за что платят 40 коп.). После обедни бывает общая лития по усопшим. По окончании литии все возвращаются по домам»⁴²². «В домах к этому времени (к концу литии) приготовлен обед и все есвы, сколько бы их не было, расставляют на столе, а также пиво, брагу, травник и вино. Под стол также ставят несколько кушаньев — они предназначались для скоропостижно умерших, утонувших, сторевших, недостойных сидеть за общим столом»⁴²³.

В окошко вывешивали полотенце, по которому должны подниматься в избу и уходить из нее родители-«души», а двери как можно крепче запираются, дабы кто-нибудь нечаянным образом не зашел в ту избу и не побеспокоил обедающих покойных. «Само же семейство уходит в другую комнату и затепливает свечу перед иконами, начинает преусерднейшим образом молиться Богу о поминовении душ усопших, плача. По окончании молитвы и окончании обеда покойными все семейные заходят в ту комнату и немало дивятся, что родители почти ничего не поели, и сами садятся за стол и принимаются уничтожать не только, что на столе, но и находящиеся под столом. Когда дело дойдет до киселя, то опять все встают на колени и молятся Богу за усопших. Вопли уменьшаются»⁴²⁴.

Таким же образом поминали предков в этот день и в д. Пянтег, и в Юрлинской округе. До сих пор этот обычай живет в памяти информаторов как черта сравнительно недавнего прошлого.

Троицын день у староверов уже ко второй половине XIX в. связывался также с поминанием умерших, родных. Все ритуальные действия проходили обычно на кладбище, где накануне убирались и расчищались могилы. Туда с самого утра приходили все жители деревни, и каждая семья располагалась на могиле близких. Женщины громко причитали. Над каждой могилой служили молебны, а затем у каждой могилы начиналось поминальное угощение. Женщины несли заранее испеченные булки, пироги, яйца и т. д. Кутью делали из риса с изюмом, «чтобы обязательно каждый три раза хлебнул квас сладкий»⁴²⁵. К концу XIX в. на кладбище уже приносили пиво и брагу. Правда, старообрядческая среда этому нововведению сопротивлялась. Так, в д. Подкино и до середины 1950-х годов вино на кладбище у «жержаков не носили»⁴²⁶. Покинув кладбище, многие устраивали поминальные обеды дома. В одном из описаний конца прошлого века читаем: «Ни один день из поминальных, установленных церковью, не почитается как семик — четверг перед Троицыным днем. Хотя церковью в этот день не установлено поминовение умерших, но, по установившемуся обычаю, совершается во многих приходах епархии, не исключая и некоторых городов». В этот день на кладбище собиралось много народу даже из смежных приходов, если у кого-либо там были схороненные умершие»⁴²⁷.

Обыкновение помянуть умерших родителей и родственников в семик — всеобщее и древнее, и церковь приспособилась к нему. Так, в г. Соликамске «городское духовенство в сопровождении собравшегося народа с запрестольным крестом и хоругвями идет из собора на кладбищенскую часовню и там совершают панихиду, помяная православных воинов. Крестный ход совершался в семик на места погребения погибших во время набегов сибирских народов. Таких могил в Соликамске сохранилось пять»⁴²⁸. По рассказам очевидцев, массовый выход на кладбище в эти дни вызывал в памяти древние дохристианские славянские поминальные *тризны*. Говорилось: «Семик идет — пойдем плакать на кладбище. Причитывали, говорили, что в ум придет» (Пянтег, Рогали, Лопва). Приходили на кладбище с пирогами, садились с покойным, жаловались на свою судьбу. Каждый устраивал обед на могиле своего родственника. Пили пиво, брагу, многие — вино. На обед приглашали родственников и друзей. Этот праздник в данной местности бытовал широко. Во всех деревнях крестьяне ходили на кладбище, покрывали могилы дерном, крошили зерно для птичек. Лили на могилу и напитки, когда пили, «чтобы он тоже попил» (д. Фадино). «На могилах» кормили нищих (д. Комариха). Хотя церковь и не включила в свой религиозный устав эти дни, священники тоже участвовали в празднестве, ходили по могилам, кадили, пели «вечную память», собирали за это деньги, ели и пили со всеми. Самое интересное, что староверы, у которых не принято было ходить на могилы в семик и «плакать», в конце XIX в. стали также участвовать в этом празднике «памяти усопших». Этот обычай сохранился до наших дней. Информаторы рассказывают: «Шаньги постряпашь, пирог спечешь, угощаешь всех. Выпивки нет. Варим сладкую

брагу. На могилке крошки посыплешь» (д. Комариха, бывшая Кержачка)⁴²⁹. А в д. Курья, где жили «истинные» поморцы, в начале XX в. в семик стали устраивать на кладбище общий стол. Каждый садился с едой и поминал близких⁴³⁰.

Как и в других областях России, в Пермском крае поминовение покойных, умерших неестественной смертью, совершалось только раз в году: у старообрядцев — в Троицкую субботу, а у православных — в семик.

*

Погребально-поминальная обрядность русских, заселивших Пермский край, особенно важна для понимания ряда проблем, связанных с исследованием русской культуры. Прежде всего, отдельные черты похоронных и поминальных ритуалов, сложившиеся в глубокой древности, позволяют реконструировать архаические пласты дохристианских воззрений народа. Для периода XIX — начала XX в. погребально-поминальная обрядность предстает в пестроте форм, что свидетельствует о неоднородности традиционной культуры русских. Широкое разнообразие обрядовых норм было вызвано, в частности, обилием старообрядческих и сектантских течений в России как итогом религиозных исканий, которым посвящали себя люди, не удовлетворенные окружающей их действительностью. Для наших дней изменения в погребально-поминальной обрядности служат важной характеристикой преобразований в мировоззрении населения, в его отношении к вере в загробное существование, к вечной проблеме смерти и памяти об умерших.

Рассмотренный материал по погребально-поминальной обрядности дает возможность пересмотреть все еще существующую в литературе общую оценку старообрядчества как движения консервативного, направленного на сохранение обычаев допетровской Руси. Изучение бытовой культуры старообрядцев показывает, что такая оценка старообрядчества в целом неравномерна, так как сохранение в быту архаики было неодинаковым у разных толков, к тому же сама обрядность у всех групп населения не оставалась неизменной. У поморцев, где была высока грамотность и за соблюдением религиозных предписаний и правильным исполнением треб следила не официальная церковь, а сама община, дохристианских пережитков в погребально-поминальной обрядности почти нет. Во многих случаях у нестарообрядческого населения сохранялось в представлениях и обрядах больше архаики, чем у соседствующих с ними староверов. Видимо, внутренний контроль старообрядческой общины за соблюдение «чистоты веры» превосходил эффективностью деятельность православного духовенства и властей, направленную на искоренение традиций язычества.

Ряд особенностей в погребально-поминальных обрядах севернорусского крестьянства подтверждает наблюдение об общей основе традиционной культуры русского населения северных областей страны.

Полевые этнографические работы, помимо выявления традиционного погребально-поминального ритуала в тех формах, в каких он сохранился и существовал в конце XIX — первой половине XX в., позволяют увидеть

и понять современное состояние похоронно-поминальной обрядности. Несмотря на консерватизм похоронно-поминальные обряды сегодня сохраняются далеко не в полном виде. Многие не исполняются даже в тех случаях, когда хоронят старого человека; ритуал в целом упрощается. Многим предписаниям, соблюдавшимся строго еще два—три десятилетия назад, в наши дни не придается серьезного значения. Большая часть населения, в особенности молодежь, воспринимает похоронно-поминальный ритуал не как религиозный акт, а как традиционный обряд, свойственный сложившейся в прошлом народной бытовой культуре.

Как и во все предшествующие исторические эпохи, преобразования в обрядности связаны с изменениями в мировоззрении. Уходит религиозная вера, и обряд теряет свой прежний смысл, приобретает гражданское содержание. Перемещаются акценты в обосновании необходимости совершать ритуал. Если раньше на видном месте стояла боязнь покойника или заботы о его душе, то сегодня считается нужным исполнить обряд из уважения к умершему, ради его памяти, ради родных, потерявших близкого человека. Иначе говоря, совершение обряда в настоящее время обосновывается прежде всего соображениями не религиозного, а морально-этического характера.

Заключение

В результате проведенного этнографического изучения районов Прикамья и Припечорья удалось проследить этапы формирования русского старожильческого населения Северного Урала, его хозяйственную деятельность, особенности материальной и духовной культуры. Интенсивное заселение этих мест севернорусским земледельческим населением в XVII—XVIII вв. обусловило преобладание в культуре пермского населения севернорусских черт. Массовое крестьянское заселение Северного Урала было связано с его хозяйственным освоением. С XVII в. социально-экономическое развитие региона шло в общем русле с развитием Европейского Севера, что обусловило единство развития народной культуры.

Выявление особенностей традиционной материальной и духовной культуры населения позволило рассмотреть процесс формирования русского населения Северного Урала, проследить взаимосвязи в культуре населения региона и соседних территорий. Анализ материалов, проведенный в монографии, показал и общие закономерности в развитии разных сторон жизни и быта севернорусского крестьянства и всего населения Русского Севера.

Так, для сельского расселения изучаемого края, как и всего Европейского Севера, было характерно прибрежное и притрактовое расположение селений в местах, пригодных для занятий сельским хозяйством и промыслами, образование наиболее распространенных типов селений — деревень, тяготевших к селам — центрам волостей. Социально-экономическое и историческое развитие края привело к появлению здесь разных форм землевладения, обусловивших различия в составе крестьянства и разную форму освоения земель. В местах с вотчинным землевладением исключалось широкое крестьянское освоение земель и возникновение починкового и заимочного расселения, которое было характерно для мест с государственным землевладением. Некоторым своеобразием отличалось заселение территорий в районах, где обосновывались старообрядцы. Это — редкое, «очаговое» заселение, создание наряду с земледельческими промысловых поселений (Колва, верхняя Печора, верхняя Кама, Вишера). Рано появилось в Приуралье притрактовое расположение селений в местах, где пролагались дороги за Урал (XVIII в.). Эта черта сельского расселения развилась и в Сибири, когда переселенцы с Европейского Севера стали ее осваивать. Размеры поселений были обусловлены разными факторами и были различными у разных категорий уральского кре-

стьянства. Более крупными были заводские поселения (по сравнению с земледельческими). Деревни и села разных районов также отличались по размерам: в местах с развитым земледелием, солепромышленностью, горным делом и транзитом через Урал они были более крупные (Солыкамский у.). Многонаселенные пункты также возникали в промышленной зоне, что было связано с общим редким заселением промышленных мест и концентрацией населения в немногих селениях (северо-восток Чердынского у.).

Пермские селения различались и по планировке. Особо выделялись селения — центры вотчинных имений, где размещались особые строения (управления вотчинной администрации, особняки владельцев имений с парками и водоемами и т. п.). Этнические особенности в расселении проявлялись слабее, и было много общего в поселениях русских и соседних коми-пермяков. Эти народы развивались в одинаковых природных и социально-экономических условиях, поэтому общность их культурного развития была закономерной и неизбежной.

В занятиях населения и русского, и соседних коми также прослеживается много общего: земледелие с трехпольем, одинаковые полевые культуры; одинаковые и неземледельческие занятия (лесоразработки, лесосплав, работа на соляных промыслах и горных заводах). Местным своеобразием отличались некоторые сельскохозяйственные орудия, применяемые и русскими, и коми: пахотные орудия, приспособленные к уральским почвам — курашимка (сочетание сохи и сабана), куштан (для каменистых почв), соха с брылой (асимметричными сошниками), перенесенная позднее в Сибирь.

Жилище в районах Северного Урала относится к типу севернорусского жилища. Это трехкамерный дом: изба—сени—клеть (изба), на высоком подклете, с двускатной крышей, с крытым двухъярусным двором со «взвозом», поставленным в один ряд с избой. Внутренний план дома относится к севернорусскому типу. Назначение хозяйственных построек, как и на всем Севере, связано с хозяйственной и промышленной деятельностью населения. Народная терминология элементов жилища также общая для всего Севера.

Социально-экономическое развитие с середины XIX в. привело к появлению других видов застройки крестьянских усадеб: двух-, трехрядной и покоеобразной и к появлению изб-пятистенок, внутренний план которых относится к среднерусскому типу. Эти виды застройки роднят Прикамье со среднерусскими районами и с Верхним Поволжьем. Жилище соседних коми приобрело общие черты с русским жилищем. Северное Прикамье и Припечорье дольше, чем южные районы Пермского края, сохраняли севернорусскую специфику в жилище.

В районах, связанных с разной хозяйственной деятельностью населения, различие в жилище было небольшое. У земледельческого и промышленного населения оно отличалось наличием разных специальных хозяйственных построек. На Северном Урале развивалась и локальная специфика жилища. Покоеобразная застройка усадеб в местных условиях была полузакрытой или закрытой с двухэтажным двором. Такую застройку крестьянской усадьбы перенесли переселенцы в Сибирь, обосновываясь на ее необжитых пространствах.

Народная одежда северноуральских крестьян также имела севернорусские черты. Женская одежда — сарафанный комплекс, как и на всем Севере. Она состояла из сарафана прямого покроя, рубахи с рукавами и прямыми поликами, запона, душегрейки, самшур (головной убор), редко — кокошника. В одежде пермских старообрядцев сохранялись архангелские черты: мужские туникообразные рубахи с воротом-стойкой, разрезом на правой стороне, женские косоклинные сарафаны. Были и некоторые виды одежды, родившие местный костюм с одеждой соседних нерусских народов: войлочные шляпы-«татарки», холщовые шабуры и запоны, одежда типа «лузанов» коми, верхняя одежда — «понитки» и др. Разные категории сельского населения носили одежду, имевшую отличия. Так, костюм заводских крестьян приближался к городской одежде (особенно характерный женский костюм — «парочка»: юбка с кофтой городского покроя). Некоторые виды народного костюма были перенесены в Сибирь: азам, самшуре, бродни и т. п.

В результате этнографического изучения районов Прикамья и Припечорья удалось рассмотреть историю крестьянской семьи, этапы ее развития, изменения ее форм, семейного строя и отношений. Севернорусская крестьянская семья развивалась в общем русле с семьей крестьян Европейского Севера, прошла путь развития, который немного позднее можно было наблюдать у русских крестьян-сибиряков. Этот путь начинался от поселения первоприсельцев, иногда одиноких, которые, осев на постоянное жительство, заводили семьи сначала малые, но постепенно при росте населения либо подселении к ним родственников разраставшиеся до неразделенных семей. Семьи малые и неразделенные (отцовские и братские) продолжали существовать в дальнейшем, отличаясь в различные периоды не столько по форме, сколько по численности, иногда по структурно-поколенному составу.

В сельской семье Приуралья можно отметить различия внутрорегионального характера. В начале заселения края в местах с государственным землевладением рано сложилась малая семья; неразделенная же преобладала в местах более позднего крестьянского заселения (приколвенские, привишерские места). В отношении внутренней жизни и строя эти семьи ничем не отличались от семей государственных крестьян всего Севера. У заводского населения предпочтение отдавалось малой семье. Неразделенные семьи существовали лишь у старообрядцев в заводах, как впрочем и у старообрядцев земледельческих и промысловых районов, хотя и у них шло развитие семьи малой формы. Особенности семейного строя старообрядцев были связаны с их религиозными устоями.

С этнической точки зрения в семейных отношениях и строе также наблюдались различия. Иноязычное население, вступая в брак с русскими, создавало семьи, по составу и структуре аналогичные семьям последних. Но в иноязычной среде сохранялось много неразделенных семей; своеобразием, а иногда и архаичностью отличалась и их семейно-обрядовая жизнь. Эти различия продолжали сохраняться на протяжении XIX, а иногда и в XX в.

К настоящему времени сельская семья Северного Приуралья идет по общему пути развития с русской сельской семьей. Повсеместно пре-

обладает малая семья. Семьи неразделенные и их локальные варианты также существуют. Для развития семейно-брачных отношений в течение всего XX в. характерно расширение брачных связей за пределы своих районов, что приводило к смешениям в этническом, конфессиональном, сословном отношениях, к нивелировке ряда процессов, сглаживанию отличительных черт семьи разных районов и разных народов. Внутрисемейная жизнь населения этих территорий развивается так же, как и в других сельских районах страны. В семейно-обрядовой жизни местного населения остается много своеобразия.

Так, местный свадебный обряд сохраняет много традиционных черт, которые имеют как общие для Европейского Севера, так и локальные особенности. Традиция, имеющая четко выраженные локальные черты, наиболее проявляется в чердынском свадебном обряде. В целом обряд по всем приуральским районам единообразен. Многие его роднит с обрядом соседних районов Вологодской обл., хотя свадебный фольклор у них различается; общий же он с традиционным севернорусским свадебным обрядом. Местный свадебный обряд оказал влияние на формирование обряда соседних коми, а в ряде районов он оказался результатом творчества и русских, и коми (в Юрлинском р-не, например). Ряд своеобразных черт в нем обусловлен различиями вероисповедания населения, особенно многочисленными староверческими толками (например, формы заключения брака, особенно брак «убегом»). В свадебном обряде приуральского населения, как и в других обрядах, можно выделить элементы различных исторических периодов, которые сохраняются до настоящего времени.

Родильно-крестильные обычаи и обряды севернорусских крестьян также имеют много реалий в таковой же обрядности русских вообще и прежде всего русских Европейского Севера. Своеобразие этих обрядов у прикамского и припечорского населения появилось в результате главным образом конфессиональной неоднородности населения. Религиозное мировоззрение старообрядцев в Приуралье влияло на все стороны жизни, на бытовую культуру, в том числе и на родильно-крестильную обрядность.

Поминально-погребальные обряды севернорусского крестьянства в XIX, а тем более в XX в. также отличались разнообразием форм, что свидетельствует о неоднородности традиционной культуры русских. Это разнообразие обрядовых норм в Приуралье было вызвано, в частности, местным «многоверьем». Но целый ряд особенностей в этих обрядах все же свидетельствует об общей основе традиционной культуры русского народа.

Таким образом, несмотря на сохранение общих черт русской народной культуры в Северном Приуралье, севернорусское крестьянство представляет собой своеобразную группу севернорусского населения.

Примечания

Введение

- ¹ *Раскин Д. И.* Миграции в общественном сознании русского крестьянства эпохи позднего феодализма (XVIII век): Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни // XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М. 1984. С. 171—173.
- ² История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. С. 375, 378.
- ³ *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 10; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. Прилож. 3 и 4; *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 49.
- ⁴ *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804.
- ⁵ *Карнаузов Н.* Этнографические черты г. Чердыни // Отечественные записки. 1848. № 3. С. 49—58; *Латкин В. Н.* Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и в 1843 гг. СПб., 1853; *Словцов И.* Деревня Соликамского края в XVI в. // Пермский сб. М., 1859. Кн. 1; *Крылов П. Н.* Вишерский край: Историко-бытовой очерк Северного Приуралья 1870—1878 гг. Свердловск, 1926; *Трапезников В. Н.* Первобытное население севера России // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып. II.
- ⁶ *Чесноков А.* Среди кержаков // Пермская земская неделя. 1908. № 11—15.
- ⁷ *Ончуков Н. Е.* По Чердынскому уезду: Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. 1891. Вып. 1. С. 3—38; *Белдыцкий Н. П.* Река Вишера и вишерцы // Сб. Пермского земства. Пермь, 1916. С. 45—52 и др.; *Кривошеков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губ. Пермь, 1914 и др.; *Чашницкий М. М.* Материалы и исследования Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883; *Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губ. Пермь, 1873—1883; *Широкий И.* Село Янидор Чердынского уезда Вильгортской волости // Сб. Пермского земства. 1891. № 3/4.
- ⁸ *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Т. II.
- ⁹ Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956; *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Изд. МГУ, 1962; Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967; *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX — начало XX в. М., 1948.
- ¹⁰ *Маслова Г. С., Станюкович Т. В.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.) // Материалы по истории и этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960. С. 72—171.
- ¹¹ *Маковецкий И. В.* Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.
- ¹² *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957, и др.; *Преображенский А. А.* Урал...; *Колесников П. А.* Северная деревня...; *Оборин В. А.* Социально-экономическое развитие Урала в XVII в. // История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 70—93; *Он же.* Историко-этнографическая экспедиция по р. Колве // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. 4; *Поздеева И. В.* Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы //

Русские письменные и устные традиции и духовная культура. Изд. МГУ, 1982. С. 40—71; *Никитина С. Е.* Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья // Там же. С. 91—127.

- ¹³ *Чагин Г. Н.* Усадьбы русского населения Северного Прикамья в XVII — начале XX в. // СЭ. 1978. № 6. С. 86—98 и др.; *Андерсен Э. П.* Судостроительная промышленность Чердынского уезда // Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974 и др.; *Кривошекова*

ва-Гантман А. С. К проблеме пермской чужды // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1, и др.

- ¹⁴ Этнографическое обследование районов верховней Камы и Печоры проводилось историческим факультетом Пермского университета под руководством Г. Н. Чагина в 1975—1985 гг. Полевой материал этих экспедиций лег в основу глав по народному жилищу и одежде.

Заселение Северного Приуралья и формирование русского сельского населения

- ¹ История Урала. Пермь, 1976. Т. 1. С. 11, 15, 22, 23; Народы Европейской части СССР. М., 1964. Ч. II. С. 401; *Оборин В. А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 158—160; ПСРЛ. Т. V. Л., 1925. С. 250; Т. XII. М., 1965. С. 74; *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 28. С. 118, 136.
- ² ПСРЛ. Т. XII. С. 74; Вычегодско-Вымский летопись // Историко-филологический сб. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 261.
- ³ Авфалов Городок предположительно возник на верхней Каме около Бондюга (см.: *Пушвинцев И.* Путь рати Федора Пестрого в 1472 г. // Чердынский край [Б. М.], 1928. Вып. 3. С. 9).
- ⁴ АИЭ. Восточнославянская экспедиция. Пермский отряд 1978 и 1981 гг. Д. 7054. Л. 122 об., 128; Д. 7548. Л. 10 об.
- ⁵ АИЭ. Пермский отряд 1978, 1979, 1980, 1981, 1982 гг. Д. 7054, 6964, 7548, 789.
- ⁶ Подтверждается и сообщением Ф. Р. Дзягилева. — Село Копально Пермского уезда, 1891 г. (АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 79. Л. 2).
- ⁷ Возраст этих селений, зафиксированных писцовыми документами в 1579 г., подтверждает и И. Я. Кривошеков (см.: Словарь географическо-статистического Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 180, 219). По переписным книгам, уже в 1678 г. в Бондюжском погосте и Пянтежском стане было 2 погоста, 16 деревень, 2 починка, 152 двора, 593 человека (ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1468. Л. 482 об.—483 об., 519—519 об.).
- ⁸ У И. Я. Кривошекова (Словарь... С. 648) Пянтег и Амбор возникли на месте чудских селений, названия получили от имен языческих богов; о поселении здесь безглых и ссыльных сообщает и Н. Ончуков (По Чердынскому уезду: Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. М., 1901. Вып. 1. С. 55).
- ⁹ В с. Пянтег древняя церковь башенного типа на высоком берегу Камы при подступах к селу на былом «идолопожертвенном» месте выполняла роль укрепления. См.: *Кривошеков И. Я.* Словарь... С. 749; *Волегов Ф. А.* Краткое описание с. Пянтежского и находящейся в нем древней церкви // Пермский научно-промышленный музей: Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1915. Вып. 5. С. 9.
- ¹⁰ *Волегов Ф. А.* Краткое описание... С. 8.
- ¹¹ ЧМ. № 3979 (Летопись Никольской церкви села Ныроба Чердынского у. Пермской епархии). 1912 г. Л. 10.
- ¹² АИЭ. Пермский отряд. 1982 г. Д. 789. Л. 44 об.
- ¹³ *Кривошеков И. Я.* Словарь... С. 749.
- ¹⁴ Кержак в Пермской губ. появились из Семеновского у. Нижегородской губ. // *Чупин Н.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873. Вып. 1. С. 52.
- ¹⁵ По Обве староверы появились после разгрома Выго-Лексинского общегития в XVIII в. Здесь получила распространение Выговская рукописная книжная традиция, а также роспись по дереву — «обвинский декор росписи» прялок, жбанов и т. п. с главным в ней элементом — 8-лепестковой звездой. См.: *Поздеева И. В.* Верещагин-

- ское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 41—71; *Барадулин В. А.* Обвинская роза (Крестыанские росписи Прикамья второй половины XIX — начала XX в.) // Сб. трудов НИИ художественной промышленности. М., 1973. Вып. 7. С. 119—138.
- ¹⁶ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 2, 3, 4 об., 12.
- ¹⁷ Там же. Л. 3 об., 5.
- ¹⁸ Этот куст именовался Запотымье (за р. Потымкой, впадающей в Боровую); в переписях первой половины XVIII в. он называется Запотымским станом, где жили староверы-беспоповцы, все остальные волости названы по гостями, в которых имелись церкви. Название «Запотымье» сохраняется до сих пор.
- ¹⁹ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Изд. МГ 1962. С. 46, 67; *Пименов В. В.* Вепсы. М.; Л., 1965. С. 120, 144; *Власова И. В.* Сельское расселение в бассейне Северной Двины // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972. Ч. II. С. 204.
- ²⁰ Население Чердынского у. по происхождению связано с населением Усть-Сысольского, Яренского, Никольского, Сольвычегодского, Глазовского, Слободского, Котельничского уездов. Эта связь прослеживается по общим фамилиям жителей уездов: Вятков, Вычегожанин, Вятчанин, Важенцев, Сурсыков, Колмогорцев, Лузанов, Отвинцев, Вотиннов и др. (См.: *Теплоузов А.* Связь пермского края с севером и западом по историческим, географическим названиям и фамилиям жителей // Чердынский край... 1927. Вып. 2. С. 10—11. Черносошные крестьяне из Чердынского и Соликамского уездов, выселяясь, осваивали земли и будущего Пермского у. Со временем у жителей этих уездов оказались одинаковые фамилии: Паршаков, Батюков, Жупеев, Зибзеев, Гилев, Ябуров, Волегов, Мизеев и др. (чердынские фамилии); Поносов, Жаков, Кетов, Кудымов и др. (соликамские фамилии) (См.: *Теплоузов А.* Связь... С. 7). Обвенские крестьяне оказались связанными с населением некоторых севернорусских территорий — Усть-Сысольским, Яренским, Орловским, Слободским, Сольвычегодским, Никольским уездами и своими пермскими уездами, в том числе с местами, населенными пермяками. Фамилии обвенских крестьян, общие с фамилиями населения этих мест: Янидорев (из Чердынского у.), Вятко, Вилежанин, Тотманин, Югов, Устюжанин, Пинежанин, Усолец (соликамская фамилия), Чердынец, Кайгородец и коми-фамилии: Вотиннов, Вотяков, Зырянов и др. (См.: *Теплоузов А.* Связь... С. 11; *Кривошекова-Гантман А. С.* Ономастика на службе истории края // Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С. 37).
- ²¹ *Шишонко В.* Пермская летопись. Период 1. Пермь, 1882. С. 82—87; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1891. Вып. III. С. 50, 140, 142.
- ²² Тр. Вят. губ. АК, 1905. Вып. 1. С. 27; История Урала... С. 47, 48.
- ²³ Грамота Бориса Годунова 1600 г. о запрещении «вступаться» в вотчины Строгановых содержит выписи из книги И. Яхонтова 1579 г., где определены границы пермских владений Строгановых (См.: *Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. М., 1982. Ч. I. С. 53; История Урала... С. 50).*
- ²⁴ Заселение низовьев Колвы началось еще ранее — в XIV в., земли около Нырба заселялись русскими во второй половине XV в. (ЧМ. № 3979. Л. 23).
- ²⁵ Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб., 1875. Т. XXXI. Пермская губерния. С. CLXIII.
- ²⁶ *Ончуков Н.* По Чердынскому уезду... С. 55.
- ²⁷ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 1511. Л. 516—517, 536 об.—537.
- ²⁸ Там же. Л. 698—698 об.; *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 43.
- ²⁹ Погосты: Окологородный, Покча, Вилгор, Пыдва, Искор, Нырб, Янидор, Кулчуж, Бондюг, Пянтег, Редикор, Лемеш, Губдор, Верхъязвенский, Дубровский, Читгимер, Вильва, Моша, Косин, Гаенск, Юксиво (три последние — коми-пермяцкие).
- ³⁰ ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1468. Л. 955—955 об.
- ³¹ *Дмитриев А.* Древности бывшей Пермской Великой // Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. 1. С. 107.
- ³² *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 82.
- ³³ *Первушин П.* Этнографические сведения о Верхне-Чусовском городке //

- АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 107. Л. 18—19 об.
- ³⁴ *Дмитриев А.* Пермская старина. Пермь, 1892. Вып. II. С. 147—150, 152—153.
- ³⁵ *Устюгов Н. В.* Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в. // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР.* М., 1962. Сб. V. С. 81.
- ³⁶ Там же. С. 85—86.
- ³⁷ *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... С. 77—78; РО ПОКМ. Д. 35499; Описание Пермской губернии... со внесением кратких экономических примечаний 1801 г. // ЦГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 120. Л. 4, 5, 15 об., 18—19 об.
- ³⁸ РО ПОКМ. Д. 35499 (Окладная книга 1725 г.).
- ³⁹ *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... С. 78.
- ⁴⁰ Жители д. Ньюзим лет сто тому назад стали переселяться выше по Колве и основали д. Дий, самый крайний пункт на северо-востоке Чердынской земли. Их привлекало здесь обилие лесов, они занялись охотой. Пришельцы носили фамилию Собяниных. Из них первыми пришли Максим и Федор Григорьевичи, затем их племянники Федор и Данила Ионычи, к ним присоединились Григорий Собянин и Егор Леонтьевич Пашин. Поселенцы приходили сюда с семьями. Такие переселения семьями характерны для вторичных внутренних миграций. Связи с первоначальным пунктом — Ньюзимом пришельцы не порывали и далее. Следующее поколение, выросшее уже в Дие, брало жен из Ньюзима. Дети от этих браков расселились в Дие // АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 37—37 об. О заселении Колвы есть сведения и в «Приходских списках» с перечнем селений (ГАПО. Ф. 258. Оп. 1. Д. 7. Л. 76 об.).
- ⁴¹ *Бегунов Ю. К., Демин А. С., Панченко А. М.* Отчет об археографической экспедиции в верховья Печоры и Колвы в 1959 г. // ТОДЛ, 1961. XVII. С. 548—550.
- ⁴² *Крылов П. Н.* Вишерский край. Свердловск, 1926. С. 8—9, 11.
- ⁴³ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми. М., 1958. С. 370.
- ⁴⁴ Записки архангельского губернатора кн. Н. Д. Голицына по обозрению Печорского края летом 1887 г. Архангельск, 1888. С. 7, 97—100; АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 2, 19.
- ⁴⁵ Последовательность заселения Колвы и печорских притоков прослеживается по распространению фамилий. Афанасевы из Ньюоба появляются в печорских Светлых Родниках, Чагины из Ньюоба — в Светлых Родниках и колвенских Таловой и Дие. Мисюревы из д. Мисюрево — в деревнях Черепанове (все жители имеют эту фамилию) и Сусае. Собянины (самые активные жители — носители этой фамилии, заселившие много деревень) — по Колве: деревни Ньюзим, Тиминская, Медведица, Орловка, Черепанова, Таловая, Дий; Печоре — Бердыш и Шайтанка. Пашины — в деревнях Ньюзим (почти все в ней Пашины), Дие, Шайтанке. Паршаковы — в деревнях Паршаковой, Гаревои, Волоснице на Печоре. Пачгины — в печорских Курье и Пачгиной. Ньюробские Девятковы в Волоснице; Лызловы (тоже из Ньюоба) — в деревнях Пачгиной и Светлых Родниках. Русиновы — в деревнях Тулпан и Русинове. Некоторые деревни были названы по фамилии первопоселенцев: Паршакова, Пачгина, Русинова и др. Списки жителей см.: *Пушвинцев И.* Пустынничество // Чердынский край... Вып. 3. С. 18—20; АИЭ. Пермский отряд 1980—1981 гг. Д. 7054, 7548; 1983 г. Д. 7958. Л. 3 об., 5; *Бегунов Ю. К.* и др. Отчет... С. 547.
- ⁴⁶ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 12 об.
- ⁴⁷ РСФСР. Административно-территориальное деление. М., 1977. С. 253; *Власова И. В.* К изучению этнографических групп русских // ПНИЭ 1981 г. М., 1984. С. 3—4.
- ⁴⁸ В ранних описаниях Чердынского уезда, куда входила Юрла (1678 г.), в этих местах еще не было поселений.
- ⁴⁹ *Кривошеков И. Я.* Словарь... С. 418.
- ⁵⁰ ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2369. Л. 1—237.
- ⁵¹ Фамилии первопоселенцев известны и по документам XVIII — начала XIX в. // ГАПО. Ф. 111. Д. 2369. Л. 1—237.
- ⁵² ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 288.
- ⁵³ ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 288.
- ⁵⁴ *Кривошекова-Гантман А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья. Пермское книж. изд., 1983. С. 164.
- ⁵⁵ Эюздинский р-он Кировской обл. заселен коми-пермяками, называющими себя «пермяками», «пермянами», говорящими на коми и русском языках, по культуре принадлежащих к коми-пермякам и имеющих много общего с коми-пермяками Коми-Пермяцкого

- автономного округа Пермской обл. Предки зюздинских коми жили на р. Сюзъя (притоке Камы), откуда они расселились по верховьям Камы и ее притокам, встречаясь при продвижении с русскими, вступая с ними в контакты и, вероятно, в смешанные браки, о чем свидетельствует и история д. Зюзино Юрлинского р-на. Зюздинская вол. Кайгородского у. существовала уже в 1666—1667 гг. (ЦГАДА. Поместный приказ. Д. 443. Л. 371—371 об.). См.: *Белицер В. Н.* У зюздинских коми-пермяков // КСИЭ, 1952. XV. С. 27—28; *Она же.* Очерки.. С. 370; *Троицкий В. И.* Русские говоры Верхне-Камского края // УЗКУ. 1959. Т. 119. Кн. 5. С. 258.
- ⁵⁶ ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2369. Л. 1—237.
- ⁵⁷ А. П. Обзорение пермского раскола, так называемого старообрядчества. СПб., 1863. С. 44; *Кривошеков И. Я.* Словарь... С. 804; *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 102.
- ⁵⁸ *Ончуков Н.* По Чердынскому уезду... С. 65—66; *Луканин А.* О движении народонаселения в Чердынском уезде в десятилетие 1841—1850 гг. // ЧМ. № 7167. Л. 2; *Мазунин М. В.* Описание бытовых сторон населения Юрлинского р-на за время с 1870-х годов по 1917 г. // ЧМ. № 3009. Л. 19.
- ⁵⁹ А. П. Обзорение... С. 39; *Луканин А.* О движении народонаселения... Л. 2.
- ⁶⁰ *Скитова Ф. Л.* Об одной фонетической особенности верхневиперских говоров Пермской области // УЗПУ. 1962. Т. XXII. Вып. 1. С. 49.
- ⁶¹ *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1864. Ч. II. Пермская губерния. С. 6.
- ⁶² История Урала... С. 100.
- ⁶³ Коми-пермяцкий национальный округ: Исторические очерки. Пермское кн. изд., 1977. С. 18.
- ⁶⁴ *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. 1970. Вып. 9; ЧМ. № 2689/3. Л. 72, 92; *Чашинский М. М.* Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении // ЧМ. № 1978. Л. 15; *Боков В. Е.* К вопросу о колонизации Чердынского края в связи с развитием эксплуатации лесов // ПОКМ. № 14934. Л. 19.
- ⁶⁵ Коми-пермяцкий национальный округ... С. 27—28.
- ⁶⁶ В XVII в. с виперских вогулов собирали ясак царские служилые люди. См.: Грамота Василия Шуйского воеводе С. С. Годунову... о злоупотреблении служилых людей при сборе ясака с виперских вогулов 1607 г. // Верхотурские грамоты... Ч. II. М., 1982. С. 208—209.
- ⁶⁷ *Матвеев А. К.* Древнерусская топонимика и ее происхождение // ВАУ. 1961. Вып. 1; *Белдыцкий Н. П.* Из природы и быта Пермского края // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып. II. С. 59; *Скитова Л. Ф.* Об одной фонетической особенности... С. 49; *Чашинский М. М.* Материалы к исследованию... Л. 15; *Боков В. Е.* К вопросу о колонизации... Л. 19; ЧМ. № 2689/3. Л. 72, 92; *Крылов П. Н.* Виперский край... С. 6, 7.
- ⁶⁸ *Колесников П. А.* Северная деревня... С. 328, 354, 398. В 1883 г. их было в уезде 40 душ // ЧМ. № 1978. Л. 15.
- ⁶⁹ *Глушков Н.* Чердынские вогулы: Этнографический очерк. М., 1900. С. 9—10.
- ⁷⁰ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 4 об.—5.
- ⁷¹ Сылвенские и тулвенские остяки в XVI в. при Иване Грозном стали платить ясак в Пермь, при Борисе Годунове их отписали к Верхотурью, и с этого времени они терпели притеснения от Строгановых, согнавших их со старых мест. (См.: Акты археографической экспедиции. Т. III. СПб., 1838, № 118; Верхотурские грамоты... Ч. I. С. 22—23).
- ⁷² Там же; *Глушков Н.* Чердынские вогулы... С. 9; *Чупин Н. К.* О результатах экспедиции, снаряженной Казанским обществом естествоиспытателей в 1872 г. для исследования вогулов // ЗУОЛЕ. 1874. Т. 1. Вып. 2. С. 147; Грамота Бориса Годунова воеводе кн. И. М. Вяземскому о расследовании обвинения М. Я. Строгановым ялдинских вогулов... в грабеже чувских вотчин Строгановых 1599 г. // Верхотурские грамоты... Ч. I. С. 39; Грамота Лжедмитрия воеводе С. С. Головину... о высылании с пермских торговых людей и строгановских крестьян десятой пошлыни... 1606 г. // Там же. Ч. II. С. 182—183.
- ⁷³ *Волегов Ф. А.* Краткое описание... С. 9.
- ⁷⁴ ЧМ. № 2689/3. Л. 94—94 об. Топонимы *Вильгорт*, *Камгорт* и названия уро-

- чищ и селений около них в переводе с пермяцкого языка означали: Вильгорт — Новый дом (*Виль* — новый, *горт* — дом); Камгорт — Старый дом (по другим данным *кам* — прозрачный, чистый), Вилиб — Новое поле, Коджилъ — Соляной исток, Подъяшер — Каменный лог и др.
- ⁷⁵ Кривошеков И. Я. Словарь... С. 375; Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия... С. 89; Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск, 1980. С. 291.
- ⁷⁶ Летопись... церкви с. Шахтер Чердынского уезда Пермской епархии 1912 г. // ЧМ. № 3742. Л. 10—10 об.
- ⁷⁷ Кривошеков И. Я. Словарь... С. 491; Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия... С. 115.
- ⁷⁸ Кривошеков И. Я. Словарь... С. 544.
- ⁷⁹ Там же. С. 83.
- ⁸⁰ Кривошеков И. Я. Словарь... С. 193.
- ⁸¹ Там же. С. 544.
- ⁸² Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ ойконимов на -кар на материале Верхнего Прикамья // Лингвистическое краеведение Прикамья, Пермь, 1976. Вып. 3. С. 13—15, 16, 17.
- ⁸³ Трапезников В. Н. Первобытное население Севера России // Иллюстрированный сборник — ежегодник Пермского губ. земства. Пермь, 1916. Вып. II. С. 6.
- ⁸⁴ Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ... С. 15, 17, 18; Она же. Ономастика на службе... С. 32—33.
- ⁸⁵ Горбунова А. А. Некоторые наблюдения над языком соликамских грамот XVII в. // УКУ, 1959. Т. 119. Вып. 5. С. 198.
- ⁸⁶ Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.) // ТИЭ. 1960. Т. 57. С. 75; Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. С. 10; Грузберг А. А. К изучению синтаксиса северовеликорусских говоров // УЗПГУ. 1962. Т. XXII. Вып. 1. С. 74; Скитова Ф. Л. Об одной фонетической особенности... С. 49.
- ⁸⁷ Беляева О. П. К истории формирования чусовских говоров // УЗКГУ. 1959. Т. 119. Кн. 5. С. 277; Мазунин М. В. Описание бытовых сторон... Л. 55.
- ⁸⁸ Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках // Slavica. 1931. Т. 10. Вып. 4. С. 732, 737.
- ⁸⁹ Беляева О. П. К истории... С. 278; Мазунин М. В. Описание бытовых сторон... Л. 55.
- ⁹⁰ Там же; Прокошева К. Н. Об исторических основах фразеологии говоров Северного Прикамья // Языки и ономастика Прикамья... С. 98—104; Третьяков А. Этнографические сведения о с. Архангельском Соликамского у. Пермской губ. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 20. Л. 3 об.—4.
- ⁹¹ Скитова Ф. Л. Об одной фонетической особенностях... С. 49; Чупин Н. К. О результатах экспедиции... С. 153.
- ⁹² Селищев А. М. Дialectологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1. С. 162—163; Ястребов В. Этнографическое описание Тагильской слободы Верхотурского уезда Пермской губ. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 93. Л. 2. об.—3.
- ⁹³ Троицкий В. И. Русские говоры... С. 268.
- ⁹⁴ Лыткин В. И. Фонетика севернорусских говоров и заимствования из русского языка в коми-йский // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. II. С. 131; Шешуков, Кривошеков. О пермяках районов притоков Камы — Иньвы и Косы // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 92. Л. 6.
- ⁹⁵ Кривошекова-Гантман А. С. К проблеме языковых контактов // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V. С. 80; Сморгунова Е. М. Лингвистические проблемы в археографических исследованиях: (Языковые особенности русского старообрядческого населения). // Русская письменная и устная традиция и духовная культура. М., 1982. С. 78—80.
- ⁹⁶ Забба в Сибири — край, роща, обочина; суземки — сибирское и севернорусское.
- ⁹⁷ Беляева О. П. Местная лексика, связанная с обозначением земельных участков // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964. С. 94—102; Борисов А. Н., Грузберг Л. А., Шеварц А. П. Хрестоматия говоров Пермской области. Пермь, 1976. С. 84.
- ⁹⁸ Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. // ЦГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 213. Л. 58.
- ⁹⁹ Марк К. Ю. Этногенез финно-угорских народов в свете данных антропологии // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V. С. 268—272.

- ¹⁰⁰ Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми // СЭ. 1946. № 2. С. 51—52, 68.
- ¹⁰¹ Там же. С. 68.
- ¹⁰² Чебоксаров Н. Н. Этногенез... С. 54.
- ¹⁰³ Там же; Белицер В. Н. Очерки... С. 369.
- ¹⁰⁴ Кривошеков И. Я. Словарь... С. 366, 524, 639; Смирнов И. Н. Пермьяки // Изв. об-ва археологии, истории, этнографии при Казанском ун-те. 1891. Т. IX. Вып. 2. С. 173—176.
- ¹⁰⁵ Малиев Н. Антропологический очерк племени пермяков // Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те. 1887. Т. XVI. Вып. 4. С. 7, 12—13, 30; Иванов А. П. Материалы к антропологии Пермского края // Там же. 1881. Т. X. Вып. 1. С. 28—29.
- ¹⁰⁶ Чебоксаров Н. Н. Этногенез... С. 52, 54, 68, 70; Долинова Н. А. Материалы по дерматоглифике коми // ПИИЭ 1978 г. М., 1980. С. 206.
- ¹⁰⁷ Белицер В. Н. Очерки... С. 285, 370.
- ¹⁰⁸ Явления, когда при заселении территорий в условиях изоляции этнос не растворяется в иноязычном окружении, происходили, например, в Сибири. Так, поселившиеся на Индигирке русские, известные под названием русские устьинцы, оказавшиеся в условиях тройной изоляции (как первоначально и население Юрлы) — природной, этнической, конфессиональной — столетиями сохраняли свой физический тип, язык, обычаи. Если в Якутии, куда относится район Русского Устья, русские «объякучивались», то на Индигирке они редко рождались с окружающими якутами, юкагирами, чукчами и т. д. Оторванные от русской жизни, они сохранили в этих условиях свою самобытность (См.: Зензинов В. М. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1914. С. 13—14).
- ¹⁰⁹ Дубова Н. А. Формирование русского населения Северо-Востока европейской части СССР (по антропологическим данным) // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. С. 117—120.
- ¹¹⁰ Это дало повод дореволюционным исследователям считать юринцев обрусевшими пермяками.
- ¹¹¹ Дубова Н. А. Формирование русского населения... С. 117—120.
- ¹¹² Происхождение и этническая история русского народа. М., 1965. С. 162, 168 и др.
- ¹¹³ Чупин Н. К. О результатах... С. 149; Савостьянов Е. П. Печорский край // АГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 98. Л. 7, 8.
- ¹¹⁴ Происхождение и этническая история... С. 167—171, 224—228.
- ¹¹⁵ Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР, 1964. № 6. С. 86—90.
- ¹¹⁶ Список населенных мест... С. ССЛИИ.
- ¹¹⁷ Там же. С. ССЛИ.
- ¹¹⁸ ГАПО. Ф. 258. Оп. 1. Д. 2. Л. 220; О командировании чиновников особых поручений А. Чарушина в Вологодскую, Вятскую и Пермскую губернии... // ЦГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 322. Л. 23.
- ¹¹⁹ Чашницкий М. М. Материалы к исследованию... Л. 15; ГАПО. Ф. 258. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об., 40 об., 82 об.; Д. 2. Л. 220; Ф. 425. Оп. 1. Д. 1. Л. 170.
- ¹²⁰ Летопись... церкви с. Шакшер... Л. 150. О разделении старообрядцев на толки и их расселение в Пермской губ. См.: А. П. Обзорение пермского раскола так называемого старообрядчества. СПб., 1863; Липранди И. П. Краткое обозрение русских расколов, ересей и сект. М., 1870.
- ¹²¹ Рукопись Ф. Волегова: Сведения о старообрядцах и раскольниках имени С. В. Строгановой // ГАПО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 57. 1883 г. Л. 6—7 об.
- ¹²² Ясевич-Бородавская В. К. Юридически-бытовое положение старообрядчества и сектантства и действующее законодательство // ЦГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 65. Л. 17 об., 18; Рапорты Пермского (Чермозского) главного правления // Там же. Ф. 880. Оп. 1. Д. 471. Л. 68, 76 об.
- ¹²³ Рапорты волостных старшин Пермской губернии о состоянии волостей // ЦГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 479. Л. 31.
- ¹²⁴ Записка архангельского губернатора... С. 18—19, 27; Савостьянов Е. П. Печорский край Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии 1900—1903 гг. // АГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 98. Л. 9, 10, 22.
- ¹²⁵ У Ныроба на Колве старообрядцы появились во второй половине XIX в. Это было две семьи поморского согласия // Летопись... церкви с. Ныроба... Л. 23; Чашницкий М. М. Материалы к исследованию... Л. 15; ГАПО. Ф. 258. Оп. 1. Д. 7. Л. 76 об.
- ¹²⁶ Белдыцкий Н. П. Из природы... С. 23, 24, 29; Бегунов Ю. К., Демин А. С., Панченко А. М. Отчет об археографической экспедиции в верховья Печоры и Колвы в 1959 г. // ТОДЛ. 1961.

- XVII. С. 546, 548. Некий «проповедник из пустыни» Костя Суслов в 90-х годах XIX в. распространил свое «учение»: он отрицал поклонение иконам, молился на восход, крестясь, прикладывая к телу все пять пальцев (*Ончуков Н.* Поездка... С. 66, 74). «Филиалы» старообрядческой веры существовали во всех колвинских деревнях: в Ньюземе, Черепанове, Сусая, Таловом. В д. Дий в 20—30-х годах был моленный дом, где служила некая Феоктиста из Сусая, затем Марья из Перми. Со смертью ее перестал существовать и моленный дом. Ближайшую единоверческую церковь в с. Тулпан не посещали, она считалась «незаконной» // АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 39—39 об.
- 127 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 2.
- 128 Вероятно, эта «вера» перекликалась с «Костиной» в Дие и других колвинских селениях: крест и книги у них были те же, что и у староверов, свои иконы, крестились они в старости, принимая новое имя, называли себя «истинно православными христианами», жили, скрываясь от властей.
- 129 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 20, 21, 28 об., 30—30 об. В начале XX в. среди скрытников началась новая проповедь — поиски новых путей «спасения души», при этом жители становились либо «странниками» (уходили в пустыню, от мира), либо «странноприимцами», обеспечивающими материальные средства первым (См.: *Пушвинцев И.* Пустынничество // *Чердынский край*... С. 19—20). Уход от мира в пустыню характерен, правда, не только для «скрытников» — «пустынников», а вообще для верующего христианского населения. По воспоминаниям жителей д. Дий Черепановского сельсовета, в 1914 г. из деревни в пустыню (келью) за Тулым ушли Данило Собянин и др. Потом некоторые вернулись обратно. В 25 км от Дия в месте «Костиной речка» (там жил Костя Суслов — проповедник «Костиной веры») в Култае в келье поселились два брата Епанчины и Иван Никитич. На р. Черную ушел старик Филипп, на Уйваш — Ларион Федосеевич, на Емжач — Ларион из Таловой (АИЭ. Пермский отряд. 1982 г. Д. 789. Л. 40—40 об.). Подобные явления бегунства и укрывательства беглецов с 80-х годов XVIII в. происходили и среди старообрядчества в Сибири (См.: *Мамсик Т. С.* Побег как социальное явление. Новосибирск, 1978. С. 194).
- 130 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 4 об.
- 131 Там же. Л. 12.
- 132 Там же. Л. 4 об.
- 133 *Мозель Х.* Материалы для географии... С. 421—422; По дономунию преосвященного Сильвестра, митрополита Тобольского // ЦГИА. Ф. 796. Оп. 92. Д. 34 (1751 г.). Л., 2 об., 3; Д. 28. Л. 23; Д. 75. Л. 38.
- 134 *Летопись... церкви... с. Шакшер... // ЧМ. № 3742. Л. 150—151 об., 152.*
- 135 *Дмитриев А. А.* Пермские землевладельцы Лазаревы и их преемники князя Абамелек // ИА. 1893. № 5. С. 425—443; Ревизские сказки по Пермскому и Оханскому округам..., владений И. Л. Лазарева и М. А. Строгановой (1762 и 1782 гг.) // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 65. Л. 1—3, 68—68 об., 229, 311; Ревизские сказки по Пермскому имению Абамелек-Лазаревых (1762 и 1782 гг.) // Там же. Д. 66. Л. 1—4.
- 136 *Колесников П. А.* Северная деревня... С. 315. Приведены данные по районам экспедиционного обследования, входившим в Пермский, Соликамский, Чердынские уезды.
- 137 *Кривошеев И. Я.* Словарь... С. 88, 426—427, 491—493.
- 138 *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерам Генерального штаба. СПб., 1864. Ч. II. Пермская губерния. С. 29.
- 139 По данным статистики середины XIX в., увеличение населения пермских уездов происходило по-разному у разных категорий крестьян: у государственных — это увеличение было больше, чем у крепостных, у населения соляных промыслов и заводов — слабее (*Луканин А.* О движении народонаселения... Л. 60).
- 140 История Урала... С. 326; Рапорты Пермского (Чермошского) главного правления // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 471. 1863 г. Л. 50 об.; Ответы на программу ВЭО... // Там же. Ф. 91. Оп. 2. Д. 775. 1879 г. Л. 23 об., 26 об.; Об отводе переселенцам казенной земли в Енисейской губ. 1894 г. // Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 178. Л. 1; О переселении крестьян Пермской губ. 1898 г. // Там же. Оп. 2. Д. 375. Л. 3—3 об.; Д. 175. Л. 1—1 об., 3—3 об.; Отчет о работах переселенческих партий в Вологодской и Пермской губерниях //

- Там же. Оп. 1. Д. 739. 1902 г. Л. 444; По вопросу о колонизационной вмести-
мости юго-восточных губерний // Там же. Оп. 2. 1903—1904 гг. Д. 1197. Л. 81—81 об., 82 об., 85 об.; *Санин Н. А.* Краткий географический и сельскохозяйственный очерк Чердынского уезда 1910 г. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 107. Л. 14.
- ¹⁴¹ По вопросу о колонизационной вмести-
мости... Л. 84 об.—85 об.; 86 об.—89, 96 об.—97; О переселении крестьян Пермской губернии на казенные земли этой губернии 1903—1904 гг. // ЦГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1258. Л. 12, 14; Рапорты Пермского (Чермозского) главного правления... // Там же. Ф. 880. Оп. 1. 1863 г. Д. 469. Л. 108.
- ¹⁴² *Мозель Х.* Материалы для географии... С. 7—8, 13, 15.
- ¹⁴³ Там же. С. 9—10.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 18—21.
- ¹⁴⁵ Сведения о наличном населении, числе домохозяев и род земельных владений по Соликамскому уезду за 1894 г. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.
- ¹⁴⁶ Список населенных мест... с. СХСV; *Воропай И.* Заметки и очерки о северном крае Чердынского уезда // Памятная книга Пермской губернии. Пермь, 1880. С. 141.
- ¹⁴⁷ *Чашинский М. М.* Материалы к исследованию... Л. 4.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ *Боков В. Е.* К вопросу о колонизации... Л. 3.
- ¹⁵⁰ *Хитров П. И.* К истории крестьянства и земледелия на Урале в период империализма // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 284—285.
- ¹⁵¹ История Урала... С. 326.
- ¹⁵² О командировании чиновника... Л. 22 об., Отчет о работах переселенческих партий... // ЦГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 739. Л. 281 об.; Ответы на программу ВЭО... // Там же. Ф. 91. Оп. 2. Д. 775. Л. 20.
- ¹⁵³ *Третьяков А.* Этнографические сведения... Л. 1 об.; *Первушин П.* Этнографические сведения о Верхне-Чусовском Городке // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 107. Л. 1; Экономические примечания к Генеральному межеванию Чердынского уезда // ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 374. Л. 325.
- ¹⁵⁴ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 2.
- ¹⁵⁵ *Дягилев Ф. Р.* Село Копально Пермского уезда // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 79. Л. 4.
- ¹⁵⁶ Летопись... церкви с. Шакер... Л. 5.
- ¹⁵⁷ *Бланкфельд И.* Опыт санитарно-эпидемиологического обследования д. Нижней Ворцовой Бондюжской волости Чердынского уезда // ЧМ. № 2187. Л. 3.
- ¹⁵⁸ *Белдыцкий Н. П.* Из природы и быта Пермского края // Иллюстрированный сборник... С. 25.
- ¹⁵⁹ *Белдыцкий Н. П.* Торговый путь на Печору // Иллюстрированный сборник... С. 164—165. См. также: АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 38—38 об.: Связи населения Колвы с другими территориями и с Поморьем в целом никогда не прерывались. На Колву шло население с Печоры на лесные работы. Существовали родственные связи у печорских и колвенских жителей, поэтому сообщение по проторенным путям совершалось постоянно. Путь было несколько: из печорского Бердыша, из колвенского Сусая, где проложен *визир* (путь по водоразделу) в 15 км. Основной тракт на Печору шел в 30 км от этих мест. Через Северное Прикамье на Колву попадало население с Вятки и Вологды (*Воропай И.* Заметки... С. 141).
- ¹⁶⁰ *Крылов П. Н.* Вишерский край... С. 1, 3; АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 2.
- ¹⁶¹ Летопись... церкви с. Ныроб... Л. 5.
- ¹⁶² Список населенных мест... С. ССХ.
- ¹⁶³ *Боков В. Е.* К вопросу о колонизации... Л. 18.
- ¹⁶⁴ Список населенных мест... С. ССVI.
- ¹⁶⁵ *Третьяков А.* Этнографические сведения... Л. 1.
- ¹⁶⁶ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 38.
- ¹⁶⁷ *Мазунин М. В.* Описание бытовых сторон... Л. 14; Описание с. Серегова Чердынского уезда за 1865—1880 гг. // ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 1, 8.
- ¹⁶⁸ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 7.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 12, 26 об.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 7.
- ¹⁷¹ *Чупин Н.* Географический и статистический словарь... Пермь, 1876 г. Вып. 3. С. 531; Статистические сведения по Ильинскому, Иньвенскому и Очерскому округам // ГАПО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 132. Л. 7 об.
- ¹⁷² Статистические сведения по Ильинскому... Л. 7.
- ¹⁷³ *Кривошецов И. Я.* Словарь... С. 180, 219, 502, 749; *Бланкфельд И.* Опыт санитарно-эпидемиологического обследования... Л. 3.

- 174 Чупин Н. Географический и статистический словарь... Вып. 1. С. 217; Вып. 3. С. 531, 567; Описание с. Вильгорт... Л. 72.
- 175 Оборин В. А. Культурные связи... С. 156–157; История Урала... Т. 1. С. 47, 50.
- 176 Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 188.
- 177 История Урала... Т. 1. С. 44, 79, 83.
- 178 Устюгов Н. В. Крестьянская колонизация... С. 79.
- 179 Чупин Н. Географический и статистический словарь... Вып. 1. С. 217.
- 180 О командировании чиновника... Л. 22 об., 23.
- 181 Там же. Л. 34 об.
- 182 Кривошеков И. Я. Словарь... С. 21.
- 183 Первушин П. Этнографические сведения... Л. 1, 18–19 об., Статистические сведения по Ильинскому... Л. 8.
- 184 Чупин Н. Географический и статистический словарь... Вып. 1. С. 217.
- 185 Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 143–147; Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М., 1976. С. 74–103.
- 186 Летопись... церкви... с. Шакшер... Л. 10 об.
- 187 ГАПО. Ф. 279. Оп. 3. Д. 459, 530, 531.
- 188 Летопись... церкви... с. Шакшер... Л. 8, 10 об.
- 189 Белдыцкий Н. П. Торговый путь... С. 165–167.
- 190 Это были крупные населенные пункты: заводы Пожевской с населением 5 142 чел., Чермозский – 4 397, Дедюхин – 3 380, Майкорский – 2 300 (Луканин А. Несколько статистических сведений о Соликамском уезде 1849 г.// АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об.). В Чермозском заводе в 1869 г. было 1 009 дворов с населением более 5 тыс. человек, 2 церкви, часовня, чугунолитейный и железоделательный заводы, госпиталь, 2 мельницы, 2 лесопильни (Список населенных местностей во втором стане Соликамского уезда за 1869 г.// ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 325).
- 191 Список населенных мест... С. 375.
- 192 Список населенных мест... С. СХСХVI.
- 193 Кириллов И. А. Очерки землеустройства за три года революции 1917–1920 гг. Пг., 1922. С. 84–86; Анфимов А. Н. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961. С. 46, 72; Он же. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 191, 212, 214, 219.
- 194 Населенные пункты Уральской обл.// ЧМ. № 17251. Л. 50–60.
- 195 Чепкасов П. Н. География населения и населенных пунктов севера Пермской области // УЗПГУ. 1967. Вып. 4. № 168. С. 58.
- 196 ГАПО. Ф. 279. Оп. 3. Д. 524, 526, 530 (планы – межевые карты Чердынско-го у.).
- 197 ИАЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 9.
- 198 Описание с. Серегова... Л. 8.
- 199 ИАЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 14, 19 об., 120 об.; 1980 г. Д. 7054. Л. 169–189.
- 200 Широшкин И. Село Янидор Чердынско-го уезда Пермской губернии // Сборник Пермского земства. Пермь, 1891. № 3/4. С. 142; Белдыцкий Н. В Парме: Очерки северной части Чердынско-го уезда. Пермь, 1901. С. 10, 33, 41, 80.
- 201 Описание с. Вильгорт... Л. 6.
- 202 Бланкфельд И. Опыт... Л. 10.
- 203 Описание бытовых сторон... Л. 1.
- 204 Там же. Л. 3.
- 205 ИАЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 32, 120 об.; 1980 г. Д. 7054. Л. 184.
- 206 Кривошеков И. Я. Словарь... С. 544.
- 207 Белдыцкий Н. П. Из природы... С. 25.
- 208 Там же. С. 47.
- 209 Там же. С. 38. В 1947 г. В. Н. Белицер форму д. Пудьва определила как беспорядочную, при которой дома группируются по отдельным фамильным концам, правда, она оговорила, что деревня перестраивалась в конце XIX в., но сохраняла хаотичность в расположении домов (См.: Белицер В. Н. Очерки... С. 160, 167). Скорее всего, Пудьва имеет улицу, дома на которой сохранили беспорядочную ориентацию фасадов.
- 210 ИАЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 7–7 об.
- 211 ЦГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 775. Л. 30.
- 212 Витов М. В. Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения // КСИЭ. 1958. XXIX. С. 36.
- 213 Первоначальный план с. Копально – это «неправильное» расположение улиц, не по кварталам; строения ставили близко к реке, около домов – амбары, погреба, хлева, конюшни, дворы (См.: Дзягилев Ф. Р. Село Копально... Л. 4).
- 214 ИАЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 36, 35.

- 215 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 7–7 об.
- 216 *Бланкфельд И.* Опыт... Л. 3; *Дягилев Ф. Р.* Село Копальное... Л. 2.
- 217 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 20 об.– 21.
- 218 *Третьяков А.* Этнографические сведения... Л. 2.
- 219 ГАПО. Ф. 279. Оп. 3. Д. 530. Карта 1835 г.
- 220 *Чагин Г. Н.* Формирование русского населения Северного Прикамья в конце XVI – начале XX в.: История расселения, землепользования, жилища. Автореф. канд. диссерт. М., 1981, С. 15.
- 221 *Маслова Г. С., Станюкович Т. В.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX – начало XX в.) // ТИЭ. 1960. Т. 57. С. 79.
- 222 АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 38, 38 об.
- 223 Описание с. Серегово... Л. 4 об.–5.
- 224 История Урала... С. 326.
- 225 Описание с. Вилгорт... Л. 97; АИЭ. Пермский отряд 1982 г.
- 226 *Чепкасов П. Н.* География населения... С. 57, 58.
- 227 *Витов М. В.* Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // СЭ. 1955. № 1.
- 228 *Власова И. В.* Сельские поселения в Верхневолжском и Верхнедвинском бассейнах // Новое в этнографических и антропологических исследованиях: Итоги полевых работ Института этнографии. М., 1974. Ч. 1. С. 36.
- 229 *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М. 1963. С. 97–98.
- 230 Гнездовое расселение и патронимические названия гнезд, общих для целой группы селений, образующих это гнездо, существовали в древности у местных коми (См.: *Белицер В. Н.* Очерки... С. 163, 166).
- 231 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054; 1979 г. Д. 6964; 1980 г. Д. 7054; 1981 г. Д. 7548; 1982 г. Д. 789.
- 232 ГАПО. Ф. 111. Оп. 3. Д. 40. Л. 432–448.
- 233 V ревизия – Краткое сведение о Пермской губ. 1781–1804 гг. – РО БАН, Строгановское собр. 24. Д. 26. Л. 3 об.– 4 об.; данные по VI, VIII, X ревизиям опубликованы в кн.: *Колесников П. А.* Северная деревня... С. 315, 329, 350.
- 234 *Луканин А.* О движении народонаселения... Л. 4.
- 235 Там же. Л. 7.
- 236 Статистические сведения по Ильинскому... Л. 7.
- 237 Географическое и этнографическое описание... Л. 29–30 об.
- 238 Рапорты Пермского (Чермозского) главного правления... Л. 232 об.– 234 об., 266 об.
- 239 История Урала... С. 140–141.
- 240 *Боков В. Е.* К вопросу о колонизации... Л. 25.
- 241 История Урала... Т. 1. С. 192; Сведения о земельных угодьях кн. Е. Х. Абамелек-Лазаревой в солепромысловом округе Соликамского и Чердынского уездов в 1889 г. // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 1023. Л. 1 об.– 9 об.
- 242 *Вакатова Л. П.* Крестьянское движение в Пермской губернии в годы столыпинской аграрной политики (1908–1914 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири... С. 305; О командировании чиновника... Л. 31 об. Надельное (подворное) владение крестьян было еще значительно и внедрялось у новопоселенцев в начале XX в., чему способствовало наличие небольших площадей, годных для земледелия (Там же. Л. 34 об.); см. также: Сравнительные таблицы распределения земельных угодий в 1877 и 1905 гг. // РО ГПБ. Ф. 1000. № 14.
- 243 АИЭ. Пермский отряд 1978–1979 гг. Д. 7054. Л. 2 об., 7 об., 58 об.– 59; Д. 6964. Л. 174, 175 об., 187 об.
- 244 *Савостьянов Е. П.* Печорский край... // АГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 98. Л. 40.
- 245 *Дягилев Ф. Р.* Село Копальное... // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 79. Л. 32.
- 246 *Ончуков Н.* По Чердынскому уезду... С. 66; *Вологдин И.* Жизнь крепостных людей графов Строгановых в Оханском уезде Пермской губ. (Бытовой очерк) // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3. С. 206.
- 247 *Кривошеков И. Я.* Словарь... С. 220, 353.
- 248 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548.
- 249 Там же. 1982 г. Д. 789.
- 250 *Оборин В. А.* Историко-этнографическая экспедиция по р. Колве // На Западном Урале. Пермь. 1964. Вып. 4. С. 160–161; АИЭ. Пермский отряд 1978–1979, 1982 гг. Д. 7054. Л. 7 об., 58 об.– 59; Д. 6964. Л. 175 об.– 176 об.; Д. 789. Л. 39.
- 251 *Кривошеков И. Я.* Словарь... С. 418; *Савостьянов Е. П.* Печорский край... Л. 30.
- 252 *Белдыцкий Н. П.* Из природы и быта... С. 56.
- 253 Ответы на программу ВЭО... // ЦГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 775. Л. 70 об.

- ²⁵⁴ *Белдыцкий Н. П.* Из природы и быта... С. 39.
- ²⁵⁵ Ответы на программу ВЭО... Л. 77.
- ²⁵⁶ Описание с. Вильгорт... Л. 23 об.
- ²⁵⁷ АИЭ. Пермский отряд 1978–1979, 1980 гг. Д. 7054. Л. 4, 62 об.; Д. 6964. Л. 4–4 об., 17, 19, 20–20 об., 25, 174, 186 об.; Д. 7054. Л. 169, 174 об., 177 об., 189–193 об.
- ²⁵⁸ Населенные пункты Уральской области... Л. XVI.
- ²⁵⁹ *Крылов Н. П.* Вишерский край... С. 6–7.
- ²⁶⁰ Русские в западной части уезда размещались в Юрлинской, Юмской, Аннинской, Урольской волостях; в Усть-Зулинской вол. русские жили в трех обществах из девяти, населенных пермяками; в Гаинской – только в Гаинском обществе. Зыряне населяли Верх-Лунинское, Лысовское общества Гаинской вол. и д. Усть-Пожег Тулпанской вол. (*Бокан В. Е.* К вопросу о колонизации... Л. 3, 19).
- ²⁶¹ Описание с. Серегова... Л. 2 об.
- ²⁶² *Маслова Г. С., Станюкович Т. В.* Материальная культура... С. 74, 76.
- ²⁶³ *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики... С. 683–684.
- ²⁶⁴ *Белицер В. Н.* У зюздинских коми-пермяков... С. 31; *Она же.* Очерки... С. 159–167; *Шешуков, Кривошеков.* О пермяках районов притоков Камы–Иньвы и Косы // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.
- ²⁶⁵ *Глушков Н.* Чердынские вогулы... С. 29, 34; *Чупин Н. К.* О результатах экспедиции... С. 152; *Крылов П. Н.* Вишерский край: Заметки из путешествия по Пермской губернии в 1870–1878 гг. Свердловск, 1926. С. 6, 41, 42; Грамота Бориса Годунова воеводе В. П. Головину о расследовании злоупотреблений при сборе ясака с вогулов и остряков... 1598 г. // Верхотурские грамоты... Ч. I. С. 24; Грамота Василия Шуйского воеводе С. С. Годунову о злоупотреблениях служилых людей при сборе ясака с вишерских вогулов 1607 г. // Там же. Ч. II. С. 209.

Занятия населения и хозяйственные традиции

- ¹ У прикамской чуди еще до X в. было известно мотыжное земледелие (См.: *Теплоухов Ф.* Земледельческие орудия пермской чуди // Пермский край: Сборник сведений о Пермской губ., изд. Пермской губ. стат. комитетом. Пермь, 1892. Т. 1. С. 62; *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми. М., 1958. С. 365). До прихода русских в хозяйствах коми-пермяков в XII–XV вв. немалую роль играло пашенное земледелие (См.: *Оборин В. А.* Сельское хозяйство Перми Великой в XVI–XVII вв. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 65).
- ² Протокол общего очередного собрания УОЛЕ // ЗУОЛЕ. 1891–1894. Т. 13. Вып. 2. С. 216.
- ³ *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, изданные офицерами Генерального штаба. СПб., 1864. Т. II. Пермская губ. С. 3.
- ⁴ Там же. С. 3; АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054. Л. 121, 171 об. – 187 об.
- ⁵ *Савостьянов Е. П.* Печорский край Усть-Сысольского уезда Вологодской губ. 1900–1903 гг. // АГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 98. Л. 28, 31, 32–40.
- ⁶ *Мозель Х.* Материалы... С. 3.
- ⁷ *Белдыцкий Н. П.* Из природы и быта Пермского края // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермской губ. земства. Пермь, 1916. Вып. II. С. 52; *Чашницкий М. М.* Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. // ЧМ. № 1978. Л. 21.
- ⁸ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054. Л. 170 об.–171 об., 177 об., 178 об., 180; 1983 г. Д. 7958. Л. 5–5 об., 7 об., 20 об.; *Белдыцкий Н. П.* Из природы... С. 52.
- ⁹ *Мозель Х.* Материалы... С. 81–82, 89.
- ¹⁰ Там же; АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054. Л. 170 об.–171 об.; *Волегов Ф. А.* Собрание простонародных слов Пермской губ. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 48. Л. 2 об., 5 об.–6; *Савостьянов Е. П.* Печорский край... Л. 32.
- ¹¹ *Савостьянов Е. П.* Печорский край... Л. 59–60; *Дягилев Ф. Р.* Село Копальное Пермского уезда 1891 г. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 79. Л. 24–25.
- ¹² *Чашницкий М. М.* Материалы... Л. 24; Записка архангельского губернатора кн. Н. Д. Голицына по обозрению Печорского края летом 1887 г. Архангельск, 1888. С. 34.
- ¹³ Крестьяне д. Рогали Половодской вол. Соликаменского у. работали на масляных, кожевенных, дегтярных заводах богатеев-крестьян этой деревни // АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054.

- Л. 2, 59, 66, 69 об., 71, 126; *Мозель Х.* Материалы... С. 121.
- ¹⁴ *Мозель Х.* Материалы... С. 197, 215, 308; *Дмитриев А. А.* Пермские землевладельцы Лазаревы и их преемники князя Абамелек // ИВ. 1893. № 5. С. 443–445.
 - ¹⁵ *Белдыцкий Н. П.* Из природы... С. 35, 39.
 - ¹⁶ *Поносов Н.* Начало солеварения в Пермском крае и его пионеры // Чердынский край [Б. М.] 1928. Вып. 3. С. 6. Там соль добывали путем раскосоизвлекательных труб.
 - ¹⁷ Там же. С. 6–7.
 - ¹⁸ *Мозель Х.* Материалы... С. 331.
 - ¹⁹ *Первушин П.* Этнографические сведения о Верхне-Чусовском городке 1848 г. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 107. Л. 19 об.
 - ²⁰ *Преображенский А. А.* Работные люди на Урале в XVII – начале XVIII в. // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 8.
 - ²¹ Там же. С. 50.
 - ²² *Белдыцкий Н. П.* Из природы... С. 25, 39, 57 (с Чердыни лес сплавляли до Усолья и Перми); *Чесноков А.* Среди кержаков // Пермская земская неделя. 1911. № 11. С. 24–25, 31; № 12. С. 25.
 - ²³ Там же: волости Анимисовская, Лекмортовская, Ныробская, Тулпанская, Корепинская, Пянтежская, Губдорская, Верх-Язвинская, Морчанская.
 - ²⁴ *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 151, 206.
 - ²⁵ Записка архангельского губернатора... С. 79, 81–88.
 - ²⁶ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054, 1979 г. Д. 6964, 1980 г. Д. 7054, 1981 г. Д. 7548, 1982 г. Д. 789; Описание Пермской губернии... со внесением кратких экономических примечаний 1801 г. // ЦГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 120. Л. 173 об.
 - ²⁷ *Чупин Н.* Географический и статистический словарь Пермской губ. Пермь, 1873. Вып. 1. С. 217.
 - ²⁸ В с. Вильгорт Чердынского у. была лесопильная фабрика усольца Коновалова (См.: Описание с. Вильгорт... Л. 96 об.).
 - ²⁹ *Бланкфельд И.* Опыт санитарно-эпидемиологического обследования д. Нижней Ворцовой Бондюжской волости Чердынского уезда // ЧМ. № 2187. Л. 8; *Чашницкий М. М.* Материалы... Л. 22; *Боков В. Е.* К вопросу о колонизации Чердынского края в связи с развитием эксплуатации лесов // ПОКМ. № 14934. Л. 34; *Устюгов Н. В.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Ист. зап., 1950. Т. 34. С. 182.
 - ³⁰ *Оборин В. А.* Историко-этнографическая экспедиция по р. Колве // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. 4. С. 159; *Бланкфельд И.* Опыт... Л. 8; *Дягилев Ф. Р.* Село Копально... Л. 24.
 - ³¹ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6984. Л. 21.
 - ³² Там же. 1978, 1979 гг. Д. 7054, 6964; Летопись... церкви с. Шакшер Чердынского уезда Пермской епархии 1912 г. // ЧМ. № 3742. Л. 140.
 - ³³ *Белдыцкий Н. П.* Торговый путь на Печору // Иллюстрированный сборник... С. 164; *Андерсон Э. П.* Баржестроители Чердынского уезда // На Западном Урале. Пермь, 1974. Вып. 6. С. 92–93, 98.
 - ³⁴ *Устюгов Н. В.* Ремесло... С. 183.
 - ³⁵ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 5–5 об., 21.
 - ³⁶ *Оборин В. А.* Историко-этнографическая экспедиция... С. 159; Описание с. Вильгорт... Л. 96 об.: в с. Вильгорт был судостроитель – купец Тимохов; *Санин Н. А.* Краткий географический и сельскохозяйственный очерк Чердынского уезда // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 107. Л. 14.
 - ³⁷ *Устюгов Н. В.* Ремесло... С. 184.
 - ³⁸ *Ончуков Н.* По Чердынскому уезду: Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. М., 1901. Вып. 1. С. 38.
 - ³⁹ Описание с. Вильгорт... Л. 7 об., 97.
 - ⁴⁰ *Боков В. Е.* К вопросу... Л. 33; АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 4.
 - ⁴¹ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 20 об.–21.
 - ⁴² *Сутырин Б. А.* Крестьяне-отходники на речном транспорте Урала в первой половине XIX в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 68.
 - ⁴³ Там же. С. 69.
 - ⁴⁴ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054.
 - ⁴⁵ *Оборин В. А.* Историко-этнографическая экспедиция... С. 160; *Боков В. Е.* К вопросу... Л. 33; Летопись... церкви с. Шакшер... Л. 140; Описание с. Серерева Чердынского уезда за 1865–1880 гг. // ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 8–9.
 - ⁴⁶ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 37; *Боков В. Е.* К вопросу... Л. 33.

- 47 Устюгов Н. В. Ремесло... С. 182; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Ч. 1. С. 66–68, 111, 113, 152–155; Ч. 2. С. 181, 209, 237.
- 48 Оборин В. А. Историко-этнографическая экспедиция... С. 160; Чашницкий М. М. Материалы... Л. 22.
- 49 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054. Л. 176 об.
- 50 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 2 об., 7 об., 9.
- 51 Преображенский А. А. Работные люди... С. 58, 63.
- 52 Описание с. Вильгорт... Л. 8 об.; Боксов В. Е. К вопросу... Л. 29–31.
- 53 Чупин Н. Географический и статистический словарь... С. 217.
- 54 Описание с. Серегова... Л. 8 об.
- 55 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 8.
- 56 Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губ. Пермь, 1914. С. 804.
- 57 АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 38.
- 58 Третьяков А. Этнографические сведения о с. Архангельском Соликамского уезда Пермской губ. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.
- 59 Савостьянов Е. П. Печорский край... Л. 38.
- 60 Мозель Х. Материалы... С. 361–363.
- 61 Устюгов Н. В. Ремесло... С. 182.
- 62 Томсинский С. М. Подрядничество и торговля крестьян, приписанных к Пыскорскому медеплавильному заводу, в 20–30-х годах XVIII в. // Из истории крестьянства... С. 19.
- 63 Мозель Х. Материалы... С. 386.
- 64 Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность... С. 190.
- 65 Чашницкий М. М. Материалы к исследованию... Л. 22; Боксов В. Е. К вопросу... Л. 29–31; Описание с. Серегова... Л. 8 об.; Записка архангельского губернатора... С. 97–100; Карта Пермской губернии частей Чердынского и Соликамского уездов с означением Екатеринбургского канала // ЦГИА. Ф. 342. Д. 1182. Л. 1.
- 66 Оборин В. А. Историко-этнографическая экспедиция... С. 160.
- 67 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 26.
- 68 Матвеев Л. П. Столыпинская аграрная реформа как один из факторов, влиявших на формирование рабочего класса Пермской области // Из истории рабочего класса... С. 275, 276.
- 69 Описание Пермской губернии... со внесением... // ЦГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 120. Л. 5, 136–137.
- 70 Рапорты Пермского (Чермозского) главного правления и предписания ему по управлению заводами и промыслами // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 470. Л. 56.
- 71 Томсинский С. М. Подрядничество... С. 17.
- 72 Описание с. Вильгорт... Л. 96 об.; Переписка Ф. А. Волегова с правлением именина Строгановых // ГАПО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.
- 73 Чупин Н. Географический и статистический словарь... С. 533.
- 74 Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении // ГАПО. С. 613. Оп. 1. Д. 33. Л. 273, 276–277 об., 278 об.; Выписки из Ильинской окладной книги 1725 г. // ГАПО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.
- 75 Рапорты Пермского (Чермозского) главного правления... // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 469 (1862–1863 гг.). Л. 61 об.–62, 126; Д. 470. Л. 8; О переселении крестьян Пермской губернии 1898 г. // Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 375. Л. 3 об.; Ястребов В. Этнографическое описание Тагильской слободы Верхотурского уезда Пермской губернии // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 93. Л. 10 об.
- 76 Сутурин Б. А. Крестьяне-отходники... С. 69; Преображенский А. А. Работные люди... С. 52.
- 77 ГАПО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 124. Л. 31 об., 33, 43 об.
- 78 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 19 об.–20, 28 об.
- 79 Там же. Л. 2–2 об., 9, 12 об.
- 80 Там же. 1981 и 1982 гг. Д. 7548. Л. 20 об., 28 об.–30; Д. 789. Л. 38–38 об.
- 81 ЛОИИ. Ф. 122. Кор. 4. Д. 1220. Л. 12.
- 82 Кривошеков И. Я. Словарь... С. 220, 353.
- 83 Пушвинцев И. Пустынничество // Чердынский край... С. 19.
- 84 Белицер В. Н. У эзодянских коми-пермяков // КСИЭ. 1952. XV. С. 29, 34; Она же. Очерки... С. 364, 365, 369.
- 85 Смирнов И. Н. Пермяки // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1891. Т. IX. Вып. 2. С. 146, 204; Кривошеков И. Я. Словарь... С. 600; Теплоухов А. Ф. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник... С. 130, 131; Климова Г. Н. Текстильный орнамент

- коми: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1973. С. 17; *Белицер В. Н.* Очерки... С. 366–370.
- ⁸⁶ *Белдыцкий Н. П.* Из природы... С. 60; Записка архангельского губернатора... С. 20–26.
- ⁸⁷ *Савостьянов Е. П.* Печорский край... Л. 32.
- ⁸⁸ *Чупин Н. К.* О результатах экспедиции, снаряженной Казанским Обществом естествоиспытателей в 1872 г. для исследования вогулов // ЗУОЛЕ. 1874. Т. 1. Вып. 2. С. 151–152; *Крылов П. Н.* Вишерский край. Свердловск, 1926. С. 1, 6–7.
- ⁸⁹ *Глушков И. Н.* Чердынские вогулы: Этнографический очерк. М., 1900. С. 12, 31; *Крылов П. Н.* Вишерский край... С. 10.
- ⁹⁰ ЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 482.
- ⁹¹ *Белдыцкий Н. П.* Из природы... С. 59–60.
- ⁹² *Мозель Х.* Материалы... С. 81; *Крылов П. Н.* Вишерский край... С. 39–40.
- ⁹³ ЦГАДА. Ф. 1356. Д. 34. Л. 402.
- ⁹⁴ *Мозель Х.* Материалы... С. 3; Собрание географических, статистических и этнографических сведений о Гайнском селе... // ЧМ. № 3011. Л. 1; Летопись... церкви с. Шакшер... Л. 5 об.; *Бокков В. Е.* К вопросу... Л. 17; Географическое и этнографическое описание Росстеской дачи... // ГАПО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 124. Л. 29; АИЭ. Пермский отряд 1981 и 1982 гг. Д. 7548. Л. 2 об., 23 об., 29 об., 33 об.; Д. 789. Л. 41; О командировании чиновника особых поручений А. Чарушина в Вологодскую, Вятскую и Пермскую губернии // ЦГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 322. Л. 23 об.; *Третьяков А.* Этнографические сведения... Л. 3; Описание Пермской губ... со внесением... Л. 5, 136; Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. // ЦГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 213. Л. 40, 69 об., 75, 77 об.; Ответы на программу ВЭО для собрания сведений о поземельной общине, 1879 г., Пермская губ. // ЦГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 775. Л. 37, 41 об.; Анкетные сведения по исследованию крестьянского хозяйства и землевладения после 9 ноября 1906 г. по Пермской губ. // ЦГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 821. Л. 38, 43.
- ⁹⁵ *Мартинов М. Н.* Земледелие на Урале во второй половине XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI. С. 100–101.
- ⁹⁶ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 11 об.
- ⁹⁷ *Кривоногов В. Я.* К вопросу о земледелии и животноводстве в горнозаводских округах Урала в дореформенное время // Из истории крестьянства... С. 59.
- ⁹⁸ Подсчитано по данным в кн.: *Колесников П. А.* Северная деревня... С. 152–153.
- ⁹⁹ Там же. С. 361–399.
- ¹⁰⁰ Протокол общего очередного собрания УОЛЕ // ЗУОЛЕ 1891–1894. Т. 13. Вып. 2. С. 216.
- ¹⁰¹ *Кондрашенков А. А.* Развитие земледелия на Урале во второй половине XVIII в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 27; *Мушин В. В.* Развитие сельского хозяйства в уральской горнозаводской вотчине Всеволожских в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Урала... С. 165.
- ¹⁰² *Хитров П. И.* К истории крестьянства и земледелия на Урале в период империализма // Вопросы аграрной истории Урала... С. 285.
- ¹⁰³ *Рутман Р. Е.* О земельном пользовании рабочих горнозаводского Урала накануне реформы // Вопросы аграрной истории Урала... С. 82; *Быстрых Ф. П.* О землепользовании горнозаводского населения в конце XIX – начале XX в. // Из истории крестьянства... С. 103; *Калугин Г. В.* Аграрный вопрос в посессионных округах Урала в конце XIX – начале XX в. // Там же. С. 117–118.
- ¹⁰⁴ *Мушин В. В.* Развитие сельского хозяйства... С. 165.
- ¹⁰⁵ АИЭ. Пермский отряд 1978, 1979, 1980 гг. Д. 7054. Л. 60 об., 121 об., 170, 178 об.; Д. 6964. Л. 11, 27, 119, 177 об., 188 об., Описание с. Серегова... // Л. 12 об., 14 об.; *Крылов П. Н.* Вишерский край... С. 35; *Широшкин И.* Село Янидор Чердынского уезда Вильгортской вол. // Сб. Пермского земства. 1891. № 3/4. С. 150; ГАПО. Р. 785. Д. 222. Л. 7.
- ¹⁰⁶ РО ГПБ. F IV 620. Л. 115 об.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 8.
- ¹⁰⁸ Описание с. Серегово... Л. 18; О командировании чиновника... Л. 23 об., 27.
- ¹⁰⁹ *Волегов Ф. А.* Собрание... Л. 8 об.; Ответы на программу ВЭО... Л. 54 об.
- ¹¹⁰ Копия с выписи из писцовых книг Усольского уезда Пачозерского стана 1672–1682 гг. // РО ГПБ. F IV 620. Л. 13–13 об., 16 об., 18 об., 20, 21 об.

- ¹¹¹ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 11, 27, 119 об.
- ¹¹² Властная запись Пермской губернии Чердынского уезда Анисимовской волости д. Вотцковой // ЧМ. № 2869. Л. 1. 1897 г.
- ¹¹³ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 5 об. – 6 об.
- ¹¹⁴ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 39, 41.
- ¹¹⁵ Мозель Х. Материалы. С. 46–47.
- ¹¹⁶ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 41; Описание с. Серегова... Л. 5, 18; Крылов Л. Н. Вишерский край... С. 34–35; Чесноков А. Среди кержаков // Пермская земская неделя. 1911. № 12. С. 24.
- ¹¹⁷ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 8 об., 60 об., 121 об.
- ¹¹⁸ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 4 об. – 6 об.
- ¹¹⁹ Там же. 1978–1982 гг.; Описание с. Серегова... Л. 13 об.
- ¹²⁰ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054; 1979 г., Д. 6964; 1980 г. Д. 7054; 1981 г. Д. 7548; 1982 г., Д. 789.
- ¹²¹ Подсчеты по данным в кн.: Колесников П. А. Северная деревня... С. 361–399.
- ¹²² Мозель Х. Материалы... С. 55–56.
- ¹²³ Там же. С. 64.
- ¹²⁴ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 20, 21 об., 28 об.; Крылов Л. Н. Вишерский край... С. 33–35; АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г., Д. 7958. Л. 5 – 5 об., 20 об.
- ¹²⁵ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.: Л., 1965; Колесников П. А. Северная деревня...; Шишонко В. Н. Пермская летопись. Пермь, 1882. Т. II. С. 225.
- ¹²⁶ Подсчеты по данным в кн.: Колесников П. А. Северная деревня... С. 152–153.
- ¹²⁷ ЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 482.
- ¹²⁸ Мозель Х. Материалы... С. 31–33, 46–47, 50, 53, 54, 83; Волегов Ф. А. Собрание... Л. 8 об.; Дзягилев Ф. Р. Село Копально... Л. 27–45; Историко-географическое описание... Л. 39–40 об.
- ¹²⁹ Хитров П. И. К истории... С. 279.
- ¹³⁰ Описание с. Серегова... Л. 12 об.; АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 6, 12, 21 об.
- ¹³¹ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 3; Записка архангельского губернатора... С. 37.
- ¹³² АИЭ. Пермский отряд 1978 и 1979 гг. Д. 7054. Л. 8, 61 об., 71, 120; Д. 6964. Л. 11 об., 28, 120, 178 об., 189.
- ¹³³ Собрание географических, статистических и этнографических сведений о Гаинском селе... Л. 1.
- ¹³⁴ Мазунин М. В. Описание бытовых сторон населения Юрлинского района за время с 1870-х гг. по 1917 г. // ЧМ. № 3009. Л. 2.
- ¹³⁵ В д. Роголи крестьянский праздник на Ивана Репного приходился на 7 июля, когда сеяли репу (См.: АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 60 об.). Посевы репы – «репища» существовали на кулижках (лесных рощистях).
- ¹³⁶ Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб., 1875. Т. XXXI. Пермская губ. С. СХХСIII; Рапорты волостных старшин Пермской губ... // ЦГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 479. Л. 1 об., 23, 31.
- ¹³⁷ Мозель Х. Материалы... С. 30; АИЭ. Пермский отряд 1980 г., Д. 7054. Л. 171 об. – 187 об.; Описание с. Серегова... Л. 2 об., 16 об.; Описание с. Вильгорт... Л. 16; Записка архангельского губернатора... С. 37.
- ¹³⁸ ЦГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 775. Л. 21 об. – 22, 23.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 381. Оп. 47. Д. 479. Л. 1 об., 23, 27 об.; Третьяков А. Этнографические сведения... Л. 3; О числе мужского и женского пола в имении Абамелек-Лазаревых // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об. – 46.
- ¹⁴⁰ ЦГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 775. Л. 17 об. – 20, 31; Д. 821. Л. 38, 49 об.
- ¹⁴¹ Хитров П. И. Земледеление Пермской губернии периода империализма. // На Западном Урале. Пермь, 1974. Вып. 6. С. 111.
- ¹⁴² Там же. С. 112.
- ¹⁴³ История Урала... Т. 1. С. 322; Санин Н. А. Краткий географический... Л. 9.
- ¹⁴⁴ Оборин В. А. Историко-этнографическая экспедиция... С. 158; АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054. Л. 171 об. – 187.
- ¹⁴⁵ Боков В. Е. К вопросу... Л. 25.
- ¹⁴⁶ По книге Яхонтова 1579 г., опубликованной в кн.: Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1891. Вып. III. С. 31–50, 140–142.
- ¹⁴⁷ Подсчеты по данным в кн.: Колесников П. А. Северная деревня... С. 152–153; Описание с. Серегова... Л. 1.
- ¹⁴⁸ ЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 482.
- ¹⁴⁹ Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства

- ва второй половины XVIII в.). М., 1965. С. 175.
- ¹⁵⁰ Колесников П. А. Северная деревня... С. 173–176, 310.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 2 об., 7 об., 20, 32–32 об.; Лепорский А. Этнографические сведения о с. Чернавском Оханского уезда Пермской губ. // АГО. Р. 29, Оп. 1. Д. 24. Л. 5 об.
- ¹⁵³ Лепорский А. Этнографические сведения...; Боков В. Е. К вопросу... Л. 24; Описание с. Серегова... Л. 13.
- ¹⁵⁴ Описание с. Серегова... Л. 13.
- ¹⁵⁵ Бланкфельд И. Опыт... Л. 7; Крылов П. Н. Вишерский край... С. 35.
- ¹⁵⁶ Теплоухов Ф. Земледельческие орудия... С. 63; Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губ. СПб., 1813. Ч. II. С. 74–76; ГАПО. Р–785. Д. 222. Л. 7.
- ¹⁵⁷ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 11 об., 170 об., 178, 189.
- ¹⁵⁸ ЦГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 775. Л. 32.
- ¹⁵⁹ Попов Н. С. Хозяйственное описание... С. 67.
- ¹⁶⁰ Скалозубов Н. Л. Материалы к изучению сорной растительности на полях Пермской губ. // ЗУОЛЕ. 1891–1894. Т. XIII. Вып. 2. С. 173–175; Историческо-географическое описание... // ЦГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 213. Л. 40.
- ¹⁶¹ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054. Л. 171 об., 179.
- ¹⁶² Хитров П. И. К истории... С. 281.
- ¹⁶³ Аграрная история северо-западной России: Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 348.
- ¹⁶⁴ АИЭ. Пермский отряд 1978 и 1980 гг. Д. 7054. Л. 3, 8–8 об., 56–60 об., 70; Д. 7054. Л. 171 об., 179–187 об.
- ¹⁶⁵ Оборин В. А. Историко-этнографическая экспедиция... С. 158; Савостьянов Е. П. Печорский край... Л. 29.
- ¹⁶⁶ Мозель Х. Материалы... С. 31; О командовании чиновника... Л. 21 об., 25, 26–26 об.
- ¹⁶⁷ АИЭ. Пермский отряд 1981 и 1982 гг. Д. 7548. Л. 20–21 об., 32, 32 об., 33 об.; Д. 789. Л. 41; Боков В. Е. К вопросу... Л. 25.
- ¹⁶⁸ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 24 об.
- ¹⁶⁹ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054. Л. 171 об.–187 об.
- ¹⁷⁰ Мухин В. В. Развитие... С. 166.
- ¹⁷¹ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 2–2 об., 9.
- ¹⁷² Мухин В. В. Развитие... С. 167.
- ¹⁷³ Третьяков А. Этнографические сведения... Д. 20. Л. 3, 15; Выписки из ревизских сказок чувоских и сольвычегодских соляных промыслов // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.; Рапорты Пермского (Чермозского) главного правления... // Там же. Д. 469. Л. 62 об.; Д. 470. Л. 47 об., 48, 49 об., 51.
- ¹⁷⁴ Мухин В. В. Развитие... С. 168–169; Хитров П. И. К истории... С. 281.
- ¹⁷⁵ Рапорты Пермского (Чермозского) главного правления... // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 470. 1863 г., Л. 74 об.
- ¹⁷⁶ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 2.
- ¹⁷⁷ ГАПО. Р–785. Д. 107. Л. 67. Д. 222. Л. 7.
- ¹⁷⁸ Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 3 об.; Мазунин М. В. Описание... Л. 54.
- ¹⁷⁹ Населенные пункты... // ЧМ. № 17251. Л. XVI.
- ¹⁸⁰ Кривошеков И. Я. Словарь... С. 220, 228, 564, 786.
- ¹⁸¹ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 7054. Л. 121, 187 об.
- ¹⁸² Кривошеков И. Я. Словарь... С. 493; Описание с. Вильгорт... Л. 22.
- ¹⁸³ ЦГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 213. 1800 г. Л. 38 об.–40 об.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Теплоухов Ф. Земледельческие орудия... С. 91.
- ¹⁸⁶ Оборин В. А. Сельское хозяйство... С. 65; Белицер В. Н. Очерки... С. 365, 370.
- ¹⁸⁷ Смирнов И. Н. Пермьяки... С. 145.
- ¹⁸⁸ Белицер В. Н. Очерки... С. 39–40.
- ¹⁸⁹ Белицер В. Н. У зюзинских коми... С. 29; Она же. Очерки... С. 370.
- ¹⁹⁰ Теплоухов А. Ф. Женские головные уборы... С. 131.
- ¹⁹¹ Смирнов И. Н. Пермьяки... С. 187.
- ¹⁹² Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX – начало XX в.) // ТИЭ. 1960. Т. 57. С. 76.
- ¹⁹³ ЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 482; Крылов П. Н. Вишерский край... С. 35–39.

Жилые и хозяйственные постройки

- ¹ ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 15. Л. 52.
- ² ГАПО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 43 об.
- ³ ЦГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10441. Л. 7.
- ⁴ Там же. Д. 10439. Л. 1.
- ⁵ Там же. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11458. Л. 1.
- ⁶ Там же. Ф. 21. Оп. 2. Д. 47. Л. 144–145.
- ⁷ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 31.
- ⁸ ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11450. Л. 1.
- ⁹ ГАПО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 47. Л. 145; Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 6 об.
- ¹⁰ Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских*. М., 1857. Кн. 25. С. 140–142.
- ¹¹ ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11181. Л. 1.
- ¹² *Удинцев В. А.* История займа. Киев, 1908. С. 240.
- ¹³ РО ППБ. Кол. Д. 61595. Л. 44 об.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 177.
- ¹⁵ ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11323. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10436. Л. 5–6 об.; Ф. 444. Оп. 1. Д. 44. Л. 21.
- ¹⁷ *Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А.* Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // *Русские: Историко-этнографический атлас*. М., 1967. С. 153; *Осипов Д.* Крестьянская изба на севере России (Тотемский край). Тотма, 1924. С. 9–10.
- ¹⁸ ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14423. Л. 1; Ф. 615. Оп. 1. Д. 10439. Л. 18; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 9423. Л. 16 об., 22 об. – 30 об.; Архив ЛОИИ. Кол. 2. Кн. 16. Л. 7 об. – 8 об.
- ¹⁹ ЦГАДА. Ф. 1455. Оп. 3. Д. 79. Л. 1; РО ППБ. Кол. Д. 61595. Л. 16; ЧКМ. Кол. 714/27. Л. 2.
- ²⁰ ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14423. Л. 1; Архив ЛОИИ. Кол. 2. Кн. 16. Л. 1, 2, 7 об., 23, 56 об.; *Удинцев В. А.* История займа... С. 240.
- ²¹ ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3. Л. 63; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11279. Л. 1.
- ²² ККМ. Кол. Соликамских грамот. Док. 1. Л. 1; докум. 47. Л. 1.
- ²³ РО ГБЛ. Ф. 256. Д. 308 (подсчеты с разных листов).
- ²⁴ ЦГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 318. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11275. Л. 1; ГАПО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 50 об. – 51.
- ²⁶ *Сабурова Л. М.* Сельскохозяйственные постройки для обработки и хранения зерна // *Русские: Историко-этнографический атлас*. С. 122.
- ²⁷ *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч. 2. С. 110.
- ²⁸ *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 168.
- ²⁹ ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11275. Л. 1–2.
- ³⁰ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 5087. Л. 2 об. – 10 об.
- ³¹ Там же. Д. 10425. Л. 44 об.
- ³² ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 405. Л. 2 об. – 4.
- ³³ ЦГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10425. Л. 109 об.
- ³⁴ *Маковецкий И. В.* Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. С. 13–46.
- ³⁵ ЦГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 5087. Л. 2 об. – 10 об.
- ³⁶ *Ганцкая О. А.* Строительная техника русских крестьян // *Русские: Историко-этнографический атлас*. С. 171–173; *Белов М. И., Овсянников И. В., Старков В. Ф.* Мангазей: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2. С. 12–14.
- ³⁷ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 28 об.
- ³⁸ ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1522. Л. 30 об.
- ³⁹ Там же. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11323. Л. 1.
- ⁴⁰ ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 405. Л. 2 об. – 4.
- ⁴¹ ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11323. Л. 1.
- ⁴² Там же. Ф. 192 (Пермская губ.). Д. 12а, 12в, 12с.
- ⁴³ Архив ЛОИИ. Кол. 2. Кн. 16. Л. 16 об.; ЦГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 5087. Л. 8 об.; 10 об.; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11409. Л. 1.
- ⁴⁴ *Костилов Л.* Изба семи государей // *Материалы по этнографии России*. СПб., 1914. Т. 2. С. 6.
- ⁴⁵ ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11418. Л. 1.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11275. Л. 1. Д. 11279. Л. 1; Ф. 615. Оп. 1. Д. 10425. Л. 21. Д. 10424. Д. 21.
- ⁴⁷ ГАПО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 43 об.; ЦГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 743. Л. 17–25; Кн. 1468. Л. 9; Кн. 1511. Л. 14.
- ⁴⁸ *Брайцева О. И.* Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII вв. М., 1977. С. 93–120.
- ⁴⁹ РО ГБЛ. Ф. 218. Д. 664. Л. 108–108 об.
- ⁵⁰ *Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1. С. 193–194.*
- ⁵¹ РО ГБЛ. Ф. 218. Д. 664. Л. 102–110.
- ⁵² ГАПО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 43 об.; РО ГБЛ. Ф. 218. Д. 664. Л. 102–110.

- 53 ЦГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10424. Л. 11 об., 16 об.
- 54 ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 31 об.—32.
- 55 Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 9. Л. 134 об.—136 об.
- 56 ЦГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1065. Л. 57 об.; ГАПО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 15. Л. 59; Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 31.
- 57 ЦГАДА. Ф. 1455. Оп. 3. Д. 79. Л. 1; Д. 142. Л. 1; ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 313. Л. 8 об.
- 58 Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4333. Л. 16—26.
- 59 *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XVI—XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 189, 221; Этнография русского крестьянства Сибири. XVII—середина XIX в. М., 1981. Гл. III; *Белов М. И., Овсянников И. В., Старков В. Ф.* Мангазеев... С. 18—19.
- 60 ЧКМ. Кол. 2561/3. Л. 1.
- 61 ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 33 об.
- 62 ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1522. Л. 190.
- 63 ГАПО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 43.
- 64 Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 405. Л. 2 об.—4.
- 65 Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.
- 66 Там же. Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 29—39; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 9223. Л. 15 об., 51 об.
- 67 Там же. Л. 33 об.
- 68 Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 43—44; ЦГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 9223. Л. 51 об.
- 69 ГАПО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 9. Л. 134—136 об.; Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 29 об.—39; Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 43 об.—44.
- 70 Там же. Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 39.
- 71 Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 19, 44; Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 28—29 об.; ЦГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 9223. Л. 51 об.
- 72 ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 29 об., 33; ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 15. Л. 107 об.
- 73 ЧКМ. Кол. 2561/2. Л. 1.
- 74 ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2360—2374.
- 75 Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 1—7 об.
- 76 Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. Пермь, 1890. С. 1115—1174.
- 77 *Бланкфельд И.* Опыт санитарно-эпидемиологического обследования д. Н. Ворпева Бондюжской волости Чердынского уезда. Пермь, 1907. С. 10; *Белдыцкий Н. П.* Река Вишера и вишерцы // Сборник Пермского земства. Пермь, 1916. С. 47—48; *Крылов П. Н.* Вишерский край; Заметки из путешествий по Пермской губернии в 1870—1878 гг. Свердловск, 1926. С. 42—43; *Ончуков Н. Е.* По Чердынскому уезду: Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. СПб., 1901. Вып. 1. С. 4—5.
- 78 *Архангельский И. И.* Этнографические очерки горнозаводского населения Урала. Пермь, 1891. С. 29; *Говорливых Э.* Медико-топографический очерк Чермоозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 288; *Красноперов Е. И.* Очерк экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи. Пермь, 1886. С. 28—29; *Киселевская Е. И.* Пожевский завод // Записи историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1932. Вып. 2. С. 22; Описание Лысьвенского завода (составлено учителем Шалаевым в 1857 г.) // УЗ Казанского ун-та. 1858. Кн. IV. С. 134.
- 79 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.; Д. 89. Л. 5—6. Д. 75. Л. 2 об.—3.
- 80 Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду... С. 1184.
- 81 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об. Д. 89. Л. 7.
- 82 Урал северный, средний, южный: Справочная книга/Сост. Ф. П. Доброхотов. П., 1917. С. 344. Экспедиционными наблюдениями этот прием зафиксирован как наиболее распространенный в Усольском р-не.
- 83 ГАПО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 885. Л. 39.
- 84 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 89. Л. 5.
- 85 ЧКМ. Кол. 2689/3. Л. 1.
- 86 *Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А.* Типы русского крестьянского жилища... С. 137; *Липинская В. А., Сафьянова А. В.* Жилище русского населения южной части Тюменской области (середина XIX—начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 183; *Лебедева А. А., Сафьянова А. В.* Русское население Курганской области и его хозяйственный быт во второй половине XIX—начале XX в. (материалы к историко-этнографическому атласу) // СЭ. 1974. № 1. С. 100.
- 87 *Архангельский И. И.* Этнографические очерки... С. 12; *Барадулин В. А.* Отхожий малярный промысел на Среднем Урале (вятские мастера рубежа XIX—XX вв.) // Сообщения Государственного Русского музея. М., 1976. С. 46—48.

- 88 ЦГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10425. Л. 109; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 9223. Л. 16 об.—51.
- 89 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.; Д. 96. Л. 4.
- 90 Станюкович Т. В. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. 1970. С. 62, 65; Липинская В. А., Сафьянова А. В. Жилище русского населения восточных районов Алтайского края (конец XIX — начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М., 1979. С. 193.
- 91 Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975. С. 75—82.
- 92 Ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1914. С. 113.
- 93 ГАПО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 9. Л. 135.
- 94 Чашницкий М. Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883. С. 19.
- 95 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.
- 96 ЧКМ. Кол. 717/25. Л. 1.
- 97 Бломквист Е. Э. Постройки Мологского уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция: Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. 73; Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Типы... С. 142.
- 98 ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 885. Л. 28 об.
- 99 Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Типы... С. 138.
- 100 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 4 об.—6; Д. 75. Л. 2 об.—3.
- 101 Широкин И. Село Янидор Чердынского уезда Вильгортской волости // Сборник Пермского земства. Пермь, 1891. № 3/4. С. 145.
- 102 Попов Н. С. Хозяйственное описание... Ч. II. С. 334.
- 103 Бланкфельд И. Опыт... С. 11; Широкин И. Село... С. 145.
- 104 Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Типы... С. 186—187; Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 106—117; Маковецкий И. В. Архитектура... С. 94, 183; Едемский М. Б. О крестьянских постройках на севере России. СПб., 1913. С. 37; Костилов Л. Изба... С. 9.
- 105 Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX — начало XX в. М., 1958. С. 186; Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 28—29; Егоева З. И. Поселения и жилища вепсов конца XIX — начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 130—131; Шкляев Г. К. К изучению крестьянского жилища и поселений удмуртов (конец XIX — начало XX в.) // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 41.
- 106 Чистов К. В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения северо-запада СССР // Этнографические исследования северо-запада СССР. Л., 1977. С. 3—9.
- 107 Там же.
- 108 Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 87—94; Дмитриева С. И. География распространения русских былин. М., 1975. С. 38—41; Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории диалектных границ в Северной России // ВЯ. 1968. № 6. С. 109—119.
- 109 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 5 об.; Д. 17. Л. 7.
- 110 Там же. Д. 96. Л. 5.
- 111 Там же. Л. 6.
- 112 ЦГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 10426. Л. 44.
- 113 Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974. С. 105—106.
- 114 Едемский М. Б. О крестьянских постройках... С. 30; Костилов Л. Изба... С. 9; Алферова Г. В. Каргополь... С. 108—109; Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. М., 1983. С. 46—47, 57.
- 115 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 79. Л. 7.
- 116 Там же. Д. 96. Л. 6 об.
- 117 Чагин Г. Н. Росписи по дереву Северного Прикамья // Искусство современной росписи по дереву и бересте Севера, Урала, Сибири. М., 1985. С. 106—120.
- 118 Барадулин В. А. Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу. Свердловск, 1982. С. 10—13, 43.
- 119 Широкин И. Село... С. 156.
- 120 Сабурова Л. М. Сельскохозяйственные постройки... С. 99—104.
- 121 Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду... С. 1184.
- 122 ЦГАДА. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1133. Л. 9—24.
- 123 Там же.
- 124 Там же. Л. 24, 107.
- 125 Белдыцкий Н. В. Очерк современной охоты на Чердынском Урале // Природа и охота. СПб., 1880. Т. 2. С. 19.
- 126 Крылов П. Н. Вишерский край... С. 15.

- ¹ Полякова Е. Н. Лексика местных деловых памятников XVII — начала XVIII в. и принципы ее изучения. Пермь, 1979. С. 60—61.
- ² ЧКМ. Кол. 3839. Л. 35.
- ³ Оборин В. А. Крестьянское ремесло и промыслы в Перми Великой в XVI—XVII вв. // Исследования по истории Урала. Пермь, 1970. Вып. 1. С. 20.
- ⁴ Коженикова Л. А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 107—121.
- ⁵ Таможненные книги Московского государства XVII в. М., 1951. Т. II. С. 41—342; Т. III. С. 112, 346; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. Новосибирск, 1967. С. 96—105.
- ⁶ ЦГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1043. Л. 114, 122 об.
- ⁷ Там же. Д. 1522. Л. 30 об.; Кунгурские акты XVII в. (1668—1699). СПб. 1888. С. 160, 241; Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 гг. // Временник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1857. Кн. 25. С. 139—141; Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т. 2. С. 262, 263, 268.
- ⁸ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 89. Л. 8; Д. 96. Л. 4; ЧКМ. Кол. 3839. Л. 37.
- ⁹ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958. С. 246—247.
- ¹⁰ Листова Т. А. Одежда русского населения Пермской обл. // ПИ ИЭ 1978 г. М., 1980. С. 16.
- ¹¹ Верхокамьем с XVII в. назывался район, откуда берет начало р. Кама. По современному административному делению это Верецагинский и Сивинский районы Пермской обл. и Кезский р-н Удмуртской АССР.
- ¹² МАЭ. Кол. 360/6; ЧКМ. Колл. 3839/35.
- ¹³ Крылов П. Н. Вишерский край: Заметки из путешествия по Пермской губернии в 1870—1878 гг. Свердловск, 1926. С. 18; Белдыцкий Н. П. Очерк северной охоты на чердынском Урале по реке Вишере // Природа и охота. 1880. Т. II. С. 19.
- ¹⁴ СКМ. Отчет Верх-Яйвинской этнографической экспедиции. № 3293. Л. 30; МАЭ. Кол. 360/8.
- ¹⁵ Белицер В. Н. Очерки... С. 245—246.
- ¹⁶ МАЭ. Кол. 360/8; СКМ. Кол. 3293/39.
- ¹⁷ Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 207. Карты 40—42.
- ¹⁸ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 24. Л. 4 об.
- ¹⁹ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 24 об.
- ²⁰ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 об.; Д. 75. Л. 4; Д. 96. Л. 2 об.
- ²¹ Там же. Д. 20. Л. 18—19; Д. 72. Л. 3 об.—5.
- ²² Там же. Д. 29. Л. 5.
- ²³ Попов Н. С. Хозяйственное описание... С. 226.
- ²⁴ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 75. Л. 3 об.—4; Д. 96. Л. 7.
- ²⁵ Карнаухов Н. Этнографические черты города Чердыни // Отечественные записки. 1848. Т. 57. Отд. VIII. С. 53.
- ²⁶ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.
- ²⁷ Карнаухов Н. Этнографические черты... С. 53; Петухов Д. М. Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб., 1864. С. 121; Описание Лысьвенского завода (составлено учителем Шалаевым в 1857 г.) // Уч. зап. Казанского ун-та. 1858. Кн. IV. С. 140.
- ²⁸ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.
- ²⁹ Киселевская С. Пожевский завод // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1932. Вып. 2. С. 24; СКМ. Отчет Верх-Яйвинской этнографической экспедиции. Л. 27.
- ³⁰ СКМ. Отчет Урольской этнографической экспедиции. № 3241/1. Л. 34.
- ³¹ Там же. Л. 38.
- ³² Маслова Г. С. Об особенностях народного костюма населения Верхнедвинского бассейна в XIX — начале XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. Л. 78—85.
- ³³ ГМЭ. Кол. 7076/3—4; ЧКМ. Кол. 479.
- ³⁴ Кунгурские акты XVII в. (1668—1699). СПб., 1888. С. 74.
- ³⁵ ЧКМ. Кол. 4062.
- ³⁶ Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 151.
- ³⁷ ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 15. Л. 34; Кунгурские акты XVII в. С. 241.
- ³⁸ Русские... Карта 54.
- ³⁹ Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960. С. 115; Русские... С. 231—232; Уханова И. Н. Этнографические наблюдения в Верхнем Прикамье // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 71—73.
- ⁴⁰ Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. С. 166—169.

- ⁴¹ Теплоузов А. Ф. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Сборник Пермского земства. Пермь, 1916. С. 130.
- ⁴² Белицер В. Н. Очерки по этнографии... С. 280–281.
- ⁴³ ЧКМ. Кол. 415–416.
- ⁴⁴ Теплоузов А. Ф. Женские головные уборы... С. 130–135; Уланова И. Н. Этнографические наблюдения... С. 71.
- ⁴⁵ Кунгурские акты XVII в. ... С. 241.
- ⁴⁶ РО ЧКМ. Ф. 3. Оп. 17. Д. 65. Л. 419–420.
- ⁴⁷ ЧКМ. Кол. 439, 440, 3075, 3763, 4961.
- ⁴⁸ Маслова Г. С. Северодвинская золотойшейная вышивка // Из культурного наследия народов России. Л., 1972. С. 43–47.
- ⁴⁹ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 89. Л. 9; Д. 61. Л. 1 об.
- ⁵⁰ Кунгурские акты XVII в. ... С. 74, 160; Спаский Г. Чердынские юридические памятники... С. 140.
- ⁵¹ Карнаузов Н. Этнографические чер-ты... С. 53.
- ⁵² ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 24 об.–25.
- ⁵³ ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 313. Л. 9 об.; Ф. 21. Оп. 2. Д. 6. Л. 743, 1048–1049.
- ⁵⁴ ЧКМ. Кол. 3838/1–26.
- ⁵⁵ Работнова И. П., Вишневская В. М., Кожевникова Л. А. Народное искусство Архангельской области // Сборник трудов НИИХП. М., 1962. Вып. 1. С. 26–27; Климова Г. Н. Узорное вязание русского населения Печоры // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 75–77.
- ⁵⁶ ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3. Л. 40 об.
- ⁵⁷ Белдыцкий Н. П. Река Вишера и вишерцы // Сборник Пермского земства. Пермь, 1916. С. 56.

Семья и семейные отношения

- ¹ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: Дооктябрьский период. Л., 1972; Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере: Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
- ² Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... С. 24–41.
- ³ Ревизские сказки Чердынского уезда 1711 г., давшие возможность рассмотреть формы семьи у государственных крестьян Верхне-Язывинского, Ныробского, Янидова погостов, монастырских крестьян Пысковского монастыря и владельческих крестьян Строгановых в Новом Усолье // ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2357. Л. 4–7 об., 119 об.–125 об.; Ревизские сказки Пермского и Чердынского уездов 1816 г., описавших семьи русских крестьян-старообрядцев и коми-крестьян кн. Е. В. Лазарева в Чердынском и в Пермском у. – на заводах Полазна и Чусовских городках // ГАПО, ф. 111, оп. 3, д. 40; Ревизские сказки Чердынского уезда Юрлинской волости 1834 г. Там же, оп. 1, д. 2369; Метрические книги Чердынского уезда 1810 г. о браках крестьян в русских деревнях. Там же, ф. 37, оп. 3, д. 15.
- ⁴ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов (1771–1778 гг.). СПб., 1779. IV.
- ⁵ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 20, 24, 72.
- ⁶ АИЭ. Пермский отряд. Д. 7054, 6964, 7548, 789, 7958–7960.
- ⁷ Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ ойконимов на -кар на материале Верхнего Прикамья // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1976. Вып. 3. С. 15–16. Известные в Прикамье селения с названием на -кар (-кор) означали, что в них размещались родовые гнезда – Сикискор на Обве, Ошкар на Каме, Уткор на Уролке и др.
- ⁸ Трапезников В. Н. Первобытное население севера России // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губ. земства. Пермь, 1916. Вып. II. С. 12; Смирнов И. Н. Пермяки // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1891. Т. IX. Вып. 12. С. 215, 219; Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губ. Пермь, 1914. С. 601.
- ⁹ Об этом сообщалось в послании митрополита Симона пермскому князю Матвею Михайловичу в 1510 г. (См.: Трапезников В. Н. Первобытное население... С. 12).

- ¹⁰ *Троицкий В. И.* Русские говоры Верхне-Камского края // УЗКГУ. 1961. Т. 119. Кн. 5. С. 259; *Кривощкова-Гантман А. С.* Чердынские фамилии // Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974. С. 46–50.
- ¹¹ *Кривощкова-Гантман А. С.* Чердынские фамилии... С. 46–50.
- ¹² Копия с выписи из писцовых книг Усольского уезда Пачеозерского стана 1672–1682 гг. // РО ГПБ им. С.-Щ. F IV–620. Л. 1 об. – 118.
- ¹³ Там же. Л. 7–7 об., 15 об., 18, 19 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 6, 11 об., 12 об., 20–21.
- ¹⁵ Там же. Л. 7.
- ¹⁶ *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 147.
- ¹⁷ Там же. С. 149–150.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 149.
- ²⁰ *Александров В. А.* Русское население Сибири в XVII в. – начале XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 135.
- ²¹ *Устюгов Н. В.* Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Вып. IV. С. 79.
- ²² *Попов Н.* Собрание географических, статистических и этнографических сведений о Гаинском селе 1848 г. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.
- ²³ *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор... С. 39.
- ²⁴ *Иванов П. И.* К истории крестьянского землевладения на Севере в XVII в. // Древности: Труды Археогр. комиссии Московского Археолог. об-ва. М., 1898. Т. 1. Вып. 3. С. 415.
- ²⁵ *Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян // Древности... М., 1902. Т. 2. Вып. 2. С. 204; *Ефименко А. Я.* Исследование народной жизни. М., 1884. Вып. 1. С. 219–220.
- ²⁶ *Иванов П. И.* Поземельные союзы... С. 205.
- ²⁷ *Ефименко П. С.* Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии // Сб. народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. II. С. 214.
- ²⁸ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 150–151; *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор... С. 163.
- ²⁹ ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2357. Л. 4–7 об., 119 об. – 125 об.
- ³⁰ Там же. Л. 122.
- ³¹ Там же; Ф. 37. Оп. 4. Д. 1. Л. 7.
- ³² Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2357. Л. 122.
- ³³ ГАПО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 1. Л. 8–10 об.
- ³⁴ Ревизские сказки по Пермской и Оханской округам Пермского наместничества владений И. Л. Лазарева и М. А. Строгановой // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–532.
- ³⁵ *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 303–304.
- ³⁶ *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. Л. 30.
- ³⁷ Ревизские сказки по пермскому имению Абамелек-Лазаревых 1782 г. // ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–208 об.; Ведомость о числе душ из церковнослужующих и праздноживущих, численности в села Абамелек-Лазаревых 1781 г. // Там же. Д. 18. Л. 150–150 об.
- ³⁸ ЦГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 66. Л. 3 об., 21 об., 33 об., 36, 76 об., 77 об., 78, 123 об., 124, 154.
- ³⁹ Там же. Л. 19, 82; Д. 18. Л. 150.
- ⁴⁰ Там же. Д. 66. Л. 152.
- ⁴¹ Там же. Л. 75, 193 об.
- ⁴² Там же. Л. 74.
- ⁴³ Там же. Л. 160.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5 об., 36.
- ⁴⁵ Там же. Л. 21.
- ⁴⁶ ГАПО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 1. Л. 4–110 об.
- ⁴⁷ *Александров В. А.* Сельская община... С. 296–297.
- ⁴⁸ *Бакланова Е. Н.* Переписная книга 1717 г. как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 176.
- ⁴⁹ *Бояршинова З. Я.* Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 9–10.
- ⁵⁰ *Александров В. А.* Русское население... С. 136.
- ⁵¹ *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 266.
- ⁵² *Власова И. В.* Семья и семейный быт русских крестьян Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. М., 1981 г. С. 21–23; *Она же.* Семья и семейный быт сибирского крестьянства // Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 405–406.
- ⁵³ *Соколовская М. Л.* Северное раскольничье общежитие первой половины XVIII в. и структура его зе-

- мель // История СССР. 1978. № 1. С. 163.
- ⁵⁴ Там же. С. 164.
- ⁵⁵ Реестр раскольничьих старцев и старцев и скитов в Демидовских заводах // ЦГИА. Ф. 796. Оп. 32. Д. 270. Л. 3.
- ⁵⁶ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 32. Д. 77. Л. 21–22 об.; Д. 34. Л. 1–4 об.
- ⁵⁷ Там же. Д. 75. Л. 38.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Скутова Ф. Л. Об одной фонетической особенности говоров Пермской области // УЗ ПГУ. 1962. Т. XXII, вып. 1. С. 49.
- ⁶⁰ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми // ТИЭ. 1958. Т. XIV. С. 370.
- ⁶¹ Грузберг А. А. К изучению синтаксиса северновеликорусских говоров // УЗ ПГУ. 1962. Т. XXII. Вып. 1. С. 71.
- ⁶² Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М., 1970. С. 197–211.
- ⁶³ «Свесь» бытует в пермской терминологии и сейчас (См.: АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054, 1979 г. Д. 6964, 1980 г., Д. 7054, 1981 г. Д. 7548, 1982 г. Д. 789).
- ⁶⁴ ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2357. Л. 120, 125 об.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Семенова Л. Н. Очерки... С. 12.
- ⁶⁷ Там же. С. 27–28.
- ⁶⁸ Там же. С. 50–51.
- ⁶⁹ ГАПО. Ф. 111. Оп. 3. Д. 40. Л. 16 об.–17, 51 об.–57, 91 об.–92, 198 об.–231, 432 об.–444; Оп. 1. Д. 2221. Л. 4–87, 286–331; Д. 2369. Л. 1–237.
- ⁷⁰ Рапорт бурмистра с Ильинского Ф. А. Волегову / ГАПО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–21.
- ⁷¹ Третьяков А. Этнографические сведения о с. Архангельском Соликамского уезда Пермской губ. // АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 20. Л. 10 об.
- ⁷² Лепорский А. Этнографические сведения о с. Чернавском Оханского уезда Пермской губ. // Там же. Д. 24. Л. 7 об.
- ⁷³ Теплоухов А. Е. Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении // ГАПО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 300. Л. 272, 274.
- ⁷⁴ Описание с. Вильгорт Чердынского уезда // ЧМ. № 2689/3. Л. 1 об.–2, 7.
- ⁷⁵ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 43.
- ⁷⁶ Описание с. Серегова Чердынского уезда за 1865–1880 гг. // ГАПО. Ф. 680.
- ⁷⁷ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Оп. 1. Д. 180. Л. 3–4 об., 6 об.
- Л. 4, 58 об., 62–62 об., 72 об.; 1979 г. Д. 6964. Л. 188, 190 об.
- ⁷⁸ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 11 об.; 1979 г. Д. 6964. Л. 119 об., 122.
- ⁷⁹ Описание с. Вильгорт... Л. 6 об.
- ⁸⁰ Ответы на программу ВЭО... Л. 83 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 83.
- ⁸² Чесноков А. Среди кержаков // Пермская земская неделя. 1911. № 13. С. 24.
- ⁸³ Лепорский А. Этнографические сведения... Л. 7 об.
- ⁸⁴ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 14 об., 22; 191 об.–192. 1982 г. Д. 789. Л. 44 об.
- ⁸⁵ Ответы на программу ВЭО... Л. 83 об.
- ⁸⁶ Там же. Л. 60.
- ⁸⁷ Там же. Л. 25 об., 83–83 об.; АИЭ Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 9, 20, 25–26 об.
- ⁸⁸ ГАПО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.
- ⁸⁹ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. 6964 Л. 122 об. 183.
- ⁹⁰ Мазунин М. В. Описание бытовых сторон... Л. 46.
- ⁹¹ Волегов Ф. А. Краткое описание села Пянтежского и находящейся в нем древней церкви // Пермский научно-промышленный музей: Материалы по изучению Пермского Края. Пермь, 1915. Вып. 5. С. 9.
- ⁹² АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 4–4 об.; 1982 г. Д. 789. Л. 43; Описание с. Вильгорт... Л. 8–8 об.
- ⁹³ Описание с. Серегова... Л. 2 об., 4. 5.
- ⁹⁴ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 14, 123.
- ⁹⁵ Кривошекова-Гантман А. С. Из истории названий поселений // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1976. Вып. 3. С. 5.
- ⁹⁶ ГАПО. Ф. 111. Оп. 3. Д. 40. Л. 16 об.–17, 51 об.–57, 91 об.–92, 198 об.–231, 432 об.–444.
- ⁹⁷ ГАПО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об., 16 об., 17 об.
- ⁹⁸ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 65 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 71 об., 165 об.–166.
- ¹⁰⁰ Там же. 1980 г. Д. 7054. Л. 173, 175.
- ¹⁰¹ ГАПО. Ф. 672. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 5.
- ¹⁰² ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2221. Л. 4–87; Ф. 672. Оп. 1. Д. 4. Л. 15 об.
- ¹⁰³ Лепорский А. Этнографические сведения... Л. 6 об.–7.
- ¹⁰⁴ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 4.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 8 об.
- ¹⁰⁷ Там же. 1978 г. Д. 7054. Л. 62 об.

- ¹⁰⁸ Там же. 1979 г. Д. 6964. Л. 7 об., 22, 30–30 об., 122; 1983 г. Д. 7958. Л. 25.
- ¹⁰⁹ Ответы на программу ВЭО... Л. 85 об.
- ¹¹⁰ *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1864. II. Пермская губ. С. 531.
- ¹¹¹ АИЭ. Пермский отряд. 1982 г. Д. 789. Л. 43.
- ¹¹² Там же. 1981 г. Д. 7548. Л. 6, 11 об.
- ¹¹³ Ответы на программу ВЭО... Л. 25 об., 83, 84.
- ¹¹⁴ *Мозель Х.* Материалы... С. 531.
- ¹¹⁵ *Чесноков А.* Среди кержаков // Пермская земская неделя. 1911. № 12. С. 23–24.
- ¹¹⁶ *Мозель Х.* Материалы... С. 534.
- ¹¹⁷ *Волегов Ф. А.* Собрание... Л. 1 об.; АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 21 об.
- ¹¹⁸ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 21 об. – 22, 25 об. – 26.
- ¹¹⁹ ГАПО. Ф. 111. Оп. 3. Д. 40; Оп. 1. Д. 2224; Оп. 1. Д. 2369.
- ¹²⁰ Описание с. Вильгорт... Л. 15 об. (1879 г.); *Чашницкий М. М.* Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношениях // ЧМ. № 1978. Л. 52–55; АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 44; 1981 г. Д. 7548. Л. 33; 1980 г. Д. 7054. Л. 173 об. – 174, 194.
- ¹²¹ *Александров В. А.* Сельская община... С. 304–305.
- ¹²² *Мозель Х.* Материалы... С. 533, 534; *Мазунин М. В.* Описание... Л. 26.
- ¹²³ ГАПО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 15.
- ¹²⁴ Метрические книги Чердынского уезда 1820 г. // ГАПО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2.
- ¹²⁵ Такие наблюдения о повторных браках возникают при анализе книги «О обыске Градо-Чердынской Богоявленской церкви с 1803 по 1825 гг. о посягающих в супружестве лицах» (ЧМ. Без номера): повторные браки вдовцов – 4 на 95 браков в 1812 г. (л. 30), 1814 г. (л. 35), 1816 г. (л. 38), 1824 г. (л. 58). То же в другой книге – «Обысковая книга, данная Пермской духовной консисторией для записи брачных обысков» (ЧМ. Без номера) – в 1869 г.: 2 повторных брака на 65 записей (л. 31).
- ¹²⁶ *Мазунин М. В.* Описание... Л. 23.
- ¹²⁷ *Чашницкий М. М.* Материалы... Л. 52–53.
- ¹²⁸ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 13, 18, 19 об., 20, 23 об., 26 об., 27, 28.
- ¹²⁹ *Мазунин М. В.* Описание... Л. 23.
- ¹³⁰ Там же. Л. 45; АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 4 об.
- ¹³¹ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054.
- ¹³² Там же. 1979 г. Д. 6964. Л. 17 об., 30, 123.
- ¹³³ Там же. Д. 7054. Л. 72 об.
- ¹³⁴ Там же. Д. 7054. Л. 72 об.
- ¹³⁵ Там же. 1981 г. Д. 7548. Л. 9, 15, 19.
- ¹³⁶ ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 32; Д. 6. Л. 6.
- ¹³⁷ *Чесноков А.* Среди кержаков // Пермская земская неделя. 1911, № 13. С. 25.
- ¹³⁸ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 43 об.
- ¹³⁹ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 13, 18, 19 об., 20, 23 об., 26 об., 27–28; Дело о 54 сводных раскольничьих браках // ГАПО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 295. Л. 281–336 об.
- ¹⁴⁰ *Чесноков А.* Среди кержаков... С. 25.
- ¹⁴¹ *Ясевич-Бородаевская В. К.* Юридически-бытовое положение старообрядчества и сектантства и действующее законодательство // ЦГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 65. Л. 17 об., 18–18 об., 19 об.; *Соловьев В. В.* Брачно-семейные отношения коми крестьян в конце XIX – начале XX в. (По материалам метрических книг) // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 142.
- ¹⁴² *Мазунин М. В.* Описание... Л. 23.
- ¹⁴³ Там же. Л. 45; АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 44.
- ¹⁴⁴ Народы Европейской части СССР. М., 1964. Ч. 1. С. 686.
- ¹⁴⁵ *Миненко Н. А.* О наследовании сибирских крестьян в XVIII – первой половине XIX в. // Бахрушинские чтения 1974 г. Новосибирск, 1974. С. 133.
- ¹⁴⁶ *Мозель Х.* Материалы... С. 533.
- ¹⁴⁷ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 4 об.; 1982 г. Д. 789. Л. 43–43 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 43 об.
- ¹⁴⁹ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 20.
- ¹⁵⁰ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Л. 66.
- ¹⁵¹ *Александров В. А.* Сельская община... С. 306.
- ¹⁵² АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Л. 66; 1979 г. Д. 6964. Л. 175, 182–182 об., 185.
- ¹⁵³ Там же. 1981 г. Д. 7548. Л. 6, 13; 1983 г. Д. 7983. Л. 12 об., 28.
- ¹⁵⁴ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 12 об., 28.
- ¹⁵⁵ ГАПО. Ф. 111. Оп. 3. Д. 40. Л. 432 об. – 448; Оп. 1. Д. 2221.
- ¹⁵⁶ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 11–57.
- ¹⁵⁷ *Жомова В. К.* Материалы по изучению круга брачных связей в русском на-

- селении // Вопросы антропологии. М. 1965. Вып. 21. С. 113.
- 158 ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2363.
 - 159 Ответы на анкету ВЭО... Л. 27–28 об.
 - 160 ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2363.
 - 161 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054, 1979 г., Д. 6964, 1980 г., Д. 7054, 1981 г. Д. 7548, 1982 г. Д. 789.
 - 162 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 10–11 об., 15 об.–16, 17–17 об., 23–23 об., 24, 27–29 об., 31–31 об.
 - 163 Там же. Л. 31–31 об.
 - 164 Там же. Л. 12.
 - 165 Там же. Л. 17.
 - 166 Там же. 1978 г. Д. 7054. Л. 2; Описание с. Вильгорт... Л. 6 об.–7.
 - 167 Метрические книги Верх-Яйвенской церкви // ГАПО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 9.
 - 168 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 2, 9 об.
 - 169 Там же. Л. 11–57 об.; 1981 г. Д. 7548. Л. 173 об., 174 об., 176, 177, 189.
 - 170 Там же.
 - 171 Там же. 1979. Д. 6964. Л. 122 об.
 - 172 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 18 об.
 - 173 Там же. Л. 12 об.
 - 174 Там же. Л. 18 об.; О единичных русско-коми браках см.: Соловьев В. В. Брачно-семейные отношения... С. 156–157.
 - 175 О обыске Градо-Чердынской... церкви... Л. 30, 30 об., 36, 44, 52, 58, 60 (1803–1825 гг.); Обысковая книга... ЧМ, без №, Л. 5, 23, 39 (1869 г.).
 - 176 АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 192–192 об.
 - 177 Там же.
 - 178 Там же. 1978 г. Д. 7054. Л. 68–68 об.; ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2221. Оп. 3. Д. 40.
 - 179 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 62 об.–72 об., 165 об.; 1979 г. Д. 6964. Л. 14 об.–23 об., 183 об.–184.
 - 180 Там же. 1981 г. Д. 7548. Л. 13 об., 22 об., 28–28 об.; 1982 г. Д. 789. Л. 44.
 - 181 Там же.
 - 182 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 62 об.–72 об., 165 об.
 - 183 Там же и 1979 г. Д. 6964. Л. 123 об., 192–192 об.
 - 184 Попов Н. Собрание... Л. 1: один из описанных родственных коллективов в с. Гайны (коми) представлял в XVIII в. братскую семью (три брата – Антипа, Пера, Мизя), которая в XIX в. разделилась, а Антипин сын Калина возглавлял свою семью, состоящую из его сына Семена и трех его детей.
 - 185 Малиев Н. Антропологический очерк племени пермяков // Тр. об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те. 1887. Т. XVI. Вып. 4. С. 20, 45.
 - 186 Смирнов И. Н. Пермяки... С. 216–219.
 - 187 Там же. С. 175.
 - 188 Кривошеиков И. Я. Словарь... С. 601; Смирнов И. Н. Пермяки... С. 208–219.
 - 189 Малиев Н. Антропологический очерк... С. 17.
 - 190 Савостьянов Е. П. Печорский край // АГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 98. Л. 13.
 - 191 Смирнов И. Н. Пермяки... С. 219.
 - 192 Глушков И. Н. Чердынские вогулы... С. 12.
 - 193 Крылов П. Н. Вишерский край... С. 8.
 - 194 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 62, 71 об.
 - 195 Там же. 1979 г. Д. 6964. Л. 175, 180, 190 об.
 - 196 Описание с. Вильгорт... Л. 6.
 - 197 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 9 об.
 - 198 Там же. Л. 71 об.
 - 199 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 13.
 - 200 Там же. Л. 19 об.
 - 201 Там же. Л. 24–25 об.
 - 202 Там же. Л. 8.
 - 203 Там же. Л. 2 об.
 - 204 Там же. Л. 25.
 - 205 Там же. Л. 58 об., 62 об.
 - 206 Там же. 1979 г. Д. 6964. Л. 175 об., 190.
 - 207 Там же. Л. 10 об., 119 об.
 - 208 Это свидетельство расселения однофамильцев в деревне, причем это одна из фамилий первопоселенцев (См.: ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2369. Л. 166 об.–171).
 - 209 АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 33, 118, 126–169, 119 об., 122.
 - 210 Там же. 1981 г. Д. 7548. Л. 6, 11.
 - 211 Там же. 1982 г. Д. 789. Л. 43; Белдыцкий Н. П. Из природы... С. 37.
 - 212 Произведены подсчеты по данным: АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7957. Л. 1–74; Д. 7960. Л. 1–14. Подробный анализ современной семьи пермско-печорских деревень см.: Власова И. В. Семья и семейные отношения у русского сельского населения Северного Приуралья // Новое в этнографии. М., 1988. Вып. 1.
 - 213 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 11–57, 73–117, 129–164; 1979 г. Д. 6964. Л. 33–118, 126–169; 1981 г. Д. 7548. Л. 34–57, 65 об.–72 об.
 - 214 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 4; 1980 г. Д. 7054. Л. 188.
 - 215 Там же. 1981 г. Д. 7548. Л. 34–57.
 - 216 Там же. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Л. 9 об., 129–164.

- ²¹⁷ Там же. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7960. Л. 1–6 об., 12 об. – 14.
- ²¹⁸ Изоляция русских юрлинцев была недолгой. Уже в начале заселения Юмолповинского края происходили такие смешения. В настоящее время частота этносмешений увеличилась: в д. Усть-Зула, например, из 109 хозяйств 19 семей смешанных – русско-коми, русско-украинских или с русскими других областей; браков же внутри сельсоветов за последние 30 лет здесь стало мало (См.: *Дубова Н. А.* Отчет об экспедиционных выездах Пермского антропологического отряда и его удмуртской группы в 1982 г. // ИЭ. Комиссия полевых исследований. Отчеты отрядов за 1982 г. (Рукопись. С. 14, 15).
- ²¹⁹ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 6964. Л. 122 об.
- ²²⁰ Описание с. Вильгорт... Л. 20 об.; *Мазунин М. В.* Описание... Л. 46.
- ²²¹ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 43.
- ²²² Там же. 1979 г. Д. 6964. Л. 173–173 об., 182, 191 об.
- ²²³ Там же. С. 30 об. – 31.
- ²²⁴ Там же. 1978 г. Д. 7054. Л. 129–164.
- ²²⁵ Там же. 1981 г. Д. 7548. Л. 6.
- ²²⁶ Там же. Л. 34–57.
- ²²⁷ Там же. Л. 58–65; 1982 г. Д. 789. Л. 43.
- ²²⁸ Там же. 1981 г. Д. 7548. Л. 19, 130 об.
- ²²⁹ Там же. 1979 г. Д. 6964. Л. 22 об. – 23, 23 об., 17 об., 180 об. – 181, 191–191 об.
- ²³⁰ Описание с. Вильгорт... Л. 69.
- ²³¹ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 44 об.
- ²³² Описание с. Вильгорт... Л. 20 об.
- ²³³ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 789. Л. 43.
- ²³⁴ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 19.
- ²³⁵ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 34–57; 1982 г. Д. 789. Л. 44; 1983 г. Д. 7958. Л. 13, 21.
- ²³⁶ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 18, 19 об., 20, 23 об., 26, 27.
- ²³⁷ Там же. Д. 7960. Л. 99 об., – 100; Д. 7958. Л. 15 об.
- ²³⁸ *Мазунин М. В.* Описание... Л. 23, 45, 46; АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 7548. Л. 19, 23, 33; 1982 г. Д. 789. Л. 44–44 об.; АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 7054. Д. 68.
- ²³⁹ *Федорова Е. А.* Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964. С. 86–87.
- ²⁴⁰ Там же.
- ²⁴¹ Описание с. Вильгорт... Л. 2 об., 4 об.
- ²⁴² *Мазунин М. В.* Описание бытовых сторон... Л. 27–28.
- ²⁴³ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7958. Л. 14 об.
- ²⁴⁴ Там же. Л. 26 об.
- ²⁴⁵ Там же. Л. 20, 22 об.

Семейные обряды

¹ *Зырянов И. В.* Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья. Пермь, 1975.

² Всего записано около 260 свадебных песен и причетов и около 40 информационных о свадебном обряде.

³ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник. Пермь, 1859. Кн. I. С. 1–107; кн. II. С. 133–161.

⁴ АГО Р. 29. Оп. 1. Д. 52, 78, 96.

⁵ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 202, 204, 205; Ф. 973. Оп. 1. Д. 296, 382.

⁶ ЧМ. Д. 3009.

⁷ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. IV. С. 1–68.

⁸ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 72; *Рогов Н.* Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860.

Кн. 2. Отд. 2. С. 69–127; *Смирнов И. Н.* Пермяки. Казань, 1891.

⁹ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 5–6.

¹⁰ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 7 об.

¹¹ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 2 об.

¹² *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 6–7; АИЭ. Пермский отряд 1979. Д. 8732. Магнит. кас. 11. Карт. 1.

¹³ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 6–7; АИЭ. Пермский отряд 1981. Д. 8729. Карт. 53.

¹⁴ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 3; ЧМ № 3009.

¹⁵ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204; Ф. 273. Оп. 1. Д. 296; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 4 об.

¹⁶ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8729. Карт. 54.

¹⁷ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205.

¹⁸ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 7.

- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Этот же обычай отмечен в материалах Пожевского завода Соликамского у. «В легкий день свахи берут от жениха руку и, помолившись богу, отправляются в дом невесты» (ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204).
- ²¹ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 4 об.
- ²² *Серебренников В. Н.* Свадебные обряды... С. 3.
- ²³ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ²⁴ ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296.
- ²⁵ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 3.
- ²⁶ *Чудинов П. И.* Сватовство среди крестьян по берегу реки Обвы и реки Лысьвы Оханского уезда Пермской губернии с. Вознесенское, 1887 // ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 718. Л. 28.
- ²⁷ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96; *Чесноков А.* Свадебные обряды и песни «кержаков» // Живая старина. 1911. Вып. 1. С. 60.
- ²⁸ *Громыко М. М.* Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII—XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 25.
- ²⁹ *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 94.
- ³⁰ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 3.
- ³¹ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ³² *Шерстобитов И. В.* Описание свадебных обрядов государственных крестьян Чердынского уезда сел Юрлы и Юма, состоящих в приходах и деревнях // ПГВ. 1863. № 45—48.
- ³³ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- ³⁴ ЧМ. Д. 3009. Л. 27; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204; Ф. 973. Оп. 1. Д. 296; *Чесноков А.* Свадебные обряды... С. 60.
- ³⁵ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78, 96.
- ³⁶ *Предтеченский Я. С.* О свадебных обрядах... С. 9.
- ³⁷ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 4; *Чесноков А.* Свадебные обряды... С. 64.
- ³⁸ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205. Л. 53 об.— 54 об.
- ³⁹ *Комасинский Я.* Свадебные обычаи у пермяков иньвенского края Соликамского уезда // Около Камы: Этнографические очерки и рассказы. М., 1905. С. 137—141.
- ⁴⁰ ЧМ. Д. 3009.
- ⁴¹ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 4.
- ⁴² *Предтеченский Я. С.* О свадебных обрядах... С. 10—12.
- ⁴³ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 11.
- ⁴⁴ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205.
- ⁴⁵ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- ⁴⁶ Там же. Д. 96.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Д. 78.
- ⁴⁹ ЧМ. № 3009.
- ⁵⁰ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- ⁵¹ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 4.
- ⁵² ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ⁵³ ЧМ. № 3009; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ⁵⁴ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- ⁵⁵ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- ⁵⁶ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- ⁵⁷ ЧМ. Д. 3009.
- ⁵⁸ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 13; АГО. Р. 29. Оп. 1. С. 78.
- ⁶¹ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96; *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 13.
- ⁶² ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Л. 204.
- ⁶³ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 13; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204; В материалах ЧМ. Д. 3009; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205 — этого элемента в обряде нет.
- ⁶⁴ ЧМ. Д. 3009; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 4.
- ⁶⁵ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205.
- ⁶⁶ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 13.
- ⁶⁷ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ⁶⁸ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 13; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 9.
- ⁶⁹ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 13.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- ⁷² *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 13.
- ⁷³ Там же. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 78.
- ⁷⁴ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78, 96.
- ⁷⁵ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 4.
- ⁷⁶ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 4.
- ⁷⁷ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78, 96.

- ⁷⁸ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 14; ЧМ. Д. 3009; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ⁷⁹ ЧМ. Д. 3009; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78, 96; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ⁸⁰ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 14.
- ⁸¹ Там же. С. 13.
- ⁸² АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- ⁸³ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 14.
- ⁸⁴ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- ⁸⁵ ЧМ. Д. 3009.
- ⁸⁶ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 5; АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8730. Карт. 51.
- ⁸⁷ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 40; ЧМ. Д. 3009; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205, 204.
- ⁸⁸ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ⁸⁹ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8730. Карт. 51.
- ⁹⁰ Там же. Д. 8730. ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296; АИЭ. Пермский отряд. 1980 г. Карт. 51.
- ⁹¹ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- ⁹² ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. № 382; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96; 52.
- ⁹³ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 19, 29.
- ⁹⁴ ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296.
- ⁹⁵ ГАПО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 204.
- ⁹⁶ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8730. Карт. 51.
- ⁹⁷ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78; *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 43; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204; АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8730. Карт. 51.
- ⁹⁸ ЧМ. Д. 3009.
- ⁹⁹ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 24–31.
- ¹⁰⁰ ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. № 296, 382; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 52; АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8729. Карт. 30.
- ¹⁰¹ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 52; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 19–30.
- ¹⁰² ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ¹⁰³ *Ульянов И. И.* Образы дивей красоты по свадебным причитаниям и обрядам села Шмаковского Ирбитского уезда Пермской губернии // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1915. Вып. 5. С. 51–68.
- ¹⁰⁴ *Лирические песни / Собрал и составил И. И. Зырянов.* Пермь, 1962.
- ¹⁰⁵ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 20–21.
- ¹⁰⁶ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 43.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 49.
- ¹⁰⁸ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Карт. 14–15.
- ¹⁰⁹ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 13.
- ¹¹⁰ Там же. С. 43.
- ¹¹¹ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8729. Карт. 8.
- ¹¹² АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- ¹¹³ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 52; *Чесноков А.* Свадебные обряды... С. 61.
- ¹¹⁴ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 18.
- ¹¹⁵ ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296.
- ¹¹⁶ *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 41; *Шерстобитов И.* Описание свадебных обрядов... ПГВ. 1863 г. № 46. Л. 226–231; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204, 205; ЧМ. Д. 3009; АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 8732. Карт. 5.
- ¹¹⁷ АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 16; АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8730. Карт. 51; *Серебренников В. Н.* Свадебные обряды... С. 21–24.
- ¹¹⁸ АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 96, 52; ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296.
- ¹¹⁹ *Мыльникова К., Цинциус В.* Севернорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. М., 1926. Вып. 1. С. 7.
- ¹²⁰ *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 21.
- ¹²¹ Там же. С. 23–24.
- ¹²² АГО. Р. 29. Оп. 1. № 78. С. 16.
- ¹²³ Там же. С. 16 об.
- ¹²⁴ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- ¹²⁵ *Кагаров Е. Г.* О значении некоторых русских свадебных обрядов / ИАН. Сер. VI. 1917. № 97. С. 646–647.
- ¹²⁶ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8730. Карт. 51–52.
- ¹²⁷ ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204, 205; ЧМ. Д. 3009; *Шерстобитов И.* Описание свадебных обрядов...
- ¹²⁸ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- ¹²⁹ Там же. Д. 78. Л. 8 об.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же. Л. 8 об., 20–21 об.
- ¹³² ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205; ЧМ. Д. 3009; *Шерстобитов И.* Описание свадебных обрядов...
- ¹³³ ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296; Ф. 680. Оп. 1. Д. 204; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 8 об., 21; *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 54; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 9, 43. ЧМ. Д. 3009; АИЭ. 1979. Д. 8732. Карт. 7–8.
- ¹³⁴ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 9; ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 943; АИЭ.

- Пермский отряд 1979 г. Д. 8732. Карт. 8.
- 136 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 54.
- 137 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8730. Карт. 52.
- 138 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78; ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 43.
- 139 ЧМ. Д. 3009.
- 140 Там же.
- 141 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- 142 ЧМ. Д. 3009.
- 143 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 60.
- 144 ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Л. 296.
- 145 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 12.
- 146 Там же. Д. 52.
- 147 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 8734. Карт. 16.
- 148 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- 149 *Шерстобитов И.* Описание свадебных обрядов... // ПГВ. 1863. № 46. Л. 229–231.
- 150 *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 43.
- 151 ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296, 382; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78; Л. 19 об.; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 43.
- 152 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204; *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 54.
- 153 ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296, 382.
- 154 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- 155 АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 96.
- 156 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 55–68; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- 157 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 12–12 об.
- 158 ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296.
- 159 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- 160 *Шерстобитов И.* Описание свадебных обрядов...; ПГВ. 1863. № 48. Л. 239–240.
- 161 Там же.
- 162 *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 54.
- 163 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 53.
- 164 *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 32.
- 165 *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 33–35; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 20.
- 166 ЧМ. Д. 3009.
- 167 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 53; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78, 96.
- 168 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 83; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- 169 *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 36.
- 170 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 84; *Шерстобитов И.* Описание свадебных обрядов...; ПГВ. 1963. № 47. Л. 235–236.
- 171 *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 58.
- 172 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 88–89.
- 173 ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 296.
- 174 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 88–89.
- 175 *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 58.
- 176 ЧМ. Д. 3009.
- 177 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78.
- 178 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- 179 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 89.
- 180 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 22 об.– 25.
- 181 Там же. Л. 25.
- 182 Там же.
- 183 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96; *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 92.
- 184 ЧМ. Д. 3009.
- 185 *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 62–63.
- 186 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 25; ЧМ. Д. 3009; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи... С. 58–63.
- 187 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 25–25 об.
- 188 Там же. Д. 96.
- 189 ЧМ. Д. 3009.
- 190 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 92.
- 191 Там же. С. 93.
- 192 Там же. С. 94.
- 193 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- 194 Там же. Д. 78. Л. 25 об. Д. 96.
- 195 Там же. Л. 25.
- 196 Там же. Д. 96.
- 197 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 96.
- 198 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 25 об. Д. 96.
- 199 Там же. Д. 96.
- 200 Там же. Д. 78. Л. 25 об.
- 201 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- 202 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 95.
- 203 Там же. С. 97.
- 204 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- 205 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 95.
- 206 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 25 об.
- 207 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204, 205; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96; ЧМ. Д. 3009.
- 208 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204, 205, АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- 209 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.

- 210 Там же. Д. 78. Л. 25 об.
- 211 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- 212 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 94.
- 213 Там же. С. 96.
- 214 Там же. С. 94.
- 215 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 26; Д. 96.
- 216 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96.
- 217 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78. Л. 26; Д. 96.
- 218 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 96; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204.
- 219 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах... С. 97.
- 220 Там же. С. 105.
- 221 *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах; ЧМ. Д. 3009; *Шерстобитов И.* Описание свадебных обрядов; ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 202, 205.
- 222 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 202, 205; АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 8734; 1979 г. Д. 8732.
- 223 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 205; ЧМ. Д. 3009; АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 8734; 1979 г. Д. 8732.
- 224 *Рогов Н.* Материалы... // Кн. 2. С. 74–78; *Смирнов И. Н.* Пермьяки; *Камасинский Я.* Свадебные обычаи... С. 137–141; *Плесовский Ф. В.* Свадьба народов коми. Сыктывкар, 1968. С. 20–24, 32; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 72.
- 225 АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 8732.
- 226 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 8734; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 78, 96.
- 227 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 204; АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 8734.
- 228 Вологодский фольклор: Народное творчество Сокольского района. Вологда, 1975; Народные песни Вологодской области: Песни средней Суховы / Сост. А. Мехнизов. Л., 1981; *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыков Н. И.* Русская свадьба. М., 1985.
- 229 *Гура А. В.* Терминология севернорусского свадебного обряда (на общеславянском фоне). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 148.
- 230 *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.
- 231 АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 8734. Карт. 4, 7, 5, 17. Магнит. кас. 1; 1980 г. Д. 8730. Карт. 49; 1981 г. Д. 8729. Карт. 4, 5.
- 232 Там же. 1978 г. Д. 8734. Карт. 4, 5; 1980. Д. 8730. Карт. 9, 50. Магнит. кас. 5; 1981 г. Д. 8729. Карт. 25–26.
- 233 Там же. 1979 г. Д. 8732. Карт. 12, 13.
- 234 Там же. 1980 г. Д. 8730. Карт. 50.
- 235 Там же. 1978 г. Д. 8734. Карт. 5, 16; 1980 г. Д. Карт. 51; 1981 г. Д. 8729. Карт. 7, 18, 26, 30–31.
- 236 Там же. 1978 г. Д. 8734. Карт. 1, 2, 4, 15; 1979 г. Д. Карт. 5, 7, 13. Магнит. кас. 17; 1980 г. Д. 8730. Карт. 6–9. Магнит. кас. 3; 1981 г. Д. 8729. Карт. 7.
- 237 Там же. 1978 г. Д. 8734. Карт. 5, 9, 12, 14; 1979 г. Д. Карт. 3, 5–9, 11, 13. Магнит. кас. 17; 1980 г. Д. 8730. Карт. 23, 51.
- 238 Там же. 1979 г. Д. 8732. Карт. 11; магнит. кас. 11.
- 239 Там же. 1978 г. Д. 8734. Карт. 5; 1979 г. Д. 8732. Карт. 2, 36. Магн. кас. 2, 11; 1980 г. Д. 8730. Карт. 10–11, 52, 53; 1981 г. Д. 8729. Карт. 1, 4, 7, 25–26, 35, 40.
- 240 Там же. 1978 г. Д. 8734. Карт. 1, 5, 13, 16–19; 1979 г. Д. 8732. Карт. 1, 10, 13, 79.
- 241 Там же. 1978 г. Д. 8734. Карт. 1; 1979 г. Д. 8732. Карт. 7, 9, 13, 79.
- 242 *Зырянов И. В.* Сюжетно-тематический указатель... С. 3.
- 243 Там же. С. 4.
- 244 *Булгаков С. В.* Настольная книга для священноцерковнослужителей. Киев, 1913. С. 983.
- 245 Там же. С. 983.
- 246 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 27.
- 247 *Белдыцкий Н. В.* Парме: Очерки северной части Чердынского уезда, Пермь, 1901. С. 57.
- 248 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 56.
- 249 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 3.
- 250 Там же. Л. 11 об.
- 251 *Булгаков С. В.* Настольная книга... С. 1003.
- 252 Там же.
- 253 Правда, первоначальный смысл церковного запрета был утерян в результате отсутствия в обряде старообрядцев миропомазания.
- 254 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 20.
- 255 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 58 об.
- 256 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 19.
- 257 Там же.
- 258 *Заварина А. А.* Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во второй половине XIX – начале XX в. М., 1955 // АИЭ. Ф. диссертаций. Папка 148. С. 211.
- 259 Магическое значение имени для будущей жизни новорожденного проявлялось в желании родителей назвать его по имени выдающихся людей, достой-

- ных людей из умерших родственников.
- 260 Как сообщила одна из женщин поморского толка, отказавшегося сейчас от крещения новорожденных, «сына моего окрестили Иваном (крещение произошло из-за болезни, в 30-е годы XX в.); так зовут его по-прежнему Сашей, а молюсь за Ивана» (Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 9 об.). В поминаниях о покойном также называлось лишь его крестильное имя.
- 261 Крещение бабкой совершалось без восприемников.
- 262 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 21, 41 об.; 1981 г. Д. 8594. Л. 2 об., 12 об. Эта традиция нашла отражение и в свадебной обрядности: номенклатура свадебных чинов североуральской крестьянской свадьбы фиксирует роль только крестного отца жениха — тысяцкого и крестной матери невесты — свахи там, где существовала традиция лишь одного из крестных; там же, где бытовала вторая традиция, на свадьбах фигурирует и сваха — крестная жениха. В остальных случаях характер и степень участия крестного отца невесты и крестной матери жениха, если таковые имелись, обычаем не регламентировались. Более того, в свадебных описаниях подчеркивается, что, по обычаю, невеста дарит свою крестную и женихова крестного, но «крестного отца своего, если он есть — не дарит» (АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 4, 12, 27).
- 263 Булгаков С. В. Настольная книга... С. 985—989.
- 264 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 18. «В Ульве священник заставлял, если мальчик — братъ кума и куму, если девочка — одну крестную. У нас (в д. Усть-Уролка Чердынского р-на. — Т. Л.) не так: у мальчика тоже один крестный».
- 265 Характеристика метрических книг как источника дана Н. А. Миненко (См.: Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск, 1981. С. 12—14).
- 266 Памятная книжка для духовенства. Пермь, 1896. С. 42—60.
- 267 Так, например, пожилая женщина из Красновишерского р-на убеждена, что сестра ее родилась инвалидом, так как мать вышла замуж за сына своей крестной (АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 49).
- 268 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 19 об.
- 269 ГАПО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 1; Оп. 3. Д. 15.
- 270 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 14, 33; АИЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Оп. 1. Д. 170. Л. 13. Билимбаевский завод.
- 271 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 55.
- 272 Там же. «Мать Матрены Павловны — просто соседка, была крестной мне, т. е. она мне накидала крест, я была невелика» (АИЭ. 1982 г. Д. 8060. Л. 13; 1981 г. Д. 8594. Л. 43 об.).
- 273 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 54, 55.
- 274 АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 8060. Л. 13.
- 275 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 35.
- 276 АИЭ. Пермско-Печорский отряд. Д. 7967. Л. 38—38 об.
- 277 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 12, 15, 45; 1981 г. Д. 8594. Л. 40 обл.; Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 6; 1982 г. Д. 8060. Л. 13.
- 278 Гладких А. Н. Крестьянские свадебные обычаи Красноуфимского уезда Пермской губ. // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1913. С. 8.
- 279 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 18—18 об., 38.
- 280 АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 8060. Л. 24.
- 281 Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975. С. 32.
- 282 См., напр.: Состояние раскола в Городищенском приходе Соликамского у. // ПЕВ. 1884. С. 126—141; Белдыцкий Н. В Парме...; Воронай П. Заметки и очерки о северном крае Чердынского у. // Памятная книжка Пермской губ. Пермь, 1880. С. 153.
- 283 Эта тенденция становится еще более очевидной в 30—40-е годы XX в., поскольку в результате активной антирелигиозной деятельности многие общины остались без наставников. При этом основная масса населения по-прежнему стремилась крестить детей. Интересно, что в случае отсутствия своих наставников поповцы и часовенные предпочитали обращаться не к старообрядцам-странникам, а в православную церковь.
- 284 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 25 об. См. также: Состояние раскола в Городищенском приходе... С. 129.
- 285 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 31.
- 286 Там же. Л. 32 об.
- 287 Смирнов П. С. Споры и разделения в

- русском расколе первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 214–215; *Миловидов В. Ф.* Современное старообрядчество. М., 1979; *Воропай П.* Заметки... С. 153. Внутри беспоповских толков не всегда требовалось перекрещивание. Например, поморцы без перекрещивания принимали федосеевцев и филипповцев. Подробнее см.: *Миловидов В. Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. С. 23.
- ²⁸⁸ *Воропай П.* Заметки... С. 155.
- ²⁸⁹ Примеры приводятся в материалах, собранных Братством св. Стефания общества ревнителей православия // ПЕВ. 1897. С. 322.
- ²⁹⁰ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 15.
- ²⁹¹ *Белдыцкий Н. В.* Парме... С. 46.
- ²⁹² *Воропай П.* Заметки... С. 153.
- ²⁹³ Состояние раскола в Пермской епархии в 1902 г. // ПЕВ. 1903. С. 65.
- ²⁹⁴ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 2 об., 41.
- ²⁹⁵ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 21.
- ²⁹⁶ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 41.
- ²⁹⁷ Там же.
- ²⁹⁸ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8593. Л. 69 об. Тулпан и деревни, относящиеся сейчас к Тулпанскому сельсовету – в прошлом центр странничества на Колве.
- ²⁹⁹ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 33, 48.
- ³⁰⁰ АГО. Р. 20. Оп. 1. Д. 75. Л. 4. 1848 г. Кунгурский у.
- ³⁰¹ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 13; 1982 г. Д. 8060. Л. 23.
- ³⁰² АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 12.
- ³⁰³ АИЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 170. Л. 10. 1890 г. Билимбаевский завод.
- ³⁰⁴ АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 8060. Л. 14 об.; Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 48 об.
- ³⁰⁵ АИЭ. Пермский отряд. Д. 8060. Л. 23 об.
- ³⁰⁶ Чердынский край. Вып. 1. Издание общества изучения Чердынского края. 1927 г. С. 5.
- ³⁰⁷ Там же.
- ³⁰⁸ *Белдыцкий Н. В.* Парме... С. 51.
- ³⁰⁹ *Чесноков А.* Среди кержаков // ПЗН. 1908. № 14. С. 30.
- ³¹⁰ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 75. Л. 4. 1848 г. Кунгурский у.
- ³¹¹ Сведения по этому вопросу из медицинских журналов и местных изданий собраны Е. А. Покровским (См.: Е. А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884).
- ³¹² Там же. С. 58.
- ³¹³ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 11 об.
- ³¹⁴ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 23.
- ³¹⁵ *Чесноков А.* Среди кержаков. С. 30.
- ³¹⁶ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 344. Л. 179. Вологодская губ., Тотемский у.
- ³¹⁷ АИЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 170. Л. 12. 1980-е годы. Билимбаевский завод.
- ³¹⁸ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 27 об., 28; 1981 г. Д. 8594. Л. 49 об.; Д. 8593. Л. 72.
- ³¹⁹ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8735. Л. 14.
- ³²⁰ АИЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 170. Л. 15. 1890 г. Билимбаевский завод.
- ³²¹ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 75. Л. 4 об. 1848 г. Кунгурский у.
- ³²² АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8593. Л. 62; Д. 8594. Л. 50.
- ³²³ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 5.
- ³²⁴ Как пишет исследователь Печорского края С. В. Мартынов, «как бы ни была бедна роженица, бабushке непременно в каждом доме дается кусок мыла» (*Мартынов С. В.* Печорский край. СПб., 1905. С. 263).
- ³²⁵ АИЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 170. Л. 15. 1880-е годы. Билимбаевский завод.
- ³²⁶ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 26.
- ³²⁷ «Свекрови покупала на юбку, на кофту, потому что из грязи ребенка приняла» // АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 8060. Л. 23; Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 30.
- ³²⁸ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 30.
- ³²⁹ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 27 об., 47 об.
- ³³⁰ О классификации различных видов трудовой взаимопомощи см.: *Громыко М. М.* Обычай помочей у русских крестьян XIX в. // СЭ. 1984. № 4–5.
- ³³¹ Чердынский край... С. 5; АИЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 170. Л. 12. Билимбаевский завод.
- ³³² АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 23 об.
- ³³³ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 49 об.
- ³³⁴ АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 36.
- ³³⁵ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 17.

- 336 АИЭ. Пермский отряд 1982 г. Д. 8060. Л. 11 об.; Д. 8735. Л. 15.
- 337 Рихтер Е. Русское население Западного Причудья. Таллин, 1976. С. 218.
- 338 Речь идет не о выходе замуж в другую деревню, связанную традициями семейно-брачных отношений, а о переселении семьи, которая длительное время продолжала быть чужой в новом коллективе.
- 339 АИЭ. Пермско-Печорский отряд 1983 г. Д. 7967. Л. 36.
- 340 Там же. Л. 27, 36.
- 341 Жизнь крепостных людей графов Строгановых в Оханском у. Пермской губ. Пермский край. Пермь, 1895. Т. III. С. 214. Материалы, собранные в 1850-х годах.
- 342 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 33 об.
- 343 Недопустимость контакта роженицы с посторонними, правда, без объяснения причины, отмечалась источниками и в других местах. Так, например, из Тверской губ. сообщали, что все женщины деревни приносят роженице угощение, но «все принесенное отдадут в окно, в избу ни одна не входит» // АГО. Р. 41. Оп. 1. Д. 42. Л. 35 об.
- 344 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Для местных родильных заговоров вообще характерно упоминание бабушки Соломоницы.
- 345 Более того, существовало поверье, что смерть в течение первых трех дней после рождения свидетельствовала о том, что ребенок был подменен // Чердынский край... С. 5.
- 346 Там же. С. 5.
- 347 Белдыцкий Н. В Парме... С. 52.
- 348 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8735. Л. 5.
- 349 Там же.
- 350 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8594. Л. 12.
- 351 Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России XIX в. М., 1978. С. 20.
- 352 Агафонов Н. Предостережение православных христиан от увлечения расколом // ПЕВ 1897. № 3. Неоф. часть. С. 72.
- 353 Край суеверий. [б/г], [б/м]. С. 17.
- 354 Агафонов Н. Предостережение... С. 72.
- 355 Там же. С. 73.
- 356 Там же.
- 357 Луканин А. О движении народонаселения в Чердынском у. в десятилетие 1841–1850 гг. // РО ПОКМ. Д. 7. Л. 3.
- 358 Архив ЧМ. Д. 3009. Юрлинский р-н с 1870–1917 гг. Л., 24.
- 359 Там же.
- 360 Там же. Л. 25.
- 361 Религиозно-нравственное состояние прихода Дубровского Осинского уезда // ПЕВ. 1885. № 31. С. 486.
- 362 Переписка Преосвящ. Аркадия, архиепископа Пермского, с главноуправляющими графа Строганова // ПЕВ. 1897. № 4. С. 124.
- 363 Белдыцкий Н. В Парме... С. 58; АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8593. Тетр. 4 (С. Тулпан). Л. 39.
- 364 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8595. Тетр. 3. Л. 82.
- 365 Чистов К. В. Семейная обрядность и обрядовый фольклор // Этнография славян. М., 1987. С. 414; АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 8596. Тетр. 2.
- 366 АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 8596. Юм, Зюздино. Тетр. 1. Л. 139; Тетр. 2. Л. 93.
- 367 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8595. Юм. Тетр. 3. Л. 15; 1979 г. Д. 8596. Юрла. Тетр. 2. Л. 89.
- 368 Там же.
- 369 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8595. Усть-Уролка. Тетр. 3.
- 370 АИЭ. Пермский отряд. 1979 г. Д. 8596. Зюздино. Тетр. 1. Л. 139.
- 371 Крупянская В. Ю. Опыт этнографического изучения Уральских рабочих второй половины XIX в. // СЭ. 1953. № 1. С. 83.
- 372 Переписка Преосвящ. Аркадия... // ПЕВ. 1897. № 5. С. 168.
- 373 Обзорение пермского раскола, так называемого «старообрядчества». СПб., 1863. С. 163.
- 374 Памятная книжка для духовенства, изданная по случаю 500-летия блаженной кончины святителя Стефана, Епископа Великопермского, с приложением: Адрес-календарь ... Пермь. 1896. С. 66–68.
- 375 АИЭ. Пермский отряд 1979–1980 гг. Д. 8595, 8596. Т. 1–3.
- 376 Архив А. А. Лебедевой. Полевые материалы 1961 г.; АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8595. Усть-Уролка. Тетр. 3.
- 377 Переписка Преосвящ. Аркадия... № 4. С. 168.
- 378 АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8595. Усть-Уролка. Тетр. 3. Л. 70; Заварина А. А. Семья... С. 215.
- 379 Памятная книжка для духовенства... С. 69.
- 380 АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8593. С. Тулпан. Тетр. 4. Л. 20; Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа Коми: М., 1978 г. С. 176.
- 381 ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 145. («Донос, что умерший крестьянин Осинского у.

- Ошдинского прихода похоронен во вновь открывшемся раскольниковском кладбище, а не на приходском». Л. 3. Таких дел огромное количество: Ф. 15 — Чердынский уездный суд; Ф. 12 — Пермский уездный суд; Ф. 13 — Соликамский уездный суд — и это все дела о незаконном погребении крестьян на раскольниковских кладбищах и о мерах наказания.
- ³⁸² Луканин А. О движении... С. 3; Гагарин Ю. В. История... С. 177.
- ³⁸³ Малков Ф. М. В старом Очере. Пермь, 1959. С. 49.
- ³⁸⁴ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1930. С. 187—188; Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. М., 1979. С. 123; Гагарин Ю. В. История... С. 171.
- ³⁸⁵ Интересно, что в некоторых деревнях все население поголовно состояло из «странноприимцев». Например, д. Черепаново нынешнего Чердынского р-на (Пушаинцев И. Пустынничество // Общество изучения Чердынского края. Чердынский край. Издание общества изучения Чердынского края и музея. Чердынь. 1928. Вып. 3. С. 20). Эти сведения подтвердились полевыми материалами автора.
- ³⁸⁶ См.: подробнее раздел Т. А. Листовой в этой книге.
- ³⁸⁷ Там же; Чесноков А. Среди кержаков // ПЗН. 1908. № 15. С. 27.
- ³⁸⁸ Максимов С. В. Бродячая Русь. СПб., Т. 2. Ч. II. Скрытники.. С. 258; АИЭ. Пермский отряд 1981. С. Тұлпан. Д. 8593. Тетр. 4.
- ³⁸⁹ Архив ЧМ. Д. 3009 (О похоропах в Юрле, Юме). Л. 23.
- ³⁹⁰ Там же.
- ³⁹¹ Религиозно-нравственное состояние прихода Дубровского... С. 432.
- ³⁹² АИЭ. Пермский отряд 1983 г. Д. 7968. Д. Курья. Тетр. 5. Л. 8 об.
- ³⁹³ Там же. Л. 17.
- ³⁹⁴ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 145. Л. 3.
- ³⁹⁵ Чесноков А. Среди кержаков... С. 27.
- ³⁹⁶ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 145. Л. 3.
- ³⁹⁷ АИЭ. Пермский отряд 1983 г. Д. 7968. Д. Курья. Тетр. 5. Л. 7.
- ³⁹⁸ Гагарин Ю. В. История... С. 174.
- ³⁹⁹ Этот обычай бывал во многих губерниях России, например, во Владимирской, Пензенской, Новгородской, Нижегородской, Костромской (См.: ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1334. Л. 101; Д. 769. Л. 4; АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 157. Л. 21).
- ⁴⁰⁰ Видимо, здесь в виде «милостыни» отдавали предметы, которые в древности клали покойному в могилу или гроб (на дорогу, для загробной жизни).
- ⁴⁰¹ АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 8597. Юрла. Тетр. 1. Л. 20.
- ⁴⁰² Там же. 1980 г. Д. 8593. Тетр. 4. Л. 19.
- ⁴⁰³ Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пгр., 1916. Ч. 1. С. 1.
- ⁴⁰⁴ Там же.
- ⁴⁰⁵ АИЭ. Пермский отряд 1980 г. Д. 8595. Усть-Уролка. Тетр. 3. Л. 41.
- ⁴⁰⁶ Там же.
- ⁴⁰⁷ Там же. 1980. Д. 8595. Тетр. 3. Л. 13.
- ⁴⁰⁸ Переписка Преосвящ. Аркадия... № 4. С. 168.
- ⁴⁰⁹ Религиозно-нравственное состояние прихода Дубровского... С. 499.
- ⁴¹⁰ Архив ЧМ. Д. 3009 (Похороны в Юрле)... Л. 24.
- ⁴¹¹ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 8596. Д. Зюздино. Тетр. 2. Л. 92.
- ⁴¹² Там же. 1981 г. Д. 8593. Д. Комариха. Тетр. 4. Л. 13.
- ⁴¹³ Кремлева И. А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской обл. // ПИИЭ 1978. М., 1980. С. 28.
- ⁴¹⁴ АИЭ. Вологодский отряд 1981 г. Д. 8593. Вологодская обл., Тарногский р-н.
- ⁴¹⁵ Чистов К. В. Семейная обрядность... С. 412.
- ⁴¹⁶ Там же.
- ⁴¹⁷ Костомаров. Севернорусские народо-правства во времена удельновечового уклада. СПб., 1886. 2. С. 153.
- ⁴¹⁸ Заварина А. А. Семья... С. 216.
- ⁴¹⁹ АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 77. Л. 27.
- ⁴²⁰ Там же.
- ⁴²¹ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8593. Д. Комариха. Тетр. 4. Л. 20.
- ⁴²² АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 77 (Ф. Дягилев. С. Копально). Л. 29—32.
- ⁴²³ Там же; АИЭ. Пермский отряд 1978 г. Д. 8597. Д. Копально. Тетр. 1.
- ⁴²⁴ Архив ЧМ. Д. 3009... С. 5; АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 8596. Деревни Юрла, Юм, Пянтег. Тетр. 2. Л. 22.
- ⁴²⁵ АИЭ. Пермский отряд 1979 г. Д. 8596. Юрла. Тетр. 1. Л. 66.
- ⁴²⁶ Там же.
- ⁴²⁷ АГО. Р. 29. Д. 6. Л. 9.
- ⁴²⁸ Луканин А. О движении... С. 89.
- ⁴²⁹ АИЭ. Пермский отряд 1981 г. Д. 8593. Д. Комариха. Тетр. 4.
- ⁴³⁰ Там же. 1983 г. Д. 7968. Д. Курья. Тетр. 5.

Список сокращений

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АГО — Архив Географического общества СССР
АИЭ — Архив Института этнографии АН СССР
БАН — Библиотека АН СССР (Ленинград)
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВЭО — Вольное Экономическое общество
ГАПО — Государственный архив Пермской области
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
Зап. — Записки
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург
ИА — Исторический архив
ИВ — Исторический вестник
Изв. — Известия
ИРГО — Императорское Русское Географическое общество
Ист. зап. — Исторические записки
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ККМ — Кунгурский краеведческий музей
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МГУ — Московский государственный университет
НИИХП — Научно-исследовательский институт художественной промышленности
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, археологии и этнографии
Отд. — Отделение
ПГУ — Пермский государственный университет
ПГВ — Пермские губернские ведомости
ПЕВ — Пермские епархиальные ведомости

- ПЗН** – Пермская земская неделя
- ПИИЭ** – Полевые исследования Института этнографии АН СССР
- ПОКМ** – Пермский областной краеведческий музей
- РО ГПБ** – Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- РО ППБ** – Рукописный отдел Пермской публичной библиотеки им. М. Горького
- РО ПОКМ** – Рукописный отдел Пермского областного краеведческого музея
- СКМ** – Соликамский краеведческий музей
- СЭ** – Советская этнография
- ТИЭ** – Труды Института этнографии АН СССР
- ТОДРЛ** – Труды Отделения древнерусской литературы Института русской литературы. М.; Л.
- Тр. Вят. ГуАК** – Труды Вятской губернской архивной комиссии. Вятка
- УОЛЕ** – Уральское общество любителей естествознания
- УЗ КГУ** – Ученые записки Казанского государственного университета
- УЗ ПГУ** – Ученые записки Пермского государственного университета
- ЦГАДА** – Центральный государственный архив древних актов
- ЦГИА** – Центральный государственный исторический архив
- ЧМ (ЧКМ)** – Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина

Содержание

Введение	3
Заселение Северного Приуралья и формирование русского сельского населения	12
Освоение территории и состав населения в XVII—XVIII вв.	13
Сельское расселение и состав населения в XIX — первой четверти XX в.	28
Занятия населения и хозяйственные традиции	60
Хозяйственное районирование Северного Приуралья и различия в занятиях населения	61
Земледелие на Северном Урале	79
Жилые и хозяйственные постройки	94
Крестьянская усадьба конца XVI — начала XIX в.	95
Традиции и инновации в жилых и хозяйственных постройках середины XIX — начала XX в.	109
Одежда XVII — начала XX в.	144
Семья и семейные отношения	176
Семейные обряды	222
Свадебный обряд и фольклор	223
Обряды и обычаи, связанные с крещением	268
Родильные обряды и обычаи	278
Похоронно-поминальные обычаи	286
Заключение	309
Примечания	313
Список сокращений	348

**На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этногра-
фии северноуральского крестьянства XVII—XX вв.— М.:
Наука, 1989.— 352 с.**

ISBN 5-02-009955-4

Книга посвящена описанию русского северноуральского крестьянства с момента его сложения (XVII в.) до XX в. и его многообразным связям с крестьянством Европейского Севера и Сибири. Прослежены история этой группы крестьянства, особенности его сельскохозяйственного быта, материальной и духовной культуры.

Для историков, этнографов, филологов, лингвистов, философов.

Н 0505000000-220
042(02)-89 265-89 доп. кат.

ББК 63.5(2)

Научное издание

НА ПУТЯХ ИЗ ЗЕМЛИ ПЕРМСКОЙ В СИБИРЬ

Очерки этнографии
северноуральского
крестьянства
XVII—XX вв.

Утверждено к печати
ордена Дружбы народов
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательства
С. Н. Романова
Художник
В. Н. Тикуннов
Художественный редактор
И. Д. Богачев
Технический редактор
Н. Н. Кокина
Корректоры
Л. И. Левашова, Т. И. Чернышова

ИБ № 39159

Сдано в набор 20.02.89
Подписано к печати 27.06.89
Формат 70×90^{1/16}
Бумага для глубокой печати
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 26,91. Усл. кр. отт. 32,8. Уч. изд. л. 29,5
Тираж 10 000 экз. Тип. зак. 2659
Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

НА ПУТЯХ ИЗ ЗЕМЛИ ПЕРМСКОЙ В СИБИРЬ

